

ЖУРНАЛ
ПИСАТЕЛЕЙ
РОССИИ

Огни Кузбасса

ИЗДАЕТСЯ С 1949 ГОДА

№ 6 / 2015
НОЯБРЬ – ДЕКАБРЬ

Литературный журнал
выходит
благодаря поддержке
администрации
Кемеровской области,
администрации
города Кемерово
и ОАО «Кемсоцинбанк»

Главный редактор
С. Л. ДОНБАЙ

Редколлегия:

Виктор АРНАУТОВ,
Владимир ИВАНОВ,
Александр КАТКОВ,
Иосиф КУРАЛОВ,
Вера ЛАВРИНА,
Олег МАКСИМОВ,
Дмитрий МУРЗИН
(ответственный
секретарь),
Валерий ПЛЮЩЕВ,
Агата РЫЖОВА,
Марина ЧЕРТОВА

Николай РАХВАЛОВ
(ответственный
за распространение
журнала)

Рукописи
не рецензируются
и не возвращаются

Адрес редакции и издателя:
650000, г. Кемерово,
Советский проспект, 40
Телефон 36-85-14

16+

Содержание

ПОЭЗИЯ

- Вячеслав Лопушной.** На тропинке к звёздам
- Владимир Молчанов.** Смеётся плакучая ива
- Борис Бурмистров.** Ожидание
- Агата Рыжова.** И мир Твой пахнет яблоней и дымом
- Сергей Адодин.** Художник обязан летать

ПРОЗА

- Людмила Чидилян.** Лида в поисках любви. Роман (начало)
- Виктор Боченков.** Простим вся воскресением. Рассказ
- Александр Владимиров.** Я у вас уголёк копал, или Ещё два раза про любовь. Рассказ
- Людмила Танкова.** Матюха и генералы. Слонёнок Мёд из созвездия Большой Медведицы

ПУБЛИЦИСТИКА

- Гарий Немченко.** Невольное продолжение «Вольного горца». (Размышление о кавказских дорогах А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого)
- Владимир Каганов.** В поисках земного разума
- Елена Трухан.** Литература и еда

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

- Виктор Арнаутов.** Гоа – это тоже Индия! (Путевые заметки кемеровского туриста)

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

- Николай Коняев.** Гражданин златокипящей Мангазеи. (Чудотворец Василий Мангазейский)

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОЧТА

- Дмитрий Ларькович, Ольга Самганова, Наталья Палаткина, Елена Евсюкова, Алексей Таах, Владимир Можайский, Светлана Гурьянова, Тереза Щербинина, Николай Башев.** Стихи

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Нина Инякина.** Предчувствие праздника. (О книге Виктора Арнаутова «Песнь моя колыбельная... Рассказы о рыбалке»)
- Елена Елистратова.** Из прошлого в настоящее. (О 48-м номере альманаха «Гостинный двор», г. Оренбург)

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

- Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин**
- Содержание за 2015 год. Подготовил **Д. Мурзин**

КОНСТАНТИНУ СИМОНОВУ – 100 ЛЕТ

Симонов Константин Михайлович выдающийся советский писатель, герои произведений которого были современниками военного поколения и как минимум двух послевоенных. В Подтверждение достаточно вспомнить «Ты помнишь, Алёша, дороги Смоленщины...», «Жди меня...», и трилогию «Живые и мёртвые». Всё его творчество посвящено Великой Отечественной войне и Победе русского народа. Он впервые на телевиденье стал разговаривать с рядовыми солдатами Великой войны. Согласно завещанию, прах Симонова был развеян над Буйничским полем под Могилёвом, где он принял первое боевое крещение.

* * *

Тот самый длинный день в году
С его безоблачной погодой
Нам выдал общую беду -
На всех. На все четыре года.

Она такой вдавила след,
И стальных наземь положила,
Что двадцать лет, и тридцать лет
Живым не верится, что живы.

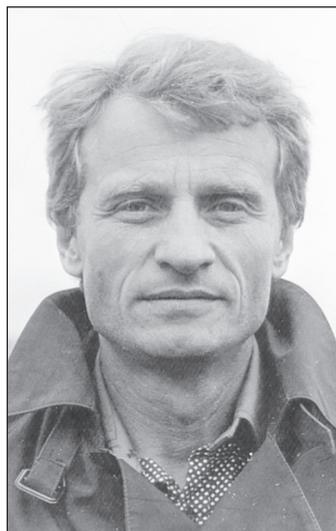
И к мертвым, выправив билет,
Все едет кто-нибудь из близких.
И время добавляет в списки
Еще кого-то, кого-то нет.
И ставит,
ставит
обелиски.

1971

Поздравляем с 70-летием нашего дорогого коллегу, друга, давнего автора журнала «Огни Кузбасса»! Дай бог Вам, Вячеслав Михайлович, здоровья, творческих сил и ответного душевного тепла почитателей Вашего таланта!

Вячеслав ЛОПУШНОЙ

НА ТРОПИНКЕ К ЗВЁЗДАМ

НА КАТКЕ

На подбитых радостью коньках
В отсветах прожекторов девчонки
Стайками проскальзывают звонко
В невозможно ярких свитерах.
В скорости мороженого ветра,
В сонме красок, веселящих глаз,
Вдруг проступят древние приметы
Времени, летящего сквозь нас,
Вплавленность всего земного в этот
Ниоткуда в Никуда полёт...
И тогда внезапно стихнет ветер,
И дорожка под коньком замрёт.
К свету поднимаю осторожно,
Будто невесомую, ладонь.
На бесстрастной матовости кожи
Отразится трепетный огонь.
И становится безумно грустно –
Зябко ощущать, как никогда,
Найденность мерцающего чувства
В Хаосе Нетаящего Льда...

1975

БЕЗУМИЕ МАЭСТРО

Доска – клавиатурой бело-черной...
Маэстро шахмат, ведая без нот –
С закрытыми глазами – все аккорды,
Ряды фигур к гармонии влечёт.

ЛОПУШНОЙ Вячеслав Михайлович родился 30 ноября 1945 года в Кемерове. Окончил шахтостроительный факультет КузГТУ. Прошёл на стройке всё, был мастером, прорабом, главным инженером стройуправления. Затем много лет в проектно-институте главным инженером проектов. Печатался в сибирских и столичных антологиях и журналах, в русскоязычных изданиях Канады, США и Германии, где вышел один из его сборников. Ныне – автор шести книг стихов, малой прозы, эссе. Член Союза писателей России. Стихи переводились на сербский и украинский языки. Лауреат 1-й премии поэтического фестиваля-конкурса «Русский стиль-2011» (Германия) и премии журнала «Огни Кузбасса» в жанре эссе. Живёт в Кемерове.

Но, как поэт два слова-антипода
Порой венчает чувством без границ,
Игрок найдёт вдруг два безумных хода!
И... короля кладёт соперник ниц.
А победитель, он – смертельно-белый –
Ещё не видит ничего вокруг,
Покуда высоко взлетевший дух
Вернётся в им покинутое тело!

1978

Леониду Гержидовичу

Домик твой на опушке прибился.
Этим пихтам ты знаешь года.
Весь в сединах, но не износился:
По глазам-то видать – хоть куда!
Всё именье – твоя половина
И собака по прозвищу Барс.
Ни тебе мебели, ни каминов...
Синь да тишь обнимают всех нас.
Чаю с таволгой, возле найдённой,
Пью. Губами ловлю каждый лист,
И твой стих, смоляной и ядрёный,
Точно спелый орех, запашист...
На Руси лепоту я повиديвал
И заморской не чужд красоте.
Но впервые теперь позавидовал –
Благоокой твоей простоте.

Домик твой неказистый затерян.
Рядом – кедры, тайга и зверьё.
Как твой путь богознаменный верен!
Как несметно богатство твоё!

2000

* * *

Когда случилось, я не знаю.
Но изменилась дочь моя:
Была своя, была ручная,
А стала вроде бы ничья...
Давно ли губки подавала
Ты мне забавно перед сном?
А нынче – будто бы устало –
«Мы» еле щёку подаём.
«Я вам не кисонька, не рыбка!»
До срока нежностям конец?
Смешно, наверное, что шибко
Грустит об этом твой отец.
И сердце глупое стремится,
Пока не выгорит дотла,
Чтоб вечно – редкостною птицей –
В моих ладонях ты жила...

2002

СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

За бокалами губы сомкнём в эту ночь.
Год, как в детстве неделя, уносится прочь.
Десять лет пролетает, как в юности год.
Счастье? – Вот оно. Только... в сачок не идёт!
Гонишь ты паутинки с углов своих век.
Молодою, считала, пребудешь навек.
Рядом, траченный молью, в стекле чей-то вид.
А я думал, мне осень совсем не грозит.
Не успели друг друга мы чуть пригубить,
А как мало, как мало осталось любить!
Жизнь длиною – «чуть-чуть».

Но нам выпала масть,
Чтобы вкусное в клювики детские класть,
Чтоб любовно построить домашний очаг...
Всё как надо у нас. Только мнится – не так!
В нашем доме гуляет холодная тишь.
Не вчера ли шумели малышка, малыш?
Их – лишь двое у нас, а могло... Боже мой!
И витают они надо мной и тобой...
Вот и в сердце сегодня пробрался мороз.
Но с вином на губах – соль спасительных слёз.

2006

БРАТУ МЕНЬШЕМУ

Судьбою неисповедимой
В подарок ли, в испытанье дан
Ты мне, добрейший злыдень Тима
И благородный хулиган!

Породе графской знаешь цену
И гордо держишь «статус-хво».
Хозяев ты считаешь, верно,
Прислугой графства своего.
Но если, нервами стреножен,
Приду домой, горяч зело,
С моей – кирпич просящей – рожу
Ты мигом слизываешь зло.
Ты любишь так непостижимо,
В тебе такой любви запас,
Какой – до дней последних жизни –
Дай Бог и каждому из нас!

2010

* * *

Памяти Аллы Зибольд

На тихой площади когда-то
Без мам играла детвора.
Порой гитарами ребята
Бренчали в сквере до утра.
А в доме рядом, голосиста,
Ну, прямо чистый соловей,
Жила – на пенсии – актриса.
И тем обязаны мы ей,
Что каждый тёплый вечер лета,
Как зажигала свет луна,
Шло представление оперетты...
Бесплатно – из её окна.
В полон не всех, конечно, брал он –
Её пронзительный вокал:
Кричали снизу «бис!» и «браво!»,
А кто-то – пальцем у виска...
Другие ныне чтут харизмы,
И ритмы новые в ходу.
Смешно увидеть в том беду,
Владать нелепо в укоризны.
Но только мне наивно мнится
Такой сюжет не в первый раз:
Однажды голос той певицы
От бед больших кого-то спас,
От лиха, Бог не приведи.
Ведь музыка – святая сила:
Немыслимо – послушать Сильву
И... на злодейство вслед пойти.

2014

* * *

Свои невзгоды-годы
С улыбкою влачу:
Хожу, как Квазимодо,
И косноязычю.

Но всё гляжу на женщин,
 Как в буйном цвете лет:
 А странно, что «Чем меньше,
 Тем легче...» – рёк Поэт.
 Сегодня, завтра, вечно
 Хочу я жить взахлёб,
 Покуда Божий венчик
 Не ляжет мне на лоб.
 Но и тогда – услышите! –
 Возьму да встрепенусь,
 И над собой – под крышкой –
 Ещё раз посмеюсь!

2015

О МУЗЫКЕ

Всё-таки музыка, наверное, один из самых величайших даров, преподнесённых человечеству. А что она творит иногда с людьми! Не ново говорить о корифеях и их великих творениях. Но вот в фильме «Крёстный отец», я убежден, своей мелодией Нино Рота сделал для героизации обладателей самых негативных человеческих качеств неизмеримо больше, чем автор романа, все актёры и режиссёры вместе взятые! Больше того, он заставил нас полюбить их! Да чего там, у нас ведь есть Пушкин, который сказал всё и обо всём: «...одной любви музыка уступает, но и любовь – музыка!».

НО ДУША МОЯ ЗАМЕРЗАЕТ...

Продолжается кровавая вакханалия на Украине. Но совсем не хочется клеймить одну сторону, а иную – «приветствовать звоном щита». Господи, спаси-вразуми и тех, и других, и третьих! И мнится мне, что мой друг из Винницы, талантливая поэтесса Тетяна Яковенко и я, пусть на малую каплю, но можем нашим сотворчеством помочь этому вразумлению. Капли, вестимо, камень точат... Насколько мне удалось создать нечто созвучное вольному полёту сестры по перу, судить читателю:

*Хочеш – смійся, а хочеш – сердься.
 Переплакалось. Відболіло.
 У моему замерзлім серці
 Місяць сходить блакитно-білий.
 Він скорботний, і він німотний,
 І нікого уже не кличе,
 І у нього таке самотнє
 І таке крижане обличчя.
 Він в небесній пливе безодні,
 І далеко від нього видно,
 І у нього кровинка жодна
 Не здригнеться і не поблідне.*

*Місяць сходить, яскраво світить
 Світлом мертвим і невидючим
 У своєму замерзлім світі,
 Де навек замерзають душі,
 Де немає ні сліз, ні горя,
 Ні закінчення, ні початку.
 Тільки біла стежина вгору,
 Вкрита памороззю хрещатою.*

Перевод

*Смейся ли, приходи в отчаянье...
 Переплакалось. Отболело.
 К сердцу вдруг моему причалил
 Месяц скорбный, смертельно-белый.
 Как причалил, так и отчалил.
 Мне беду уже не накличет.
 Но зачем же он так печален!
 Безысходность сквозит в обличье.
 И плывет он в чёрной пучине,
 Вечным холодом неба дышит.
 Нету жизни в нём. Ни единой
 В нём кровинки, одни ледышки.
 Мёртвый свет далеко мерцает.
 Мне – безгорестно и бесслёзно.
 Но душа моя замерзает
 На безмолвной тропинке к звёздам.*

ПРОСТИТЕ МЕНЯ!

Мне было без малого 30, а молодой жене – 21, когда я порой, устремив отсутствующий взгляд в пространство, подобно душевноущербному персонажу пьесы Ибсена, изрекал что-то вроде: «Солнце, солнце...». Не знаю, может быть, это была неосознанная медитация, хотя и слова такого ещё в ходу не было, может, таковыми случались родовые муки перед явлением стиха. Но, вероятно, выходило сие настолько натурально-безумно, что поначалу бедная моя девочка пугалась за меня... И вот прошло почти 40 лет. «Настроение бодрое, идём ко дну». К «солнцу» больше не взываю, но, как и прежде, нет-нет произвольно впериваю индифферентный взгляд в окно, в стену, а то и сквозь родное лицо... Жена, если обращает на это внимание, то лишь когда я «ухожу» так посреди её монолога, и, естественно, сердится. Только взрослая дочь сочувственно машет ладошкой: «Папочка, ты где?» Чего уж говорить, если на улице иногда нос к носу не замечаешь хорошо тебе знакомого и доброжелательного человека, тем самым обижая его. Это действительно диагноз... К чему это я? Да к тому, что самые сердечные и искусные строки, посвящённые близким людям, может стать, не стоят ущерба, нанесённого им патологической эго-отрешённостью означенных... Близкие, ближние и дальние тоже, простите меня!

Людмила
ЧИДИЛЯН

ЛИДА В ПОИСКАХ ЛЮБВИ

Роман (начало)

Часть 1

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Алла пришла, как обычно, не вовремя. Было у неё особое чутьё на места, где её не ждали. Алла была не подруга и даже не приятельница, а бывшая одноклассница. В школе её не любили. Ну, не то чтобы не любили, но и дружить с ней никто не хотел. Лично во мне она в детстве вызывала зависть: во-первых, мне нравилось её необычное имя в отличие от моего, простого и, как мне казалось, грубого – Лида; во-вторых, у неё была толстая, до пояса, чёрная коса, а в-третьих, папа Аллы из-за границы привёз куклы – Барби с подругами и Кеном.

Зависть возникла позднее, а сначала были оторопь, и восхищение, и невозможность поверить в то, что где-то в других странах в магазинах на прилавках обитают эти существа и их можно просто купить.

Алла в куклы играть не умела. Она их наряжала, меняла парики, туфли, одежду, расчёсывала. И всё. Главное было в том, чтобы периодически показывать кукол нам. Мне и Вере.

А вот Вера и я играли в куклы. Это началось почти сразу же, как её семья из Германии переехала в нашу недавно заселенную хрущовку, и мы стали одноклассницами. Училась Вера на одни пятерки. Худенькая, чуть бледная, на вид беззащитная, но на самом деле волевая и умею-

щая постоять за себя, а особенно за других, когда дело касалось поправленной справедливости. Пацаны из нашего третьего «В» (многие дети жили на набережной Искитимки в ветхих домах частного сектора) были отчаянные, некоторые уже состояли на учёте в милиции, авторитетов не признавали, но Веру сразу уважали, и многие влюбились. Она ко всем одноклассникам относилась по-товарищески, а дружила только со мной.

Сначала во время игры мы брали наших Марин, Наташ, Эсмеральд в руки и говорили за них, что придёт в голову, но позднее стали ограничивать общение героев придуманными им заранее характерами, условиями жизни, профессиями... В старших классах мы уже куклы не доставали, а обговаривали начало сюжета, распределяли роли, и игра начиналась. Вера обычно вела мужские линии. Главный герой в её исполнении был умён, ироничен, честен и гоним обществом за все эти качества. Красавец, как правило, блондин, бунтарь! Добиться его расположения, а тем более любви, было почти невозможно, но главная героиня, линию которой вела я, всё-таки умудрялась это сделать.

Мы играли часами, даже когда стали уже студентками первого курса. Помню, в последнем нашем сюжете героя звали Егор Дмитриевич, он был главным редактором сибирской областной газеты, почти что сосланный из Ленинграда за

ЧИДИЛЯН Людмила Ивановна родилась в 1956 году в Белово Кемеровской области. Окончила режиссёрско-театральное отделение Кемеровского государственного института культуры. Автор книг «Руки прикосновенья», «Дорога в тополях», «Всё случилось для меня». Член Союза писателей России. Живёт в Кемерове.

принципиальность в журналистском деле, приехал с женой и прозябал в провинции, пока в редакцию со своим первым материалом не пришла старшеклассница... Тут-то всё и закручивалось... Коллизии современных сериалов только сейчас начинают приближаться к тем историям, которые придумывали мы, не нарушая, как нам казалось, правду жизни. В нашем окружении подобных героев мы, конечно, не находили, но знали, что впереди вся жизнь и встреча обязательно состоится.

Когда в дверь позвонила Алла, мы с Верой обсуждали детали проведения своих первых зимних студенческих каникул. В основном говорила я, а Вера с интересом вникала в подробности. Было два варианта: первый – остаться в городе, выспаться после изнурительной сессии, а потом предаться чтению книг, мечтательной лени и всему, что пошлёт судьба; второй – поехать в елыкаевский дом отдыха «Шахтёр», где собиралась отдыхать почти вся центровая молодёжь, с несколькими представителями которой мы общались. Костяк центровых состоял из старшеклассников и выпускников двух престижных старых школ. Большинство из этих ребят, детей обеспеченных родителей, жили в элитных домах архитектуры сталинских времён. Центровые старались одеваться как за границей, джинсы (стоимостью месячной зарплаты моей мамы) носили и в пир, и в мир, в разговор вставляли английские слова, некоторые спекулировали на барахолке фирменными вещами, купленными на валюту (фарцевали), многие посмеивались над отечеством и мечтали его покинуть. Мальчики, с которыми мы собирались встретиться в доме отдыха, считались центровыми скорее по внешним признакам, чем по духу.

Попадали в «Шахтёр» только по большому благу, которого у нас не было, зато моя тётя Зина, родная мамина сестра, работала там кастеляншей, жила в однокомнатной квартирке почти на территории дома отдыха и не то чтобы звала нас к себе, но и против приезда особенно не возражала. Конечно, предпочтителен был второй вариант. Но начались такие морозы, что даже отменяли автобусные рейсы. У Веры здоровье слабое (она в школе по полчетверти занималась дома из-за болезней), и было ясно, что родители её не отпустят.

Я решила поехать дня на три, но не знала, что с собой взять, вернее – у кого что взять. У меня было только три козырные вещи: в ателье

перелицевали мамино тёмно-синее драповое пальто, которое она аккуратно носила лет десять, сделали воротник, манжеты из искусственного серого каракуля, им же обшили края подола, и для меня получилось по тогдашним меркам очень даже ничего себе пальто! Ботиночки, самые модные, на платформе! Не подошли жене папиного приятеля и достались мне. И завершал мой набор модных вещей коричневый рифлёный сарафан из кожзаменителя, который мне привезла из Риги Таня, двоюродная сестра.

– А что, если у Любы взять водолазку?

– Люба сама собирается ехать.

– Вот там и будете меняться.

– Точно, то Люба наденет сарафан без водолазки, то я – водолазку без сарафана.

Вера засмеялась, раздался звонок, и вошла Алла. Нас тут же накрыла лавина её вопросов, восклицаний, советов, намеков и дурацкого хихиканья. Смех, действительно, был чуть глуповатый, но Алла ни в коей степени душой не была. Даже наоборот, отличалась сметливостью, училась без троек, читать особенно не любила, но как будущий филолог добросовестно осваивала обязательную литературную программу. Вымышленные герои её не волновали.

Настоящий интерес она испытывала к событиям, происходящим в реальности. Алла была любопытна, знала многие подробности из жизни местных властей, их жен, детей, любовниц или любовников. В круг её общения входили молодые люди, чьи родители были известными врачами, директорами магазинов, преподавателями вузов, юристами. Думаю, что отбор этот ею осуществлялся на уровне подсознания, рыба ведь ищет, где глубже.

Сегодня с видом превосходства она попыталась выдать нам городские новости, но это была не наша тема, и самоуверенность Аллы постепенно заменилась заигрыванием, попыткой стать «своей» в нашей компании. И здесь были хорошие все средства, вплоть до рассказа о личном.

– Вы ведь, конечно, слышали, что у меня новый парень теперь? Нет? Ну вы даёте, об этом весь город гудит. Мои предки не знают пока. Представляете, он в Академгородке учился, связался там с аспиранткой, вернее, это она его пыталась захомутать, а сама она в группу какую-то антисоветскую входила, короче, её выгнали, и его тоже хотели отчислить, но мама похлопотала и перевела в наш универ.

– Ишь ты! Ну и как зовут нашего героя?

– Серёжа. Кортников.

Как и предполагалось, Вера осталась в городе, а мне позвонила Люба (раньше мы учились в одной школе), сказала: «Без тебя здесь жизни нет, попробуй только не появиться!». И я не заставила себя ждать.

Ехать в автобусе было холодно и одиноко. Я сидела, укутанная в стареющую серую оренбургскую шаль, подарок моей крёстной, ноги согревали толстые с начёсом лыжные штаны (хорошо, что пальто было длинным и скрывало этот позор) и валенки. Без них в мороз меня родители не отпустили.

Все окна замерзли, но с моего места в лобовое стекло проглядывалась дорога в морозной дымке и окоченевшие сосны, застывшие единым монолитом в слоях слежавшегося снега. Я всегда не любила зиму. А уж сибирскую особенно! Новый год и прелести зимних забав не примиряют меня с её затяжными морозами, выматывающей белизной омертвевших пространств, зависимостью от отопления, сухостью воздуха, скудостью запахов – ох, даже и перечислять больше не буду! Не хочу о грустном!

Через полтора часа я уже оттаивала в небольшом холле первого корпуса дома отдыха «Шахтёр». Сняв шаль, расстегнув пальто и тем самым приоткрыв вид на лыжные штаны, направленные в валенки, я сидела в кресле и смотрела, как две девицы на каблуках пытались играть в настольный теннис. По распорядку дня народ ужинал. У входа курили несколько парней, а напротив от меня, через теннисный стол, стоял молодой человек в распахнутом чёрном тупике и внимательно смотрел в мою сторону. Мне даже показалось, что он чуть улыбается. Никто из тех, кого я знала, не обладал таким взглядом: не призывным, не заигрывающим, не робким и не дерзким, а спокойным, доброжелательным, как бы обращённым к лучшей стороне моего нрава. Молодой человек был к тому же блондин, высок, строен и однозначно красив. Глаза, брови, нос, подбородок, скулы – всё создано и расставлено по законам этой самой красоты и било наповал. Правда. Ну, разве что губы чуть узковаты.

«Не пимы ли мои со штанами так ему приглянулись?!» – пробежало в голове, но тут из столовой повалили отдыхающие с кефирными бутылками в руках, ко мне подбежали Люба с Ирой, мы пошли на второй этаж в их комнату, и я потеряла красавчика из виду.

Место для дома отдыха было отвоевано у соснового бора лет пятнадцать назад. Два трёх-

этажных корпуса со столовой и зрительным залом стояли на крутом берегу Томи. Летом отдыхающие гуляли по территории, рассматривая гипсовые скульптуры спортивных женщин и шахтёра в каске и с отбойным молотком, спускались по железной лестнице на пляж, сидели на скамейках вдоль дорожек или у фонтана перед корпусом. Здесь же, у фонтана, местные старушки продавали ягоду, малосольные огурцы, горох в стручках и другие дары огородов.

Зимой главным развлечением были лыжные прогулки. И даже я в некоторые из своих приездов прошла по лыжне и убедилась в животворящем действии солнцем пронизанного соснового леса, красных снегирей на сверкающей снежной белизне... Но всё равно для меня этого мало, чтобы полюбить зиму.

В нынешний короткий приезд я на лыжи вставать не собиралась. Как не собиравшись этого делать и мои друзья, родители которых заботливо положили в сумки своих чад всё необходимое для здорового образа жизни на лоне природы. Нет. Намерения наши были другими. Именно из-за них мне пришлось тащить из города трёхлитровую банку томатного сока. Потому что водка в деревенском магазине была, а сока для «Кровавой Мэри» найти не могли.

Да, советская молодёжь в дни своих студенческих каникул (и в некоторые другие дни тоже) употребляла спиртные напитки! И ещё как! Честно сказать, движение в этом направлении началось в школе, классе в восьмом, а то и раньше. Не помню ни одной семьи в моём окружении, где бы удивились, если бы подростку на праздник налили шампанского. Удивительно было, когда не наливали. Если из моей памяти стереть все застольные события, которые я видела или в которых принимала участие, то мир моего прошлого рухнет. Но я и сейчас не могу представить, чем можно было заменить эти застольные посиделки. Церковь под запретом. Резьбой по дереву? Танцами? Спортивными играми? Вот, например, мой дядя Коля, плавильщик, приходит со смены и ну в футбол гонять или штангу тягать для снятия напряжения? И так все его приятели? Смешно! Хотя после «принятия» и пели, и плясали, и в лапту с детьми играли, и в футбол между сараями гоняли.

Нет, из песни слова не выкинешь! Бражничал народ! Раз в году моя родня гнала самогон. Брагу ставила тётя. Поздней осенью приходило время колоть поросёнка, и у бабы Нюры в одноком-

натной квартире пленными немцами построенного дома собирались многочисленные родственники: тёти, дядя, двоюродные братья и сёстры, наши родители, соседи. Сначала во дворе возле стайки (мы с братом Сашей на это время старались убежать) дядя Вася-сосед быстро сделал своё кровавое дело, и через некоторое время садились за большой стол на кухне, ели со сковороды жареную свиную кровь, пели на несколько голосов, а на печке огромный самогонный аппарат из тётиной браги выдавал продукцию, которую тут же разливали по стаканам.

Когда мы переехали в областной центр, эстафету приняла моя мамочка, по профессии инженер-химик. Аппарат уже был маленьким, но эффективным. В результате в нашей кладовочке всегда можно было найти настойки на кедровых орешках, лимонах, апельсиновых корочках. Мама угощала друзей, соседей и иногда даже нас с подружками, мы, конечно, из вежливости пробовали, но уже имели свои предпочтения в алкогольном ассортименте. Ира, например, любила полусладкое шампанское, Люба – креплёное вино типа кагора, а я – сухое, особенно алжирское, которое почему-то продавали только в овощном магазине «Золотая осень». Мальчики из компании, собравшейся в доме отдыха, конечно, предпочитали водочку, на «гарнир» к которой я и привезла томатный сок.

Их компания была мне почти незнакома, образовалась недавно, состояла из студентов, бывших учеников центральных школ и делилась на мелкие группы. Люба, Ира и я попали в нее через Мишу Альтшуллера, с которым мы вместе участвовали в городском конкурсе старшеклассников-эрудитов, а потом были в одной команде КВН от Центрального района. Миша писал стихи и пробовал себя в прозе, много читал и разрешал друзьям пользоваться своей библиотекой. Он мечтал стать врачом, как и его родители. В их полнометражной квартире с видом на набережную Томи мы устраивали стихийные посиделки: обсуждали фильмы Тарковского, восторгались Феллини, слушали новые пластинки, магнитофонные записи, просто зачитывали вслух любимые поэтические или прозаические строчки, смакуя каждое слово и «балдея» от гениальности авторов. Заметьте, без горячительных напитков.

Внешне Миша меня не привлекал: коренастый брюнет, с довольно длинным носом, густой «растительностью» на руках и не пробриваемой щетиной на подбородке. Не мой тип. Но иронич-

но-грустное выражение его глаз, неожиданная широкая, открытая улыбка заставляли иногда чаще биться сердце. В результате у нас случилось несколько поцелуев, но за ними не было чувств, и мы, перешагнув этот этап отношений, стали почти друзьями. Я прилагала немалые усилия, чтобы стереть это «почти», да и Миша шёл мне навстречу, но в некоторых вопросах мнения наши настолько не совпадали, что мы горячились до ссор, потом, конечно, мирились, но послекусие оставалось. Масло в огонь разногласий часто добавлял Марик, двоюродный брат Миши, его сокурсник и наш ровесник. Марик-кошмарик – так с девочками мы его называли между собой – был красивым кудрявым брюнетом, высоким, но неуклюжим и занудливым, ревновал Мишу буквально ко всем, ходил за ним хвостиком и, естественно, тоже приехал в «Шахтёр».

«Будешь пить томатный сок, будешь строен и высок!» – припевал Гена из политеха, открывая банку. Перед танцами мы выпили по коктейлю, чтобы музыка в исполнении местного ВИА не казалась такой убогой, и решили недолго потолкаться с народом, а потом пойти во второй корпус к мальчикам и уж там «оторваться» по-настоящему...

Во сне Люба стянула на себя одеяло, и я проснулась от холода. Было темно, но из-за двери, из коридора, доносились голоса уже спешивших к завтраку соседей. Мы вставать не собирались, потому что заснули под утро. Прокручивая в голове эпизоды ночной вечеринки, я оценила её на твердую тройку. К минусам отнесла похотливую тупость представителей политехнической группировки, упорно, но тщетно пытающихся вчера осуществить свой девиз «Выпил – и на бабу!»; идиотство Марика, который наглотался водки, почти ополовинил привезённую мною банку с соком, пытаясь доказать Галине из студклуба, что лично он от «Кровавой Мэри» вообще не пьянеет. Вероятно, «Мэри» обиделась, и весь оставшийся вечер Марик провёл у унитаза, испытывая боль в желудке и муки стыда. Стыдно было и мне – за громогласное ночное пение чапушек из репертуара моей тётушки Поли.

К плюсам можно было отнести примирение Иры со своим Вовочкой, скрепляемое в течение вечера поцелуями за шторкой; танцевальное настроение парней; восхищенное внимание к нашему со Славиком пению дуэтом под гитару; всеобщее братание при хоровом исполнении чилийской песни «El pueblo unido»... И, главное,

что и плюсы, и минусы не привлекли внимания дежурной по корпусу.

Довольная результатами подведения итогов, я с наслаждением попила из-под крана, благо, он с раковиной был в номере за шторкой, и мне не пришлось идти за водой в коридорный туалет, нырнула к Любе под одеяло и уснула с мыслью: «Кто меня разбудит, тот мой враг».

Я проспала всего минут десять, как мне показалось, когда раздался громкий, чёткий, ритмичный стук. Сонная Ира открыла дверь, и я услышала – вы не поверите! – хихиканье Аллы, а потом и её голос, как будто включили на полную громкость радиопередачу «Театр у микрофона», где Алла исполняла главную роль.

– Как?! Вы спите?! Вы, что, и не завтракали даже?!

Накрывшись с головой одеялом и спрятавшись за спиной у Любы, я попыталась вернуться в сон.

– А зря! – продолжала Алла. – Там сегодня сырники со сгущёнкой давали, пальчики оближешь! Правда же, Серёжа?

– Да уж, да уж! – весело-игриво произнёс кто-то приятным низким голосом.

«Ну и сволочь! – подумала я про Аллу. – Мало того, что сама в такую рань притащилась, так ещё и не одна! «Пойдем, Серёженька, я покажу тебе девочек утром, в их естественной красе!»

Гостей наших мне было не видно, но я предполагала, что сама Алла в «боевой» раскраске и при полном параде.

– А что это у вас вещи по стульям разбросаны? Ничего, если я их на спинку кровати перекину? Садись, Серёжа, в ногах правды нет.

«Но правды нет и выше», – мысленно процитировала я Александра Сергеевича, понимая, что пришли они «всерьёз и надолго» (В. И. Ленин) и поспать уже не удастся. Мне, конечно, было любопытно взглянуть на молодого человека, но из чувства протеста я себя не обнаруживала, повернулась к стенке и, чуть приоткрыв одеяло, чтобы можно было дышать, ждала, что будет дальше.

А дальше начался спектакль, вернее, площадное представление, на котором Алла, подобно цыгану, взывающему к своему медведю: «А покажи, Мишка, как баба с коромыслом идёт, как мужик из кабака домой возвращается», демонстрировала достоинства своего нынешнего кавалера.

Уж он-то и отличник, и стипендия-то у него в прошлом году была особая, какую только в Мо-

скве утверждают, и научную работу пишет, а по-английски говорит, словно реченька журчит. Герой наш в основном молчал, иногда посмеивался, но Аллу не перебивал.

Ира, предложив гостям остатки земляничного печенья, участвовала в разговоре, вставляя вежливые реплики одобрения Серёжиных успехов. Люба проснулась, но, догадавшись, что я не хочу быть обнаруженной, с кровати не вставала. Я никого не видела и для Аллы с кавалером оставалась незаметной. «А где же, Сергей, – думала я, – Ваша пытливость молодого учёного? Почему такая небрежность в изучении деталей окружающей Вас новой среды?»

Но Серёжа в данный момент, поддавшись на лесть Аллы, пытался вкратце и популярно объяснить девочкам смысл, не больше и не меньше, теории относительности.

«Ну, затянул, – подумала я, – придётся вставать». Приподнялась, прикрывшись одеялом, села на кровати и вступила в разговор:

– Я вам анекдот расскажу.

Алла от неожиданности округлила глаза, тщательно накрашенные, как я и предполагала, а потом покраснела, уж не знаю отчего. Серёжа развернулся вместе со стулом в мою сторону и взглянул удивлённо. Я узнала в нём того молодого человека в тулупе. Красота его никуда не делась, но сегодня она не показалась мне такой уж привлекательной.

– Так вот: идут два зэка по лагерю. Один другому говорит: «Коля, ты такой умный, вот скажи, что такое теория относительности?» – «А это, Петя, вот что: мы сейчас с тобой идём?» – «Да».

– «А на самом деле мы сидим».

– Как чёрт из-за печки, – прокомментировал моё внезапное появление Серёжа, проигнорировав анекдот.

Не чёрт, конечно, но с кровати я видела своё отражение в дверном зеркале, и было похоже, что меня не только держали за печкой, но при этом били подушками по голове, оставляя перья в коротких торчащих волосах. Алла, к счастью сказать, ничего не успела, потому что появилась незнакомая мне девушка со словами: «Иди скорее, тебе там мама на вахту звонит», и они вместе побежали на первый этаж.

Серёжа остался, сидел, откинувшись на спинку стула, сложив ноги «четвёркой», и с любопытством разглядывал меня. Нет, всё-таки – красавец!

– А анекдотец-то с бородкой и к теории относительности отношения не имеет, – сказал он,

и я почувствовала, как только что мне вместо конфетки дали фантик.

Разочарование мое вылилось в протест, и началась импровизация:

– Правда? Что ж, жаль Петра! Так и будет на зоне чалиться в неведении, что Колька, падла, в теории этой малость попутал! Разве что подфартит ему, и вам командировку на нары выпишут.

– Вот это жаргон! Вы что, специально учили или освободились недавно?

Жаргон тюремный, вернее отдельные его словечки, я знала от Виктора, старшего двоюродного брата. Сел он за хулиганство, а потом уже ходил на зону чуть ли не по привычке. Бедная моя тётя Поля надорвалась, пока передачи ему таскала. Однажды – мне лет восемь было – она взяла меня с собой. Помню, мы с пересадками ехали на автобусе по бескрайним нашим просторам. От длинной дороги меня затошнило, тётушка подбадривала и бодрилась сама:

– Вот сейчас Витеньку увидим! Обрадуется он!

Но Витенька не обрадовался. Был угрюмым, дёрганным, на меня почти не обратил внимания, называл почему-то мартышкой, а на тётю матерился: мало чаю привезла. Я вообще почти его не узнала. Где тот мой бесшабашный старший братик, которого мы всей роднёй провожали в армию? Где тот, который счастливым из неё вернулся?

– Почему недавно? Год уже, как откинулась. Попала по малолетке. Теперь вот в «лаблатории» работаю на химкомбинате, колбы мою. На выходные к одноклассницам своим на свиданьице по морозцу привалила. А вчера вот гуляла.

Подружки мои прыснули, но в разговор не вступили.

– Слушайте! – осенило Серёжу. – Так это вы, наверное, на весь корпус распевали ночью?!

Первой расхохоталась Люба, потом Ира, а потом и я не выдержала.

Серёжа был растерян, и это ему шло. Потом он улыбнулся и только хотел что-то сказать, как в комнату вбежала Алла:

– Вы уже познакомились? Нет?! Серёжа, это Лида, моя бывшая одноклассница. Она у нас актриса. Учится в институте культуры. А ты сюда надолго? – обратилась Алла ко мне.

Здесь завязался разговор о планах, общих знакомых. Серёжа в нём участия почти не принимал, но внимательно слушал.

Пришло время обедать. У девочек была возможность в столовой по очереди накормить су-

пом друзей, приехавших, как я, нелегально. Все, кроме меня, ушли есть. Через четверть часа Сергей, как выяснилось, тоже приехавший без путёвки, вернулся в комнату. Я уже успела умыться, одеться, намочила волосы и приглаживала их перед зеркалом.

– Суп ещё остался. Если поторопитесь, то съедите его горячим.

Серёжа подошёл ко мне поближе, я почувствовала мужской аромат нездешних духов, слегка наклонился – он был на голову выше меня – и убрал пушинку с водолазки.

– Поспешишь – людей насмешишь! – произнесла я лишь бы не молчать.

– И то правда! На сегодня смешить уже достаточно! Или можете ещё? О! По глазам вижу, что можете! И часто так сочиняете?

– По вдохновению, – я уже стояла у открытой двери и, прежде чем выйти, сказала. – Но частушки ночью пела действительно я!

ГЛАВА ВТОРАЯ

В следующий раз я увидела Серёжу в областной библиотеке. Он сидел, облокотившись на стол, запустив пальцы в волосы, и увлечённо читал. В приоткрытое окно доносились терпкие ароматы увядающей листвы, звуки трамвая и смех с автобусной остановки у политехнического института. Закатные отблески, отражённые стеклами, гуляли по высокому потолку, стеллажам, лицам читателей, вызывая желание закрыть книгу и поскорее влиться в негу осеннего вечера. В этом году неожиданно долго держалось бабье лето. Горожане, расслабленные и подбравшие от продлившегося тепла, чуть ли не парили в лёгкой дымке осенних костров, забывая о предстоящей зиме.

Серёжа от чтения не отвлекался. Осиянный солнечными бликами, в синем потёртом джинсовом костюме (стоимость его равнялась моей годовой повышенной стипендии, а купить можно было только по великому знакомству), он одним своим присутствием создавал приподнятое настроение сидящих в зале представительниц женского пола, включая пожилую библиотечаршу.

С первой нашей встречи прошло почти полтора года. С Аллой они расстались. О причинах можно было только догадываться. Говорили, что её мама всерьёз Серёжу не принимала: «Да он хиппи какой-то! Отрастил патлы, как девка. Не сегодня-завтра в милицию заберут!» Женщина она была прямолинейная, и нынешняя кривая

отношений дочери с патлатым парнем ее никак не устраивала. Алла отзывалась неопределённо. «Ну его! – говорила она нам с Верой, как всегда подхихикивая, – надоел со своими странностями!» Что подразумевалось под «странностями», не уточнялось, а мы не интересовались: правды не дождалась бы, а фантазировать и сами были мастера.

Хотя с прошлого года мы решили всерьёз присмотреться к окружающему миру и проверить на практике жизненность некоторых сюжетных линий наших игр. Вере сопутствовала удача: в поездке по Крымскому побережью она познакомилась с Виталием, курсантом военного морского училища. Будущий защитник Отечества, потомственный офицер, отличник, блондин!!! (Ну, чем не герой наших игр?!) Их реальные встречи заменились на почтово-телефонные отношения, и Вера жила ожиданием весточек с моря и предстоящей летней поездки к любимому.

Мои попытки создания отношений с молодыми людьми обрывались если не на первом свидании, то на четвёртом или, уж точно, на пятом. Я не относилась к типу тех длинноногих девушек, которые с потупленным взором, нежной улыбкой на милом лице, обрамлённом ниспадающими локонами, войдя в компанию и не произнеся ни единого слова, заставляют мужчин распрямлять плечи, громче смеяться, тянуться рукой к кадыку с желанием поправить несуществующий галстук. Конечно, мне хотелось быть в ряду подобных источников женственности, я даже знаю, как грациозно встряхивала бы гривой чёрных, белокурых, рыжих – без разницы, какого цвета, лишь бы были – волос, но... Нет, я не была дурнушкой, но и в красавицы не годилась. Внешность моя свидетельствовала о крестьянских корнях обеих бабушек. Рост средний, кость широкая, грудь высокая, волосы русые, лицо круглое, с чуть вздёрнутым носом. Из плюсов – светлая, чистая кожа, большие синие глаза, прямые ноги (могли бы быть длиннее). А когда я пользовалась косметикой и надевала туфли на каблук, то выглядела стильной штучкой. К тому же в любой компании была лидером, и девиз «пришёл, увидел, победил» успешно применяла на любовном фронте. Но постепенно эйфория от победы проходила, и становилось очевидным, что ни любви, ни страсти я не испытывала, а лёгкая влюблённость или любопытство быстро угасали. Становилось

скучно, и всегда находился предлог для расставания. Особенно хорошо срабатывало моё предложение сделать отношения более серьёзными и подумать о женитьбе. Не уверена, что я разбивала чьи-то сердца, юношей подхватывали новые подруги, и мы иногда встречались на вечеринках у общих знакомых. Но были исключения, за одно из них стыдно до сих пор: Вовка, одноклассник, предлагал готовить мне супы во время сессии, лишь бы иметь возможность побыть рядом, и я этим пользовалась.

Серёжу я увидела сразу, как только вошла в зал в поисках свободного места. Момент восхищения совпал с моментом узнавания. Повзрослев, он стал ещё красивее. В прошлый раз у меня не было возможности разглядеть его, а сейчас я села неподалёку и, делая вид, что читаю, пристально рассматривала каждую деталь. Лоб – высокий, почти высоченный; нос – прямой, ни тонкий, ни широкий; брови и ресницы – тёмные; глаза были опущены, но я помнила, что они серо-голубые; чуть узкие, чётко очерченные губы правильной формы; острые скулы; линия подбородка жёсткая; выпирающий кадык; волосы прямые, светлые, немного короче линии плеч; пальцы длинные; плечи широкие; ноги длиннющие. Фигура была худощавой, но не худой. Прямо оторопь брала от сочетания всего этого!

«Надо что-то делать!» – лихорадочно соображала я, но поняла, что без боевой раскраски проявить себя не смогу. «Все твоя лень, – злилась я, – и самонадеянность! Что ж ты не накрасилась?! И время было! Но мы же и так – красавицы! Ну, иди теперь к нему в натуральном виде!

– И пойду!

– Иди-иди! Скажи: помните меня? Нет?! Это же я, та дурочка, подушками побитая! С пером в одном месте! Он сразу вспомнит! «А вы и не изменились», – скажет!»

Серёжа вдруг встал, слегка потянулся и направился к выходу, прервав тем самым мои внутренние противоречия. Сказал несколько слов седой библиотекарше, улыбнулся ей и ушёл. Я быстро подошла к стойке посмотреть, что он читал. Сердце мое замерло: это был журнал «Москва», 11-й номер за 1966 год.

Сочетание слов «Журнал «Москва» за 1966 год, 11-й номер» звучало для меня как пароль. Если человек как-то реагировал на него, я понимала, что есть надежда найти единомышленника. В своём сознании я даже создала своеобразный орден приобщённых к тайне этого журнала

и посвящала в него только очень близких по духу людей. Сегодня-то уже каждый может набрать в поисковике и узнать, что впервые роман «Мастер и Маргарита» Михаила Булгакова был напечатан именно в журнале «Москва», 11-м номере 1966 года и 1-м 1967-го. Но тогда...

Первую часть «Мастера и Маргариты» я читала на железной койке общежитского образца, закрывшись двумя суконными одеялами, в однокомнатной, с промерзшими панелями квартире, принадлежавшей невероятной женщине Валентине Владимировне, преподавательнице истории ИЗО в нашем вузе. В комнате, кроме такой же кровати, пластмассового стола с алюминиевыми ножками и двух стульев, обитали книги, теснившие друг друга на полках от пола до потолка вдоль одной из стен.

«Мы с собой из Ленинграда только книги взяли, не все, конечно, самые необходимые и любимые. Ой, Лидочка, я опять вас отвлекаю! Ну, читайте, читайте дальше! Вы до какого момента дошли? Бездомный уже где? Нет! Ничего не говорите, читайте! Пойду готовить! В этой квартире, пока не поешь, не согреешься. Я бы дала вам домой почитать, но вечером Александр Андреевич уже на очереди». Она жарила на кухне глазунью для нас, а я опять задавала себе вопрос: «Почему эта наиумнейшая, интеллигентнейшая женщина так тепло относится ко мне? Почему позвала к себе? Почему ей так хочется, чтобы именно я прочитала этот роман?! Какую ожидает реакцию на него? А вдруг я ничего не пойму!» Но постепенно вопросы ушли, и Михаил Афанасьевич повёл меня за собой.

Я и сейчас не смогу описать в полной мере ту радость, удивление, восторг, смех и боль, которые я испытала во время чтения. Лживость казённой стороны нашей жизни, несуразность всех этих партийных дяденек, с их съездами, бесконечными собраниями после работы была и раньше для меня очевидна, а теперь прибавилось ещё ощущение собственного невежества, ущемлённости в чём-то важном, возможно, главным, без чего никак нельзя обрести душевное спокойствие.

С детства я знала, что Бог есть, но Он не соединялся с образом Христа, сложившимся от просмотра известных картин. Я радовалась Пасхе и Радунице вместе с многочисленной роднёй. Ночуя у бабушки Ньюры, засыпала под её шёпот перед иконами с лампадкой. С пятого по десятый класс и я каждый вечер молилась Ему, чтобы помог поступить в Московский театральный

вуз. По конкурсу не прошла, на Бога обиделась, молиться перестала, но хотя не разуверилась до конца – крестик носила, трепета душевного не испытывала. В «Мастере и Маргарите» я увидела совсем другого Бога: живого, любящего и, как ни странно, любящего именно меня. Я выпросила у Любы Евангелие, оставшееся у неё от бабушки, читала, и непривычные обороты, необычные имена, неизвестные ранее слова, ритм изложения входили в моё сознание и отзывались в сердце. Поделиться этим новым душевным волнением я могла только с немногими людьми: конечно, с Верой, моей однокурсницей Мариной и Мишей. Мы восхищались, удивлялись, анализировали, но дальше обсуждения не шли, о церкви, естественно, даже и не думали и жизнь свою менять не собирались. Но, присматриваясь к людям, а особенно к молодым, я старалась понять: законченный ли он материалист, или его посещают сомнения. Вообще, умный, добрый, сильный и сомневающийся, прежде всего в себе, человек стал предметом моего постоянного подсознательного поиска.

И вот теперь, глядя на журнал, я подумала: «Господи! Он читал «Мастера!»» – и надежда, почти уверенность хлынули волной! И пусть моё яблоко ещё только собиралось упасть, мне уже хотелось, подобно Ньютону, воскликнуть: «Нашёл!».

Оставалось убедиться в том, что ожидания мои имеют реальные основания. Неуёмное желание говорить с Серёжей, послушать его мнение о романе, узнать о любимых авторах, фильмах, вообще о его интересах и вкусах заставило меня тотчас, как пришла домой, взять городскую телефонную книгу, открыть страницу на фамилии Кортников, вычислить его номер и позвонить.

Трубку никто не взял.

Поздний вечер перешёл в ночь. Но спать я не могла. Любопытство, желание немедленно слышать Серёжу, смотреть на него, не давали мне заснуть, и я до утра вспоминала подробности нашей первой встречи, сочиняла варианты начала предстоящего телефонного разговора, придумывала за него ответы и тем самым незаметно для себя стирала знак вопроса в предложениях: «Это он?» «Я нашла его?».

Кое-как отсидев лекции, благо по расписанию в этот день не было специальности, я прибежала домой и набрала номер.

– Я слушаю! – низкий, приятный тембр накрыл меня тёплой волной.

Голос был его!

– Алё!

Я онемела.

– Алё! – и, выждав немного, он положил трубку.

Когда через десять минут я перезвонила, меня трясло от волнения и решимости. Мозг из всех сил напрягся, дал сигнал языку, но тот не заговорил.

Прошло два часа, за это время я сделала еще четыре попытки. Реакция Серёжи менялась от смешливо-вежливой до раздражительной, но в грубость не переходила.

Наконец, неожиданно для меня, связь между мозгом и языком наладилась, и я услышала свою речь:

– Ради Бога, только не бросайте трубку!

– Это вы звонили весь день?

– Это я.

– И что?

– Это я звонила, – для продолжения разговора я припасла несколько интригующих заготовок, но все они вдруг показались мне банальными и даже пошлыми.

Редко, но бывали случаи в моей жизни, когда в экстремальный момент подсознание, не стесняясь, выходило на первый план и заставляло говорить именно то, что нужно. Вот и сейчас я с удивлением услышала от себя:

– Вы к сумасшедшим как относитесь? Бойтесь?

– А что, вам плохо?! – спросил он с тревогой и без иронии.

– Ну, не настолько, чтобы лечиться, хотя, наверное, в пограничное отделение прилегла бы.

– Не делайте этого! В нашей стране никак нельзя этого делать! – Серёжа сказал это с горячностью человека, имевшего подобный опыт. И, как бы отвечая на мои мысли, продолжил: – Сам я не лежал, но знаю от других. Вас как зовут?

– Лидия.

– Мы знакомы?

– Наполовину. Вы меня не знаете.

Я не стала напоминать ему о нашей встрече, хотя раньше не собиралась это скрывать.

– Что вы хотели от меня, Лидия? Или хотите?

– Я хочу, чтобы Фриде больше не подносили платок.

– Какой Фриде? Какой платок? Вы, правда, больны?

И я с ужасом поняла, что он ещё не читал второй части «Мастера», из которой была цитата.

– Нет! Нет! Это из книги, вернее, из журнала «Москва», первый номер за шестьдесят седьмой год.

– Не читал. Но догадываюсь, что вы имеете в виду.

Я уже предвкушала, как сейчас мы перейдём к обсуждению романа, но, вероятно, его кто-то позвал, и я услышала:

– Сейчас больше говорить не могу. До свидания.

– Я позвоню вам?

– Да.

– Завтра?

– Позвоните.

На следующий день я позвонить не смогла. У нас на курсе сменили педагогов по режиссуре и актёрскому мастерству, и в группе произошёл раскол, назревавший уже давно. С первого семестра, даже ещё с абитуриентства студенты разделились на «обожателей» руководителей курса: заслуженного работника культуры, известного провинциального режиссёра Пал Палыча и бывшей актрисы с прокурорно-баритональным сопрано Дианы Львовны и «остальных». Я и Марина относились к числу «остальных», находившихся в меньшинстве. Класс обожателей составляли почти все юноши, многие из которых только что отслужили в армии, пребывание в вузе рассматривали как отдых после битвы и поэтому все предлагаемые Пал Палычем и Дианой Львовной приёмы обучения режиссуре (типа пятчасового чтения вслух книги «Моя жизнь в искусстве», публичного обсуждения личных качеств неугодных студентов) принимались ими под козырёк.

У нас с Мариной подобное занятия вызывали недоумение, за что мы весь первый курс мыли сцену вместо игры на ней. Если бы не отличные оценки по общеобразовательным предметам, я вообще была бы отчислена. На втором курсе руководители как-то охладели к своим питомцам, да и программа по специальности предполагала большую самостоятельность студентов, и отношения между «обожателями» и «остальными» постепенно стали переходить в творческие, тем более что курс был актёрски сильным. Каждый при поступлении выдержал конкурс пятнадцать человек на место, и многие ребята были по-настоящему талантливы.

Но вот уволили Пал Палыча и Диану Львовну, и противоречия возобновились уже в острой форме. Юноши написали письмо в деканат с

просьбой вернуть педагогов на свои места и требовали, чтобы каждый студент группы поставил свою подпись. Сама идея письма, на мой взгляд, была наивна и к положительному результату привести не могла, а поскольку я не только не испытывала чувства сожаления, но и рада была любимым новым открывавшимся возможностям, то, естественно, ничего не подписала. До позднего вечера в нашей забитой обломками прошлогодних декораций аудитории выяснялись отношения с переходом на личности, особенно, как всегда, досталось Марине, и, как всегда, я её защищала. Ни уговоры, ни угрозы бойкота не заставили нас изменить решение.

От непонимания и ёрничания однокурсников в горле возник ком и мешал дышать всю дорогу от института до дома. И только радость от вчерашнего общения с Серёжей, возможность ещё раз говорить с ним утешали меня и не давали разреветься в автобусе.

Когда в следующий раз я набрала номер, долго шли гудки, я уже собиралась положить трубку, как раздался голос слегка запыхавшегося Серёжи:

– Алё! Алё!

– Это я вам звоню опять.

– Я – это кто? – мне показалось, что он узнал меня, но спросил специально, чтобы подчеркнуть, что для него мой звонок является рядовым.

– Лида.

– Лида-Фрида, – он неожиданно хихикнул, – перезвоните мне, я только зашёл и не успел ещё раздеться.

«Ни здрасьте тебе, ни пожалуйста», – подумала я, но, конечно, через некоторое время снова набрала его номер. В этот раз мы общались недолго (по моим ощущениям, минут пятнадцать), но, оказалось, прошло два часа. Сейчас сама бы хотела узнать, о чём был разговор, но подробностей почти не помню. Зато незабываемо состояние эйфории от его низкого, иногда приглушённого тембра, от которого замирало моё сердце, интонаций игриво-весёлых, вопросительных, неожиданно проникновенных и мягких. Конечно, сначала инициатива в разговоре исходила от меня. Я комментировала известную мне информацию о нём, разумеется, не называя источник, печалилась по поводу несовершенства мира, чуть насмешничала, наверное, чуть кокетничала, задавала вопросы, но, к своему удивлению, так и не успела спросить про «Ма-

стера». Он пока не догадывался или делал вид, что не догадывается, кто я, нас вполне устраивал тот минимум знаний друг о друге, которым мы владели на данный момент.

Ах, как чудесно с этого дня изменилась жизнь! Произошло невероятное – мой вымышленный герой материализовался, и достаточно было набрать номер, как начиналась такая реальность, что захватывало дух. Обычно кто-то из нас, чаще это была я, звонил вечером, часов в восемь, и мы говорили до поздней ночи или даже до утра. Тема была любая. Принцип киргизского акына: «что вижу, то пою» нам вполне подходил. Не было деления на главное и второстепенное, потому что всё было главным и всё не имело значения. Но всё же у каждого определялось приоритетное направление в разговоре. Я вставляла поэтические цитаты, а Серёжа был мастер постановки парадоксальных вопросов и составления интеллектуальных лабиринтов, в которые мы оба с удовольствием входили и вместе искали выход. О подробностях наших биографий говорили мало. Я узнала только, что он старше меня на два года, учится на четвёртом курсе физического факультета, брал академический отпуск (причину не назвал), живёт с родителями, есть старший брат, у которого уже своя семья. Информации было не так много, если учесть, что наше телефонное общение длилось уже почти два месяца.

За это время я всерьёз увлеклась режиссурой. Новые педагоги по специализации работали с нами по методу Петра Ершова, предполагающему системность и чёткую логику в освоении драматургического материала. Я сразу оценила все преимущества ершовского подхода, фанатично применяла его на занятиях, вечерами пыталась объяснить Серёже разницу между «пристройкой» и «оценкой» – слагаемых элементов системы, и хвалилась успехами. Серёжа уже, конечно, догадался, где он увидел меня в первый раз, но мы это не обсуждали. Он не задавал вопросов о моих родственниках и друзьях, но внимательно слушал институтские новости, интересовался деталями, пытался вспомнить, что он знает о старшей дочери Вассы Железновой, чей образ я должна играть в курсовом спектакле. Проблем, связанных с его специальностью, мы не поднимали. В школе у меня по физике была «слабая» четвёрка, в чём я честно призналась, и Сережа щадил меня, хотя иногда, в моменты особого игривого настроения, неожиданно про-

сил объяснить ему что-нибудь из области точных наук, например, чем вес тела отличается от массы.

Я понимала, что телефонное моё счастье не могло длиться вечно, но ничего менять не собиралась. Хотела ли я его видеть? Не то слово! Но впервые я засомневалась: могут ли мои личные качества, мой пыл и энергия закрыть ему глаза на внешнее несовершенство. А если к этому прибавить отсутствие приличного гардероба, то становилось понятным, почему я боялась личной встречи. Но она, конечно, состоялась. Во время нашего очередного диалога Серёжа неожиданно сказал:

– Я так серьёзно стал относиться к учёбе, что, боюсь, скоро лицо потеряю. Пора немного расслабиться. По-моему, мы это заслужили?

– Правда ваша, господин.

– Я серьёзно. Что ты делаешь завтра в десять?

Я замерла.

– Надеюсь, буду разговаривать с тобой.

– Я имею в виду утро. Ты могла бы завтра прогулять?

– Прогулять, загулять – звучит интригующе.

– Я приглашаю тебя к себе в гости.

Ничего неприличного в этом предложении не было. Юноши и девушки из нашей компании часто приходили друг к другу домой: пили чай, слушали музыку, иногда целовались, возможно, было и продолжение, но не в случае со мной. Чего ждал от этой встречи Серёжа, я не знала.

– Ты придёшь?

– Да.

Он назвал свой адрес, который мне и так уже был известен из телефонной книги, и я засобиралась.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Когда моему папе предложили организовать хор народной песни в Доме культуры Кемеровского химкомбината и семья переехала из Белова в областной центр, мне было девять лет. Ему, как и обещали, дали трёхкомнатную квартиру в Центральном районе, в только что сданном пятиэтажном панельном доме. После беловских кирпичных хором, с высокими потолками, широкими коридорами, нам с Сашей (братом) новые стены казались не совсем настоящими, как будто мы вместе со взрослыми участвуем в новой игре, где все чуть-чуть понарошку. Зато к игре этой прилагались долгожданные аттракционы: газовая пли-

та, горячая вода, ванная, которые скоро примирили нас с усечённостью личного пространства. Постепенно я привыкла к своей комнатке, радовалась ей и виду, открывавшемуся из окна: цирк и панельные многоэтажки на холме.

Город Кемерово не блещет архитектурными шедеврами. Однотипные, в основном серо-прямоугольные строения отличаются друг от друга расположением и этажностью. Крыши домов низкие, видимое их отсутствие производит тревожащее впечатление незавершённости, вызывает жалость к этим зданиям-созданиям, убогим и безголовым.

Но, конечно, я люблю этот город, особенно старую центральную его часть с тополями, рябинами, липами вдоль дорог, с островками сирени в яблоне-черёмуховых скверах, с бульварной улицей Весенней, украшенной клумбами неопишуемой красоты, с уникальной гранитной набережной вдоль Томи и с домами сталинской архитектуры, облицованными розовым туфом.

Я и Серёжа жили на одной улице недалеко друг от друга, он – в старой части города, я – в новостройках. С десятилетнего возраста я регулярно, как и многие жители города, со страхом приходила в его дом, в котором на первом этаже находилась стоматологическая клиника для взрослых и детей.

В этот раз зубы были в порядке, но страх оставался, хотя и имел другую природу. Обычные мои приёмы его преодоления, как то: обсудить с подружками проблему, представить, что всё уже позади, – в этот раз сработать не могли. Я никому не сказала, что пойду к Серёже домой, и не могла предугадать, чем кончится наша встреча.

Утром, когда родители ушли на работу, я сделала лёгкий макияж, на что ушло около получаса, надела подходящее, оно же единственное, сшитое в ателье платье синего цвета с воротничком-стойкой и встречными складками, накинула пальтецо, прихватила вязаную мохеровую шапочку и помчалась по известному маршруту с пылающими щеками и горящими глазами, вызывая своим решительным видом тревогу у встречающих прохожих.

Серёжа открыл дверь сразу же после моего звонка. Я зашла и прикрыла глаза рукой, сделала вид, что ослеплена сиянием его красоты. Он оценил, смутился, рассмеялся, помог мне раздеться, и мы пошли по длинному коридору, минуя спальню родителей и гостиную, в его комнату. Я встала у двери и осматривалась, пока Се-

рёжа отлучился на кухню. Большой письменный стол с двумя тумбами, деревянные книжные стеллажи, кресло-качалка (раньше я его видела только в кино или нарисованным), диван с клетчатым пледом – ничего лишнего, всё на своих местах и всё импортное. В моей комнате набор был почти тот же, но совсем в другом исполнении: стол, полки и металлический кронштейн, на котором они крепились, делал папа с другом, диван перетягивал дядя Коля. У меня, как и у Серёжи, было уютно, но вид его жилища к тому же напоминал фотографию образцового интерьера из заграничного журнала. Пока я из окна рассматривала проезжую часть, появился хозяин комнаты, с подносом в руках, на котором стояла тарелка с нарезанными яблоками, сыром, бокалы и бутылка вина, что говорило о подготовке к встрече.

Мне показалось, что Серёжа был напряжен (конечно, не так, как я) и улыбкой пытался это скрыть.

– Ты ведь любишь сухое? – спросил он, открывая бутылку. – Рислинг тебя устроит?

«Да я бы сейчас и уксус выпила», – подумала я, но вслух сказала:

– Приличные девушки по утрам вообще не пьют, – помолчала и добавила: – И в гости к молодым людям не заходят.

– От чего, наверное, им очень тоскливо?

– Не могу знать. Моё пребывание здесь лишает возможности говорить за них.

Он долго не мог открыть бутылку, чем выдал своё волнение, наконец справился, разлил вино, мы подняли бокалы.

– За воссоединение голоса с телом! Я рад, что ты пришла!

– Я рада, что ты рад!

Он усадил меня в кресло, сам сел на диван и молчал. Покачиваясь, я нарушила образовавшуюся паузу отрывком из ахматовского стиха:

– Я пришла к поэту в гости.

Ровно полдень. Воскресенье.

Тихо в комнате просторной,

А за окнами мороз.

И малиновое солнце

Над лохматым сизым дымом,

Как хозяин молчаливый,

Ясно смотрит на меня.

У него глаза такие,

Что запомнить каждый должен,

Мне же лучше, осторожной,

В них и вовсе не смотреть.

Серёжа молчал. Я поднялась и стала рассматривать книги на полках: большинство из них, судя по названиям, были связаны с техникой, математикой и физикой. Много словарей и справочников, кое-что было на английском, из художественной литературы – популярная классика, которая обычно покупалась на талоны от сдачи макулатуры или по знакомству.

Серёжа откинулся на спинку дивана, смотрел на меня и по-прежнему ничего не говорил. Вынести это было тяжело.

– Пытка молчанием как приём развлечения гостей?

– Мне приятно с тобой молчать. Молчать и слушать, – он опять налил нам вина.

– Почитай что-нибудь ещё!

Но раздался телефонный звонок, и Серёжа пошёл в коридор брать трубку.

Когда он вернулся, настрой его уже был другим. Оказалось, что звонили сокурсники, будь они непадны, и вечером ему придётся заменить одного из них на университетских соревнованиях по баскетболу.

У Серёжи я ещё оставалась часа два, мы отвели на вопросы нескольких шуточных тестов на самопознание, сравнивали результаты, уличали друг друга в неискренности, смеялись, но тот проникновенный, доверительно-трогательный мотив начала нашей встречи не возвращался.

Когда я уходила, Серёжа помог надеть пальто, протянул шапку, и наши руки встретились. Во всех женских романах вы прочтёте, как героиню колотило от любого соприкосновения с любимым. Я исключением не стала. А что уж говорить о моём состоянии, когда он наклонился и на прощание слегка поцеловал меня в щеку?

Домой я возвращалась уже другим человеком. Мир мой поделился на две части: в одной, где был Серёжа, предполагалась жизнь, а другая часть стала лишней. Теперь по ночам я с трудом засыпала, днём забывала поесть, когда ела, вкуса не ощущала (в результате, правда, похудела, в каждом минусе есть свой плюс), после института никуда не ходила – сидела у телефона. Состояние это было новым для меня и вызывало некоторую тревогу. Особенно раздражало угрожавшее захватить всё волевое пространство необоримое чувство неуверенности в себе, появлявшееся в общении с Серёжей. В институте, наоборот, я лидировала на занятиях по режиссуре, удивляя педагогов неожиданными под-

ходами к прочтению образов, но дома, стоило позвонить Серёже, как во мне будто срабатывал переключатель с нормального человека на зачарованную дуру.

Но, слава Богу, изменения, происходящие со мной, Серёжа пока не замечал. Мы по-прежнему общались по телефону, о новой встрече оба молчали и жили одним днём.

Наступала долгожданная предновогодняя пора. Уже с начала декабря я мысленно посылая приветы ёлкам, мерзнувшим на балконах и терпеливо ждущим своего часа. К Новому году горожане готовились ох как заранее! Стояли в очередях за мандаринами и апельсинами, мели по сусекам своих знакомств в общепите, старались всеми правдами и неправдами проторить дорожку или хотя бы узкую тропинку к заднему крыльцу гастрономов и заполучить-таки заветную баночку печени трески, зеленого горошка, солёную красную рыбу, палочку сервелата, коробку конфет «Ассорти» и, конечно, бутылку-две «Советского» шампанского.

В нашей семье добычей дефицитов успешно занимался папа. Он же готовил к новому году столу своё фирменное блюдо – цыплят табака, мама и Саша делали салаты, а я пекла наполеон. Раньше, когда родители были моложе, они отмечали все праздники большой компанией во Дворце культуры. Но со временем пыл поубавился, и уже лет семь они с радостью встречали Новый год дома. Сначала за столом мы сидели вчетвером, но после двенадцати приходили друзья, подруги, соседи, друзья соседей. Я, папа и мама, по просьбе гостей, пели на три голоса, постепенно слушатели присоединялись к исполнителям, и трио превращалось в хор. Мама играла на гитаре, песни переходили в частушки, частушки – в танцы, танцы – в пляски. Часам к трём особо разгорячённая часть компании шла кататься на горках, а остальные, в основном молодёжь, оставались дома смотреть долгожданную, манящую прелестями заграничной жизни передачу «Мелодии зарубежной эстрады».

Эта радостная новогодняя кутерьма была любима нами, вспоминалась весь год и поднимала настроение. Поэтому, когда Серёжа в очередном нашем телефонном разговоре спросил меня: «Где ты обычно встречаешь Новый год?» – я автоматически ответила: «Дома с родителями». Последовала пауза.

– А ты, наверное, на Крайнем Севере? В компании со Снежинками?

Он засмеялся:

– Что за намёки! Хотя, если из Москвы на Новый год приедет мой друг, снежинки и правда слетятся.

О друге я ничего не знала, Серёжа раньше о нём не говорил, но подсознательно я сразу же воспротивилась его приезду и мысленно просила: «Не приезжай, не приезжай, пожалуйста!».

Когда до Нового года оставалось три дня, друг, которого звали Алексей, всё-таки приехал. Я об этом узнала одной из первых, потому что Серёжа позвонил мне и пригласил встречать с ними праздник. От неожиданной радости до меня не сразу дошёл смысл последующего вопроса, я переспросила:

– Есть ли у меня подруга? Есть, конечно.

– Может ли она прийти с тобой?

К ответу я не была готова.

– Ты подумай и перезвони мне!

Кандидатура Веры исключалась сразу: во-первых, влюблена, во-вторых, взаимно. У Иры вообще дело шло к свадьбе. Оставалась Марина. Марина... Более противоречивого человека в моём окружении не было. Она единственная из всего потока написала на отлично вступительное сочинение и единственная из группы, зная фактический материал, не могла выстроить его в логичный ответ на семинарах по истории. Марина быстро и точно давала психологический портрет собеседника, но отношения с людьми строила без учёта своих наблюдений, боялась конфликтов и постоянно была в их центре. Она рисовала, шила и вышивала, обладала природным художественным вкусом, давала мне советы в подборе элементов гардероба, но сама часто одевалась небрежно. Высокая, статная, с формами, приближающимся к пышным, Марина выбрала для себя стиль дамы эпохи декаданса и, когда накладывала косметику, становилась невероятно соблазнительной, шикарной, притягивала внимание многих мужчин. Но без косметики выглядела почти дурнушкой. Жила она в Центре, в трёхкомнатной квартире, в состоянии непрекращающейся холодной войны с мамой. Дружеские наши отношения ещё только начинали складываться, но я ей рассказала о приглашении Сережи и предложила составить компанию.

Марина согласилась с радостной поспешностью. Более того, через час позвонила и сообщила новость:

– Алексей никакой не москвич, они с Серёжей твоим одноклассники! Вся школа за ними

бегала! Один белый, другой чёрный – два весёлых гуся! – пропела она в конце.

– Откуда ты знаешь?

– От Лильки, она с ними в параллельном классе училась, а с Алексеем – в музыкалке, – у Марины действительно было много знакомых, причём в самых неожиданных сферах, неудивительно, что к ней слетались новости, о которых из газет не узнаешь. – Да ты его сама видела, помнишь, он с нашими эстрадниками на концерте играл?

– Это тот красавчик?

– Ну конечно! Вспомнила?

И у меня мелькнул образ высокого стройного брюнета с вьющимися длинными волосами, с отрешённым видом играющего на гитаре. Такого запомнишь сразу. «Надо же! И друг ему под стать», – подумала я о Серёже.

– Ну, в чём пойдём? – Марина взяла инициативу. – Времени в обрез.

Мы увлечённо стали решать эту проблему, но для меня более актуальным был вопрос о том, как отпроситься у родителей с нашего семейного праздника.

Сначала я сказала брату, и он тут же приуныл. Мы с Сашей уже давно пережили период детского соперничества за родительское внимание, я с радостью допустила его в круг своих друзей, и он, хотя был нас младше на два года, органично вписался в компанию, а своим остроумием делал некоторые наши встречи неповторимыми. Летом, по настоянию папы, Саша собирался поступать в военное училище и возлагал надежды на этот новогодний праздник, последний в его школьной жизни.

– Счастливая, сестра! Ну, ничего, на следующий год я тоже уйду на всю ночь! А ты у папы уже отпросилась?

– Сегодня вечером попробую.

В нашей семье все решения принимала мама, а папа или утверждал их, или нет, его слово было последним. С детства в устной форме он внушал мне правила поведения приличной девушки: «После одиннадцати придешь – ноги оторву»; «Будешь горбиться – привяжу кол к спине!»; «Если с пацанами сама знаешь что – оторву голову!» Эта словесная агрессия ничуть меня не пугала. Я любила его, знала, что он мною гордится, никогда никому не даст в обиду и, по большому счету, всегда будет на моей стороне. Высокий, крепкого телосложения, голубоглазый, с седеющими кудрями, папа был силь-

ным и никого не боялся, авторитетов не признавал, но прислушивался к маминым советам. Несмотря на его строгости, именно он организовал мою поездку к морю после первого курса. Он доверял мне, и я старалась его не подводить: вечерами после одиннадцати почти всегда была дома, отпрашивалась, когда уходила ночевать к подругам, в отношениях с мальчиками хотя и подходила к запретной черте недопустимо близко, но не переступала ни разу.

– Я и Марина собираемся на Новый год в гости, – сказала я родителям.

– Куда? Кто там будет?

– Вы их не знаете.

– А вы их знаете? – спросил папа.

– Одного она знает точно, уже два месяца по телефону переговариваются, – ответила за меня мама и продолжила: – Иван, пусть идут. Она же уже на третьем курсе!

– Ты собираешься быть там до самого утра?

– Как получится.

– Давай пораньше приходи.

Когда Марина зашла за мной, я ахнула, увидев, какая она: в вязанной из тончайшей шерсти кофточке с ажурными вставками, коротком сарафане из мелкого вельвета (всё связала и сшила сама), лёгкой дублёной курточке, высоченных сапогах (у кого успела взять?!), с изысканным макияжем, с загадочным взглядом.

Я тоже уже была готова. Марина окинула критическим взглядом одолженную у Веры юбку, узкую, синюю, чуть удлинённую, сшитую из форменного сукна (Верин папа был полковник); жёлтую, из натурального крепдешина блузку; низку бус из искусственных кораллов и одобрительно сказала: «Достойно и по-взрослому. Идём!».

Я надела свое старое, но еще не совсем потерявшее вид пальто с серым каракулем, мамыны выходные сапоги на высоком каблуке, на голову набросила шарф, и мы выпорхнули из подъезда.

Ночь была туманно-морозная. Спасаясь от холода, до места встречи мы почти летели. Серёжа и Алексей, тоже замерзшие, уже ждали нас на углу Дома политехпросвета. Коротко поприветствовали друг друга, и наша компания, под звяканье бутылок в сумках мальчиков, двинула быстрым шагом в сторону главпочтамта. Не дойдя нескольких домов, мы свернули во двор и наконец оказались в тёплом подъезде.

Для наступающей новогодней ночи здесь было необычно тихо. На третьем этаже Алексей от-

крыл ключом дверь, включил свет, и мы очутились в прихожей.

– Ну и что нам за логово досталось? Давайте осматриваться, – сказал Серёжа, и я поняла, что он здесь тоже в первый раз.

Квартира состояла из двух смежных комнат, в маленькой стояла только двуспальная кровать, в другой, побольше, – диван, телевизор и квадратный стол. Было неуютно. Убогость обстановки стала ещё очевидней, когда юноши сняли дублёнки и явили себя во всей своей красе, стройности, стильности, как будто материализовались с обложки заграничного журнала.

Я предложила свою помощь в организации праздничного стола из принесённых мальчиками продуктов, и мы с Мариной очутились на кухне.

– Обалдеть, Лидка, какие мужики! Полгорода на нашем месте хотели бы очутиться! Ой, смотри, «Мурфатлар»! А вот и твоё кисленькое, – она достала бутылку ркацетели, – а шампанского сколько!

Действительно, спиртного было значительно больше, чем закусок.

– Они что, спить нас решили? – продолжала Марина. – Не тут-то было, мы бдим! Лидка, ты что молчаливая такая? Что-то не так?

– Не знаю. Неуютно как-то, Алексей – пода рок ещё тот! Слова лишнего не скажет.

– Это он от мороза! Вот сейчас выпьет, отогреется, и мы его разговорим! Давай режь сыр скорее, а то старый год проводить не успеем!

Я немного успокоилась, но всё равно чувствовала новую, чуть фальшивую ноту, вносимую в наши отношения с Серёжей то ли присутствием Алексея, то ли всей этой суетой, то ли и тем, и другим.

Когда мы сели за стол, настроение действительно изменилось. Выпили за знакомство, за лучшее, что пришло к нам в старом году (здесь мы с Серёжей одновременно посмотрели друг на друга, он улыбнулся и взгляда не отвел), но общего разговора всё-таки не получалось. Алексей как бы снисходил до общения с нами, девушками, выражался короткими, содержащими в основном ироничный подтекст фразами, на вопросы отвечал общими словами и откровенно разглядывал Марину. Та попыталась спародировать Веру Холодную, что обычно у неё хорошо получалось, но юноши наши сходства не уловили, вероятно, потому что не имели представления об оригинале. Марина приумолкла. Напряжённая атмосфера возвращалась. Я встала и

прибавила звук у телевизора, чтобы хоть чем-то заполнить образовавшуюся паузу. Один Серёжа чувствовал себя комфортно, улыбался, с аппетитом ел бутерброды и иногда перебрасывался с Алексеем замечаниями, смысл которых был понятен только им. Его довольный вид благотворно подействовал на меня, и к двенадцати часам я почти расслабилась. Под бой курантов мы все соединили бокалы, выпили шампанское и, загадав желания, шагнули в новый, тысяча девятьсот семьдесят шестой, год.

Теперь аппетит пришёл к Алексею, и он быстро доел оставшиеся закуски. Я собрала освободившиеся тарелки, понесла их на кухню и стала мыть. Вскоре подошёл Серёжа, закрыл кран и развернул меня к себе. Мы молча смотрели друг на друга, мне очень хотелось прикоснуться к его лицу, но с рук ещё капала вода. Зато у Серёжи они были сухие, он пальцами дотронулся до моего подбородка, приподнял его, наклонился, несколько раз чуть коснулся губами моих губ, а потом полностью закрыл их поцелуем.

Это был первый поцелуй в моей жизни, потому что предыдущий опыт по этой части относился скорее к артикуляционной гимнастике для двоих. Возможность сделать подобное сравнение появилась у меня значительно позже, тогда же я полностью была поглощена таинством, которое совершал Серёжа. Он целовал мои глаза, щёки и опять губы. Кажется, я даже издала лёгкий стон. Серёжа сделал паузу, обнял меня, крепко прижал к себе, потом взял за руку, повёл за собой в маленькую комнату и посадил к себе на колени. Я наконец могла коснуться пальцами его волос, лба, щёк, шеи. Серёжа закрыл глаза, а я стала целовать веки, брови, губы. Он осторожно снял мои бусы, расстегнул верхние пуговицы на своей рубашке и вместе со мной откинулся на кровать.

И вдруг мне показалось, что раздался плач. Я прислушалась. Действительно, за дверью происходило что-то странное, звук падающего стула, громкие быстрые шаги и брань Алексея. Я попыталась встать, Серёжа удерживал меня:

– погоди, они сами сейчас разберутся! Лёшка не злодей!

Но тут дверь открылась, на пороге стоял Алексей:

– Если ты, как мы и собирались, идёшь в ресторан, то сейчас самое время.

Я мигом выскочила из комнаты и нашла Марину. Она стояла испуганная, с чуть размазан-

ной тушью и стёртой губной помадой, уже в курточке и сапогах.

– Что случилось? Куда ты?!

– Я хочу домой!

– Что произошло? Он тебя обидел?

– Нет. Я просто хочу домой!

– Что случилось?

– Хочу домой!

– Тогда мы идём вместе.

– Ты тоже уже домой хочешь?! – спросил Серёжа, встав в дверной проём.

Я нерешительно молчала, понимая, что Марина без причины не стала бы портить мне праздник, но и Серёжа не давал повода внезапно уходить от него. Тут в коридор вышел Алексей, и Марина испуганно отшатнулась.

– Придурочная, – сказал он и стал надевать сапоги.

«Вот и кончилось моё счастье», – подумала я и пошла в спальню забрать бусы. Серёжа вошёл следом.

– Произошла трагедия? Кто-то умер?

– Я не могу здесь оставаться, я не хочу.

– А мы и не останемся! Слушай, сегодня ведь Новый год! Ты сама говорила, как встретишь, так и проведёшь.

– Да уж!

– Да-да! Это просто недоразумение, всё выяснится. А сейчас мы пойдём в ресторан, там давно уже нас ждут.

– Это вас ждут, а не меня.

– Вот как раз и познакомишься со всеми! Пойдём! Ну же! – и он, как ребёнку, взъерошил мне волосы, потом прижал к себе, и я встала на тропу предательства.

Мы расстались с Мариной на ближайшем к её дому перекрёстке, а сами двинулись в сторону горсада, к ресторану «Современник». То ли мороз ослаб, то ли стыд меня жёг, но холод почти не ощущался.

В ресторане дым стоял коромыслом в прямом и переносном смысле. Народ уже мигрировал от столика к столику и постепенно переходил к стадии братания. Но только не Серёжины друзья. Их компания сидела отдельно, и по ассортименту алкогольных напитков, и по разнообразию заграничных разносолов было ясно, что гуляют здесь люди с нешуточными связями. А уж вещи, которые были надеты на представительницах женского пола, просто кричали о приобщённости их хозяек к высшей касте дефицитомущих. Нас встретили чуть ли ни криками «ура»,

но потом я осознала, что это относилось только к моим спутникам. Особенно горячо приветствовали Алексея. Ему задавали вопросы о столичных новостях, о результатах прослушивания, интересовались делами общих знакомых. Как рыба, нырнувшая из пресной воды в родное море, так Алексей ожил, очутившись в обществе сотоварищей. Оказалось, он умел искренне смеяться, говорить комплименты, но всё равно делал это с налётом горделивого самолюбования. С Серёжей они выступали слаженным остроумным дуэтом, в котором Алексей отвечал за эмоциональную форму подачи, а Серёжа – за содержание шуток. Зрители, особенно девушки, были в восторге. Я в этот раз отсиживалась в непривычной для себя роли молчаливого наблюдателя. Женский состав компании не намного, но превосходил мужской. Мне показалось, что многие участники застолья старше Серёжи, ни с кем из них я раньше знакома не была, хотя некоторых видела на скамейках перед драмтеатром, где обычно по вечерам собиралась «золотая» молодёжь центра. Особенно бросалась в глаза длинноногая брюнетка итальянского типа с пышными кудрями – Марго. Она не суетилась, не кокетничала, выражалась прямолинейно, иногда грубовато и, судя по влиянию на окружающих, была одним из лидеров компании. Со мной Марго не заговаривала, как, впрочем, и остальные «киски», но зато удостоила Серёжу поцелуя в щёку и шёпота на ушко. Напротив сидела семейная пара – Таня и Эдик, одетые в почти одинаковые джинсовые костюмы. Таня много пила, а Эдик нет, потому что уже не мог, и тратил последние силы на похотливый обзор всего, что движется. В компании никто не танцевал и, уж конечно, не пел. Покуривая, они издали наблюдали за пляшущими гостями, «плебсом», и, исполненные собственного превосходства, насмешливо переглядывались.

Серёжа, уже немного охмелевший, по возможности старался сидеть рядом со мной, держал за руку, когда умолкала музыка, пытался рассказать, кто есть кто, но его постоянно отвлекали вопросами, намёками, комментариями и предложением выпить в разных частях застолья. Ко мне никто не обращался, только вдалеке сидел мужчина, лет тридцати, спокойный, плотного телосложения, который временами наблюдал за мной, улыбался и периодически приветствовал, поднимая бокал с вином. В моём состоянии я была рада и такой поддержке.

В четыре часа, встретив Новый год по московскому времени, гости ресторана стали расходиться. За нашим столом все, кроме уехавших на такси Эдика с Таней, оставались на своих местах.

– А когда мы покинем это гостеприимное место? – спросила я Серёжу.

– Скоро! Марго зовёт всех к себе!

Уставшая, с онемевшими от высоких каблучков пальцами ног, я меньше всего хотела идти ещё куда бы то ни было. Мои сомнения, наверное, отразились на лице, потому что Серёжа, заглянув в глаза, поинтересовался:

– Ты ведь не хочешь оставить меня одного?

– Думаю, одиноким тебе в этой компании быть не дадут.

– Дело не в количестве... Я что, должен что-то объяснять?! Ты хочешь со мной остаться?!

Вопрос был поставлен в лоб, и отрицательный ответ мне, конечно, и в голову не приходил. Он означал бы безусловный разрыв начинающихся отношений. Серёжа, не давая возможности что-либо сказать, стал нежно целовать меня в губы, поставив тем самым точку в обсуждении проблемы.

Пока мы дошли до дома Марго – она жила в глубине улицы Весенней – от компании осталось человек семь. Девушки всю дорогу посмеивались и весело переговаривались, со мной по-прежнему никто, кроме Серёжи, не общался. Более того, мне казалось, что от них, особенно от Марго, исходит мощная отталкивающая волна, направленная исключительно в мою сторону.

Волна эта пробудила остатки здравого смысла. «Иди домой, дура! Иди!» – твердил он, но кто его слушал?! Только чудо, возможно, в виде внезапно появившегося удивлённого папы, способно было развернуть меня в сторону дома. Ночь была новогодняя, но чуда не произошло.

Через полчаса я сидела одна на узком диване в тесной, забитой платяными, под потолок, шкафами, комнате и ждала Серёжу. Неугомонные, уже прилично выпившие его сотоварищи обживали укромные углы Маргаритиной квартиры, потягивая глинтвейн под громкую музыку. Переживание размолвки с Мариной, неловкость от неопределённости моего положения в отношениях с Серёжей, напряжённость, вызванная необходимостью всю ночь противостоять почти откровенному бойкоту со стороны женского состава участников вечеринки, наконец, просто физическая усталость дошли до своей крайней точки и вдруг сменились спасительным безраз-

личием. Я успокоилась, подошла к старинному высокому трюмо и в отражении увидела, как входит Марго с бельём, застилает диван, не обращая на меня внимания, уходит, но не выдерживает, останавливается, бросает: «Любитесь на здоровье!» – и только потом закрывает за собой дверь. «Яснее ясного! – подумала я. – Грубо, но по сути. Действительно, ты можешь уйти или остаться. Ты не уходишь, следовательно...»

Я проснулась на плече у Серёжи. Во сне он не отпускал меня, всё время прижимал к себе и возвращал, когда я хоть немного отстранялась. Было ещё темно, значит, прошло не так много времени. Ощущение нереальности происходящего с пробуждением не исчезло. Во мне не было сил для анализа и эмоций, осталось только непреодолимое желание немедленно оказаться в своей комнате. Серёжа на некоторое время ослабил объятия, я осторожно высвободилась, торопливо оделась и вышла в коридор. Горел свет, но никого не было. В квартире стоял запах кислого вина, сигарет и свежего кофе. Я взглянула на себя в зеркало и отвернулась: карикатура – вот что я увидела там. Вместо волос всклокоченный парик клоуна, синяки от размазанной туши, запятнанная, жюльканая кофточка, помятая юбка. Я сделала глубокий вдох и не заплакала. Неожиданно из кухни тихо вышел тот, плотного телосложения мужчина, который в ресторане издали меня подбадривал, посмотрел и молча протянул чашку кофе. Я отрицательно покачала головой, нашла свои вещи, удивительно быстро открыла замок, вышла за дверь и, надев пальто в подъезде, выбежала на улицу.

Дома, к счастью, меня никто не встретил. Я прошмыгнула в свою комнату, включила настольную лампу и увидела на диване Марину, лежащую под одеялом. Глаза её были открыты, но она никак не прореагировала на моё появление, глядела в потолок и молчала.

– Как ты сюда попала? Что случилось?! Где все?! Что с родителями?!

– Не ори! Спят они. Вот только заснули. Всё гадали: когда их дочка на горках накатается?

– Ты им сказала, что я на горку пошла?!

– Я им сказала, что ты пошла к Гудвину, Великому и Страшному, за совестью и новыми мозгами, но, как погляжу, ни хрена тебе из этого не перепало.

После её слов, скорее иронично-сочувственных, чем злых, я сначала заплакала, а, когда Ма-

рина спросила: «Лидка, господи, они что? Издевались над тобой?!» – зарыдала.

– Нет!

– Так что же ты ревешь?

– Реву, потому что дура я и гадина!

– Да ладно, не убивайся! Никто не умер.

– Что тебе этот козёл сделал?

И Марина подробно описала, как Алексей сначала рассказал о впечатлении, произведённом на него её необыкновенной красотой, потом попросил раздеться, она попыталась уйти, но он больно схватил за руку и почти оторвал рукав от кофты, когда Марина вырывалась. Синяк от плеча до локтя и дыра на ажурной вставке свидетельствовали о том, в какой острой форме может проявиться любовь к красоте.

– Не могла я после этого домой идти, пришла к твоим, ты же рассказывала, что у вас всегда пир горой. Саша мне незаметно от родителей твою рубашку принёс.

– А что ты им сказала?

– Сказала, как есть, что ты в ресторан пошла, а мне кавалер не подошёл, – она содрогнулась. – Знаешь, было по-настоящему страшно. Он что? На ночь меня выписал?! Мерзко. И обидно! Я только под душем в себя пришла.

«А мне и душ не поможет», – подумала я, но, конечно, помылась, и действительно наступило некоторое облегчение, как будто с водой ушли косые взгляды, намёки, усмешки, прилипшие за новогоднюю ночь. Вытираясь, я подумала: «Вот и не осталось следов от его прикосновений». И не догадывалась ещё, что прикосновения эти сродни дури, способной проникать через поры в кровь, менять её состав и тем самым делать невозможной жизнь без новых доз.

Прежде, чем заснуть, мы с Мариной ещё и ещё обсуждали и анализировали события этой ночи, я попеременно испытывала то стыд, то гордость, то смеялась, то возмущалась, хотя главными всё же были радость и восторг от того, что у меня есть Серёжа, и страх от возможности получить отрицательный ответ на вопрос: «А действительно ли Серёжа у меня есть?».

На следующий день я проводила Марину, вернулась и стала ждать звонка. Он раздался ближе к позднему вечеру.

– Привет! – Тон был игриво-валяжный, по громким звукам играющей музыки я предположила, что Серёжа звонил не из дома.

– Привет, – тихо ответила я.

– Тебя плохо слышно, малыш!

– Я не малыш! Не зови меня так!

– Вот теперь лучше. Не звать тебя, почему? – я не стала объяснять ему очевидную пошлость сочетания слова «малыш» и тона, которым оно было сказано, потому что в этот момент отчётливо услышала в трубке женский смех.

– Ты не один?

– Я, конечно, не один, но ты не ответила на вопрос.

– Это неважно.

– А что важно?

– Ты хочешь подробного ответа?

– На подробности, пожалуй, времени нет! Как ты смотришь на то, чтобы присоединиться к нам и продолжить праздник?

– К нам – это к кому? Кто вчера был?

– Ну, почти.

Я больше всего хотела бы увидеть Серёжу, но без сопровождающих лиц, к тому же точно знала, что папа сегодня никуда меня не отпустит.

– Боюсь, что у меня не получится.

– Вот как? Ну пока. – Серёжа закончил разговор.

Ни вопросов, ни уговоров, ни других предложений. По всей видимости, я должна была понять, что отношения наши могут сохраняться при условии полного подчинения его решениям, но в таком случае возникала угроза утраты собственной индивидуальности и, как следствие, исчезновение интереса ко мне. Я понимала, что для счастья отношения наши должны быть на равных, но не представляла, как этого можно добиться в предлагаемых обстоятельствах. Остаток вечера я разными способами пыталась отвлечься и не думать о Серёже: но ни чтение, ни просмотр телевизионных передач не помешали мне вспоминать его вчерашние поцелуи и представлять сегодняшние, возможные, как мне казалось, с любой представительницей столь любимой ему компании.

Следующий день все длился, длился и длился, а от Серёжи вестей всё не было и не было. Я не выдержала и позвонила. Трубку взяла мама, на просьбу пригласить Серёжу ответила:

– Он за городом, приедет дня через три.

Растерянность, боль, отчаяние парализовали мою волю и желание жить, но на пятый день ожидания и муки защитные силы организма вызвали банальную злость, обнаружили глубоко запрятанный эмбрион гордости, и в их окружении я смогла не только дожить до Серёжиного звонка, который раздался через неделю, но и до

определённого момента буднично-любезно отвечать на вопросы.

– Спасибо, время провела плодотворно. Рукоделие, рисование, конные прогулки – дни пробежали незаметно.

Он засмеялся.

– А знаешь, где был я?

– Ты был за городом. Вероятно, в окружении своих друзей.

– Да.

– Ну и как? Кому в этот раз Алексей разорвал платье? Или ошибку исправили и девушку оповестили заранее, чтобы знала, зачем звали?

– Ты хочешь выяснять отношения?

– Я хочу понять, кто он, твой друг? Почему он позволяет себе быть таким?

– Каким таким?

– Жестоким и циничным!

– Ну, во-первых, он не такой, во-вторых, обсуждать моих друзей – не твоё дело! Или ты думаешь, что у тебя появилось какое-то право на это?

– А на что у меня есть право? Молчать и поинноваться?!

– У тебя, так же, как и у меня, есть право не звонить и не общаться вообще или сделать паузу, например, сейчас. – И он положил трубку.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

«Труд создал из обезьяны человека», – говорили нам в школе. «Интересно, что он сделает со мной?» – думала я, разглаживая пододеяльник из горы ждущих встречи с уютгом. С начала февраля четыре раза в неделю в детском саду мне оставляли постельное бельё, и с девяти вечера до часу ночи в маленькой комнате я воевала за комфортный детский сон, уничтожая армии неровностей и складок, с простынёй и пододеяльников. Работа подвернулась в результате удачного стечения обстоятельств: неожиданно уволилась кастелянша; садик находился во дворе нашего дома; и заведующая, жена участника папиного хора, согласилась устроить меня нелегально (тем более, что летом я официально работала там няней и хорошо себя зарекомендовала).

Деньги, вернее их недостаточное количество, – вот причина моих полуночных трудовых вылазок. У нас с Мариной, с которой после новогодних событий мы окончательно сдружились, созрел план совместной поездки к её дальним родственникам в Литву. Проезд по студенческому билету выходил недорого, а в Прибалтике

можно было без переплаты купить импортные зимние вещи, нужные нам обеим. Ещё одной важной причиной планирования поездки была наша мечта сходить в знаменитый театр в Паневежесе и, само собой, познакомиться с достопримечательностями литовских городов. Ехать собирались в ноябре, а пока изо всех сил создавали материальную базу. Днём я репетировала, готовилась к семинарам, делала всё, чтобы получить больше автоматов, на отлично сдать сессию и сохранить повышенную стипендию. Вечерами после института в одиночестве гладила бельё до помутнения в глазах, а когда приходила домой, падала без сил на диван. Не уверена, что труд создал человека, но на своём примере убедилась, что работа помогла мне как минимум не потерять лицо и даже сохранить на нём пусть вымученную, но всё же улыбку. Хотя, конечно, в первый трудовой месяц я ещё поливала горячими слезами детские пододеяльники, вспоминая Серёжу, бессердечного, но, увы, любимого.

Он не звонил. Что тут ещё добавить? Сама я много раз набирала его номер, но клала трубку ещё до гудков, понимая, что в одну реку нельзя войти дважды. К концу марта я разделила воспоминания на «приятные» и «мучительные», «мучительные» послала куда подальше, а из «приятных» выдергивала по фрагменту и таким образом выживала. Но когда наступили первые тёплые дни и воздух наполнился запахом оживающей земли, насыщенной талыми водами, когда проклюнулась трава, а на островках асфальта беззаботные, как недавно я сама, девочки запрыгали, играя в классики, когда горожане, поспешно спрятав отдавившую за зиму плечи верхнюю одежду на ватине, надели лёгкие весенние наряды и вышли на вечерние прогулки по бульварам, тогда тоска моя по Серёже стала почти невыносимой. Я ловила себя на том, что мысленно постоянно вступаю с ним в диалог, пытаюсь представить, где он сейчас. Что говорит? На кого смотрит? Теперь большинство моих городских маршрутов проходило мимо Серёжиного дома, и я всякий раз с замиранием сердца поднимала глаза на окна его комнаты, но там никого не было видно.

Накопившиеся переживания нашли неожиданный выход – я начала писать стихи. Они приходили случайно, независимо от места моего нахождения и времени суток, художественная их ценность была спорной, но зато процесс написания приносил облегчение душе. Сюжеты возникали непредсказуемые, вот, например:

*Беден двор мой, дом пустой, высохла гитара!
Не пустить ли на постой бравого гусара?!
Буду пить с ним, коли пьёт! Песни слушать буду!
Может, боль моя пройдёт и тебя забуду?!*

О гусарах я, конечно, не думала, хотя с приходом весеннего сезона встрепенулись, стали проявлять активность и удивляли своим упорством некоторые юноши, ранее бывшие в разряде моих добрых приятелей. К ним относились два старшекурсника и сосед Антон, младше меня на год. Очевидная его влюблённость была предметом лёгкого папиного подтрунивания надо мной, хотя сосед ему нравился. Мне же было жаль Антона, потому что уж кто-кто, а я понимала, как это тяжело – влюбиться без взаимности.

Наступивший май был щедр на солнце и тепло. Всё распустилось, зашелестело, защебетало, зажужжало и быстро катилось в сторону лета. Не похолодало даже во время цветения черёмухи. Группа наша вот-вот должна была сдать свою «Вассу Железнову», и я до позднего вечера находилась на прогонах в актовом зале вуза, в перерывах любуюсь из открытых окон видами весеннего неба над бором и пьянея от майских ароматов. Премьера была назначена на субботу. В пятницу вечером дома я разглаживала бесконечные рюши на юбке, в которой завтра должна была предстать в образе старшей дочери Вассы. Мы с папой только что обсудили задание его новой контрольной по истории (он заочно учился на дирижёрском отделении нашего института, и я, конечно, всячески помогала ему), папа пошёл ужинать, но, не доходя до кухни, остановился и крикнул:

– Я забыл сказать: тебе вчера вечером и сегодня утром звонил какой-то Сергей.

Я выбежала в коридор:

– Что он сказал?

– Просто просил тебя к телефону.

– А что ты ему ответил?

– Что ты теперь переехала жить в институт.

– Ну, папа!

– Сказал, что тебя дома нет.

– А он что?!

Папа, поддразнивая, повторил:

– «А он что?!» Трубку положил, вот что.

Я уже была в своей комнате и лихорадочно искала телефон, нашла, села на диван, успокоилась... Но номер набирать не стала. И правильно сделала, потому что через десять минут Серёжа позвонил сам.

– Добрый вечер. Я не слишком поздно?

– Отнюдь.

– Я не задержу надолго. У меня к тебе просьба, возможно, странная, но сначала вопрос: ты обещания свои выполняешь?

– Стараюсь по возможности.

– Тогда за тобой должок! Помнишь, ты обещала сыграть со мной в пинг-понг?

Действительно, я рассказывала (господи! Как давно это было!) о том, что занимаюсь настольным теннисом, и предлагала, когда потеpleет, обыграть Серёжу на корте в горсаду.

– Помню.

– Время пришло. Корт открыт. Что, если завтра?

– Я не могу.

– Вот ты уже и трусишь.

– Я не могу завтра.

– А в воскресенье?

– Пожалуй, да.

– С утра или днём?

– Лучше днём. Часа в два.

– Отлично! В воскресенье, в два, на корте. – Он помолчал, потом спросил: – До свидания?

– До свидания.

«Васса Железнова» стала событием в институте. На спектакль были приглашены важные начальники из управления культуры, присутствовал ректор, много преподавателей и студентов из нашего и других вузов. Зрителей рассаживали на приставные места, но желающих попасть было всё равно больше, чем мог вместить зал. Перед спектаклем все участники тряслись, бледнели, холодели, но я не волновалась. Чего бояться? Мизансцены и текст известны – действуй и наслаждайся процессом! Непредсказуемость завтрашней встречи – вот что вызывало моё беспокойство! Зачем ему понадобилась эта игра? Предлог, чтобы увидеться? Почему просто не предложить свидание? В чём пойти, чтобы было и удобно, и привлекательно? Серёжа не знал, что каждый год обучения в институте я принимала участие в областных студенческих соревнованиях. Начинала с последнего места, а сейчас входила в десятку лучших. Степень его мастерства была мне неизвестна, но я была бы рада, если бы она оказалась выше моей. Пока я обо всём этом размышляла в перерывах между сценами, спектакль закончился, исполнители вышли на поклон, потом начались поздравления, нас хвалили, а мы радовались. Особенно значимыми для меня были оценки Валентины

Владимировны («Лидочка, я в вас не сомневалась! Наталья на глазах менялась, и так не прямолинейно получилось, а тонко, штрихами! Да что там! В который раз скажу: в Ленинград вам уезжать учиться надо! В крайнем случае – в Москву!») и Миши, который пришёл со своей девушкой Юлей и, конечно, с Мариком. «Не ожидал, что будет так неплохо», – сказал Миша, и это означало, что спектакль ему действительно понравился. Их мнения поднимали мою самооценку и давали силу для завтрашней встречи.

В воскресенье установилась идеальная погода для игры. Накануне ко мне пришла спасительная идея ориентироваться в общении с Серёжей на лучшее, что соединяло нас во времена «телефонного» периода, новогодние события не упоминать совсем, а отношения выстраивать приятельские. И, возможно, затея эта провалилась бы, но помог сам Серёжа. Он тут же почувствовал мой настрой, принял предложенный стиль общения и органично стал его развивать.

И вот уже вскоре мы, как два товарища, объединённых любовью к теннису, обсуждали удачные удары, возможные варианты вращения шарика при подаче, игру на других столах, соседних с нашим. Уровень Серёжиного мастерства был средним, он признавал это, не стеснялся своих ошибок и посмеивался над собственной неловкостью. Он вообще был по-мальчишески радостным, доброжелательным, а временами даже неожиданно-застенчивым. Иногда я ловила на себе его пристальный взгляд, но на провокации не поддавалась и твёрдо держалась приятельской линии. Корт был моей стихией, я раскрепостилась и получала удовольствие от солнечного дня, от игры, а главное, от того, что Серёжа был рядом.

– Играем на счёт? – спросила я

– Ты хочешь насладиться победой?

– Пытаюсь выполнить своё обещание обыграть тебя.

– Это уже формальность. Ты – профессионал!

– Увы, нет. Профессионалы у нас в основном в Новокузнецке. Вот там школа! Все кандидаты в мастера! Тренируются каждый день. А я – так, играю для удовольствия.

И всё-таки сегодня был мой день: когда мы уже сдавали ракетки, к нам подошёл Борис, один из лучших теннисистов города, и спросил, не хочу ли я сыграть с ним партию, пока добирается его опаздывающий товарищ. Это предложение

делало мне честь, обычно все мастера играли на отдельном столе, куда дилетанты не допускались. Я вопросительно посмотрела на Серёжу, тот утвердительно кивнул и с интересом стал наблюдать за игрой. К нему присоединились ещё человека три, потом ещё, и постепенно образовалась целая компания зрителей, болеющих в основном за меня. Это и вдохновляло, и вводило в смущение. Я, конечно, проиграла, но боролась виртуозно, была технична и легка, поэтому счёт оказался не разгромным.

По дороге домой мы делились своими институтскими новостями, он рассказывал о баскетбольных соревнованиях, а я, конечно, об успехе вчерашней премьеры.

– Теперь, наверное, от поклонников проходу нет?

– А то! Отбиваюсь, как могу, – мы подошли к перекрёстку перед моим домом, и я стала прощаться.

– Спасибо, что вытащил меня! Я давно уже не получала такого удовольствия от игры!

– С кем? – засмеялся Серёжа. – И тебе спасибо за уроки мастерства.

Помолчал и добавил:

– Какие мы вежливые: «спасибо, спасибо».

– Да. А вот и ещё одно вежливое слово – «до свидания»

– До свидания, – и он потянулся ко мне за рукопожатием.

Мгновение я стояла в нерешительности, но этого хватило, чтобы Серёжа понял, что я боюсь к нему прикоснуться. Он задержал мою руку в своей и заглянул в глаза.

– Видишь, ничего страшного не происходит.

– Нам не страшен серый волк, – пропела я, крепко, утрировано по-товарищески пожала ему руку, сказала ещё раз «до свидания», развернулась и, не оборачиваясь, бодрым шагом отправилась в сторону дома. Но, ещё не дойдя до подъезда, стала себя ругать: «Ну и что это был за финт? Что за поспешность такая? Ты думала, он побежит за тобой? Кретинка!

– Ничего я не думала, не знала, что делать, когда за руку взял, хорошо, что убежала, а то бы расплакалась прямо перед ним!

– В подъезде-то реветь и, вправду, лучше! Ну поплачь...»

– Не надо тебе было с ним никуда ходить! Вот ты опять сама не своя! – выговорила мне Марина. – Ну, умник! Нечего сказать! Как всё

удачно сложилось! Товарища себе нашел, теннисиста! И вежливый такой! Четыре месяца ни слуху ни духу – и на тебе! Выполнил, малыш, обещание! А он тебе не сказал, с кем эти месяцы кадрил?!

– Не спрашивала я. Марина, не хочу об этом говорить!

– Ну да! Говорить не хочешь, а реветь – пожалуйста!

– И плакать перестану. И всё забуду, и буду ходить веселая.

– И раздавать цветочки, как Офелия в последнем акте! Лида, ты его случайно плавать не обещала научить? Ты ведь кролем занималась! А то он в следующий раз позвонит и скажет: «Малыш, пришло время для плавания, бери ласты и вперед!» – и ты побежишь как миленькая!

Мы обе рассмеялись, а потом я сказала:

– Я-то побежала бы, да не позовёт он!

Но он позвал, позвонил через день и пригласил в кино.

Мы встретились вечером у входа в кинотеатр «Космос». Серёжа, красивый и элегантный, как герой зарубежного фильма, ждал меня на крыльце, притягивая, как всегда, взгляды всех проходящих мимо женщин. Вспоминая напутствие Марины («Ты – лучшее, что есть в его жизни, и он тебя пока не заслужил. Помни об этом!»), я улыбалась и шла, расправив плечи. Фильм был советско-дурацкий. Почти весь сеанс я сидела в напряжении от Серёжиного близкого присутствия и ждала, что он возьмёт мою руку, но нет. Наши товарищеские отношения продолжались. К концу я успокоилась, подумала: «Что ж, приятели, так приятели! Может, оно и к лучшему!» – и остаток вечера была искренне весела, остроумна и насмешлива. Серёже передалось мое настроение, и, пока он меня провожал, мы пытались поменять сюжетную линию фильма и выстраивали диалоги героев, периодически приседая от хохота над репликами друг друга. Расстались весело и без рукопожатий. Но ночью я опять плакала в подушку, размышляя и не представляя, что мне сделать, чтобы добиться Серёжиной любви. Распорядителем и инициатором наших встреч был он. Появлялся и исчезал, когда хотел. В цифрах и фактах о своей жизни говорил мало, например, я до сих пор только в общих чертах представляла, кто его родители, не знала, чем занимается брат. Мне явно не хватало информации, чтобы сделать его образ более земным. Я могла судить по поступкам, но в

отношении меня они были противоречивыми, а о других было известно мало. Я пыталась честно решить для себя самой, что же заставляло так убиваться по нему? Внешность? Она, конечно, имела значение, но, если бы вдруг он утратил свою красоту, прошло бы моё чувство? Нет. Ум? Безусловно. Меня восхищало его умение, рассматривая проблему, сразу ухватить суть и, исходя из неё, предсказывать возможную логику развития. Его обаяние? Да. Когда Серёжа расположен к собеседнику, невозможно не ответить взаимностью на его искреннее внимание и улыбку. Но главное – с Серёжей мне было интересно и радостно, даже когда он просто рядом молчал.

«Если у нас приятельские отношения, то теперь мне самой можно его куда-нибудь позвать», – думала я, принимая после двухдневного Серёжиного молчания малодушное решение снова взять на себя инициативу наших встреч. Но, собираясь утром в институт, я по радио услышала фрагмент какой-то медицинской передачи, в которой рассказывалось о различных приёмах в борьбе с никотиновой зависимостью. Моё внимание привлёк метод «завтрашнего дня», с его помощью я решила избавиться от другого своего привыкания, нужно было прожить без предмета вождения всего один день, говорить себе: «Я позволю себе это сделать завтра, а сегодня потерплю», – и повторять так ежедневно. Приём сработал, я дожидая до субботы, днём Серёжа позвонил и позвал в воскресенье к себе в гости.

– Мы с ребятами отмечаем некоторое событие.

– Какое?

– Расскажу при встрече.

– А кто будет? – мне показалось, что он хмыкнул.

– Не бойся! Ты ни с кем из них не встречалась ещё.

И опять, как осенью, я шла по тому же маршруту к его дому. Естественно, я всё сделала, чтобы соответствовать моменту. Даже папа заметил: «Не знаю, с кем ты встречаешься, но против тебя у него шансов нет! Хватит прихорашиваться, иди уже, а то там дождь собирается, как бы не смыл красоту!» Ливень начался, когда я почти дошла до подъезда. Дверь открыл Серёжа:

– Не промокла?

– Нет, успела добежать. А где все?

– Скоро подойдут. Мы пока на стол накроем, идём.

Я пошла за ним на кухню и увидела там высокую статную женщину, которая мыла яблоки.

– Мама, познакомься, это Лида.

– Валентина Михайловна, – представилась она, вытирая полотенцем руки.

Взглянув на неё, я поняла, на кого похож Серёжа. Было странно находить его черты на женском лице. Их сходство сразу же вызвало мою симпатию к Валентине Михайловне. С её стороны предлагалось вежливое любопытство.

– Вы учитесь вместе с Серёжей?

– Нет, я от физики далека.

Валентина Михайловна не стала уточнять род моих занятий, зато спросила:

– А статью Серёжину вы уже читали?

– Нет, Лида ещё не в курсе. Я как раз собирался рассказать.

Пока мы в его комнате расставляли тарелки на письменном, для этого случая покрытом индийской скатертью, столе, Серёжа сообщил, что поводом сегодняшней встречи стала его публикация в *Journal of Mathematical Physics*. Говорил он об этом, как о рядовом событии, но я понимала, что речь идёт о безусловном успехе и им пройдена определённая веха на пути в большую науку. Особенно меня впечатлило, что перевод статьи на английский язык сделал он сам.

– Невероятно! Класс! Чудо! У меня даже слов нет, какой ты молодец! – я искренне радовалась.

Серёжа, улыбаясь, следил за моей восторженной реакцией, она ему нравилась и забавляла.

Вскоре пришли однокурсники: Саша и Андрей с Галей, которые недавно поженились. Стол уже был накрыт, мама выпила с нами шампанского за Серёжин успех и ушла в другую комнату. Сначала разговор шёл о статье, об этапах её подготовки, о новосибирских научных руководителях. Я впитывала информацию, но, к сожалению, тонкости и нюансы проблем теоретической физики оценить не могла. Галина пыталась переводить для меня некоторые термины на «человеческий» язык, но слов не хватало, и это вызывало всеобщее веселье. Она вообще мне понравилась: милая, доброжелательная, остроумная, а главное, влюбленная в мужа. Андрей отличался молчаливостью и хорошим аппетитом. Внимания на меня почти не обращал. Зато Александр не мог скрыть своего любопытства на мой счет. Из разговора я поняла, что Серёжа с ним почти дружил. Внешне Александр был не-

привлекателен, впечатление это создавалось из-за слегка щербатого лица, начинающегося облысения и грузности фигуры. Хотя с Серёжей они были ровесники, Саша выглядел значительно старше. Вначале он попытался смутить меня прямым вопросом о моем статусе в отношениях с Серёжей, но как раз в этот момент Серёжа неожиданно попросил подать салат и на некоторое время перевёл разговор на тему закусок. Потом в процессе вечера Александр интересовался моим мнением по любому поводу и тем самым обращал на меня внимание всей компании, когда же я задавала ему вопросы об их с Серёжей студенческой жизни, отделялся общими словами.

В конце пили кофе с ликёром и коньяком, Серёжа убрал верхний свет, включил торшер и неожиданно попросил меня почитать стихи. Теперь игра перешла на моё поле, и я воспользовалась этим преимуществом. В результате покоренные зрители открыли для себя новые имена поэтов и были рады, что, кроме физики, есть ещё и лирика.

Когда ушли ребята, я стала мыть посуду, а Серёжа мне её приносил. «Господи! Хочу всю жизнь мыть тарелки с ним рядом, стирать его вещи, готовить ему!» Господь молчал, но я сама себе возразила: «Готовить, положим, ты не умеешь» – «Научусь!»

Мой внутренний диалог был прерван Серёжей, который, будто повторяя мгновения новогодней ночи, быстро закрыл кран, резко развернул меня и, не принимая никаких возражений, стал целовать в губы жадно и долго, прижимая к себе плотно, почти до боли. В любой момент могла войти мама, мы оба понимали это, но не в силах были разъединиться. Наконец я слегка отстранила его и спросила:

– Ты – кухонный маньяк? Или тебя возбуждает именно мытьё посуды?

– Идём в мою комнату.

Но из коридора послышался звук открывающейся входной двери, и на кухню быстрым шагом, прямо в грязных ботинках, вошёл коренастый мужчина среднего роста, почти лысый, с большими пакетами в руках, следом вбежала мама.

– Валя, ставь скорее в раковину, капает! Николаич с рыбалки нам привёз, – сказал он, показывая на пакеты.

Мне показалось, что мужчина сильно навеселе.

– У нас гости? – он быстро оценивающе взглянул на меня.

– Это Лида, – представил меня Серёжа и продолжил: – А это мой папа, Андрей Павлович.

– Добрый день, Лида! Вернее, добрый вечер! Это не вы случайно вчера звонили и в трубку дышали?

– Я не звонила.

– Папа, это точно была не Лида.

Родители занялись уловом, а мы зашли в комнату Серёжи, и он плотно закрыл дверь.

– Уже поздно, меня ждут дома.

– Сейчас я тебя провожу, – и он, прижав меня к стене, одной рукой обнимая за спину, а другой обхватив затылок, стал ненасытно-нежно целовать мой рот, раскрывая губы языком и добиваясь ответной ласки, которую, конечно, получил. В коридоре Андрей Павлович, оправдываясь, громко и подробно рассказывал, где он нашёл грязь, принесённую на ботинках.

– Серёжа, – прошептала я, прерывая поцелуй, – Серёженька, уже, правда, нужно уходить.

Он обнял меня ещё крепче, и мы так стояли некоторое время, пока Серёжа переводил дыхание.

Улица встретила нас, и без того одурманенных, насыщенным запахом молодой листвы и свежестью после недавно прошедшего дождя. Ноги мои шли домой, а сердце щемило, противилось и хотело остаться с Серёжей. Мы говорили о родителях, точнее, об отцах. Я восхищалась блинчиками папиного приготовления, которыми он кормит меня по утрам, а Серёжа сообщил, что они с отцом общаются не часто:

– У него много своих дел, работа – он начальник цеха, ещё машина, рыбалка. Да и я как-то всё занят. Внуки – вот его любовь.

– А кто ему дышит в трубку?

– Какой ответ ты ожидаешь услышать?

– Правдивый.

– Не имею представления.

Прощаясь, я пальцами дотронулась до его лица, погладила губы. Серёжа стоял напряжённый, с опущенными руками.

– Поцелуй меня, – попросил он, – и быстро уходи!

Я так и сделала.

Сессию я сдала на отлично благодаря многим экзаменам, зачтённым автоматически. Иначе плакала бы моя повышенная стипендия, потому что все мои мысли были отданы Серёже.

Он постоянно приглашал меня к себе, я, зная, чем может закончиться этот визит, под разными предложениями не соглашалась, в свою очередь, тоже звала его в гости, но получала отказ.

Когда экзамены были сданы, Серёжа передал мне от Андрея и Галины приглашение отметить это событие.

– Может, чтобы не торопиться, ты отпросишься у своих?

– А где наши молодожёны живут?

– У них комната в общежитии, а вообще они из Прокопьевска.

Я отпросилась, сказала, что будем с подругами отмечать сдачу сессии. «Не теряй, голову!» – сказал папа. «Поздно», – подумала я, но обещала и побежала на встречу с Серёжей.

Комната ребят имела типичный общежитский вид и отличалась ото всех остальных тем, что на полу лежал ковёр и вместо четырёх кроватей стояли придвинутые вплотную две. Галя уже поставила на стол тарелки с огурцами, капустой, помидорчиками домашней засолки, Андрей нарезал сало и колбасу и принёс кастрюлю с отварной картошкой.

Серёжа достал из пакета спиртное, шпроты и мои любимые конфеты «Эстрадные».

Когда мы выпили за предстоящие каникулы, немного поели, выяснилось, что через полтора часа отходит поезд, на котором ребята уезжают домой. Галя, улыбаясь с хитрецей, предложила нам не торопиться и быть здесь, сколько захочется.

– Ключ можно отдать соседям, потом Андрей заберёт.

Я не рассчитывала оставаться с Серёжей наедине, была смущена, взволнована и от новости этой ощутила скорее тревогу, чем радость. Зато Серёжа, судя по выражению лица, был доволен и пытался скрыть это вежливой предупредительностью: «Спасибо! Вы не волнуйтесь, мы ещё немного посидим, наведём порядок и отдадим ключ». Но обмануть никого не смог. Галина чуть ли не хихикала, а Андрей отводил взгляд в сторону.

Ребята ушли. Мы молча стояли. Возникшую паузу я нарушила словами:

– Наверное, надо помыть посуду. Но здесь негде... Боюсь, у тебя проблема! – и мы одновременно засмеялись.

Серёжа тут же обнял меня. Я хотела сказать ему, как грустно мне от этих чужих мест, а главное, от того, что он молчит о своих чувствах, но

он так нежно, как ребёнок, приклонил голову к моему плечу и даже не поцеловал меня, а только крепко обхватил руками и прижал к себе, что я промолчала. Но Серёжа неожиданно заговорил:

– Знаешь, той ночью...

Я отпрянула от него:

– Я не хочу об этом говорить...

– Ты убежала...

– Я не хочу это вспоминать.

– Что ж, ладно, – он помолчал. – Ты в шахматы умеешь играть?

– Что?! Нет.

– Я научу, – он достал их с полки, расставил на кровати, снял обувь, сел по-турецки и предложил мне расположиться напротив.

Около получаса мы занимались шахматами: сначала я с удовольствием вникала в подробности правил, потом мы попробовали сыграть, пока я с удивлением не заметила, что выигрываю:

– Ты поддаешься мне?!

Он засмеялся:

– Конечно!

– Зачем?

– Хочу, чтобы ты обрадовалась и поцеловала меня наконец.

И, не дожидаясь, когда я к нему подойду, он рывком оказался рядом, обхватил ладонями мою голову и приблизил к своему лицу. В Серёже мне всё было желанно. Я глядела ему в глаза и ощущала такое счастье, что трудно было дышать. Поцелуй был бесконечен, но мы как-то умудрились раздеться. Серёжа, сильный, нежный, предупредительный, всеми способами демонстрировал свою покорность и полную зависимость от моих желаний. Всё, что со мной происходило, имело мало общего с ранее прочитанным в романах. Серёжина близость, его нагота, его учащённое дыхание никак не пробуждали во мне эротических настроений, но любое его прикосновение вызывало во мне трепет и зашкаливающий восторг от сознания, что ласкает меня именно Серёжа.

Ранним утром мы шли по безлюдной улице в сторону моего дома, и для нас пели птицы. А вечером Серёжа позвонил и сообщил, что уезжает через три дня в Новосибирск, а потом в Москву.

– Я думал, что это произойдёт позже, но приезжает человек, с которым мне обязательно нужно встретиться.

– Это связано с научной работой?

– И с научной работой тоже. Я буду тебе звонить и писать.

И он действительно звонил. В первую неделю через день, на следующей – два раза. Телефонные разговоры не делали нас ближе, в целях экономии говорили быстро, в основном общими фразами, о чувствах молчали. А потом звонки прекратились, но зато пришёл конверт, в котором лежал маленький листочек, на одной стороне большими печатными буквами было написано: «Москва», а на другой Серёжа предлагал, если хочу, писать ему по адресу: «Главпочтамт, до востребования». О, сколько вариантов ответа складывалось у меня в голове в последующие дни! От пронзительно-откровенных до иронично-оскорбительных. Но ни один из них перед ясными Серёжинными глазами не предстал.

В середине июля я уехала на обязательную для студентов нашего факультета двухнедельную культармейскую практику. Днём в дальнем селе Чебула отряды ремонтировали клубы, находившиеся в основном в зданиях бывших церквей, а ближе к вечеру ездили с концертами по колониям и выступали перед гражданами, осуждёнными на разные сроки. Жили мы, и юноши, и девушки, в спортивном зале клуба, волейбольная сетка отделяла женскую половину от мужской, спали на полу на матрасах, кормили собой миллионы мух и, как Павка Корчагин, вечерами с радостью зачёркивали на календаре каждый прожитый день. В результате я повысила своё малярное мастерство, познакомилась с некоторыми сторонами быта заключённых и заработала пиелонефрит, который стал причиной моего досрочного возвращения домой. Весь этот культармеский период в сознании запечатлелся как абсурд на фоне бреда, где абсурдом была сама колониально-концертно-строительная практика, а бредом – мои непрекращающиеся мысленные беседы с Серёжей.

«Ждать да догонять – вот мученье!» – говорила моя бабушка. Ах, как была она права! Слава богу, что мне хоть догонять никого не надо было. Для того чтобы жизнь моя превратилась в муку, хватало и одного ожидания. Я возненавидела телефон за то, что он молчит, и за то, что звонит, но соединяет не с Серёжей. Я презирала свой почтовый ящик за банальность попадаемой в него информации и отсутствие вестей из Москвы. Я не находила утешения ни в компаниях, ни в чтении, ни в беседах с подругами. Я уже не злилась на Серёжу и не ревновала его, а просто тосковала и только что не скулила, как щенок.

– Привет, это я! Я прилетел час назад! – радостно сообщил Серёжа.

Шестнадцатое августа. Двадцать три часа пятнадцать минут местного времени. Жизнь вернулась.

– Алё! Ты меня слышишь?

– Да, – я восстановила дыхание. – Как ты съездил? Удачно?

– Всенесомненно! И даже более того! А как ты? Скрытная такая! Не писала ничего! Ты ведь уезжала?

– И уезжала тоже. Так много времени прошло.

– Разве? Всего-то чуть больше месяца.

– У нас разное представление о времени.

– Значит, если я скажу: завтра в час мы встречаемся, ты можешь прийти в два, или позже, или раньше?

– Где?

– У меня!

– Нет!

– Да!

Но встреча не состоялась. После завтрака папа присел на диван и, держа руку у сердца, растерянно сказал:

– Болит как-то сильно... Не было так раньше.

Я вызвала скорую, мы уехали в больницу, где врачи определили ишемию сердца, и папу положили в кардиологическое отделение.

– Ты хоть здесь отоспишься, в тысячу с мужичками играть будешь. Папа, не расстраивайся!

– Даже и не думаю. Маме позвони! Пусть тапки привезёт и всё остальное.

– Я сама принесу. Будем гулять с тобой по больничному скверу, когда разрешат.

Мы с мамой, конечно, испугались, хотели вызвать Сашу – он был на каникулах в Белово, но лечащий врач сказала:

– Ничего страшного не случилось. Прокапаем, подлечим. У мужчин в этом возрасте бывает такое. Волноваться ему нельзя, курить надо бросить, диета...

Это несколько успокаивало, но вид опустевшего папиного кресла всё равно вызывал тревогу и желание поскорее увидеть в нем папу здоровым и весёлым, как прежде.

Последнюю неделю каникул я почти всё время проводила на воздухе: днём с папой, а вечером с Серёжей. С папой мы обычно сидели на лавочке возле клумб с настурциями и болтали о пустяках, но однажды он неожиданно сказал:

– Я бы хотел, чтобы ты уехала отсюда. В Москву, в Ленинград! Мне не удалось, но ты должна попробовать!

Когда папе было десять лет, в поисках талантов в нашу область приезжал представитель хора мальчиков при Гнесинском училище и, прослушав Ванечку, был поражен его голосом, долго уговаривал мою бабушку отпустить сына в Москву, но она не решилась.

– Я уже пробовала, ты знаешь! И к чему сейчас об этом говорить, осталось учиться всего год!

– Лида, тебе ещё только двадцать лет! Можно добиться, чего хочешь! Я вот в сорок пять учиться пошёл! Ты, кстати, замуж не собираешься случайно?

– Это вот вообще не кстати! Не за кого, и не зовут!

– А Сергей этот?

– Какой?! Ой, папа, тебя, кажется, участницы хора пришли навестить! – по тротуару к нашей скамейке действительно шли две женщины, одну из которых, Люду, я уже встречала здесь не раз. Они остались, а я побежала готовиться к очередной вечерней прогулке с Серёжей.

Хотя это скорее были не прогулки, а пробежки (Серёжа шел быстро, и на его один шаг моих приходилось несколько) с длительными остановками для бесед и иногда поцелуев в безлюдных местах.

Часто мы встречались в моём любимом, со шпилем и башенными часами, здании главпочтамта. Поздним вечером посетителей было мало, в высоком холле при входе я садилась на выступ одной из ниш и, пока Сережа звонил в Москву, ждала. «Норильск, пройдите в пятую кабину, Вологда, – в третью», – доносились из переговорного пункта призывы телефонистки. Я представляла людей, желающих в далёких городах услышать родные голоса, и радовалась, что мне уже телефонных звонков ждать не нужно. Серёжа был рядом, хотя иногда мне казалось, что мыслями он всё ещё находится в столице.

Серёжа не тосковал, не грустил, но временами производил впечатление человека, которому кто-то выдал специальные очки со словами: «Приедешь к себе в Кемеровку – надевай почаще! И увидишь, в какой заднице ты живёшь, пока нормальные люди наслаждаются негасимым светом московских окон!» Я была уверена, что этим «кто-то» мог быть Алексей, с которым Серёжа в столице почти не расставался. Прежний притягательный для меня искренний Серёжин интерес к окружающему, его попытка во всём дойти до сути стали иногда заменяться иронич-

ной оценкой внешних, очевидных сторон, на которые и внимание-то обращать не надо. Кажется, в его сознании поселилась идея, для воплощения которой нужно находиться совсем не в нашем городе. И вот теперь он пережидал, копил силы и каждый день звонил в Москву, получая таким образом желанный жизненный импульс.

И всё-таки Серёжа был рядом, пусть изменившийся, но реальный, живой, а не существующий только в моих воспоминаниях, как недавно во время разлуки. Мы по-прежнему много смеялись, говорили, но на мои прямые вопросы о том, где он был, с кем? Где останавливался? Почему перестал звонить? Я получала ответы, в которых конкретных фактов было так же мало, как сиропа в стакане газировки из уличного автомата. Я могла анализировать, сопоставлять известную мне информацию и пытаться прогнозировать будущие наши отношения, но не делала этого, потому, вероятно, что подсознательно догадывалась – прогноз будет для меня неблагоприятным. Одно я знала точно: пока Серёжа не окончит институт – а ему так же, как и мне, оставалось учиться год, – жить в другой город не уедет, и с оптимизмом воображала, каким сказочным могло бы стать для нас это время.

Каникулы кончились, с южных побережий вернулись мои подружки и делились впечатлениями, каждая в своей манере. Марина, смеясь, описывала весёлые, а порой грозившие опасностями последствия применения динамоприёмов с искателями курортных приключений. Вера, когда я пришла к ней, сдержанно сообщила, что скоро ожидает черноморского гостя у нас в Сибири, а потом прибавила:

– Правда, это не Виталий, а его друг, Игорь!

Оказалось, что властная мамаша Виталия уже давно выбрала другую невесту для сына, и он трусливо скрывал этот факт до Вериного приезда. А Игорю Вера понравилась с самого знакомства, у них была дружеская переписка – и, пожалуйста, он собирается приехать уже не только как друг. Обсуждение подробностей наших с Верой летних переживаний и приключений были прерваны звонком в дверь. «Ах, как не вовремя! – подумала я, усмехнулась. – Надеюсь, это не Алла!» Но по голосу из прихожей догадалась, что пришла именно она.

– О! Лида! Привет! Давно тебя не видела, – и она хихикнула. – Ты случайно не на Мосфильм ездила сниматься?

Честность и открытость – лучший отпор злобствующему оппоненту:

– Алла! Я выполняла важное поручение государства – повышала культурный уровень советских граждан, рискуя собственным здоровьем. Надеюсь, у тебя как у истинной комсомолки подобное заявление не вызывает насмешки? – сказано это было очень серьёзно, проникновенным тоном секретаря партийной ячейки.

Скрытую иронию Алла не уловила и даже начала оправдываться:

– Нет, что ты! Я против комсомола и вообще... ничего не имею. А что за поручение?

Мне стало неловко, я рассказала о своей практике, в лицах проигрывая некоторые эпизоды. Мы посмеялись и ждали, что поведает Алла, потому что просто так она бы не пришла. И, действительно, Алла сообщила судьбоносную новость:

– Я замуж выхожу весной.

– За кого?

– За Дениса Барсукова! Вы вряд ли его знаете. Он старше на пять лет. Смотрите, какой браслет подарил. – И мы восторженно одобрили. – У него в семье все юристы, а Денис – адвокат.

– Классно! Ты теперь безбоязненно можешь убивать своей красотой наповал, – Алла с постриженной чёлкой и изменённым, более изысканным макияжем выглядела действительно привлекательно. – Он тебе срок до минимального поможет скостить.

– Я-то ладно! А что с вами, девочки, делать?

– А что мы? Нас Бог миловал, в услугах адвокатов не нуждаемся! Вот врачи – это другое дело! Пока папа в больнице лежал, я поняла, что доктор в семье – это очень актуально!

– Что ж, разумно! Вот и я говорю: физика – физикой, а жизнь – жизнью. А папу уже выписали?

– Вчера. А при чём здесь физика?

– Да ладно, Лида! Город наш маленький, а Кортников – личность известная, с ним раз пройдёшь, и на завтра все уже обсуждают. Только вот думаю, что по Кемерово прогуливаться он долго не будет.

– Девочки, я вам фотографии с моря покажу, – включилась в разговор Вера, но я оставаться не стала, мне уже как раз пора было собираться на встречу с известной личностью.

Перед моим выходом из дома Серёжа неожиданно позвонил и попросил взять с собой что-нибудь из еды. Я сделала бутерброды с колбас-

ным сыром, нарезала солёный огурец и, пообещав родителям не возвращаться поздно, пошла к месту встречи – в малолюдный сквер обкомовской больницы. Серёжа задержался минут на пятнадцать, хотя обычно не опаздывал, пришёл взъерошенный и слегка пьяный, что было в первый раз. Более того, он достал из пакета поллитра водки и спросил, принесла ли я закуску.

– А что мы отмечаем?

– Ничего не отмечаем, напьемся просто так, хотя... повод всегда можно найти. Вот, например, – он открыл бутылку, приподнял её, произнес: – За начало заключительного учебного года, – и передал мне.

– Нет, сначала ты.

Он сделал из горлышка несколько глотков и закусил огурцом.

– За все счастливые моменты, которые возможны в заключении! – сказала я и тоже сделала глоток.

– Люблю твой оптимизм! И когда ты вот так на меня смотришь!

– Как?

– Не скажу! – он стал целовать меня, но вскоре внезапно отодвинулся, выпил ещё и стал прохаживаться вдоль скамейки туда и обратно.

– Мы с тобой, как дворняги, мотаемся по этому проклятому городу. Пойти некуда! Дыра! Скорее бы уехать! – и опять он выпил.

– В Москву, в Москву! Как у Чехова! – попыталась я иронией снять излишнюю эмоциональную напряжённость разговора.

– К чёрту Чехова! Ну хотя бы и в Москву! Или давай уедем в Канаду?!

Я засмеялась:

– Лучше сразу, как земляк наш Леонов, в открытый космос полетим!

– Я не шучу!

– Так и я серьёзно. Кто нас выпустит из страны? В космос улететь у нас шансов больше, чем оказаться в Канаде. Сегодня только папа рассказывал, что его приятеля даже в Болгарию не выпустили из-за того, что какого-то члена правительства вспомнить не мог. Серёжа, пожалуйста, не пей больше и закусывай, тебе завтра плохо будет.

– Да мне уже сегодня хреново! И вчера! И всегда! Здесь нормальный человек жить не может! Ни в этом городе, ни в этой стране! Давай уедем!

Вот я и дождалась! Серёжа наконец позвал меня с собой! Мне было без разницы, где с ним

жить: в пустыне, в тундре, в заброшенной российской деревне, но желание уехать в Канаду своей невозможностью осуществиться напомнило мне попытку ребёнка проникнуть в нарисованный на картинке домик. Серёжа продолжал развивать свою мысль об отъезде.

– Лично у меня есть знакомые, которые свалили отсюда и живут там, как люди!

– А почему Канада? Почему не Штаты или Франция?

– В Канаду попасть проще! Шансов больше, а денег нужно меньше!

– Каких шансов?! Серёжа! Кто нас там ждёт?! Да и я, кроме рублей, никогда других денег не видела и, тем более, в руках не держала! – Я допила оставшуюся на дне водку. – Всё! Пьянству – бой!

– Лида, ты меня не слышишь!

– Серёжа, я обещала сегодня прийти пораньше. Давай поговорим о Канаде завтра, на трезвую голову!

– Лично моя голова трезвая. Я хочу услышать однозначный ответ на мой вопрос: ты готова поехать со мной? – Серёжа был уже изрядно пьян.

– Я готова полететь с тобой даже на Луну.

– Нет, не на Луну! Отвечай серьёзно!

– Ну, хорошо! Я не знаю ни английского, ни французского языка, в школе учила немецкий, я предпочитаю страны с тёплым климатом, а в Канаде холодно, я люблю свою Родину, но с тобой бы я уехала! Ты доволен?

– Что ты любишь?! Родину?! Я не ослышался? Может, ты и партию любишь?!

– Ну при чём здесь партия? Серёжа, пойдём домой!

– Да куда я не пойду! Родину она любит! Картинки в букваре?! Берёзки?!

– И берёзки тоже, но больше тополя!

– А город этот?!

– Его я просто обожаю. Серёжа, пойдём, нужно хотя бы позвонить, чтобы мои не волновались!

– Да ты – совок, Лида! Господи! Оказывается, ты просто настоящий, махровый совок!

Я отнесла эти восклицания на счёт водки, не обижалась и хотела поскорее попасть домой, чтобы не волновать папу.

– Жаль, что разочаровала тебя, пойдём!

– Иди! Но знай, если ты сейчас уйдёшь, то больше мы встречаться не будем!

– Хочешь, мы вместе дойдём до твоего дома?

– Я повторяю для особо умных: либо мы идём вместе, когда захочу я, либо ты идёшь, когда захочешь, но одна.

– Мой папа только вчера из больницы вышел.

– Я уже всё тебе объяснил, – он сидел, развалившись на скамейке, и на меня не смотрел.

Стрелки на часах подходили к двенадцати. Я встала и быстро, почти бегом, направилась в сторону дома.

Папа после таблеток уже спал, мама встретила меня и тоже легла.

Я едва дождалась утра и позвонила Серёже.

– Я, наверное, разбудила тебя, извини. Хотела узнать, как ты?

– Напрасно побеспокоилась. Я в порядке, как и твой папа, надеюсь?

– Да.

– Ну, пока! Всего тебе доброго, Лидка! – И он положил трубку.

ГЛАВА ПЯТАЯ

«Не везёт в любви, повезёт в игре в карты», – давно заметил народ. В моем же случае удача сопутствовала в другой игре – КВН. Клуб весёлых и находчивых. Находчивостью, правда, в последнее время я не отличалась, скорее, растерянностью, но зато более весёлого человека, чем я после расставания с Серёжей, нужно было умудриться найти! Весёлость эта началась внезапно, когда во время моей третьей попытки (их всего было три) объясниться он предложил мне вместо наших встреч заняться фотографией и фиксировать виды родного города. Я рассмееялась и продолжала хихикать даже после того, как Серёжа положил трубку. Потом смех прошёл, но возвращался иногда в самое неподходящее время и часто по грустным поводам. Окружающие по-разному реагировали на перемены моего настроения.

Брат, с которым после его поступления в военное училище мы виделись редко, не мог понять моей реакции на его рассказы о курсантских невзгодах.

«Лидка, ты зря смеёшься! В этой казарме столько кретин! Некоторые после армии командиров из себя строят, иногда так и хочется в пятак врезать! Сестра, ну хватит ржать! Я серьёзно!» – «Саша, ты не обращай внимание, это непроизвольно».

Удивлялись мои одноклассники, когда сообщение об очередной смене руководителя курса и назначении нового провинциального гения режиссуры я встретила взрывом хохота, не вникала в причины увольнения предыдущей команды

педагогов и безропотно включилась в работу над выпускным спектаклем «Солдатская вдова», где мне, правда, дали одну из главных ролей.

Марина же после очередного моего веселья приобняла меня и сказала:

– Лидка! Лидочка, тебе надо поплакать, сесть, прореветься, а то этот твой смех без причины, знаешь, признак чего?! Так что лучше уж поплачь!

Но плакать не хотелось. Желаний вообще не было никаких, как, впрочем, и сожалений. Вспоминая ещё и ещё наше последнее свидание, я думала, что, появившись у меня возможность вернуть всё назад, в своём поведении почти ничего бы изменить не смогла. Родину я и правда люблю. Лет с пяти, когда сидела на репетициях и концертах папиного хора и слушала торжественно-протяжные, тоскливо-щемящие мелодии народных песен, я представляла раздольные поля, и речку Волгу, и быстрых коней, и казаков, и ямщика несчастного, и сердце трепетало от чего-то пока до конца неосознанного мною, но уже родного, что вызывало и жалость, и радость одновременно. А позднее Александр Сергеевич и другие любимые мои рассказчики своими сказками и историями в стихах и прозе дали мне понять, что не любить отечества нельзя, и я с готовностью согласилась с ними. «А Серёжа, – думала я, – наверное, в детстве другие сказки читал, а может, сразу перешёл к условиям задач по физике». Это ироничное умозаключение стало причиной очередного приступа смеха.

С моей веселухой действительно надо было что-то делать.

– Давай сделаем из неё лимонад, – предложил мне Дима Смирновский, недавний выпускник, а теперь преподаватель нашего вуза, когда я рассказала ему вкратце историю происхождения моего весёлого периода жизни.

Вообще чаще его звали не Димой, а Митей или Митенькой. Это ласковое мягкое имя необыкновенно подходило ему. Доброго и ранимого, худенького, с глазами печального ангела, но с чувством юмора одессита-интеллектуала, Митеньку любили все, кто имел сердце. Его же страстью были кинематограф и массовые зрелища. Во время подготовки одного из них (посвящения в студенты) мы и подружались.

– Что сделаем?!

– Англичане говорят: «Если вам достался лимон, сделайте из него лимонад».

– Остроумно, но я не представляю, как это отнести к моему случаю.

– Лида, выходу энергии твоего смехо-психического надрыва нужно дать правильное направление, и я даже знаю какое.

И Дмитрий рассказал, что на областном телевидении ему поручили организовать игру КВН между студенческими командами города.

– Я к тебе, собственно, и шёл, чтобы предложить роль ведущей.

– А с кем в паре?

Мы обсудили детали, и я включилась в работу. Митя написал сценарий, придумал задания командам, и мы вместе с ним ходили на репетиции, работали над дикцией игроков, поднимали творческий дух.

Первая игра предполагалась между командами медицинского и политехнического институтов, причём и с той, и с другой стороны участвовали только юноши. Медики, к моей радости, выбрали капитаном Мишу Альтшулера. Марика в игровой состав не взяли, он входил в группу поддержки. Но, в принципе, было неважно, какая у тебя роль и чей вуз представляешь, главное – ты в команде и можешь наслаждаться дружеским участием её участников, их подтруниванием друг над другом, радоваться остроте сочинённых шуток и всегда рассчитывать на уважение к проявлению твоих способностей. Эти райски-свободные отношения сумел выстроить Митя.

Все репетиционное время я находилась в окружении умных, талантливых молодых мужчин. Раньше я знала бы, как этим распорядиться, но сейчас...

– Говорят, когда Бог закрывает окно, он оставляет форточку. А тебе прямо двери распахнул! На, Лида, выбирай не хочу! Какие мальчики! Загляденье! – делала выводы Марина после присутствия на одной из репетиций и, предупреждая мои возражения, продолжала. – Ладно, ладно! Не хочешь сама – дай приобщиться подружкам. Как, например, того усатого зовут из политеха? Если ему усы сбрить, замуж выходить можно! И всё-таки, Лида, я тебе советую в лечебных целях хоть в кино с кем-нибудь сходить. Клины клином вышибают! Народ редко ошибается.

Ни на какие «вышибания клиньев» сил у меня не было, но в кино я ходила. После репетиции Митя сказал:

– Я случайно услышал, что ты нуждаешься в целебной силе кинематографа? Давай я выпишу лекарство.

Он любил выискивать шедевры киноискусства, которые иногда показывались в отдалён-

ных от центра маленьких кинотеатрах или клубах. Как коллекционер в лавке старьевщика мечтает найти подходящий ему экземпляр, так Митя рассматривал газету с афишей в надежде увидеть название фильмов Тарковского, Антониони и других своих любимчиков. В этот раз попала «Раба любви» Михалкова, которую показывали в клубе Коксохимзавода. Картина эта нам уже была знакома, но, как говорил Митя, «если фильм заставляет к себе возвращаться, значит, он не такой и плохой». Вместе в кино мы шли впервые. Обычно Митя при наших встречах в институте на ходу бросал: «Ты уже посмотрела... (И шло название фильма, который я ещё, конечно, не видела.) Не пропусти! Это такой сюр!» Или: «На этот не ходи, зря время потеряешь».

Я побежала домой, чтобы успеть перекусить перед сеансом, и, поднимаясь по лестнице, увидела, как из нашей квартиры выходит Антон. За лето он изменился: стал шире в плечах, загорел, волосы и брови посветлели, в отличие от проливающегося усов.

– Привет, сосед! Какой ты красавчик! Прямо – орёл! Кто дома?

– Мама. Я инструменты дяде Ване вернул.

– Молодец. А где ты так загорел?

– На Шикотане. Со стройотрядом ездил рыбу солить.

– Здорово!

Антон стоял посредине лестницы и, когда я захотела проскочить, остановил меня.

– Лида, подожди! Послушай, я, конечно, младше, но это всего какой-то год!

– Антон! Я примерно представляю, что ты хочешь сказать, и давай мы эту тему сразу закроем. Посмотри мне в глаза! – Я держала его взгляд. – Я тебя очень хорошо понимаю! Сделать. Ничего. Не могу. Мне очень хреново! Ты понял?!

– Да.

– Без обид?

– Да.

– Мы сейчас с приятелем собираемся посмотреть фильм. Хочешь с нами? Хорошее кино как лекарство!

– Когда?

– А вот прямо минут через двадцать.

– Я у подъезда ждать буду.

Внезапное решение пригласить Антона было принято из чувства сострадания, может быть, даже не столько к нему, сколько к себе самой, оказавшейся в подобной ситуации. Сначала я

пожалела о своём порыве, но потом решила, что Митя поймёт, а Антона это может отрезать.

В кино я плакала чуть ли не навзрыд. Антон сидел притихший, а Митя сказал, что лекарство действует.

После фильма Антон робко предложил пойти в кафе «Льдинка» – популярное у студентов место, которое находилось на центральном Советском проспекте и представляло собой трёхэтажную стеклянную встройку в пространство между стенами двух сталинских домов. В городе это был единственный пункт общепита, где «кафе» к международным соревнованиям по хоккею с мячом написали латинскими буквами. Неоновая вывеска намекала на реальность существования заграничной жизни и создавала иллюзию приобщённости к ней в нашем городе.

– А почему бы и нет? – согласился Митя, а мне было всё равно.

В кафе мои непьющие кавалеры заказали мороженое, а мне ещё и шампанского. Первоначальная скованность Антона прошла совсем, он в подробностях объяснял нам, почему после этого лета, проведённого на рыбообрабатывающем заводе, на рыбу смотреть не может.

– А если бы рыбка золотая была? – спросил Митя, и здесь мы все дали волю воображению, заветное желание моё непроизвольно мелькнуло в сознании, обожгло сердце, но я вслух я его, конечно, не произнесла.

Митины преувеличения вызвали хохот, и, спускаясь по лестнице, мы ещё продолжали смеяться. Я посмотрела вниз и у гардероба увидела несколько человек из Серёжиной компании, а потом и его самого. Он держал в руках куртку и смотрел прямо на нас. Встретившись взглядами, мы одновременно кивнули друг другу в знак приветствия. Актёрское мастерство в этот раз мне очень пригодилось! Я, всё ещё улыбаясь, отвечала на вопросы Мити и спокойно дожидалась, когда Антон принесёт пальто, но угловым зрением видела, как Серёжа получил номерок и в окружении девиц поднялся наверх.

– Лида, тебе плохо? – вдруг спросил Митя.

– Почему ты так решил?

– Ты вся белая, – ответил за него Антон.

Я посмотрела в зеркало: действительно, бледность моя была очевидна. «Да, Лидка, не актриса ты», – подумала я.

Пока шли домой, разговор меня как-то отвлекал, но в одиночестве своей комнаты я ощутила тяжесть безысходной тоски. Слез не было,

хотелось только орать во всю глотку до скончания сил.

В моменты жизненных неприятностей я обычно не выпиваю. Не из-за отсутствия желания, а потому, что не пьянею, не расслабляюсь, а тоска только усиливается. Но в этот раз я позвонила Марине, она, невзирая на поздний час, прибежала ко мне, и мы изрядно уменьшили мамин запас настоек. Опустошая рюмки одну за другой, я ждала желаемого душевного облегчения, и часа через три, когда открылась рвота и начался озноб, оно пришло. Марина, которая мало пьёт, но быстро пьянеет, шёпотом, чтобы не разбудить родителей, приговаривала заплетающимся языком:

– Вызываем скорую! Тебя надо промыть! Это отравление, я звоню ноль-три!

Обошлось без врачей. Я три дня не ходила в институт, сбивала температуру, есть ничего не могла, пила воду и чай и постепенно пришла к себе. С физическим выздоровлением стали наконец проявляться первые признаки возвращения здравого смысла: я перестала обижаться на телефон, а когда на один из прогонов кто-то из игроков привёл девицу из Серёжиного окружения, я сначала почувствовала радостное любопытство, а в конце репетиции даже забыла о её присутствии. (Ну, или почти забыла.)

Митя ненавязчиво включался в процесс моего восстановления. Его комната в общежитии для преподавателей была местом своеобразного интеллектуально-творческого клуба. Здесь собирались художники разных направлений, поэты, звукорежиссёры, операторы, преподаватели вузов, философы, студенты и даже один психиатр. Я осторожно входила в их круг, а Митя пытался незаметно «постелить мне соломку». Никто на «посиделках» о политике не говорил, не обличал коммунистов, просто слушали музыку, стихи известные и только что написанные, обсуждали новые приёмы раскадровки, вникали в тонкости философских теорий, рассуждали о природе Божественного и в тесном пространстве Митиной комнаты ощущали себя жителями мира. Лучшей атмосферы для моего выздоровления сложно было придумать. Представительницы женского пола в этой компании появлялись редко, и я уже через некоторое время поймала себя на кокетливых интонациях при обсуждении теории Фромма и была этому рада.

Постепенно возвращалось ощущение утраченной свободы. Казалось, что жизнь, будто

оправдываясь за то, что не даёт мне возможности быть рядом с Серёжей, предлагает взамен успех, некоторую популярность и череду ярких событий.

На сцене театра оперетты наконец состоялась игра КВН. Перед началом мне сделали профессиональный макияж, причёску с начёсом, я стояла в холле у большого зеркала в кримпленовом костюме, в туфлях, которые из-за высоты каблучков больше походили на ходули, и думала, что если Серёжа вдруг увидит игру, то вряд ли узнает меня в таком виде. Театр чуть ли не трещал из-за обилия народа, желающего приобщиться к празднику и ощутить вместе со всеми дух дозволенного вольнодумства. Представление показали по областному телевидению, и начальством было принято смелое решение сделать серию подобных передач. Митя счастливый порхал между игроками, уверял, что завтра все они проснутся знаменитыми, и ему верили. Медики с небольшим отрывом одержали победу, Миша тихо торжествовал, а Марик ходил откровенно-счастливый. Объятия, поцелуи, рукопожатия, хохот, звяканья стаканов завершали эту встречу. Расставались ненадолго, впереди предстояла следующая игра, и, стало быть, праздник не кончался.

Через полмесяца, как и планировалось, мы с Мариной слетали на неделю в Литву, с двухдневной остановкой в Москве. Поездка прошла сказочно, как будто нас сопровождал Кот в Сапогах и заранее волшебным способом устраивал успешность любых наших продвижений. Володя, двадцатисемилетний троюродный брат Марины, встретил нас в аэропорту, отвёз к себе в маленький домик, в котором жил вместе с мамой в пригороде Вильнюса.

– Вам повезло! Мне новую машину дали, там кабина большая. Я вас в город возить буду, ещё ребят на работе попрошу, чтобы по пути и в другие места подбрасывали. Покатаетесь, всё увидите!

И мы действительно проехали почти всю Литву на грузовиках и автобусах и увидели уютно-приветливый Вильнюс, старинные улочки городов, множество деревень с костелами и черепичными крышами домов, магазины в Клайпеде, в которых без очереди продавали импортные вещи, и, как мечтали, посмотрели спектакль («Соломенная шляпка») в знаменитом театре маленького городка Паневежеса.

Мы радовались всему, что предлагал новый день: уплетали имбирные и шоколадные пиро-

ные, каких в Сибири никогда не пробовали, пили в гостях домашнее вино из яблок, пели под аккордеон весёлого вдовца-соседа его любимую песню про Колю-Николашу, а потом вместе со всеми на литовском – про девушку, за которую надо выпить, чтобы у неё не болело сердце.

Путешествуя по Литве, враждебного отношения к себе как к представителям русской нации (перед отъездом нас многие об этом предупреждали) не заметили (ну, может, в магазинах не сразу отвечали на вопросы, и приходилось дольше ждать товар, но это ведь – мелочи!). Провожали нас чуть ли не всей округой, и литовские Володины соседи искренне приглашали в следующий раз приезжать без стеснения в гости уже к ним.

Возвращаясь домой, я смотрела на звёздное небо в иллюминаторе и представляла, какой яркой кометой ворвусь в кемеровскую атмосферу в новой шикарной французской шубе, воображала, как случайно мы встретимся с Серёжей и он, потрясённый моим видом, не упадёт, конечно, но пошатнётся.

Поразительно, но мы действительно встретились случайно. Снежным тёплым вечером я возвращалась от Марины и на скамейке увидела двух модных девиц, в одной из которых узнала Лену, мою одноклассницу. Мы обрадовались, наговорили друг другу комплиментов, поделились новостями, решили недолго прогуляться по Весенней. Как экзотическую диковинку, они рассматривали в свете фонарей мою длинную шубу из искусственного меха и экстравагантную шапку с лисьей отделкой, я увлечённо рассказывала о паневежеском театре и не сразу заметила приближающуюся к нам компанию из трёх молодых людей, среди которых был Серёжа. Лена узнала в одном из юношей своего знакомого, побежала навстречу и после оживлённых переговоров махнула нам рукой, подзывая к себе.

Мы подошли, Серёжа стоял чуть впереди и особого внимания на нас, девушек, не обращал, я слегка опустила голову так, что он с высоты своего роста лица моего, прикрытого мехом шапки, увидеть не мог. Решили прогуляться объединённой компанией. Никто никому не представился, просто гурьбой побрели вдоль улицы. Лена и её подружка щебетали с незнакомыми мне спутниками Серёжи. Он шёл справа, смотрел в другую сторону, молчал и по-прежнему меня не узнавал. Почти год назад по этой же улице, но в обратном направлении мы шли в квартиру к

Марго! Чтобы понять, как ты действительно относишься к человеку, достаточно неожиданно увидеть его, и первое чувство, которое ты испытываешь или не испытываешь в момент встречи, будет определяющим. О своей влюблённости в Серёжу я знала и без этого теста, но потеря самоконтроля, щемление сердца, волна радости, которые я ощутила, сказали о том, что время меня от чувств не излечило нисколько. Постепенно мы вошли в привычный наш прогулочный ритм: его один длинный шаг и несколько моих рядом, и воспоминания о счастливых летних встречах опасно приблизили меня к слезам.

У драмтеатра Серёжа сказал своим спутникам, что ему нужно зайти к другу в соседний дом, и стал прощаться. Я подняла голову, наконец посмотрела на его лицо, глаза наши встретились, и безразличие Серёжи вдруг сменилось узнаванием, удивлением и промелькнувшей радостью, которую он или не успел, или не захотел скрыть. Серёжа опустил взгляд, кивнул мне, слегка замешкался, сказал всем: «Пока!» – и ушёл. С этой встречи в моей душе необъяснимым образом поселились спокойствие и неожиданная надежда.

Заканчивался предпоследний семестр. Я успешно сыграла роль стервозной соперницы солдатской вдовы в выпускном спектакле («Молодец! С самого начала жару дала!» – оценил руководитель курса) и досрочно сдала несколько экзаменов. Успеваемость влияла на распределение. Многие однокурсники боялись маячивших в перспективе разбитых сельских клубов. Увлечённая решением своего главного вопроса – выживания после разлуки с Серёжей, я пока о месте будущей работы не думала, предпочитала переживать неприятности по мере их поступления. Некоторые студентки делали ставку на свободное распределение, путь к которому лежал через замужество. Это был явно не мой вариант. Единственный человек, с которым я хотела бы жить вместе, был Серёжа, но вообразить его женатым на ком-нибудь, и на мне в том числе, я не могла. Жениться, как я понимала, он не собирался (в ближайшие лет десять точно), к свадьбам относился с иронией, и поэтому фраза «Серёжа-жених» вызывала у меня улыбку, как если бы на голове у него завязали бантик. Но всё-таки иногда я мысленно рисовала нашу семейную жизнь, представляла, как радостно было бы ждать его с работы (с лекций, научных конференций, симпозиумов или даже со школы, где бы он был учителем), слушать впечатления о прошедшем дне, просто знать, что он рядом.

И опять подошла новогодняя пора. Брат мой, как и мечтал, собирался уйти на всю ночь в компанию с одноклассниками, а меня ещё задолго пригласили ребята из КВН. Судя по количеству денежного взноса с каждой персоны и по домашним творческим заданиям, намечалось что-то грандиозное. Я отвечала за текстовое соединение всех звеньев праздничного капустника, специально не готовилась, надеялась на ветреную Музу, но, чтобы уточнить количество гостей, их особенности, привычки и предпочтения, встретила с Мишей.

Мы давно уже с ним не беседовали наедине. Он изменился, стал более уверен в себе, в разговоре предоставлял инициативу мне, а сам внимательно смотрел и слушал. Причина подобных перемен в поведении выяснилась позже, когда Миша сообщил о своём выборе специализации врача-психиатра.

– На ловца и зверь бежит! – тут же сказала я ему. – Доктор, наконец-то я вас нашла! Готовьте лупу, сейчас распахну свою душу.

– Она у тебя и так нараспашку, и уже давно!

– Так что ж, лучше запахнуть?

– Это вопрос скорее к психологу, а психиатры, как я понял на практике, в основном алкашами занимаются, горячку белую врачуют. Тебе могу дать только общие рекомендации: прогулки на воздухе и положительные эмоции.

– Кстати, о положительных эмоциях: та проза, что-то типа рассказа, который ты дал мне почитать в последний раз, отличается от всего, что ты писал раньше: какая-то новая щемящая интонация, короткие фразы, мне понравилось. Это что? Влияние твоей специализации?

– Нет. Все проще и сложнее: проще, потому что писал не я, а сложнее, потому что это сочинения Марика, и он меня убьёт, если узнает, что я дал почитать тебе.

– А ты не говори! Марик?! Невероятно! Ты не бойся, я ему тоже ничего не скажу. Хотя очень хочется. Он, правда, молодец!

– Лида, он не просто молодец, он – хороший и даже не хороший, а лучший! Я никогда не рассказывал тебе, и сейчас не знаю, правильно ли делаю. Мы с Марком вместе с десяти лет, с тех пор, как умерла его мама и он приехал жить к бабушке.

– Господи, Миша!!!

– Да! У него здесь из близких только бабушка, мои родители и я.

– А папа?

– Отец из семьи ушёл ещё до рождения Марка. Конечно, есть и ещё родственники, но они в Израиле.

– Болтун – находка для врага! Ну и кто из нас психотерапевт?! Ты, конечно, ты, Миша! И в следующий раз мы уже будем долго обсуждать мои проблемы. Готовь тонну успокоительного!

Утром тридцать первого декабря я проснулась с заложенным носом и болью в горле. Температуры не было, но не было и праздничного настроения и идей для застольного творческого задания, выполнение которого я отложила на последний момент. Муза, действительно, ветренная, а может, просто испугавшаяся вируса, не пришла, зато примчалась Марина с предложением взять её с собой в нашу компанию.

– Со мной?! На Новый год?! Опять?! Марина! Ничему тебя жизнь не учит!

– Наоборот! В одно и то же место снаряд не попадает!

– Почему ты не подумала об этом заранее?

– У меня было три варианта, а в результате я здесь. Ты позвони, узнай, ребята не против?

– Не буду звонить, пойдём так. Где один, там и два. Зато мы сейчас сценарный ход в виде диалога сделаем.

Работа пошла, настроение моё поднялось, 39 но простуда не отступала. Через час мы вышли на кухню попить чаю. На столе лежала записка от мамы: «Не хочу тебя будить. Забыла сказать, что вчера просили позвонить: 3-01-89». Номер был Серёжин. Удивительно, но я не почувствовала привычно-тоскливого щемления, а только лёгкую тревогу и возбуждение от предчувствия встречи.

– Позвонишь? – просто задала вопрос Марина, но интонация передала примерно следующее: «После всего?! Опять всё заново?! Дура! Ни в коем случае! Но ты ведь всё равно сделаешь по-своему! Вот козёл!»

Я набрала номер, но трубку никто не взял.

Расфранчённые, в ауре Марининых французских духов, мы приехали на такси к Павлу, студенту из меда, родители которого в безумной любви к чаду не испугались предоставить квартиру для новогодней пирушки. Все двенадцать этажей дома с квартирами улучшенной планировки содрогнулись, когда компания наша песнями и речёвками заявила о начале грандиозной (в масштабах подъезда как минимум) встречи Нового года. Пространство трёхкомнатной квар-

тиры было освоено в темпе убыстренной съёмки. После успешного новогоднего капустника каждый нашёл себе занятие по сердцу: танцевал под магнитофон, пел под гитару, беседовал, курил, пил, ел, целовался и обнимался, искал места уединения (это Миша и Юля), сидел с глубокомысленным видом (это Марик), пытался показывать карточные фокусы (это Марина), боролся с насморком (это я). Вскоре я поняла, что проиграла в этой борьбе, сдалась и ушла домой.

Родители праздновали у соседей, в квартире было непривычно тихо. С температурой под сорок, закутавшись в два одеяла, я пыталась согреться. Раздался звонок. Телефон стоял на кухне, и, чтобы подойти к трубке, нужно было покинуть постель. Из последних сил я совершила этот подвиг и прохрипела:

– Аллё.

– Здравствуйте, с Новым годом! А Лида дома? – вежливо-бодро спросил Серёжа.

Не протрубили фанфары. Не заискрился салют. И я не упала и не онемела. Стояла и мёрзла. Наверное, из-за температуры импульс счастья до меня ни сразу дошёл.

– Да.

– Позовите её, пожалуйста!

– Это я.

– Я тебя не узнал. Что-то с голосом?

– И с голосом тоже. Подожди, перенесу телефон в свою комнату, – я опять укуталась в одеяло, но озноб усиливался.

– Это ты просил меня позвонить? Что случилось?

– Ничего не случилось, хотя, конечно, случилось многое. И да, это я звонил тебе.

Образовалась пауза.

– Ты не спрашиваешь, зачем? Лида, ты что, научилась ждать?

– Пока всё ещё учусь.

– И что? Появились хорошие учителя?

– Серёжа... (Как сладко было произносить его имя!) – Здесь я чихнула два раза подряд и не успела продолжить.

– У тебя грипп?

– Возможно. У меня все кости от температуры ломит.

– А лекарство есть? Ты, надеюсь, не одна?

– Ты, действительно, надеешься, что я не одна?

– Рад, что состояние твоё, судя по вопросу, от критического далеко, но, думаю, для длительного общения пока не подходит. Выздоровлявай!

Ты не против, если я тебе позвоню? Мы ведь по-прежнему приятели?

– Шаг вперёд, два шага назад! – прокомментировала я, а потом спросила: – А тебе бы этого хотелось?

– О, как это по-женски! Совсем не твой стиль. О том, что мне действительно хочется, я расскажу в другой раз.

Он помолчал и добавил тепло и нежно:

– С Новым годом, Лида! Пожалуйста, не болей!

– С Новым годом! И ты будь здоров, Серёжа.

Наступивший январь был беспощадно-холодным. Некоторые панельные дома (но не наш, слава богу) промерзали по швам. Густой морозный туман прописался в городе и успешно глушил источники света: днём солнце, а вечером уличные фонари и фары редкопроезжающих машин. В такую погоду болеть было не так обидно, а когда прошла температура, то грипп мой стал даже давать некоторые преимущества: я не ходила на консультации, была освобождена от домашних дел и вызывала сочувственное внимание друзей и приятелей. Часто, но ненадолго, приходила Марина, была рассеянна и загадочна, а в последний визит во время разговора о сессии вдруг невпопад сказала:

– Я, конечно, полная дура! Кретинка! – Такая самокритика не предвещала ничего хорошего.

– Что случилось?

– Да дурь случилась и глупость! А может, и ничего ещё не случилось, а так, воображение одно.

– Выкладывай давай!

– Вот даже и слов-то не найду, с чего начать!

– Скажи сразу суть!

– Я не могу выкинуть из головы одного человека! Я хочу его видеть! Жду его звонков, – у меня отлегло от сердца.

– Ну слава богу! Я-то думала, что ты опять во что-то влипла. И кто это?

– Вот то-то и оно – кто?! Ты только не смейся!

– она помолчала. – Марик!

Вероятно, после недавнего разговора с Мишей новость эта большого удивления у меня не вызвала.

– И как же тебя угораздило?

– Сама не знаю. Я его на том вечере танцевать пригласила. Смотрю: сидит, грустит, дай, думаю, подарок мальчику сделаю, порадую его вниманием и теплом женских объятий. Танцуем, я по сторонам смотрю, задумалась, про него и

забыла почти, а он возьми и поцелуй меня! И не слюняво, не робко, а так нормально: коротко, но чувственно! «Ничего личного, – говорит, – просто способ вернуть тебя в реальность!» Так я после этого поцелуя из реальности и выпала. Мы с ним потом разговорились, он вообще не дурак! Не строит из себя никого! Остроумный и внимательный! Домой меня провожал! Договорились созвониться, и вот жду звонка, как дура!

– Ну что, теперь ты меня понимаешь?!

– Но у тебя-то принц! А у меня – Марик! Хотя, по мне, Марик, конечно, лучше, чем твой принц!

Принц мой во время болезни звонил два раза, разговоры были короткими: в основном он узнавал о самочувствии и желал выздоровления. Мысленно с Серёжей я не расставалась никогда: и одевалась для него, и красилась для него, и разговаривала, и ходила, и улыбалась, и... всё делала, представляя его рядом, и хотелось, ох, как хотелось увидеться с ним опять в реальности. Но, к своему удивлению, я не проявляла никакой инициативы, не интересовалась, зачем он звонит. Мне как будто сделали инъекцию смирения, и я спокойно ждала, что будет дальше. Недели через две, когда уже была сдана сессия, Серёжа сказал, что у него ко мне есть дело, и попросил о встрече:

– Давай на моей территории? Ты не против? Я угощу тебя буржуйским фруктом!

Он меня уговаривал! Что же это у него за дело такое?

Я пришла днём. Серёжа был взволнован, сдержан, приветствовал меня по-дружески, как будто мы расстались вчера. Заметил только: «Ты очень стильная!»

В комнате его ничего не изменилось.

– Что будешь пить? Сухое красное?

– Да.

– А вот и закуска! – он принес нарезанный кусочками ананас. – Как и обещал!

– Вкусно!

– Ешь, тебе после болезни витамины нужны.

– Твоя забота начинает вызывать страх. Фрукт заморский раздобыл! Что ты задумал?! Формируешь преступную банду?

– Точно! И ты в роли наводчицы. Детективы читала вместо подготовки к сессии? Нет, Лида, просьба моя безобидная, но требующая от тебя два геройских шага: встать рано утром и проехать на другой конец города, несмотря на мороз.

– Пойди туда – не знаю куда! Давай уже без загадок! Что я должна сделать?

– Ты ничего не должна. У меня практика в школе, завтра первый урок в десятом классе. Я хотел попросить, чтобы ты пришла, послушала меня и сделала замечания.

– Но я ведь, если ты помнишь, физику не знаю! Чем могу помочь?

– Вот этим и поможешь! Попробуешь что-нибудь понять, расскажешь потом, где я был особенно зануден, сделаешь замечания.

Я задумалась.

– Соглашайся! У тебя, возможно, будет шанс насладиться моей беспомощностью!

– Я подговорю учеников, и мы сорвём урок! Нет! Я буду задавать вопросы не по теме!

– Я так понял, что ты придёшь?

– Ну, конечно я приду. А какая это школа? Где?

Серёжа рассказал, как туда добираться, а потом мы ещё пили чай на кухне, разговаривали обо всём понемногу, но только не о наших отношениях. Он внимательно смотрел на меня и иногда по-доброму посмеивался. У меня было ощущение, что я никуда из этой кухни не уходила и в этой квартире жила всегда.

– Что ты собираешься делать после института? – неожиданно спросил Серёжа.

– Работать. Пока ещё не знаю где. Надеюсь, что распределение не будет таким уж ужасным, я ведь отличница! Смогу выбирать варианты.

– Из двух зол?

– Почему из двух? Из множества! – Мы засмеялись.

– Да, распределения я страшусь! Но в крайнем случае всегда есть возможность получить свободный диплом!

– Каким образом?

– Выйти замуж.

– Ах, да! И есть, за кого?

– У всякой нормальной девушки всегда есть потенциальные варианты.

– А у тебя?

– Я, конечно, с нормой слабо соотношусь, но думаю, что если займусь этим вопросом, то результат будет!

– Уже есть претенденты?

– Претенденты были и есть. Вариантов нет. Хотя, если соглашусь, могу уехать в Минск с одним престарелым, но талантливым оператором.

– В Минск?! С престарелым?! Сколько ему лет?

– Лет сорок, наверное. Может, чуть меньше. Ладно, все мои тайны выпытал! А что будешь делать ты?

– Скажу завтра.

Я встала, собрала чашки и поставила в раковину.

– Посуду мыть не буду...

Утром Серёжа, в элегантном строгом костюме, встретил меня в школе. Игнорируя любопытные-вопросительные взгляды преподавателей, помог мне снять шубу в учительской и сразу повел в кабинет физики.

Я села за последнюю парту и, пока Серёжа готовился к уроку, наблюдала, как входящие ученики реагируют на практиканта. Девочки, конечно, млели, хихикали и периодически поглядывали на Серёжу, мальчики в основном предвкушали возможность расслабиться: как максимум поразвлечься, как минимум гонять лодыря.

После звонка Серёжа представил меня как проверяющего (что у некоторых вызвало недоверчивые смешки), написал на доске: «Сергей Андреевич», обратился к классу:

– Это моё имя, – стёр его. – Фамилия – Кортников. Я буду вести у вас физику. Несколько уроков. Сегодня первый.

Он быстро написал тему.

– Мы вместе проведём сорок пять минут и за это время...

Серёжа, конечно, волновался, но это заметно было только мне. Скоро стало ясно, что он по-настоящему знает предмет, любит его, многие ребята это почувствовали, заинтересовались и к концу забыли, что он практикант. Конечно, были и те, кто пытался выделиться, разговаривал, но погоду делали не они.

Я любовалась Серёжей! Когда дети ушли из класса, сказала:

– В нашей школе таких практикантов не было.

– Ты поняла что-нибудь?

– Я поняла, что ты – талантливый! У тебя бы я физику полюбила!

– Тебе правда понравилось? Они так шумели!

– Это мелочи. С премьерой тебя! Я здесь чуть не лопнула от гордости!

– Спасибо! Хорошо, что ты пришла!

– «Ты только позови, и я не струшу!» – ответила я строчкой из патриотической песни.

– Так и сделаю. Подожди меня, я освобожусь минут через десять.

На улице стало теплей. По дороге из школы мы ещё продолжали обсуждать урок в гудяще-дрезжащем троллейбусе с промёрзшими окнами и окоченевшими сидениями. От остановки вместе дошли до перекрёстка, и я повернула в сторону дома.

– Лида, подожди! У меня к тебе есть предложение. Давай встретимся сегодня в два часа, только, пожалуйста, возьми паспорт.

– А паспорт зачем?

– Без паспорта нас в очередь не поставят.

При упоминании очереди и паспорта мне представились не привычные многометровые зигзаги из стоящих граждан, а существующие бесконечные списки очередников при магазинах на приобретение материальных благ типа мебели, бытовой техники. Записывали в такую очередь в определённое время, и ждать приходилось месяцами.

– В очередь? На что? На ковры? На холодильники?

Я видела, что Серёжа взволнован, шутить не настроен и с трудом подбирает слова.

– Нет! Какие ковры! Давай подадим заявление.

– Кому? По поводу чего?

– Заявление в загс.

Я стала вспоминать возможные авантюры, связанные с загсом, но ничего конкретного в голову не пришло.

– Зачем?

Серёжа растерялся, но потом продолжил:

– Ну ты же мечтала о свободном дипломе? У меня целевое место в аспирантуру, после института мы уедем в Москву, ты сможешь заняться чем хочешь. Я сниму комнату в коммуналке.

Я стала соображать, что стоит за этими словами:

– Тебе зачем это надо? Что ты задумал? Что ты будешь с этого иметь?

– Я буду иметь твоё вечное мелькание передо мной.

– И что?

– И всё!

– Ты хочешь сказать?! – У меня закружилась голова, и я слегка покачнулась.

Серёжа быстро приобнял меня за плечи.

– Да! Я хочу сказать – давай поженимся!

И здесь меня от счастья контузило. Сначала на некоторое время исчез слух, Серёжа что-то говорил, но я не слышала, а потом пропал и голос, а когда вернулся, то был уже на тон ниже.

– Только ты пока не говори никому! Впереди ещё три месяца, успеем, – услышала я наконец.

– Нет! Я так не смогу! – с трудом произнесла я контрольно. – Я обязательно должна рассказать об этом хоть кому-нибудь, иначе просто взорвусь!

Серёжа засмеялся и прижал меня к себе.

– Ну, расскажи какому-нибудь надёжному человеку, если такие вообще есть. Не хочу, чтобы весь город о нас болтал! И родителям скажем позднее!

В счастливом бреду, опасаясь нечаянно взлететь, я дошла до дома и, только увидев в коридоре папу, вспомнила, что мы договаривались сегодня купить мне кольцо.

– Лида, ну наконец-то! Ты куда исчезла с утра пораньше? Не раздевайся, нас уже Тамара Владимировна ждёт.

В ювелирном магазине «Кристалл» мы прошли через служебный вход к товароведу – слегка полной женщине лет сорока пяти, вид которой свидетельствовал о том, что жизнь удалась. Из множества золотых изделий, которые она нам принесла, мне понравилось недорогое, но милое кольцо с двумя маленькими круглыми хризопразами в центре, по разным сторонам дужки. Это было моё первое украшение из драгоценного металла.

Папа одобрил выбор, а пока он оплачивал покупку, я вышла в торговый зал, где продавцы скучали перед голыми прилавками. Весь ассортимент составляли однообразные обручальные кольца, купить которые можно было только по приглашению из загса. Я рассматривала золотые ободки и, как ни старалась, не могла представить их ни на своей руке, ни на Серёжиной. И вообще, все, что относилось к свадебному антуражу, не вызывало во мне трепета предчувствия этого события. Воображение моё не рисовало никаких картинок, где бы мы с Серёжей были в роли жениха и невесты. Его предложение, хотя и принесшее мне небывалую радость, вызывало вопросы своей неожиданностью. Я понимала, что счастливое будущее само по себе является редко. Чтобы оно состоялось, надо каждый день терпеливо тянуть его из настоящего, наводить «мостики», прокладывать «тропки» из обсуждений, планов, реальных малых дел. «Завтра» вырастает из «сегодня», и временная разница между ними достаточно условна. Пока «строительного материала» для создания совместного будущего Серёжа дал мало, о своих чувствах напрямую ничего не сказал, и, когда я с паспортом шла на встречу, у меня вопросов и сомнений было больше, чем планов и желаний действовать.

Серёжа стоял рядом с площадью Пушкина, у входа в загс.

– А я уже пошлину успел оплатить.

– Пошлину? Кому?

– Государству. Ну! – он окинул меня взглядом, – пойдём!

Написав заявление, мы стали обсуждать с сотрудницей дату и форму предстоящей регистрации, и здесь мне стала очевидна серьёзность Серёжиных намерений. Он мягко пресёк мой шуточный настрой, обстоятельно-вежливо отвечал на вопросы любопытно-внимательной работницы загса и принимал решения: «Да, хотим, чтобы регистрация была торжественной»; «Нет, не боимся, что будем маяться, мы не суеверные»; «Шестое мая подойдёт».

– Как раз день рождения Алексея! Сделаем ему подарок! – это было сказано уже мне.

В загсе нам выдали талон на право приобретения товаров в магазине «Невеста» (некоторые молодые люди специально подавали заявления, чтобы иметь возможность купить там дефицитные вещи). При выходе Серёжа отдал его мне со словами:

– Ты, конечно, посмотри, что там есть, но, если выбор тебя не устроит, я поговорю с мамой.

– А чем занимается твоя мама?

Серёжа остановился и внимательно смотрел на меня.

– Ты хочешь сказать, что не знаешь, кем она работает?!

– Но я, действительно, не знаю. Мы никогда не говорили об этом.

– Лида! – он неожиданно обнял меня.

– Невероятно! Обычно первое, что узнают обо мне девушки, это место работы моей мамы, – он усмехнулся. – Она управляющая областным Ростекстильторгом.

Я, конечно, поняла, что это связано с дефицитами, но не представляла масштабов её возможностей.

Как только мы покинули загс, наступило время чудес. Я не узнавала Серёжу: с его лица исчезло выражение привычной отстранённости, а тёплый и внимательный взгляд постоянно искал встречи с моим и задерживался, когда находил. В конце Пушкинского бульвара Серёжа вдруг остановился:

– У тебя ресница на щеке, – склонился, дуновением смахнул её и поцеловал меня, а когда мы пошли дальше, я заметила, что Серёжа пытается подстроить длину своих шагов под удобный для меня прогулочный ритм, и старание это вызвало во мне трепета не меньше, чем поцелуй.

Мы подошли к зданию главпочтамта.

– Давай зайдём ненадолго, мне нужно позвонить.

– В Москву?

– В Москву позже, сначала в Новосибирск.

Я опять сидела на своём привычном месте в нише, обалдевшая от событий этого дня, и пыталась понять, почему так переменялся Серёжа. Четыре месяца молчал и вдруг – поженимся! Когда он это решил? Говорил ли кому-нибудь о нас?

Серёжа вернулся.

– Ты, наверное, расстроишься, но я должен уехать через четыре дня. Это по делу. Всего на неделю! Я уже давно договаривался с новосибирскими ребятами.

«Ну, неделю, конечно, можно потерпеть», – подумала я, и вдруг меня как обожгло – из-за внезапного невероятного Серёжиного предложения из головы совершенно вылетело, что я сама после каникул, то есть совсем скоро, должна уехать в Новокузнецк на преддипломную практику. Я сказала об этом Серёже.

– Надолго?

– Месяца на два.

– А поменять на Кемерово можно?

– Здесь таких коллективов нет. Заявку подавали ещё в начале учебного года. И сейчас уже мало времени осталось. – У меня от подступивших слёз перехватило дыхание.

Я с ужасом думала о предстоящей разлуке.

– Лида! Ты собираешься заплакать?! Только не сегодня!

Серёжа быстро завёл меня в свободную кабину переговорного пункта и стал поцелуями ловить зарождающиеся рыдания, не давая им вырваться наружу. Страстная волна от прикосновений его губ (сколькими ночами я мечтала о них!) перекрыла собой все другие эмоции, я целовала его в ответ и от наслаждения и счастья утратила чувство реальности. Очнулась, только когда дверь открыла худенькая старушка со словами:

– Деточки, меня в эту кабину направили, дочка сейчас звонить будет.

Следующие два месяца были наполнены разъездами, расставаниями, встречами, знакомствами, ожиданиями, мечтами, любовью и работой.

Я проводила Серёжу в Новосибирск. Из-за задержки автобуса приехала всего за пятнадцать минут до конца регистрации рейса и бегом бросилась к Серёже. Он взволнованный шёл мне навстречу.

Все дни до его отъезда я провела в тихом помешательстве от счастья. Я знала, что Серёжа лучший, но даже не представляла насколько! Ничего особенного не происходило: мы сходили в кино («Старое ружьё», французская картина с Филиппом Нуаре в главной роли. Страшный фильм. Но моё счастливое воспоминание), гуляли, случайно попадали в гости к каким-то его приятелям. И где бы мы ни очутились, центром Серёжиного внимания оставалась я. Он был заботлив и предупредителен, серьёзно-нежен и бесшабашно-весел, интересовался моим мнением по разным поводам, звонил по любому пустяку. Возможности надолго остаться наедине нам не представилось, домой ни к нему, ни ко мне мы не заходили, но зато Серёжа познакомил меня со своими племянниками-дошколятами, с братом и невесткой. Мы провели в их однокомнатной квартире тихий семейный вечер, и это было ещё одно свидетельство серьёзности Серёжиных планов.

Я не стеснительный человек, привыкла быть в центре внимания, которое обычно сама же организовывала и сама же им управляла. Нынешняя ситуация моему контролю не поддавалась, распорядителем был Серёжа, и от тёплого его отношения, от его заботы, во мне стали зарождаться робость и застенчивость. Тогда, в аэропорту, он, прощаясь, стал принародно целовать меня, и я, к своему удивлению, растерялась. Мои важные, заранее заготовленные слова сказаны не были. Зато Серёжа успел мне сообщить, что попросил Александра встретить меня в Новокузнецке.

– Саша сам из Кузни, живёт с родителями, в это время как раз будет в городе, поможет тебе устроиться, – он провёл рукой по моей щеке.

– Не вздумай плакать! Иди, я хочу посмотреть тебе вслед!

С пеленою слёз на глазах я направилась к выходу и (классика!), не заметив дверное стекло, врезалась в него на ходу! Я обернулась и долго потом вспоминала Серёжин сочувственно-смешливый взгляд.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Держать слово, данное Серёже, было тяжело, но я делала это и никому не говорила о его предложении. Наконец, когда с каникул вернулась Марина (была у приятельницы в Томске), решила доверить свой секрет ей. Начала не сразу. Глядела из окна её комнаты на угол загоро-

шенной инеем узорной ограды детского сада, на свисающие серебристые ветви берёз, краем уха слушала рассказ о томских похождениях и пыталась представить её реакцию на мои слова.

– Лида, ты меня не слушаешь. Что-то случилось? Тебе опять твой позвонил?

– А тебе твой позвонил? – оттягивала я сообщение своей новости.

– Ну, положим, он не мой. Пока. Позвонил сразу же, как я приехала. Только зашла, и звонок! Как чувствовал! Мы с ним сегодня в кино договорились сходить.

– На «Старое ружьё»?

– Точно!

– Хороший фильм!

– Ты что, с Кортниковым смотрела?

– Да. Мы с ним заявление подали...

В отличие от меня, Марина сразу же уловила связь между понятием «заявление» и необходимо следующим другим...

– В загс?!

– Да.

Марина затихла и неожиданно заплакала. Реакция её меня озадачила. Я, честно говоря, ждала восторгов, удивления, радостных распросов о подробностях.

– Марина! – я приобняла её. – Что? Почему?

– Сама не знаю, что на меня нашло! – она вытерла слёзы. – Ну, расскажи, как всё случилось.

Я, конечно, рассказала.

– Ты только не говори никому.

– А почему это тайна?

– Серёжа попросил, не хочет, чтобы весь город наши имена склонял.

– Что ж, в какой-то степени его понять можно. Все обалдеют.

– Мне самой во всё это верится мало. Знаешь, я даже планов пока никаких не строю, боюсь, наверное. Живу одним днём.

– Может, так и надо, – Марина помолчала. – Да! Никогда бы не подумала, что Кортников способен на такой шаг. Герой! Как в романе.

Ранним утром на железнодорожном новокузнецком вокзале меня встретил Александр. С видом сосредоточенного партийного работника он шёл по перрону в дорогом ладно сидящем пальто и ушанке из сурка, внимательно вглядываясь в женские лица. Я помахала ему рукой.

– Лида, здравствуй! Я бы тебя искал до вечера! Ты изменилась!

– А я тебя сразу узнала! Думаю, кто это шагает так важно? Конечно же Александр! Спасибо,

что ты встретил меня! Я в центре в Кузне была, а вот район Запсиба вообще не знаю. Расскажи мне, какой автобус туда идёт, и я доберусь сама.

– Как много слов! Мы сейчас идём завтракать, мама блинов напекла, а потом я тебя провожу. Без возражений.

Мы добрались до места моей практики только к обеду. Сначала вместе с мамой Александра, приветливой, опрятной, чуть грузной женщиной, пили чай из тончайших фарфоровых, с золотыми ободками, чашек в большом зале четырёхкомнатной сталинской квартиры, потом проснулась младшая семилетняя племянница Саши, белокурая непоседа Машенька, присоединилась к нам и неожиданно сразу же прониклась ко мне доверием и симпатией. В результате, несмотря на смущённые возражения Сашиной мамы и протесты самого Александра, Маша отпустила меня только после того, как мы сделали с ней уроки по арифметике и чтению, причём обе остались довольны и процессом, и результатом.

Район Запсиба не вызвал во мне никаких эмоций: в основном пятиэтажные жилые коробки, расставленные параллельно и перпендикулярно прямым широким улицам. Зато Дворец культуры, который и был местом практики, архитектурно отличался от всех ранее видимых мною зданий подобного типа и поражал светлыми пространствами холлов, зимнего сада, размерами зрительного зала, сцены и количеством комнат для занятий коллективов. Всё это мы рассмотрели с Александром, пока ждали художественного руководителя. Он задерживался.

– Ты иди, Саша. Мне кажется, что это надолго.

– Я должен убедиться, что тебя поселили в нормальное место.

– Не бойся, я себя в обиду не дам! Я девочка боевая! Во всяком случае, была до недавнего времени.

– А что я скажу Сергею? Где ты живёшь? – он впервые за все это время упомянул имя своего друга.

– Я позвоню ему сама. Спасибо тебе! Я как будто у родственников побывала!

– Позвони, как устроишься! В гости заходи! Мама с Машкой будут рады!

– Ну конечно! Спасибо за приглашение! И вообще спасибо за всё!

Меня поселили на первом этаже женского рабочего общежития в однокомнатный номер. Я огляделась: в прихожей – ржавая раковина, тумбочка, на которой стояла одноконфорочная с за-

сорузлым налётом обгоревшего жира электроплита, ободранный и тем самым раскрывающий своё древесно-стружечное происхождение платяной шкаф. Зашла в туалет: унитаз был на месте, но без сливного бачка, зато рядом стоял эмалированный тазик с синеньким цветочком. Над унитазом на стене от предыдущих жильцов осталась надпись, сделанная зелёным карандашом: «Смывай, не забывай!» В комнате стояли две железные панцирево-сетчатые кровати с ватными матрасами, стол и три стула. Дверь между прихожей и спальней отсутствовала. Здравствуй, самостоятельная жизнь!

Болезненного вида комендантша выдала мне постельное бельё и познакомила с правилами проживания. «Запрещается» было ключевым словом этого документа. «Ну и пусть, – подумала я, – ко мне это отношения не имеет! Лиц мужского пола я приводить не собираюсь ни до девяти вечера, ни после, так же, как и распивать спиртные напитки». Кто позднее произвёл на меня впечатление, так это дежурные бабушки Надя и Валя в проходной! С наглым любопытным взглядом в упор, с обращением ко всем на ты, бабушки эти с молодой прытью рыскали по комнатам в поисках задержавшегося гостя мужского пола и получали наслаждение от ощущения своей власти и созерцания позора, который испытывали пойманные с поличным. Баба Надя и Валя, вспоминает ли вас хоть кто-нибудь добрым словом?!

До ночи я наводила порядок и заснула с чистой совестью и в чистой комнате. Утром ко мне подселили Викторю Морозову, мою одноклассницу из Прокопьевска, которая тоже приехала на практику.

Я обрадовалась. С Викой у нас были тёплые приятельско-деловые отношения. Она считалась на нашем курсе красавицей (обесцвеченная длинноволосая блондинка, всегда ярко накрашенная, с миндалевидными зелёными глазами, тонкой талией и широкими бедрами), подходила под амплу «героиня» и старалась соответствовать ему и на сцене, и в жизни. Виктория была старше меня на два года, вела себя как женщина, опытная во многих сферах, в том числе и любовной. Училась она средне, но по предметам специализации получала пятерки. Особенно отличалась в актёрском мастерстве. Новомодных режиссёрских теорий не признавала, чтילה Станиславского и на сцене быстро переплощала в образы гордых, неустраши-

мых, прямолинейных женщин. Ко мне как к отличнице относилась уважительно, часто советовалась в поисках режиссёрского замысла, в житейских вопросах считала наивной тепличной идеалисткой, как женщину, а тем более соперницу, не рассматривала вообще. К жизни в общезжитии она привыкла и условия нашего номера показались ей сносными.

– Ты, как погляжу, углы уже повыметала. За мной должок! А в клубе уже была? Руководителя своего видела?

Руководители у нас с Викторией были разные: базой моей практики была детско-юношеская театральная студия, а у неё – взрослый коллектив народного театра.

– Нет, только худрука. Сегодня велел прийти к десяти. Уже надо бежать.

Начались рабочие будни. Режиссёр-руководитель Валерий Геннадьевич во время знакомства сказал, что времени в обрез, через месяц с небольшим мы должны сдать спектакль-сказку «Недотрога», уже и билеты проданы по школам, а пока ещё работа в начальной стадии застольного периода.

– Короче, составляй график репетиций, знакомься с ребятами – и на площадку!

– А замысел?

– Кто у нас на практике? Вот и замышляй! А я позже посмотрю, проклёвывается что или нет.

Дело своё я любила, и с детьми (возраст их был от девяти до шестнадцати) мы быстро нашли общий язык, ребята после школы мчались в клуб, ждали репетиций, увлечённо занимались и тренингом, и работой над ролями. Валерий Геннадьевич вмешивался редко, решал в основном организационные вопросы: обеспечивал костюмы и декорации. Рассказывали, что когда-то он был актёром (бил своим видом женщин наповал, при этом в Дон Жуанах не числился), теперь уже много лет вёл детскую студию. Мы с ним ладили, вопросов лишних он не задавал, говорил по делу, производил впечатление человека надёжного, хотя любил выпить. (Жена его, заведующая буфетом ДК, красивая брюнетка, преданная ему, тщетно старалась контролировать эту его любовь.)

Через неделю он сообщил, что решили делать спектакль на два состава: детский и взрослый.

– Так что работа тебе прибавилась. Думаю, ты справишься. Не боишься?

– Нет! Я с участниками самодеятельности общалась, можно сказать, с грудного возраста.

Папа у меня хором плавильщиков руководил, мама концерты вела, со мной бабушка нянчилась и носила в клуб, к маме на кормление.

– Любовь к самодеятельности впитала с молоком матери?

– Получается. так, – мы засмеялись.

Но через несколько дней мне стало не до смеха. Пришлось у корифеев коллектива отвоёвывать право на своё видение постановки. Я попробовала все методы: и убеждение, и показа, и сравнения, но признали они меня, только когда я поставила сложную сцену с кулачным боем и элементами фехтования. После достигнутого единогласия репетиции стали приносить удовольствие, правда, и сил я тратила немало. Но зато их оставалось меньше на тоску по Серёже. Мысленно я продолжала общаться с ним и представляла реакцию на события и свои поступки. Он вернулся из Новосибирска, и мы два раза разговаривали по телефону. Я в общих чертах описала ему «красоты» жилья, свои занятия, сообщила название улицы, а номер дома не могла вспомнить. Серёжа о себе говорил мало, в основном задавал вопросы, был в хорошем расположении духа и всячески подбадривал меня, что действительно было мне необходимо для выживания в новых условиях.

На устройство быта у меня да и у Вики не хватало ни сил, ни времени. Она тоже до позднего вечера занималась своим выпускным проектом – литературно-драматической композицией к мартовскому празднику, поэтому, когда мы усталые приходили в комнату, были рады своим кроватям и чаю с сухарями. В течение дня питались в основном в столовой, из-за отсутствия холодильника продукты длительного хранения не покупали да и деньги экономили. Перед сном развлекали друг друга откровенными разговорами. Вика в подробностях описала мне историю своей первой страсти к женатому лётчику, которая могла, на мой взгляд, лечь в основу эротической драмы. Я, конечно, говорила о Серёже, о его уме, красоте и своей любви к нему. Вика слушала с недоверием.

– Ты у нас натура поэтическая, склонная к преувеличениям. А в жизни всё проще: деньги, власть и страсть!

В один из вечеров, когда мы уже, отпив чаю и откушав хлеба с салом (Вика в выходные привезла из дома), готовились пораньше лечь в кровать, в дверь постучали, и тут же бесцеремонно ворвалась баба Надя.

– Лида кто? – с любопытством рыская глазами по комнате, спросила она.

– Я.

– Брат есть?

– Есть. Что-то случилось?! – Я испугалась.

– Случилось. Приехал он. Иди к проходной. – Она ушла.

– Это очень странно! Никто ко мне без предупреждения приехать не мог! – я накинула халатик поверх пижамы. – Может, это Гена, мой двоюродный, он шофёром работает. Вдруг поесть чего привез?

Вика, с бигудями на голове, после умывания кончиками пальцев вбивала крем в лицо.

– Хорошо бы.

Я выбежала в коридор и обратила внимание на собравшихся у проходной пять или шесть обитательниц общежития (обычно в это время, кроме дежурной, там редко кого можно было встретить). Причина женского скопления стала очевидна, когда рядом с входной дверью, на фоне стены, крашенной синей масляной краской, я увидела Серёжу. Он светился одной из своих чарующих улыбок, при этом в глазах таились и озорство, и легкая ирония, и скрытая напряжённость. Не знаю, откуда здесь появились женщины, скорее всего, остановились, когда возвращались с работы или шли мимо по коридору, но теперь уходить из проходной не спешили; кто почту проверял, кто тихо переговаривался друг с другом. В упор Серёжу они не разглядывали, но периодически, как бы невзначай, окидывали взглядом, в котором восхищения было не меньше, чем любопытства. Я сама в очередной раз обалдела от его стройности и красоты, да ещё одет он был в шикарную длинную бежевую дублёнку, таких даже в кино не показывали. Позже рядом я заметила Александра, с большими пакетами в руках.

– Вот, Лидочка, братик твой, – елевым голосом заговорила баба Надя, а сама пристально смотрела за моей реакцией. – Я ему говорю, что ж так поздно приехали-то?! Правила у нас строгие, до девяти и не позже. А сейчас-то уж девять почти!

Я стояла, потрясённая невероятным явлением Серёжи, и неестественно улыбалась. Он, вдоволь насладившись моментом, наконец взял инициативу на себя и тоном человека, наделённого властью, но по-доброму расположенного к собеседнику обратился к дежурной:

– Надежда Николаевна, я правильно запомнил ваше отчество? Мы приехали из областного

центра, добирались пять часов, но здесь долго задерживаться не собираемся, – он сделал паузу и посмотрел на бабу Надю, как удав на кролика, – уйдём в одиннадцать.

И, о чудо! Она кивнула головой и, удивляясь сама себе, растянула губы в улыбке.

– Ну, раз издалека, то чего уж, посидите до одиннадцати.

В проходной все притихли. Баба Надя спохватилась и металлическим голосом добавила:

– Запомните! Ровно в одиннадцать и ни минутой позже в общежитии вас быть не должно.

– А иначе ты превратишься в тыкву, – уже шагая по коридору, сказал Саша.

Надо ли описывать, какое впечатление произвёл приход мальчиков на Викторию?! Я не успела её предупредить, и Серёжа с Александром стали редкими людьми, увидевшими Вику без раскраски. (Потом в туалете перед маленьким зеркальцем она быстро вернула красоту на прежнее место, мне наводить макияж времени не было, и пришлось оставаться бледной тенью на фоне Вики. Хорошо ещё, что голова была чистая.)

– Как вы нашли меня? Ведь на этой улице не одно общежитие?!

– Нам повезло, первое оказалось твоим, – сказал Саша, а Серёжа внимательно осмотрелся и спросил:

– Ну что? Ты получила удовольствие от самостоятельной жизни? Да! За свободу нужно платить!

– Я не к свободе стремилась, а к самореализации! Вы голодные? А у нас только чай и хлеб с салом!

– Мы примерно так и предполагали! Саша, доставай!

Мальчики стали вытаскивать из пакетов с надписями «Marlboro» и «Kent» (у фарцовщиков каждый стоил как дорогая сумка) коньяк, сухое вино, конфеты, финики, икру, сыр, маленькие огурчики в банке, сервелат и красную солёную рыбу (как же без неё!).

Вика от удивления на некоторое время вышла из своего образа героини и просто сказала:

– Ни фиги себе! Целый пир! – реакция была правильная и сразу стала пропуском Вики к приятельским отношениям с ребятами.

Мы пировали, а я сидела рядом с Серёжей в предчувствии скорой разлуки, следила за временем, и даже спиртное не могло меня расслабить.

Серёжа подошёл к окну и попытался его открыть – рама оказалась прибитой гвоздями. Он

отворил форточку. Саша наблюдал за его действиями.

– Пролезем, – сказал он, – надо посмотреть, не высоко ли там?

Серёжа высунулся в окно:

– Нормально! Достанем! Девочки, вы не против, если мы заночуем у вас? – при этом он смотрел на Вику, моей реакцией не интересуясь.

– Попробуйте, – загадочно усмехнулась моя соседка.

За пять минут до одиннадцати я пошла на вахту провожать ребят. Серёжа вежливо поблагодарил довольную нашей пунктуальностью бабу Надю (как теперь выяснилось, Надежду Николаевну), я по-родственному прижалась губами к Серёжиной щеке (а затрепетала, как от самого интимного поцелуя), и мальчики покинули общежитие, чтобы попробовать вернуться в него через форточку. Сначала они отдали нам верхнюю одежду, а потом десять минут (в полной тишине, чтобы не привлечь ничье внимание), поддерживая и подталкивая друг друга, приноравливались к проникновению. Я заранее расстраивалась, уверенная, что невозможно Серёже, а тем более грузному Александру пролезть в это маленькое отверстие. Удивительно, но они сделали это!

И опять мы сидели за столом, и, хотя тайная ночевка грозила опасностями разоблачения, настроение моё поднялось. Вика была мила с Александром, с Серёжей вела себя просто, не кокетничала, а когда мальчики не видели, показала на него пальцем, подняла глаза вверх и шепнула мне: «Ништяк!». Место ночлега ребят мы не обсуждали. «Возможно, вообще до утра не заснём!» – думала я. Но вразрез моим мыслям Серёжа сказал:

– Я бы перед сном с удовольствием принял душ!

– В тазике под краном?! – предположила Вика.

– А вы так и делаете?! Другого способа нет?

– На втором этаже душ, конечно, есть. Общий, женский и не закрывается, – пояснила я.

– На пять этажей всего один душ?! Как это по-нашему! – усмехнулся Александр.

– Есть ещё один рядом с нами, но он на ремонте, там недавно пол кафельный меняли и трубы, – сказала Вика.

– Надеюсь, все сделано качественно? Пойду проверю, – Серёжа встал и действительно вышел в общий коридор.

Я выбежала следом. За дверь он взял меня за руку и шёпотом спросил: «Где?» Я привела его

в полутёмную душевую, в которой лёгкий запах напоминал о недавней сварке. Брели на ощупь, в глубине раздевалки Серёжа остановился, и я уперлась в его грудь. Мы стояли несколько секунд, а потом принялись целовать друг друга. Серёжа расстегнул мой халат и пижаму, стянул с себя свитер, прижался, и у меня подкосились ноги, и вниз упало сердце. Сняв остальную одежду, разложив её на полу, мы опустились на колени, и руки мои заскользили, запоминая каждое прикосновение к Серёже. Он лёг на спину, обнял меня и, глубоко вздохнув, прикрыл глаза. Губами, почти дуновениями, я ласкала его веки, брови, напряжённую шею, скулы, пока губы наши не встретились снова. Откинувшись на Серёжины присогнутые колени, в кольце сильных рук, я чувствовала себя как в маленькой лодке. Мне казалось, что, покачиваясь на волнах, я плыву в направлении, выбранном только для меня, и неважно, куда оно ведёт, главное – плыть!

В комнате Александр и Вика, одетые, спали на её кровати, со стола было всё убрано, посуда помыта. Я прилегла на Серёжино плечо, и, засыпая, он прошептал:

– Мы лежим с тобой, я – с левой стороны, ты – с правой, как стоят в загсе. Муж и жена.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Перед мартовским праздником у меня появилась возможность на несколько дней вернуться домой. В утро моего приезда я застала папу на кухне, в любимых семейных трусах, майке и фартуке, отбивающим и маринующим мясо. (Родители ждали к обеду гостя из Саратова, какого-то известного хормейстера.) Мы обнялись, и я поняла, что до слёз соскучилась и по родителям, и по брату, и по своей родной квартире! И хотя комната моя, как мне показалось, стала ещё меньше, я не поменяла бы её ни на какую другую. Между папиным: «Ну, рассказывай!» – и моим: «Так что к концу месяца спектакль сдам и домой!» – я успела попить чаю с оладушками, уложить волной, как только у меня получалось, кудри на папиной челке, помыть посуду и приготовить салат «Мимоза» по маминому рецепту.

– Повезло тебе с руководителем! Видно, что мужик нормальный! Хорошо, что ты ему ребят не распугала! – сказал в заключение моего рассказа папа.

– Так я стараюсь! Всё делаю сама!

– Ещё бы не стараться! Ты уже на готовый коллектив пришла, а ему, чтобы люди не разбежались, надо в клубе чуть ли не жить.

– Как ты? Хорошо бы, и семья ещё в клуб переселилась! Пап, да всё я понимаю! Просто захотелось, чтобы ты меня похвалил. Мне звонил кто-нибудь?

– Лидушка, детей хвалить – только портить! – Он меня обнял. – Звонил Вова-одноклассник. А вот Сергей – нет!

– Он знает, что я уехала.

– И что он за фрукт такой? Что за птица? Покажешь?

– И никакой не фрукт! Время покажет.

Раздался телефонный звонок, папа взял трубку и сказал:

– Надо же! Это как раз он!

После приветствия и выражения радости по поводу моего приезда Серёжа произнёс деловым тоном:

– Лида, ты помнишь, жаловалась, что сложно подобрать туфли? Мама договорилась, можно пойти посмотреть. Нас ждут к двум часам в «Скороходе». Бери деньги, и встречаемся на углу, как обычно.

«Бери деньги» было сказано с такой естественной уверенностью в то, что они обязательно должны быть, что я прониклась и чуть ли не пошла искать у себя в квартире место их возможного расположения. Но, увы, таких мест в моём доме не было, как и не было никогда свободных денег. Зато с малых лет я знала, где лежит особый блокнот, в котором столбиком мама записывала фамилии и сумму нашего долга. После аванса или получки деньги возвращали, фамилии зачёркивали, но через несколько дней список возобновлялся и рос до следующей зарплаты. Семейный бюджет наш складывался из того, что зарабатывали родители (маминых сто десять и папиных около двухсот пятидесяти рублей в месяц вместе с суммой от двух его полулегальных подработок) и моей стипендии (пятьдесят рублей). Никаких других источников дохода не было. Экономили на всём, мебель, одежда покупались только необходимые. (Зато с недавнего времени каждое лето старались отдыхать на море в Сочи. Средства на поездку собирали в течение года, и всё равно ещё приходилось брать в кассе взаимопомощи.) Непредвиденная предполагаемая моя свадьба, конечно, сулила затраты, но я не беспокоилась, потому что знала, если и дойдет до дела, папа обязательно что-нибудь придумает. В данный момент моих наличных денег хватало только на проживание и дорогу, но, конечно, я всё равно решила пойти в

магазин, посмотреть, примерить и, если что-то понравится, придержать покупку.

На место свидания прибежала счастливая от предчувствия встречи, от проявления Серёжиной заботы, от сияния таящих сосулук в лучах мартовского солнца.

– Лида, ты прямо светишься! – улыбаясь, сказал Серёжа.

– Это от весны... и от тебя! Ты – настоящий? Ущипни меня!

– Нет, давай без мазохизма! Просто поцелуемся, как нормальные люди! – мы рассмеялись и поцеловались.

– Уже опаздываем! – забеспокоилась я.

– Ничего страшного, если задержимся, – он усмехнулся. – Это же их работа.

В магазине Серёжа прошёл через служебный вход, а потом вернулся за мной. Через пять минут я сидела в небольшой комнате, и молодящаяся женщина пенсионного возраста приносила мне для примерки импортные туфли. Я не предполагала, что в нашем городе возможно такое разнообразие обувного ассортимента, и слегка растерялась.

– Ты не стесняйся и не торопись! – сказал Серёжа, когда женщина вышла за новой партией обуви. – Примеряй, пока не найдёшь то, что нужно. Я подожду тебя в зале.

Мне понравились немецкие бежевые с бантиком туфли, стоимостью сорок три рубля, я попросила отложить их, хотя знала, что не приду за ними никогда. Другие варианты были примерно по той же цене.

– Ты выбрала что-нибудь? – поинтересовался Серёжа.

– Да. Но заберу завтра.

От этой лжи на душе стало тошно. Я вдруг поняла, что не могу прямо сказать Серёже об отсутствии денег, и впервые остро почувствовала разницу наших материальных сфер обитания. «Но не всё же меряется деньгами, – утешала я себя. – И, слава богу, мы не в мире чистогана живем! (Здесь я усмехнулась.) От каждого по способностям, каждому по труду! (И опять усмехнулась.) Вот пойду работать и со временем куплю, что хочу! (и я действительно была в этом уверена). Надо только немного потерпеть». И я терпела и ждала.

В моменты наших встреч окружающий мир с его пространствами, людьми, предметами, запахами, звуками замыкался на Серёже, непостижимым образом растворялся в нём. После рас-

ставания окружение возвращалось, но казалось неполноценным, лишённым жизненной силы. До дня бракосочетания оставалось два месяца, но мы с Серёжей тему эту не затрагивали. Понятия «свадьба», «жених», «невеста», «сваты» мною вспоминались редко и предчувствия радостного события не вызывали, а после посещения обувного магазина я поняла, что мне вообще хотелось бы обойтись без публичной демонстрации объединения наших семей. Моя беспокойная фантазия предлагала варианты реакции родителей Серёжи на его сообщение о свадьбе и возможные картины знакомства наших мам и пап. И в каком бы жанре ни разыгрывались воображаемые сцены (от драмы до комедии), суть их сводилась к трудностям взаимопонимания. Особенно ярко я представляла реакцию Валентины Михайловны.

«Сыночек, конечно, жениться рановато, но если ты хочешь... Что ж, расскажи, кто невеста? Каких кровей? Андрей (это к мужу), где там наша горошина, приготовь, пригодится скоро! Почему не пригодится?! Не принцесса?! А кто?!»

Честно говоря, если бы Серёжа был моим сыном, я и сама в целом свете не смогла бы найти достойную ему пару. Возможность заботиться о нём, оберегать, лелеять представлялась мне желанной наградой, и я отчаянно надеялась получить её с согласия Валентины Михайловны. Я знала, что ради него смогу если не перевернуть мир, то хотя бы немного сдвинуть. Серёжа от меня таких подвигов не ждал, его даже не интересовало мое умение вести хозяйство. Да и я особенно не задумывалась о грядущих необходимых будничных обязанностях. Кроме торта «Наполеон» и самых простых блюд, готовить не умела (этим занимались мама и папа), но в нашей семье решала многие бытовые вопросы. Нехватка денег научила меня из минимума мебельных возможностей создавать комфорт, приятный глазу: с двенадцати лет я помогала папе ремонтировать квартиру (мама обычно на это время уезжала в отпуск, а мы спешили сделать ей сюрприз), за мной был выбор цветового решения стен и формы накатного орнамента, побелка потолков и, конечно, генеральная уборка. Естественно, обеспечение чистоты в квартире, стирка, утюжка белья входили в мои повседневные обязанности. Я неплохо вязала, в портнихи не годилась, но одежду могла починить. Когда была маленькая, этим занимался папа, он же пришивал к моей форме воротничок и манжеты.

Рукодельное мастерство мамы было предметом добрых семейных шуток. В общем, сделав мысленную инспекцию своих умений быть «хозяйской», я поняла, что мне далеко до совершенства, его воплощением для меня была бабушка Стеша, мамина мама. Соседи по улице, на которой она жила, обычно приглашали её в качестве повара на все массовые ритуальные застолья от свадеб до поминок. Готовила она вкусно, много, быстро и была дотошная чистюля. Но я не расстроилась, а решила в ускоренном темпе двигаться к идеалу.

После традиционного Серёжиного звонка в Москву, обласканные закатным солнцем, мы прогулялись по центру и подошли к моему дому.

– Зайдёшь в гости? – спросила я, уверенная в отрицательном ответе.

– Зайду.

– Шутишь?

– Нет. Поесть дадут?

– А то! Накормят, напоят.

– И спать уложат?

– Точно, особенно папа. Уложит – не встанешь! Шучу. Встанешь, но не скоро, – я засмеялась. – Пойдём, все будут рады.

– Все – это кто?

– Кто будет дома.

– А кто будет дома?

– Я сама не знаю. Кого бог пошлёт. Сейчас увидим.

В этот момент с лестничной площадки нашего этажа донеслось трёхголосное пение. «Или услышим», – подумала я, поднимаясь в квартиру. У порога мы столкнулись с уходящей пьяненько-весёлой компанией из двух папиных хоровиков Геннадия и Владимира и незнакомого мне высокого немолодого мужчины молодцеватого вида. Мы застали их в момент прощания, по-видимому, гостю из Саратова нужно было уходить, но никому, а особенно ему, этого не хотелось. Мама, уловив настроение, предложила гостям выпить на посошок, увидев нас, не удивилась, а игривым голосом обратилась к папе:

– Иван, у нас ещё гости!

– Вижу-вижу!

– Папа, мама, знакомьтесь, это Серёжа!

– Серёжа, – вмешался в разговор саратовец, – у вас случайно не бас? Давайте ещё раз уже с Серёжей этот припев с басовой партией? – и, не дожидаясь ответа, высоким голосом запел: «Прощай, любимый город».

Припев тут же, обнявшись, подхватили Владимир и Геннадий, но папа не дал им допеть:

– Пётр Семёнович, ты на поезд опоздаешь, тебе ещё в гостиницу забежать надо. Ребята, Геня, Володя, последите, чтобы всё нормально было, – и, когда гости ушли, обратившись к нам, сказал: – Что, Сергей, не дали вам спеть?

– Папа, Серёжа не поет.

– А что ты за него отвечаешь?

– Я действительно не пою, но слушал с удовольствием.

– Ты почему к человеку пристал? – вмешалась мама. – Дети, раздевайтесь и к столу, ещё не всё съели.

– Правда, кто же поёт на сухое горло! У нас есть вино, водка, настойки собственного приготовления. Что вы пьёте, Сергей? – поинтересовался папа.

– Спасибо! Всё попробую, кроме вина.

– И правильно, вино пусть Лидуся попивает. Угощайтесь: вот холодец куриный, фирменное блюдо нашей мамы, Нины Александровны. Пётр Семёнович встрял, так мы толком и не познакомились.

– Ой, и правда. Папу моего зовут Иван Георгиевич, – вставила я своё слово. – И сегодня нам повезло, если остались цыплята табака его приготовления.

– Остались-остались! Мама специально отложила для вас с Сашей.

– Саша – это мой брат, я тебе рассказывала о нём. Он в училище, увольнение только завтра дадут. Ты ешь, пожалуйста.

– Сначала давайте выпьем за знакомство! – предложила мама.

Все почему-то, не сговариваясь, встали. (Мама оказалась между мужчинами, рост у неё небольшой, а рядом с ними она казалась совсем маленькой и трогательно-женственной.) Когда сели, мама наполнила тарелку Серёжи всевозможными закусками. У меня от волнения кусок не лез в горло, я только пила вино. Серёжа ел с удовольствием в перерывах между ответами на вопросы родителей, а поскольку вопросов было не так много, он скоро попробовал все закуски, мамы настойки и внимательно слушал, как папа рассказывал о голодных военных временах своего детства.

– Нас у мамы было пятеро: старший, Николай, ушёл на фронт, мне было десять лет, сестрам чуть больше. Мы корову держали, Зорьку, она нас от голода и спасала. По оврагам ходили, траву ей резали. Сами мёрзли. Одежка вся плохонькая, выцветшая, вот, примерно, как ваша курточка, Серёжа. Тогда все так одевались.

Здесь мы с Серёжей переглянулись, и я с трудом сдержала улыбку.

– Однажды Зорька объелась белены и стала помирать. Мама говорит мне: «Бери хворостину и гоняй корову по полю, чтобы она бегала, тогда, может, спасем». Помню, сыро, дождь моросит, сил нет, гоню её, жалею, чуть ни плачу, она мычит...

В этот момент раздался звонок, и мама пошла открывать дверь.

– Спасли?! – спросил Серёжа.

– Спасли.

В комнату вошла нарядная раскрасневшаяся Марина с горящими глазами.

– Я только что с оперетты. Наконец-то все уже позади! Не верится! Шла сейчас мимо, дай, думаю, загляну без звонка наудачу! И надо же, какое везенье!

Конечно, она включилась в застолье и поведала о подробностях проведения в оперетте городского вечера и концерта в честь Восьмого марта, помощь в организации которого засчиталась ей как дипломная работа по специализации.

– Так что я отстрелялась, теперь, Лида, осталась твоя очередь, – Марина закусила солёным огурцом мамину настойку. – Ты там, поди, весь спектакль на себе тащишь?

– Да как-то всё само движется, дети хорошие. Только мне очень домой хочется. Марина, не пей, ты же с неё вырубись сейчас!

– Лида, не заглядывай человеку в рот! – вмешалась мама. – Давайте выпьем за праздник!

Так и сделали.

– Идём, – обратилась я к Серёже, – я покажу тебе свою комнату.

Мы вошли, и я закрыла дверь.

– Комната, конечно, маленькая, но с видом на небо! Или на небеса? Ты, может быть, ещё поесть хотел, а я тебя от стола увела...

– Лида, – перебил меня Серёжа, – ты, когда волнуешься, начинаешь много говорить. Всё хорошо. Иди, присядь ко мне! На этом диване лежала, когда звонила мне?

Мы поцеловались. Сразу же захотелось продолжения. Серёжа глубоко вздохнул.

– Я уже пойду, пожалуй. Проводи меня.

– Не уходи! Не хочу, чтобы ты уходил! Не хочу никуда уезжать! Хочу прилипнуть к тебе и не отлучаться никуда и никогда! Серёжа! Останься! Это возможно? – я помолчала, а потом продолжала с отчаянием. – Нет. Ну почему?! Почему!!!

– Что с тобой? Это же не последняя наша встреча! Впереди много интересного! Скоро! Со всем скоро!

Серёжа попрощался с родителями, на мамино приглашение «Приходите к нам ещё» ответил:

– Надеюсь, обязательно приду и не раз, – пожал папе руку, с Мариной не попрощался, потому что она заснула прямо на диване. (А я её предупреждала!)

В подъезде ещё полчаса мы пробовали расстаться. С разных этажей периодически доносилась музыка, смех, в основном женский, громкие разговоры – соседи отмечали праздник.

– Весело здесь у вас, – сказал Серёжа.

– В подъезде?

– И в подъезде тоже. Вы дома часто поёте?

– Очень часто.

– И ты?

– Конечно! С трёх лет. Как же без меня!

– Почему я никогда не слышал твоего пения?

– Потому что, когда я с тобой, мне и так хорошо! Не до песен! Других потребностей и желаний нет!

– А у меня, наоборот, одни желания и потребности! Ещё чуть-чуть и даже подъездный стрём меня не сможет остановить. Надо действительно идти. – И мы вышли на улицу.

– Завтра приезжает Алексей, соберутся все ребята, – сказал он. При упоминании этого имени я инстинктивно напряглась, но промолчала. – Я позвоню тебе. Не стой на холоде, простынешь! До свидания.

Я поднялась к себе, мне не терпелось узнать, какое впечатление произвёл Серёжа на родителей. Удивительно, но восторгов не было.

– Парень вроде спокойный, вежливый, но не простой. Уж очень вежливый, – сказал папа, – закрытый какой-то, неестественный.

– Долговязый, – добавила мама, – длинноволосый. Необычный! Я другим его представляла.

Идеалом мужской красоты для мамы были актёры Вячеслав Тихонов, Василий Лановой и Роберт Тейлор (в фильме «Мост Ватерлоо»), внешность Серёжи не вписалась в заданные параметры, и мама была слегка разочарована. О Серёже я ей рассказывала с начала знакомства. На события моей истории она смотрела с высоты своего жизненного опыта, и оценки наши не совпадали. Хотя мама зачастую была беспомощна в хозяйственных вопросах (почти все покупки, вплоть до её нижнего белья, делал папа, иногда советуясь со мной), но в людях редко

ошибалась, ориентируясь на их поступки и свою интуицию. С тех пор как мы с Сашей окончили начальную школу, мамины дни шли по отлаженному расписанию: с утра и днём – работа (мама была идеальным сотрудником и партийным активистом); вечером – домашние дела (в основном приготовление вкусного ужина) и перед сном – чтение (она знала всю русскую классику и популярную зарубежную). Времени на чтение уходило немного, но именно оно создавало мамино настроение, давало яркие краски для серых будней и держало маму в романтическом тоне, открытой для лёгких флиртов, на которые папа не обращал никакого внимания.

– С мужчинами нельзя быть откровенной! – утверждала она. – В женщине должна быть загадка! Тайна! Недостигаемость! Твой Серёжа понял, что ты без него – никуда, а мужчина должен добиваться женщину! В отношениях всегда один целует, а другой щёку подставляет! (Подразумевалось, что папа, конечно, её целует.)

На первый взгляд казалось, что есть в этой мысли доля правды. Но когда я пыталась представить в реальности подобные отношения, то понимала, что в их основе лежат пошлость и драматизм (обязательно кто-то вынужден или врать, или жить без любви). Я горячилась, доказывая маме:

– Вот, например, я – на самом деле люблю Серёжу, но, предположим, не буду ему этого показывать и тем более говорить, а завлеку его и, подогревая желание, попытаюсь влиять на его поступки?! Умно! Нечего сказать! Это ж как надо не уважать его и принимать за дурака! Врать, выстраивать стратегию и тактику, как на войне! И это будет моей тайной и загадкой?! Вот уж нет! Возможно, игровой элемент и важен, но в каких-то нюансах, а не в главном!

Но мама всё равно продолжала считать искренность в отношении с Серёжей синонимом моей глупости, а я была уверена, что в нём есть сила принять мою любовь и не загордиться.

– Жизнь нас рассудит, – говорила мама в случаях несовпадения наших мнений.

«Точно, – думала я про себя. – Жаль, что я не могу тебе сейчас рассказать о том, что мы уже подали заявление в загс».

Но всё же после того, как Серёжа ушёл, на душе почему-то стало тревожно, будто все мои вопросы, которые я боялась задать ему, в том числе главный: почему мы до сих пор ничего не говорим родителям, окружили меня и, словно

образовав воронку, грозили засосать в пучину домыслов, неуверенности и страха.

Возвращаясь на практику, я по пути заехала в Белово к моей тётке Полине. По дороге в автобусе вспоминала, как в детстве она мыла меня в душевой при кочегарке на цинковом заводе, куда нас по знакомству пропускал дядь Вася, сосед, как в городской бане, в парилке, веником выгоняла простуду. Или как однажды в жару летом, в свои выходные между сменами, собрала всех детей со двора и окружённая ватагой пацанов от семи до тринадцати лет и несколькими девочками (девочек во дворе было меньше) повела нас за территорию завода купаться на дальний загородный пруд. Я гордая шла вместе со всеми и временами подпрыгивала от восторга и радости.

С позапрошлого лета, после того, как похоронили бабушку Нюру, тётя жила в квартире одна, а кто-нибудь из многочисленной родни навещал её почти каждый день. Она кормила всех подряд, знала все семейные новости и без наидания сглаживала острые углы в отношениях между родственниками. Мы с ней любили друг друга, и я тут же по приезду выложила свой секрет о предстоящем замужестве.

– Ой, Лидушка! Значит, в столицу укаатишь! Вот Ванюшка-то затоскует!

– Не затоскует! Он меня сам туда бы отправил!

– Отправить, может, и отправил, но тосковал бы! Да что мы спорим! Давай обедать! Или Колюшку подождём? Он прийти обещал.

– Без дяди Коли, конечно, обедать не будем!

– А я тебе пока на картах скину.

Тётя гадала. К ней за этим делом стекалась вся женская округа. Бабушка моя, верующая, добрейшая женщина, постоянно уговаривала её:

– Полюшка, перестань! Грех ведь это! Ты и так через эти карты всё своё счастье прогадаешь.

Тётя уже давно развелась с мужем и одна воспитала дочь и сына непутевого.

– Вот-вот, теперь уже и терять нечего! – посмеивалась Полина, но со временем и, правда, гадать стала в редких случаях.

– Месяц назад, – рассказывала она, раскладывая карты для меня, – приходит соседка, Валя: «Скинь мне на Вовку, что-то давно не пишет», а Вовка у неё – в армии. Я ей разложила, смотрю, – дорога ему выпадает, говорю: «Приедет домой скоро!». Она мне: «Какой скоро! Ему ещё

полгода служить» «Так, может, отпуск дадут» – «Не дадут, не положен!» – «Ну, не знаю! По картам выходит, что приедет!» Ушла она, не поверила, а через день Вовка и приехал без оповещения, сюрпризом! Дали отпуск на неделю, заслужил, видно! Приходила, благодарила! Слушай! – Она ненадолго замолчала. – А ведь не будет у тебя свадьбы! Не вижу я с ним жизни совместной! Подожди, ещё по-другому сброшу! Нет! И здесь ничего! Зато крестовый король лёг прямо на судьбу! Всё собой прикрыл, но только не скорый он, ждате надо! Ты не расстраивайся!

– А я и не расстраиваюсь! Не верю я ни в какие гадания!

– И молодец! Пусть всё будет по-божь!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

До конца моей практики всё шло нормально: мы с Серёжей разговаривали по телефону и ждали встречи. Наконец я успешно сдала спектакль, зрители были в восторге, на банкете в честь этого события руководитель нашего курса, который специально приехал на премьеру, говорил хвалебные речи о постановке, о том, что я – молодчина, и с ним соглашался выпивший и ставший многословным Валерий Геннадьевич.

Сразу же после вечеринки я побежала на переговорный пункт, мы договаривались с Серёжей, что я позвоню и сообщу ему, как всё прошло. Но трубку никто не взял. Через полчаса, хотя время было позднее, я сделала ещё одну попытку дозвониться, но опять никто не ответил. Ещё неделю, пока оформляла документы и писала отчёт, я каждый день по несколько раз бежала на почту, но трубку не брали ни утром, ни днём, ни вечером. «Может, сломался телефон? – подумала я. – Ладно, Серёжа не отвечает, но из родителей-то хоть когда-нибудь должен быть дома, почему они не реагируют на звонки?!»

Вот тогда я действительно поняла, что значит попытка молчанием. Самые страшные мысли отменяла дня через два, потому что знала, что «дурные вести не сидят на месте», и, если бы что-то, не дай бог, с Серёжей случилось, мне бы обязательно сообщили. Значит, или телефон сломался, или... И здесь сердце моё надрывалось от переживания придуманных причин безответных звонков. «Разлюбить он меня не мог, потому что ещё и не любил, – думала я. – Наверное, Серёжа всё-таки решил, что не пара я ему, или сказал родителям, и они против», – подобные варианты были самыми, как мне казалось, очевидными и тяж-

кими для меня. «Но он сказал бы мне тогда?! Не стал бы мучать молчанием?!» – думала я. Хотя, мысленно создавая образ поведения лидеров центральной молодёжи, я предполагала, что именно такой поступок в их среде сотоварищами оценивался бы как признак силы. «Но Серёжа не такой! Да, он общается с ними, но душа его совсем другого ищет! Он сильный, он добрый! Господи, но что же с ним случилось?!»

Причину отмены нашей свадьбы я узнала только в середине июля. А до начала апреля продолжала звонить ему до тех пор, пока наконец однажды трубку не взяла Валентина Михайловна и коротко сообщила мне, что Серёжа в отъезде. Как я выжила?! Сама удивляюсь! Тело моё продолжало существовать: просыпалось, ело, двигалось, разговаривало, по-моему, даже смеялось иногда. Но меня в нём не было. А где я была? Слава богу, не помню!

На распределении первым из группы шёл Герман, наш староста и отличник (он учился по направлению из Алтая и получил место директора театра в одном из городов края), второй распределялась я. Мне предложили работать в Областном управлении культуры на должности инспектора по профессиональным театрам (с правом разовых постановок). Я согласилась и осталась в Кемерове. Позднее, когда уже сдала ГОСы, зашла в здание облисполкома, поднялась по бордовой с золотом ковровой дорожке на четвёртый этаж, нашла просторный кабинет, в котором среди других рабочих мест находилось моё (стол и стул) и сидели две женщины (с виду – солидные тётеньки), предполагаемые будущие коллеги.

– Девочка, тебе что надо? – спросила одна из них, когда я открыла дверь.

– Я просто заглянула.

– Ищешь кого-то? У нас здесь редко кто просто так заглядывает.

– Нет, никого не ищу, – я закрыла дверь.

Мне не хотелось вдаваться в объяснение причины моего появления, а тем более слышать реакцию на новость, которую я могла бы им сообщить. (Хотя, наверное, было бы забавным наблюдать за выражением лиц.) «Не работать мне здесь. Это из другой жизни, не из моей!» – мысленно подвела я итог.

– Ну ты заела! – выговаривала мне Марина после того, как я поделилась впечатлением. – Не хочет она среди тётенек работать! А ничего, что это «тётеньки» – из областного управления?!

– Да какая мне разница! Не в них дело! Может, они действительно ложатся на амбразуру в боях за культурные показатели! Просто не моё это всё!

– А чьё? Может, моё?!

– Может, и твоё!

– Ага! Что ж ты это на распределении не сказала?! Мы бы тогда поменялись, и ты бы вместо меня в Мазуровский клуб поехала!

– И в клуб я не хочу! Ни в какой, а уж в Мазуровский тем более!

– Ну, конечно, это же не Москва! Ой, прости, прости, Лидочка! Не подумала и лягнула! Прости! Да не реви ты! Господи! Сколько уже можно мучиться?! Пропади он пропадом, козёл белобрый! Лидусенька, ну не плачь ты, родимая!

– Ну почему?! Почему он ничего мне не сказал?! Ой! Сил моих нету жить! Я же его ни о чём не просила! Почему?!

– Лида, послушай, я тебя не хотела тревожить, чтобы опять эту тему не поднимать, но теперь уж всё равно. Мне Лилька рассказала, что в городе следствие ведётся по фарцовщикам и наркоманам.

– Каким наркоманам? Конышев, что ли?! Да он один у нас на весь город!

– За что купила, за то и продаю! Лильку в КГБ вызывали и расспрашивали о некоторых одноклассниках, в том числе и Кортникова упоминали.

– В каком смысле?!

– В смысле, не фарцовщик ли он?

– Бред какой-то! А Лилька, она на КГБ, что ли, работает?

– Да прям, просто вызвали и спрашивали. Она мне ещё недели две назад рассказала, но чтобы я никому не передавала, так я только тебе.

– Спасибо, конечно, а почему молчала так долго?

– Ну, во-первых, меня просили, а, во-вторых, это всё равно ничего не объясняет!

– Как не объясняет?! А если на него дело завели! Может, я как раз и нужна была ему!

– Вот-вот, поэтому я ничего и не рассказала. «Дело завели», «нужна!» Так и знала, что ты ухватишься за это! Да если бы и завели что-то, весь город бы знал, а если он тебе ничего не сказал, то... ну ты сама понимаешь!

– Да ничего я не понимаю! Ничего! – И я опять не смогла не заплакать.

– Значит, не хотел тебе ничего говорить. Может, потом всё объяснит. А ты ему давно звонила?

– С тех пор, как поговорила с его мамой, не звонила.

– Может, он дома уже?

– А где ж ему быть?! У него ведь тоже экзамены государственные! Дома он и не звонит! А может, и вообще не уезжал никуда!

– От тебя, что ли, скрывался? По-моему, это глупо! Да не реви ты, господи боже мой! Всё равно всё выяснится!

– Это я от безнадёги, – я умыла лицо под краном. – Что выяснится? И так всё ясно. Не нужна я ему!

– Слушай! А поехали с нами в Сочи?

– С нами – это с Мариком?

– Да.

– Вот уж нет! Спасибо тебе, конечно, за приглашение, но ехать с вами в моей ситуации – это всё равно, что себе соль на рану сыпать. Да и не хочу я ничего! Представляешь, я даже к морю не хочу!

– Но Серёженьку-то видеть хочешь?

– Уже не знаю.

Но, конечно, я лукавила, единственное, что могло вернуть в меня жизнь – это возможность хоть как-то пообщаться с Серёжей.

Родители, как планировали уже давно, уехали в Болгарию. Незадолго до отъезда мама спросила:

– Ты такая «весёлая», потому что Серёжа к нам больше не зашёл?

Я наконец рассказала ей всё.

– Да, не по-людски это. Наплюй! Забуди!

– Вот жизнь нас и рассудила! Теперь он уже мне и «щёку даже не подставляет»!

– Подставит ещё! И не он один! Только ты целовать не спеши! Лида, надо знать себе цену!

– А что, я на продажу выставляюсь?!

– Видишь, какая ты остроумная, за словом в карман не лезешь! Вот с ним бы так разговаривала! Может, тогда бы и ревела меньше!

Папа ни о чём не спрашивал, а только сказал:

– Мы приедем, отдохнуть отправишься ты, подумай куда. Тебе на работу надо прийти в настроении и силе.

– Пап, я в управлении работать не хочу.

– Ты попробуй, там видно будет. Может, понравится ещё в начальниках ходить.

– Умывальников начальник и мочалок командир! – Я обняла его. – Спасибо тебе, папа!

– За что?

– За всё. За то, что не указываешь, как жить!

– Надо бы, да что толку! Ты у меня – особенная! Редкая! Кто тебя поймёт, тот и обретёт!

– Прямо стих сочинил! Вот только не ясно, что обретёт-то он?

– Ясно что – головную боль на всю жизнь! – Мы одновременно засмеялись, и у меня впервые за три месяца на душе полегчало.

После отъезда родителей я осталась в квартире одна и с нетерпением ждала, когда на каникулы отпустят Сашу.

Во второй вечер, ближе к ночи, неожиданно зазвонил телефон:

– Да, я слушаю.

– И я слушаю, – ответили мне голосом злого клоуна, поддельвающего Серёжины интонации.

Я испуганно молчала.

– Ты ещё не спишь, мой ангел? – И я поняла, что звонит действительно Серёжа, но только невероятно пьяный.

– Ты где?

– Я везде, как Бог! Я здесь и не здесь, я весь и не весь! – Но вдруг из трубки раздался голос Александра:

– Лида, мы в телефонной будке рядом с твоим домом! Еле удерживаю его, хочет к вам вломиться! Может, ты выйдешь к подъезду? – По интонации чувствовалось, что Александр тоже не трезвый. – Выходи скорее, он уже рванул к дому!

И я услышала ругань, вероятно, вслед Серёже.

Я выбежала во двор в тот момент, когда Александр отрывал Серёжу от ручки подъездной двери.

– Мальчики, не деритесь! И, пожалуйста, тише! Поднимайтесь ко мне!

– И напоют, и накормят, и спать уложат! И надолго! – почти кричал Серёжа.

– Тише, тебе говорят, – ещё громче произнёс Александр.

Мы стали подниматься по лестнице. Такого пьяного я не видела Серёжу никогда. Я решила оставить их ночевать и постелила им в зале, на раскладном диване. Даже родители мои, если бы не уехали, в таком виде никуда бы ребят не отпустили. (Можно было запросто в вытрезвитель попасть.) Александр сразу же заснул (и я не успела узнать у него, откуда они пришли), а Серёжа ходил за мной по квартире и требовал «маминых настоек»:

– Где ты их прячешь? Говори, русский партизанен! Я всё равно узнаю! Я есть буду тебя пытать, и ты мне скажешь!

И здесь меня разобрал смех. Сквозь хихиканья я спросила:

– Ещё пытаться?! Опять?!

– Мой ничего не понимай! Где вкусенький настоечка? – продолжал приставать Серёжа. – Что это за хохотушки?! Бистро перестать хохотушки!

Я догадывалась, что он находится в той стадии опьянения, когда за недостающей рюмкой готов бежать, ехать, плыть, лететь на другой конец города, в соседнее село, на край света, к чёрту на кулички, и ничто, и никто его не остановит, поэтому принесла графинчик, налила ему и себе и сказала:

– С тебя тост.

Серёжа немного помолчал, потом без всякого кривляния отрывисто произнес:

– Не будет тостов. Нечего сказать. Вот так.

Он выпил, потом налил себе ещё, опять выпил и ушёл спать. Я сидела одна на кухне перед своей наполненной рюмкой.

В шесть утра проснулся Александр. Я заварил крепкого чаю, от бутербродов он отказался.

– Вы где так приложились вчера?

– Как где? В общаге у нас! Всё ещё диплом обмываем.

– Так тяжело достался, судя по выпитому?

– Да нет, это у Серёги настроение такое, никак успокоиться не может, что аспирантура сорвалась! Его можно понять.

– А почему сорвалась?

– А он не говорил тебе?!

– Не успел, наверное.

– Нет, раз сразу не сказал, значит, не хотел. Да козёл какой-то показания на него дал, даже точно не знаю, по поводу чего. Сергея вызывали, спрашивали, из комсомола чуть не турнули. Разобрались потом, а пока суд да дело, документы в аспирантуру на другого переделали. А у нас, сама знаешь, без целевого места никак не поступишь. Такие вот дела.

– А мама почему не помогла?

– Не знаю таких подробностей. У тебя, может, чего покрепче есть?

– Есть конечно, только домашнего приготовления.

– «Мамины настоечки»? Давай попробуем.

Когда Саша, мой брат, открыл своим ключом дверь, то увидел меня сидящей за столом между двумя мужчинами. (Прихожая находилась напротив кухни.) Было девять утра. Он стоял в курсантской форме, стройный, подтянутый, и с открытой улыбкой смотрел на нашу компанию.

– Да, сестра! Даже от тебя не ожидал такой прыти! Надеюсь, не всё успели выпить?

– Ребята, знакомьтесь, это мой братик Сашенька!

Саша уже подошёл к столу.

На нашей маленькой кухоньке (пять квадратных метров) свободного пространства не осталось совсем, но мне было необыкновенно уютно.

– Это Серёжа, – представляла я брату ребят. – Это Александр. Ой! Александр, а ты ведь тоже Саша!

– Точно, сестра! Вот это открытие! А вот и ещё одно – я тоже Александр!

– Конечно. Просто Александр похож на Александра, а не на Сашу, но дело не в этом! Мы с Серёжей сейчас стоим как раз между вами и можем желание загадать. Давай, Серёжа, на счёт три: раз, два, три!

Я закрыла глаза и подумала: «Пусть он не уезжает в Москву!», – когда открыла, брат смотрел на меня с любопытством, Серёжа – в сторону, Александр – так, будто я сказала желание вслух, а он знал заранее, что оно не сбудется, и сочувствовал мне.

Пока я кормила Сашу завтраком, он рассказывал нам последние казарменные новости, делал это, как всегда, остроумно, так что от хохота мы едва переводили дыхание, при этом вид у брата был серьёзный.

– Жаль уходить, но мне завтра уезжать, а ещё обходной до конца не подписал, – сказал Александр. – Ты идёшь? – обратился он к Серёже.

– Нет, я ещё не все армейские новости узнал.

Мы остались втроём. Невероятно: ещё вчера вечером я мечтала хотя бы издалека увидеть Серёжу, а сегодня утром мы вместе пили чай у нас на кухне, и мои любимые мужчины, выказывая лучшие свои стороны, с радостью и симпатией узнавали друг друга, оставив обычно сопровождающие первую встречу настороженность и закрытость. Саша заканчивал рассказ о последствиях картёжного пристрастия замполита, и Серёжа вдруг предложил:

– А давайте сыграем в бридж? Вы умеете?

– Меня когда-то учили, но потом я забыла.

Мы с папой в тысячу играем.

– Я тоже играю в тысячу, – сказал Саша. – Но, если вы покажете, можно попробовать.

– Во-первых, не вы, а ты, во-вторых, где карты?

До четырех часов мы играли в бридж, ели мороженое, которое я заранее купила к приходу

Саши, хохотали. Серёжа на листке, где вели счёт, нарисовал неуклюжую бабу с огромными бидонами, и это стало причиной нового взрыва смеха. Я не задавала Серёже никаких вопросов и не делала попыток остаться наедине. Довольствовалась тем, что он просто рядом. Когда проголодались, я пошла готовить суп, а Серёжа засобирался домой.

– Приятно было познакомиться с тобой, – сказал он, крепко пожимая Саше руку.

– Взаимно. Приходи к нам ещё.

Серёжа только хотел что-то ответить, но я опередила его:

– Только не обещай ничего! Придёшь так придёшь.

– Что ж, приду так приду, – он слегка усмехнулся, а потом, глядя на Сашу, улыбнулся по-настоящему и открыл дверь.

Мы с братом вышли на лестничную площадку, обнявшись, смотрели, как Серёжа спускается по лестнице. Вероятно, почувствовав наш взгляд, он обернулся, сказал: «Как вы похожи!» – помахал рукой и побежал по ступенькам.

– Да, сестра! Я тебя понимаю! Какой мужик! Я как будто сто лет его знал! Он всё с полуслова понимает! А какое чувство юмора. Да ведь и красавчик! Девочки за ним, поди, толпой ходят! Да, Лида? А какой простой! Компанейский!

«Конечно! Знал бы ты, какие шипы у этого цветочка!» – подумала я, но вслух не сказала, мне понравилась Сашина оценка.

– А у вас с ним что?

– У меня с ним – всё!

– А у него?

– Не знаю. Не мучай меня!

– Ладно, Лида. Есть очень хочется, давай я тебе помогу!

Со следующего дня Серёжа стал приходить к нам в гости каждый день, почти всегда сидел допоздна, было заметно, что ему хотелось остаться, и однажды Саша предложил заночевать, но, немного замешкавшись, Серёжа отказался. Мы по-прежнему играли в бридж, обсуждали фильмы и книги, смеялись над удачными устными импровизациями Саши. Серёжа избегал всякую возможность остаться наедине со мной. Я не настаивала, старалась не нарушить атмосферу радостной лёгкости наших встреч втроём, по всей видимости, необходимую для Серёжи в данный момент. Я видела, что он, хотя и бодрился, и смеялся, но напоминал птицу с подбитым крылом, вроде и рана зажила, и уже следов почти не

осталось, и даже ввось подняться может, но ненадолго, в страны дальние не долетит.

Через неделю деньги, оставленные родителями на пропитание, неожиданно кончились (как это могло произойти при наших попытках жёсткой экономии?!). Я достала свою записку и собиралась отправить Сашу на добычу средств в Белово к тётке Поле.

– И я уезжаю тоже, – сказал Серёжа, узнав о Сашиной «командировке».

– В Москву? – тихо спросила я.

– Да.

– На постоянное местожительство? – уточнил Саша.

– Нет.

– Сестра, а ты же в Сочи собиралась! Передумала?

– Не решила ещё пока.

– Поезжай!

– Да не хочется мне одной!

– А ты там познакомишься с кем-нибудь! – сказал Саша.

– Точно! Где же ещё знакомиться, как не в Сочи? Надо ехать! – глядя на меня и улыбаясь, произнёс Серёжа.

В Сочи я улетала с Мариной. В последний момент у Марика что-то не «срослось», и он остался на всё лето работать в «скорой помощи». «Таково его еврейское счастье», – прокомментировала Марина (на мой взгляд, слишком беспристрастно).

В аэропорту уже после регистрации из-за погоды объявили задержку рейсов во всех направлениях, хотя не было ни дождя, ни грозы, только тучи. В зале ожидания мы нашли свободное место для Марины (у неё были босоножки на высоком каблучке), а я в надежде найти ещё одно прогуливалась между кресельными рядами.

– Лида, идите сюда! – я обернулась на голос и увидела Юрия Викторовича, преподавателя нашего института, а точнее, заведующего кафедрой по специальности.

Он махал рукой, подзывая к себе. У меня сразу же поднялось настроение, как обычно при встрече с ним. Юрия Викторовича уважали и студенты, и коллеги, а у меня и многих сокурсников он был любимчиком. Правда, предметы, которые Юрий Викторович вёл (связанные с историей и теорией культуры), к практически пригодным можно отнести с большой натяжкой, но я с удовольствием ходила к нему не только на лекции, но и на семинары и даже на экзамены. Умный, обаятельный, образованный, интеллигентный

Юрий Викторович умел в людях находить дар, о котором сам обладатель мог даже и не подозревать. Например, меня он считал чрезвычайно способной к педагогической деятельности.

– Садитесь, как раз есть для вас место! – Я присела. – Я вот в кои-то веки собрался в Улан-Удэ к родственникам, но рейс задержали. А вы далеко ли путь держите?

– В Сочи.

– Завидую! Море! Сам бы полетел, да столько накопилось, всем задолжал: статьи, отзывы, рецензии – работа, одним словом! Так ведь и вы теперь уже скоро пополните ряды трудящихся! Распределением-то довольны?

– Честно?

– Честно-откровенно.

– Не могу представить себя там. Мне кажется, это не мое.

– Не знаю, не знаю. Человек вы, безусловно, способный, организованный, думаю, справитесь! Другое дело, нужно ли переламывать себя? Вашу эмоциональность придётся там придержать, а ведь это жаль!

– Вот с чем с чем, а с этим бы я с удовольствием рассталась!

– И напрасно! – он улыбнулся. – Лида! А приходите работать ко мне на кафедру!

– На кафедру?!

– У меня как раз по новой программе часы увеличиваются на две ставки. Я и раньше о вас думал, но не предполагал, что вы в управление работать не захотите.

– А что я буду вести? Это же совсем другая специализация! Вообще-то я себя представляла в театральном коллективе!

– Да знаю я, знаю, как вы, снобы мельпоменовские, к нашему клубоведению относитесь, но это всё детство! Пройдёт! А предметы можно будет подобрать ближе к вашему профилю. Например, культура речи! Решайтесь!

– Спасибо, я обязательно подумаю.

– Только через неделю надо дать ответ. Соглашайтесь! У нас стажировки предполагаются в Ленинград и Москву, аспирантура возможна через год-два!

– А стажировки когда?

– Уже в этом учебном году планируем, в январе! На месяца четыре!

– И что? Вы новеньких отправите?!

– Конечно. Новеньких как раз и отправим!

– Невероятно! Тогда это совсем другое дело! Работать, конечно, постараюсь хорошо!

– Я не сомневаюсь! Так вы согласны? Точно?

– Я-то согласна. А как же быть с распределением?

– Не беспокойтесь! Я поговорю в управлении, думаю, с кандидатурой на вашу должность проблем не будет.

– Спасибо вам! Вот это да! Юрий Викторович, от всего сердца спасибо! Сегодня вы мне два места нашли!

– Почему два?

– А это? – И я постучала по диванчику, на котором сидела.

Мы рассмеялись.

В Сочи, в частном секторе, компания студентов Московского авиационного института (ребята, как и мы с Мариной, приехали дикарями и жили по соседству) не давала нам скучать, предлагая все тридцать три удовольствия: танцы в одном из ближайших хостинских санаториев, пение под гитару, игру в карты, застолье под ореховым деревом во дворе нашей общей хозяйки Веры, любовь под шум морского прибоя – выбирай не хочу!

Мы выбрали всё, кроме любви, иногда в один вечер объединяя несколько удовольствий сразу: ужинали с вином, шли на танцы, а потом до поздней ночи пели, сидя на деревянных лежаках у моря. Уже перед отъездом по настоянию Марины я все же уступила просьбам Дениса, лидера компании, и сходила с ним на свидание. Напрасно. Хотя польза всё же была – я поняла, что суррогатный вариант для меня неприемлем.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Вторая половина августа больше походила на осень. Из-за дождей приходилось в основном сидеть дома. Семья наша наконец-то полностью собралась. В субботу мы нарядились (из Болгарии родители привезли обновки, больше всех – мне), я уложила папину чёлку и сделала причёску маме, Саше замаскировала предательски соскочивший прыщ на носу, разукрасила себя до желаемой степени красоты, и пошли фотографироваться. Мы делали это с периодичностью раз в три-четыре года в одном и том же фотосалоне на углу Весенней и Красноармейской.

Поправляя волосы у зеркала, я услышала восхищённый голос Саши:

– Такая красота не должна пропадать даром!

Но это относилось не ко мне, а к моей однокласснице Лене, которая, как оказалось, сидела среди ожидающих очереди и своим видом привлекала внимание не только моего брата.

– Приходи ко мне на КПП, – продолжал Саша, – я буду деньги брать с желающих посмо-

треть на тебя! Всё училище сбежится! Выручку поделим!

– Сашка! Как ты вырос! Я тебя бы не узнала! Был пацан, а стал...

– Бельмондо? – подсказал Саша

– Точно! Жан Поль вылитый! Вот что делает армия с людьми!

– Ну да, в случае если они там выживают!

– Ты тоже в очереди? – спросила я, подойдя к ним.

– Лида! Вы всей семьей?! Нет, жду, когда друг сфотографируется, ему на документ нужно. Кстати, – обратилась она ко мне, – почему ты никогда не говорила, что с Кортниковым знакома?

– Ничего себе «кстати»! При чём здесь Кортников?!

Лена не успела мне ответить, потому что из фотозала вышел молодой человек, в котором я узнала Алексея.

– Вы ведь знакомы? – спросила Лена.

– Может, и знакомы, – почти не глядя на меня, пробормотал он.

Я удивлённо молчала.

– Лида, пойдём, наша очередь, – позвал папа.

Алексей уже шёл к выходу, Лена поспешила его догнать и, обернувшись, сказала:

– Я тебе позвоню!

– Буду ждать!

Она присоединилась к Алексею, и даже со спины было заметно, что они – пара: оба высокие, стройные, модные, своим видом заставляющие прохожих оборачиваться вслед.

Лена объявилась через два дня. По телефону после короткого обмена свежими новостями об одноклассниках и воспоминаний о нашей зимней прогулке по Весенней она мне рассказала, что у своей старшей сестры, муж которой был профессиональным музыкантом, познакомилась с Алексеем, Лена ему понравилась (еще бы! Блондинка! Настоящая модель! Школьные мальчишки на переменах специально, но как бы между делом, ходили смотреть на неё), и они с Алексеем теперь встречаются: то он приезжает в Кемерово, то она бывает в Москве.

– Рада за тебя, но в то же время сочувствую, – сказала я.

– Пожалел одноногий хромого! Сама-то ещё раньше с ними познакомилась!

– Вот потому и сочувствую, хотя меня с игрового поля уже, кажется, вынесло.

– Ну, не знаю! Вчера только Сергей, когда узнал, что мы с тобой встретились, сказал: «Надо же! Приехала – и ни одного звонка! Так непохоже

на неё! Обычно в день по несколько раз названивала!».

Я физически ощутила боль, будто бежала навстречу, а мне со всей силы врезали под дых. Хорошо, что во время телефонного разговора моя реакция видна не была. Сжавшись в комок, я продолжала ещё слушать Лену о том, что Серёжа пока в городе, что будет физику преподавать в школе с английским уклоном, но недолго, до октября, что с Алексеем у Лены всё складывается замечательно, и, возможно, она тоже скоро укатит в Москву. Лена не была злой девочкой, просто рассказывала, что знала.

В сентябре меня ждала работа, но я думала в основном о том, что совсем скоро, когда уедет Серёжа, город уменьшится, лишится своей жизненной силы и по-настоящему станет центром периферии. Мы не звонили друг другу. Я страдала, хотя понимала, что это глупо, что «ему на меня наплевать», что «надо иметь гордость», что такие, как я, «на дороге не валяются», но легче мне от этого не становилось, хотя внешне всё выглядело нормально: хорошенькая, весёлая, бойкая девушка, такая умеет постоять за себя!

Я заметила (и думаю, что не одна я), часто легко достаётся то, чему меньше всего придаёшь значения. Например, моя работа. Данное Юрию Викторовичу обещание, что буду выполнять её хорошо, я честно старалась держать и делала это без особых усилий: просто открыла конспекты по сценической речи (спасибо Василию Ивановичу, преподавателю, который у нас её вел), нашла там упражнения, вспомнила, как не так давно выполняла их сама, списала из учебника теоретическую часть, выучила и пошла на встречу со студентами первого курса. На кафедре мне показали, как оформляются тематические и индивидуальные планы, как заполняется журнал учёта выполнения нагрузки, и через неделю я уже чувствовала себя достаточно уверенной. Прошёл первоначальный страх, я даже получала удовольствие от общения со студентами и коллегами и, конечно, от встреч с Митей Смирновским, который тоже работал на кафедре у Юрия Викторовича.

Сентябрь подходил к концу. Никакого бабье-го лета – дожди и ранние заморозки! Отопление дали поздно, и горожане ходили посиневшими от холода, запасы витаминов, полученных организмами за лето в виде ягод, овощей и фруктов, ощутимо таяли, а предполагалось, что их хватит на весь пятимесячный снежный период. В институте мне добавили нагрузку, и теперь я вечерами мёрзла в библиотеке, зарывшись в толковые

словари и пытаюсь выстроить логику в новом для меня курсе по методике устной пропаганды и агитации. Домой приходила поздно, ужинала и сразу ложилась спать. Настроения и сил не было ни на чтение книг, ни на общение с подругами. С Мариной мы виделись редко, днём она предпринимала попытки перераспределения в один из кемеровских клубов, а вечерами встречалась с Мариком. Вера готовилась к приезду Игоря, и пока ей было не до меня. Зато мне опять позвонила Лена и сделала неожиданное предложение поиграть в теннис в спортивном зале нашего института (мы с ней раньше часто вместе ходили на корт, играла она неплохо).

– Я договорилась, нам поставят два стола.

– А зачем второй?

– Мальчики тоже пойдут. Ты ведь не против?

– Нет. (Может ли быть против истерзанный человек, когда ему предлагают, пусть даже ненадолго, избавиться от страданий?!)

Вечером я присоединилась к Лене и Алексею у школы, мы немного подождали, пока Серёжа закончит урок, и все вместе пошли в первый корпус нашего института. Было пасмурно и почти темно. Шли минут двадцать. По дороге говорили мало, я вообще молчала. Серёжу смогла рассмотреть только в спортзале. Он выглядел усталым, слегка неопрятным из-за растрёпанных и невымытых волос, но это не мешало ему оставаться красивым и уверенным в себе.

С улыбкой и доброжелательным видом я беспощадно обыграла несколько раз всех по очереди, а потом с разгромным счётом в паре с Леной мы победили Алексея и Серёжу. За весь вечер я говорила только про игру, с Серёжей общалась не больше, чем с Леной и Алексеем, впрочем, и он ко мне обращался не чаще.

Домой возвращались на такси, расставаясь, мы с Леной договорились созвониться. Сказав: «До свидания», я вышла из машины, Серёжа тоже дальше не поехал. Такси умчалось. Мы постояли, потом молча пошли к моему подъезду.

– Спасибо, что проводил, – сказала я и открыла дверь.

– Лида! Приходи к нам домой завтра к шести. Пожалуйста, – он помолчал. – Придёшь?

– Да. Что-то будем отмечать?

– Нет, просто поужинаем.

Сердце моё невольно опять встрепенулось от надежды.

Поднимаясь по лестнице, я увидела на втором этаже Антона, целующего худенькую высокую девушку. Моё появление их никак не отвлек-

ло друг от друга. Я порадовалась за Антона, а потом за себя, что могу радоваться за него.

На следующий день в шесть часов я стояла в Серёжином подъезде. Дверь открыла Надя, жена брата, через минуту в прихожую вышел он сам и сообщил:

– Серёжа неожиданно задержался. Позвонил, сказал, скоро будет. Проходи. Родители в гостях, мы за хозяев сегодня.

Я села в зале на диван и смотрела, как Надя на столе расставляет посуду. От помощи она отказалась. В комнате было необыкновенно тихо, и звук от лёгких касаний рюмок о тарелки казался пугающе резким.

– Мы детей у моей мамы оставили, – заговорила Надя. – Непривычно без них, так и кажется, что они где-то притаились и затевают очередной сюрприз из серии «родители, не спите!».

Я завидовала Наде, мне было стыдно, но я отчаянно завидовала её праву хозяйничать в этом доме. Вспомнилось, как однажды, ещё в тот, счастливый период, Серёжа обмолвился, что хотел бы иметь дочку. Слезный ком подступил к горлу, и я старалась справиться с ним, пока Надя подробно описывала костюмы, в которых сыновья были недавно на утреннике в детском саду.

Когда пришёл Серёжа, мы сразу сели за стол.

После ужина играли в бридж. Брат с женой были многословными, Серёжа – молчалив, а я хороша как никогда. Все улыбались и казались спокойными, но у меня появилось ощущение тревоги, как в фильме, где вроде и герои смеются, и музыка весёлая, но чувствуешь, что скоро случится непоправимое.

Ничего не произошло. Позднее мы с Серёжей шли знакомым маршрутом к моему дому. Наши губы, как будто мы соревновались в банальности, произносили пустые, искусственные слова о погоде и вчерашней игре. И вдруг, когда уже приблизились к подъезду, словно пулей влетело:

– Завтра утром я уезжаю в Москву. Насо всем.

Я помертвела.

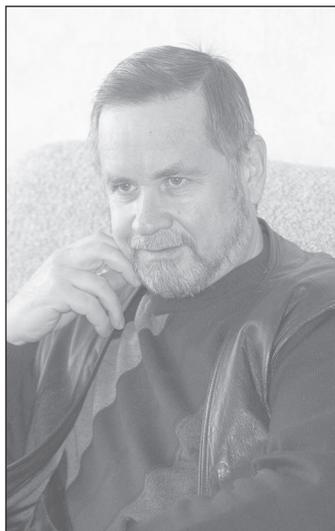
– По возможности я тебе позвоню и напишу! – продолжал Серёжа.

Я не смогла ничего произнести. Он обхватил меня руками, прижал к себе изо всех сил и стоял так некоторое время, потом отстранился, губами прикоснулся к щеке, развернулся и, не оборачиваясь, ушёл.

Окончание следует

**Владимир
МОЛЧАНОВ**

СМЕЁТСЯ ПЛАКУЧАЯ ИВА

ЛЕРМОНТОВ

*И вновь пятигорские стены.
Раздвинута дымка вокруг.
Как будто бы занавес сцены,
Которую помнит Машук.*

*... И выстрел раздался позорный.
Как вынести горечь и боль?
И в смерти поэт не позволил
Сыграть никому свою роль.*

*Мальчишка – годами, а станом
И духом – поэт! – не актёр.
Он встретил, как мужу пристало,
Нацеленность пули в упор.*

*Как после молчать ни старался
Предательский тот пистолет,
Мартынов всю жизнь оттирался
От брызнувшей крови в ответ...*

* * *

*Духовной жаждою томим...
А. С. Пушкин*

*Вторую неделю России не вижу,
Вторую неделю брожу по Парижу.
С духовною жаждой спешу я скорей
К родимым полям с Елисейских полей.*

67

*В России снега ещё бродят по марту,
А здесь расцветают фиалки Монмартра.
Пусть Эйфеля башня в Европе видней –
Но всё же Останкино наше родней.*

*Брожу одиноко, устало, понуро
С толпою зевак по безмолвному Лувру.
Полотна давно мне знакомы уже,
И всё ж в Третьяковке теплее душе.*

*Всем радует глаз Триумфальная арка,
А мне же ни холодно, да и ни жарко.
Мне больно, как вспомню, что русский народ
Без толку толпится у Спасских ворот.*

МОЛЧАНОВ Владимир Ефимович родился 9 февраля 1947 года в станице Ильской на Кубани. Окончил Белгородское музыкальное училище и Воронежский государственный университет. Автор десяти книг стихотворений, поэм и переводов. Публиковался в журналах «Наш современник», «Новый мир», «Юность», «Дружба», «Подъём», «Прапор», «Роман-газета XXI век», «Российский колокол», «Всерусский собор», «Простор», «Родная Ладога», «Родная Кубань», «Лик», «Великороссь», «Берега», «Славянин» и других, в газете «День литературы», еженедельнике «Литературная Россия», альманахах «Академия поэзии», «Светоч», «Рать», «Встречи», «Рубежи», во многих коллективных сборниках и других изданиях. Стихи переводились на немецкий, польский, болгарский, украинский и азербайджанский языки.

Лауреат всероссийских литературных премий: «Прохоровское поле» (2003), им. А. Фатьянова «Соловьи, соловьи...» (2004) Центрального Федерального округа (2007), «Имперская культура» им. Эдуарда Володина (2011), Большой литературной премии имени Расула Гамзатова (2012), журналов «Наш современник» (2007), «Молодая гвардия» (2008) и др. Заслуженный работник культуры РФ, член Союза писателей России, живет в Белгороде.

Кому-то ночами восторженно снится
Париж и Марсель, вообще – заграница.
Мне ж снятся: мой дом и родное село,
Где мартовским снегом пути замело.

И всё же, и всё ж говорю я Парижу:
Ты стал мне понятней и чуточку ближе.
Но лишь прикоснусь я к красотам твоим –
Духовною жаждой, как прежде, томим...

* * *

...А в искусстве мне большом
По душе и крохи.
Я цветным карандашом
Твой рисую профиль.

Будет он теплом согрет,
Словно летний дождик.
Извини за сей портрет,
Я ведь не художник.

Всё, что есть в портрете том,
С радостью большою,
Рисовал – не мастерством,
Рисовал – душою.

Что нет сходства – не беда,
Ты ведь не в обиде?! –
Потому как – никогда
Я тебя не видел...

* * *

На небе тучки пенятся
Почти у самых крыш.
Ковром зелёным стелется
Вдоль тропочки спорыш.

Спешат утята на реку –
Довольны ясным днём!
Рябин горят фонарики
Оранжевым огнём.

Кружатся галки стайкою
Над шёпотом раки.
И мысль речною чайкою
За горизонт летит...

* * *

Понимаете – беда,
Всеми так заучено:
Если падает звезда,
То она падучая.
Если в рощах и лесах
Тихо и покорно
Падать начала листва –
Значит, осень скоро.

Если кружатся снега –
Значит, жди метели.
А ручьи спешат в луга –
Значит, жди апреля!
...Всё придумано.
Но кем?
По какому случаю?
Звёзды падают затем,
Чтобы быть летучими!
Листья сыплются, когда
Негде им согреться,
А иначе им – куда?
Ну куда им деться?
Всё на свете неспроста!
Что вы мне киваете?
Я же вижу – ни черта
Вы не понимаете...

НА СМЕРТЬ ГАРСИА ЛОРКИ

Расстреляли песню на рассвете,
В спину застрелили –
Не в упор.
Расстреляли песню недопетой,
А её поют,
Поют с тех пор.

Так вот зачастую и бывает:
Слабый духом – беспощадно люют.
Песню на рассвете – убивают,
А потом,
Убитую,
Поют!..

* * *

Зреют яблоки в Короче,
Август – надо понимать!
Вкусен воздух... А короче –
По округе благодать.

Пестротую поражая,
На подпорках – целый сад.
От богатства урожая
Ветки, бедные, трещат.

Чуть не лопаюсь от сока,
Налитые все подряд,
Желтобоко, краснобоко,
Ярко яблоки горят.

Рви плоды все без разбора,
И запретный – тоже рви.
Нет здесь яблока раздора,
Все тут яблоки любви!

* * *

*Поссорились... Обиде нет предела.
Молчанье наступает, а за ним
Проходят дни и, может быть, недели,
Но мы друг другу – нет! – не позвоним.*

*Как глупо всё – мы с болью отмечаем,
Не спим ночами, бредим от тоски
И раздраженно в трубку отвечаем
На разные неожиданные звонки.*

*Но вдруг поймём – нет выхода из круга.
И одновременно, устав от бед,
Мы набираем номера друг друга,
А нам гудки короткие в ответ...*

ПЛАКУЧАЯ ИВА

*И снова я вспомнил родимый свой дом,
Где детство промчалось счастливо,
Где рядом с берёзкой под нашим окном
Смеялась плакучая ива.*

*Тепли надо мною и дни, и года,
Как речки вода, говорливо.
И детство, и юность ушли навсегда –
Осталась плакучая ива.*

*Теперь этой ивы давно уже нет,
Но в памяти вижу, как диво:
Сквозь годы печалей, сомнений и бед
Смеётся плакучая ива.*

ПОХОРОНЫ СТАЛИНА

*В телогрейке и юбке в горошек
Помню маму в тот мартовский день,
А на мне – шестилетнем – галоши
Да поношенный батин ремень.*

*Слышу возгласы: «Сталина нету!..»
Слёзы март прожигают насквозь.
И безмолвным ручьем к сельсовету
Всё село сиротливо стеклось.*

*Взгляд суровый с портрета и трубку
Будет время отныне хранить...
Я же дёргаю маму за юбку:
– Его будут у нас хоронить?*

*Что ответить могла она прямо?
Если детская память не врёт –
Оттого я заплакал, что мама
Мне зажала испуганно рот...*

ПАМЯТИ ФЁДОРА СУХОВА

1

*Был для нас он классиком живым.
В мрачной жизни – почему, не ведаю –
Было просто и надёжно с ним.
Звали мы поэта – дядей Федею.*

*– Дядя Федя, наш тебе привет!
– Дядя Федя, дай взаймы, ну – выручи...
– Дядя Федя, нужен твой совет...
– Дядя Федя, душу словом вылечи...*

*Нас он знал и тех, кого не знал,
Был на вид – сплошное сухожилие.
Он за всех просил и хлопотал,
И на всех себя он растранижил.*

*Рядом с ним всё было по плечу,
С клеветой справлялся я и слухами.
Жаль, что я уже не получу
Письмеца от дяди Феи Сухова...*

2

*Достигнув вечного предела,
Навеки жажду утоля,
Ушёл поэт, и обеднела
На целый мир моя земля.*

*Он просто жил и умер просто,
Ушёл, не хлопая дверьми.
Он в море жизни был, как остров,
Не возвышался над людьми.*

*Он в даль спешил – для возвращенья,
И в гору шёл, как будто вниз,
Но до его невозвышенья
Поди попробуй дотянись.*

*Жизнь нескончаемой казалась,
Светилась святостью грехов.
Ушёл поэт, а боль осталась
От недописанных стихов...*

**Виктор
БОЧЕНКОВ**

**ПРОСТИМ ВСЯ
ВОСКРЕСЕНИЕМ***

Рассказ

Метель вчера занесла дорожку к засыхавшей сливе, на которой висела кормушка. Но именно там, на фоне стылого серого пространства, откуда приходили ветра, отец Клавдий впервые с начала года увидел снегиря – малиновое пятно, будто прыгавшая по ветвям огромная ягода. Было самое начало марта.

Дерево плодоносило плохо, лишь теми ветками, что свисали за соседскую изгородь, но с помощью маленькой лесенки можно обрывать сливы. А те, которые падали в другой огород, отец Клавдий не требовал и к соседям не напрашивался, мол, можно ли с их земли собрать их. Птичья кормушка прицеплена на проволочный крючок к сухой ветке, и летом священник намеревался срезать не только её, но и обкорнать вообще ту часть дерева, где ничего не росло уже годами, где ветви дыбились вверх, будто корявая ладонь с сотней пальцев, вымаливая у неба милостыню. Слива была старой. И кормушка была старой. Она походила на маленький чело-

веческий домик с фанерной крышей. Стараясь достать пшено, воробьи раздолбили клювами щели, где днище смыкается со стенками, и зёрна просыпались, падали в снег. Обычно отец Клавдий алюминиевой столовой ложкой засыпал внутрь шесть порций пшена, этого хватало на сутки или двое. И обычно слетались к кормушке воробьи, а тут – снегирь.

Вечером в тот день к самому началу всенощной пришла Васса. На ней была малиновая шаль. «Как у снегиря», – вдруг подумал отец Клавдий. Но если птица его порадовала, то женщина насторожила.

Церковь в деревне сгорела в недавнюю войну. Тёс, который был цел, доски да брёвна растащили на дрова – он всё равно ни на что больше не годился. Но местный купец Самохин, царство ему небесное, не был жадным мужиком, и, когда сюда, в эту смоленскую глухомань, дошла весть, что царь издал указ, разрешающий старообрядцам свободно молиться, строить храмы, священникам – появляться на улицах в полном облачении, провожать покойника до кладбища и служить на сельской улице литию, беспрепятственно, хоть у самого станowego пристава на глазах, отдал Самохин общине старый дом, где раньше молились в походной платяной церкви с походным же алтарем. И потом, когда по его же,

* Слова из пасхальной стихиры: «Воскресения день, просветимся торжеством, и друг друга приимем, и рцем братие, и ненавидящим нас простим вся воскресением...» Текст приведен в дониконовской (старообрядческой) редакции. В современном переводе: «...и друг друга обнимем, и скажем: «Братия», и ненавидящим нас простим – всем всё, ради воскресения». – *Прим. авт.*

БОЧЕНКОВ Виктор Вячеславович родился в Калуге, окончил факультет иностранных языков Калужского государственного педагогического института, Литературный институт имени Горького и аспирантуру при нем. Кандидат филологических наук. Специалист по творчеству П. И. Мельникова-Печерского и истории русского старообрядчества XIX–XX веков. Автор монографий «П. И. Мельников (Андрей Печерский): мировоззрение, творчество, старообрядчество» (2008), «Старообрядчество калужского края» (2014), нескольких десятков научных публикаций. Один из основателей книжной серии «Наследие старообрядческих полемистов, начётчиков, писателей».

Самохина, инициативе зарегистрировало губернское правление общину, пожертвовал купец кровельное железо и лес, чтобы выстроить новый храм, пошире. Тридцать лет его позолоченные кресты отбрасывали деревне солнечное золото. Прежний молитвенный самохинский дом стал теперь церковной сторожкой и местом ночлега для приезжих богомольцев.

Народ выхлопотал разрешение использовать под церковь эту сторожку. Как до революции, отгородили дощатой стеной алтарную часть, сделали простенький иконостас, обзавелись нехитрой утварью: у кого-то нашлись старые подсвечники, киоты, отец Клавдий использовал один год для причастия бронзовый немецкий кубок с какой-то витиеватой готической надписью, но без свастик. Что делать, был у него когда-то настоящий потир, но раз отобрали свои в двадцатых годах, приходилось пользоваться этим, только потом один из духовных сыновей раздобыл где-то настоящий потир, и немецкий кубок отец Клавдий припрятал. Старушки нашили из лоскутков и принесли подручники*, их стало вдоволь. На лавках вдоль стен они громоздились большими стопками, будто блины на тарелке в масленицу. Отгородили клиросы. В праздники было тесно и душно, но молилось хорошо, и потому, наверно, что делали, создавали всё в этом доме сообща.

Отец Клавдий каждый раз смотрел в сторону Вассы, выходя из алтаря, и замечал, что народ тоже на неё косится и шушукается, как ему казалось, громче обычного (но только казалось), и уставщик Макарий тоже, конечно, из-за неё раскашлялся сегодня и, когда пел, путался в крюках, не попадал в ноту, и вряд ли это у него от простуды. Будто ведьма переступила церковный порог.

Впрочем, Васса стояла совсем недалеко от входа.

С ней был и сын, мальчик лет десяти, веснушчатый и белобрысый. На нем резиновые сапоги и коричневое пальтишко не по росту, с нашитыми буро-зелёными карманами, сделанными из немецкой военной гимнастерки. Она обнимала одной рукой мальчишку за плечо, и весь вид её говорил: это самое дорогое, самое ценное, что у меня есть.

Отец Клавдий не заметил, как они ушли.

И до самой Пасхи Васса не появлялась. Удивляться было нечему, многие прихожане в

* Подручник – небольшой квадратный коврик для рук и головы при совершении земных поклонов у старообрядцев.

это время не могли добраться до храма из-за распутицы и бездорожья, разлившейся реки. А Пасха есть Пасха. Васса стояла в сенцах, где тоже яблоку негде было упасть. Потом, на Фомину неделю, после литургии она подошла к священнику и попросила благословения помолиться вместе со всеми.

– Ты отлучена. Забыла?

– А вы письмо от владыки Геронтия получили?

Ему послышался в этом ответе вызов, которого, быть может, и не было.

– Никаких писем мне не приносили.

– Прочтите, у меня есть на руках копия. Копию он прислал мне.

Отец Клавдий дождался, когда Васса дрожащими от волнения руками развернёт листок, и взял его. Угловатую подпись архиерея, где «Г» походила на покосившуюся влево «Т», следующая буква «е» – на головастика с длинным хвостом, а «Т» на цифру 4, он тут же узнал. Стал читать ровные строчки, отпечатанные на машинке.

«Дошли до меня сведения, дорогой отец Клавдий, что вы прихожанку свою за блуд отлучили от церкви. Прошу вас обратить внимание на 225-е правило Номоканона, где сказано, что женщина за это не отлучается. Только от причастия Святых Таин. Срок отлучения от причастия может быть и семь лет, и меньше. По 22-му и 54-му правилам Василия Великого – четыре года, и по 38-му его же правилу – даже три года, но их сократить можно врачеванием епитимией. Обратите внимание на 102-е правило Шестого вселенского собора. Прошу немедленно освободить её от отлучения, епитимию сократить и по давности сподобить её причастия Св. Таин, дабы и вам от Бога не быть осуждённым за неудобь возлагаемые бремена. Бог вам в помощь, мир и Божие благословение».

«Нажаловалась, значит», – подумал отец Клавдий и отрезал:

– Читать я это не собираюсь. Иди молись к Геронтию, а у меня не будешь.

– И это называется «Простим вся воскресением»!

Отец Клавдий дёрнул плечами, сорвался, как ужаленный, и быстро вышел в сенцы, не удостоив её ответом.

Народ постепенно расходился, и солнце шло на полдень, и было свежо, и на жухлой прошлогодней траве лежала роса.

Недели через три священник получил из Москвы письмо. Его принёс прихожанин из соседне-

го села, сухой и крепкий проворный старичок Александр, который имел возможность часто бывать в столице. Иногда он закупал свечи для церкви и передавал их отцу Клавдию. Письмо было от епископа Геронтия, но без почтовых штемпелей. Александр виделся с архиереем, который и попросил передать этот тетрадный листок.

«Писал я тебе почтой, дорогой отец Клавдий. Ответа нет. Срочно вызываю вас для личных объяснений. За неявку подлежите запрещению. Бог вам в помощь, мир и благословение».

Он почему-то сразу подумал о Вассе: «Нажаловалась опять». Отец Клавдий вспомнил, как у него вырвалось: «Молись у Геронтия». Вот сообщила ему и про это. А через четыре дня почтальонка принесла ещё одно письмо, тоже из архиепископии, написанное, видимо, вдогонку, когда Александр уже уехал.

«Священнику о. Клавдию. Писал я вам о незаконном отлучении вами прихожанки Петровой Вассы. Вспомните евангельскую блудницу и как спас её Христос, – писал владыка. – Евдокию, Марию Египетскую помните? Спасение пастырское, оно не в духе гордости, а в духе кротости, мира и любви. Вспомни 102-е правило 6-го Вселенского Собора и др. В Церкви всё должно быть чинно и благообразно. Никаких потачек к преступлению не должно быть. Христос Сам ради грешных пришёл на землю спасти их, и мы должны спасать. Вспомните многих угодников Божиих, как они старались спасать грешных блудников, блудниц, разбойников и т. п. Вокруг много соблазнов, незаконных сожитий, курения, сквернословия, нарушения постов и т. п. Дело пастырства – спасать их, не гнать из церкви, не отлучать, а призывать в храм и ко спасению. Знай, дорогой отче, за погибель овец всевидящий Бог от крови нашей взыщет (Иезекииль, 3 и 33 главы). Нужны слёзы сожаления о грешниках, как говорит пророк Иеремия (9 глава), а не гнать их, душу полагать за людей».

На следующий день отец Клавдий отыскал в церкви на клиросе, где была устроена длинная полка с книгами, толстую тяжёлую Кормчую, обтянутую тёмно-коричневой кожей с тиснёным орнаментом. Нашёл сто второе правило. Оно предписывало смотреть «на множество и на малость грехов и на обращение согрешившего», то есть насколько велик грех или мал и насколько искренне раскаивается в нём человек, искренне ли обращается к церкви за спасением. Он, отец Клавдий, «приемший от Бога власть вя-

зати и разрешати», должен был врачевать, оценивая тяжесть согрешения и глубину раскаяния, «ибо все слово Божие ему же поручено есть, пастырское владычество всем есть, еже обратити блудящее овца, да не впадётся в пропасть отчаяния, и уязвлённого от змия исцелити или лютейшими и терпкими, или слабейшими и мягкими былии». Священник пожал плечами. Он чувствовал, что прав. Он выбрал суровое лекарство, сорвал целебную травинку посильней, покрепче и сделал горький настой – принимай и терпи боль, но ведь и грех был тяжёлый: прелюбодеяние и гордость. Вон как бросила: «Простим вся воскресением», – выскочила из храма и даже трёх поклонов на выходе не положила. Житие Марии Египетской он знал, как, впрочем, и всё, что общал Геронтий, и от этих наставлений, от правильности их, бесспорности лёг на душу отцу Клавдию неприятный осадок. Он-то, поп, что должен, то и делает. В чём его вина?

Дома отец Клавдий достал пузырек с фиолетовыми чернилами и школьную тетрадку, из которой вырвал лист. Обмакивая железное перышко, он написал короткое письмо в архиепископию, что приедет до Троицы, что сделает так, как велит владыка. Посетовал: «Вы не всё про неё знаете, когда буду в Москве у вас, ещё подробнее расскажу, о чем не на бумаге и глаголати». Закончил, оторвался, подошёл к окну. Ему нужно было обдумать, что легло на лист. Отец Клавдий никогда не говорил «написать письмо», только – «составить письмо». Сцепить друг с другом неповоротливые, тяжёлые мысли, будто железнодорожные вагоны. Они отправятся к людям, загремят, застучат, и потом их не воротишь с дороги, не поправишь. За каждым словом для него стояло всегда нечто огромное и великое, почти материальное, нечто такое, что больше и сильнее его самого, и он никогда не относился к письмам как к лёгкому, пустяковому делу, и в разговорах не был тороплив, а особо болтливым старушкам на исповеди всегда отчеканивал двенадцатую главу Евангелия от Матфея: «За всяко слово праздное, еже аще рекут человецы, воздадут о нем слово в день судный. Ответ, значит, дадут. Вот».

На старой сливе болталась пустая птичья кормушка. Был ветер. Отец Клавдий снова сел. Буквы шатались, будто падая в земном поклоне. Писать священник умел плохо. Другое дело, если бы нужно было выводить буквы полууставом, тут у него всё вышло бы ровненько – заклю-

буешься. В сельской школе отец Клавдий отучился только два года, а уставное письмо совершенствовал и в детстве, и в юности, и даже сейчас, после войны, попробовав переписать несколько богослужебных книг для клиросов, понял, что мастерства этого не утратил с годами, и порадовался сам себе.

В первых числах мая в деревне случилась беда. Где молоденький берёзовый лесок уже стал наступать на старые траншеи, трое мальчишек отыскивали противотанковый снаряд. Стали разбирать – он взорвался. К отцу Клавдию пришла мать одного из них и попросила отслужить погребение. Он её хорошо знал, она была верующей женщиной, ходила в храм нечасто, но постоянно молилась дома. Звали её Верой. И знал сына. В прошлом году зимой с теми же мальчишками, а может, с другими, они расстреливали его снежками. Кидали из-за забора, но этого, Ваню-то её, он видел как раз тогда, когда выглянул на деревенскую улицу из калитки, выходя из избы: тот подметил, что поп идет, и стрелой назад, и, видно, предупредил остальных приятелей, мол, готовьтесь. Отец Клавдий тому не придавал значения и пошёл по деревенской стёжке. Первый снежок едва не разбил ему голову, четыре или пять пролетели мимо, следующий больно ударил в ногу. Отец Клавдий сразу понял, что снежки не простые. Стоял тогда, кажется, январь. Снег был сухим, его полили водой, слепили несколько колобков и оставили замерзнуть. Они превратились в лёд. Потому и было так больно. Если б не древняя меховая шапка, разбило бы голову. Расстрел закончился быстро, наверно, «боеприпасов» было у мальчишек немного. Но отца Клавдия судорожно трясло даже дома. То ли от того, что он всё же обиделся, хотя уверял сам себя, что зла на них держать не надо, мол, они того не стоят, и слова осуждения не обронил, то ли от сознания собственной старческой ветхости и бессилия. Но в глубине души он понимал: не в этом дело. Шёл бы на его месте не священник, а кто-то другой, хоть вечно пьяный скотник Федор Подсолнухов, ничего бы не случилось. Именно его надо было унижить, потому что он поп.

Он от души посочувствовал матери и спросил:

– Он крещёный был?

Глаза у Веры блеснули испуганной надеждой.

– Крестил отец Пётр Лукьянов... Ну, который тут раньше служил. До вас.

– Да, я его знал.

Отец Клавдий кивнул, мол, что крещёный – это хорошо. И замолчал, чувствуя, что скоро сокрушит эту затеплившуюся надежду.

– Носил ли крестик Ваня?

– Нет.

– И не молился никогда...

Это уже был не вопрос.

– Нет...

Вера мотала головой. Спрашивать о постах было бесполезно. Но упование всё ещё было в её глазах.

– И на исповеди у меня ни разу не был. Сколько же лет ему было?

– Уже исполнилось пятнадцать.

– В Бога не верил?

Вера думала. Взвешивала ответ. Она не могла сказать «да», а «нет» не хотела.

– Их в школе учили так.

Теперь замотал головой отец Клавдий.

– Не могу. Ты... понимаешь.

Да, он искал у неё понимания. Потом помедлил и добавил, чтобы не лишать женщину остывающей надежды:

– Разве если архиерей благословит...

Вера попросила написать в Москву. Она говорила с какой-то отталкивающей покорностью, с неприятным смирением, и оттого её просьба казалась навязчивой и какой-то липкой.

Дома он написал письмо архиепископу, спрашивая, как поступить. Изложил, о чём говорил с матерью, про снежки не обмолвился, но припомнил, как Ваня пел в прошлом году матерные частушки. Это он сам слышал. Но богохульства в них не было, и это отец Клавдий особо подчеркнул в своём письме. Мстить мальчишке он вовсе не желал, но умолчать о частушках не хотел: их слышала почти вся деревня. Он был кроме того уверен, что только сквернословие, одно, само по себе, не явится причиной для отказа в погребении.

Ответ был примерно таким, какого отец Клавдий ожидал: церковное погребение неверующих не допускается, но родные могут творить посильную милостыню от имени умершего, молиться о нём дома...

Он дал посмотреть это письмо Вере. И показалось ему, что она тоже готова была к подобному ответу, не удивилась, а только, отступив на полшага, сказала тихо:

– Но как же так... Ведь не он виноват, а я. Я не учила и в церковь не вела... Меня надо судить.

Отец Клавдий молчал.

Он подумал о том, что судить надо и его, ведь и собственные его дети не ходили в церковь. Сын и дочь давно создали свои семьи и жили в городе. Сын и бороды не носил. Им не было никакого дела ни до отца, ни до Бога. Священника, ещё мальчишку, обучала читать по-славянски старуха начётчица по Прологу, толстой книге, обтянутой в кожу, с тиснением в виде переплетённых цветов, с жирными буквами – символами неведомого мира, раскрывавшими жития святых людей, их подвиги, а тех воспитала светская школа, их тянула другая жизнь, и вышло так – как-то само собой – что, оказавшись в городе, поступив на учёбу, они забросили ежедневное молитвенное правило, к которому они с матерью старались приобщить их с малолетства, и это вроде бы получалось поначалу, пока его, отца Клавдия, не посадили... Весь мир вокруг сделался безбожным, и надо было под него подстраиваться, подыгрывать ему, жить в нём – хочешь не хочешь – вот он взял да перемолол их, как мельничный жернов, этот мир. Уходили в небытие вековые святыи устои, когда родители выбирали сыновьям жён и дочерям мужей. Отец Клавдий так женился сам: невесту присмотрел ему в соседнем селе отец, и он, будущий жених, совсем её не знал. Но обвенчались и жили, молились и работали вместе, и создавали один свой общий характер, и были счастливы. Стала иначе жить семья, и меньше ходило в церковь мужчин. Потому что перестала быть маленькой церковью она, семья, где дети обязаны были слушаться и подчиняться родителям, жена мужу, где муж за неё и за детей ощущал и нёс ответ перед Богом. На этой его ответственности строилась семейная иерархия. И мужчина знал свою роль: отвечать не только за достаток в доме, быть хозяином всему и всем, но и за души близких, за их спасение. И раз этот порядок треснул, зачем ему церковь? Когда в 1907 году в деревне решали, учреждать ли по новому закону общину, был общий сход, и чтобы ехать в губернское правление с ходатайством, требовались подписи пятидесяти домохозяев. Не меньше! Откажут! Назад приедешь. Теперь же, в 1945-м, когда отец Клавдий вернулся в деревню, довольно было собрать и двадцать человек. Собрали. Все – бабы. Самой молодой – пятьдесят два.

Отец Клавдий доехал до Таганской площади, вышел из метро и сел на троллейбус, разгля-

дев в углу его широкого стеклянного лба, где прятался водитель, трафаретный номер 16, вписанный в белый квадрат. Ехать ему надо было до остановки «Лесотарный завод», только прямо, и в троллейбусе, как и в вагоне метро, он всё время смотрел под ноги, избегая человеческих глаз. В серой рубашке, подпоясанной тонким ремнём, похожим на верёвку, с цветочным узором, который опускался до самой груди, оплетая короткий ряд пуговиц, в сапогах, с рюкзачком-колябком, висевшим на одном плече, он чувствовал себя среди этой новой, блестящей и чистой Москвы как чужой, как из другого времени, и не то чтобы стеснялся, а просто желал как можно меньше соприкасаться с неведомым ему миром, хотя это, конечно, было невозможно. Ориентиром служила высокая колокольня слева через дорогу. Отец Клавдий вышел, увидев её, и мимо дощатых сараев по тропинке направился в её сторону, в Рогожский посёлок.

Колокольню эту, выстроенную накануне революции в память о царском указе, по которому распечатаны были в старообрядческих храмах алтари, собирались передать в распоряжение архиепископии, во всяком случае, об этом пошли с недавнего времени слухи. Какой памятник могли поставить старообрядцы? Только храм. К 1913 году по призыву тогдашнего Московского архиепископа Иоанна столичное купечество выстроило эту колокольню, чтобы видна была издали, как символ свободы. Внизу был устроен небольшой храм Воскресения Христова, а в верхних ярусах – помещения, чтобы хранить заветные предками сокровища – иконы и книги. В тридцать седьмом её отобрали, а теперь вот после войны зашёл разговор о возвращении. В придачу к ней отдавали и кирпичную развалюху-часовню, добротную, но нуждавшуюся в штукатурке и покраске, где ставили когда-то гробы с покойниками, ожидавшие погребения. Её так и прозвали – «гробницей». Архиерейская канцелярия по-прежнему уютилась в двух комнатёнках соседствующего с Покровским собором чужого Никольского единоверческого храма, отобранного при другой власти, царской.

Отец Клавдий прошёл мимо длинного и старого двухэтажного здания, бывшей богадельни, потом у ступеней Христорожественского храма остановился и перекрестился трижды. Купола и крестов здесь не было, только плоская железная крыша. Здесь размещалась теперь столовая для рабочих вагоноремонтного завода, располо-

женного неподалёку. Но для священника он всё равно оставался святыней. Бывая в городе или, как сейчас, в Москве, встречая бывшие церкви, с которых снесли купола и кресты, отец Клавдий представлял, что время – это такой безжалостный великан, который идёт с косою в руках, как бы через деревенское поле, взмахнул – и нет купола, ровно подрезал, ещё взмахнул – вон и маковки без крестов. Но Покровский собор и следующую Никольскую церковь он обошёл стороной. Собор выглядел хмурым, у западного его фасада стоял на железобетонной опоре деревянный столб, поддерживавший чёрные вены электропроводов, а к самой паперти, к каменным широким ступеням примыкал дощатый забор, начинавшийся от церкви Рождества. Вокруг в беспорядке росли деревья, и видно было, что никто их не высаживал, а сами диким ростком выбились они из земли. Отец Клавдий помнил, что до революции эту дорогу к собору ограждал аккуратный невысокий штакетник, примерно по колено высотой, его давно не было, а дорога оставалась по-прежнему широкой, утопанной, сопротивляясь бурьяну, наступавшему, казалось, со всех сторон. У главной дороги разлились две огромные лужи. Священник снова остановился, чтобы перекреститься. Потом зашагал дальше, подметил, что висячего замка на входных замкнутых дверях не было, значит, церковь открыта. Ему нужно было в Никольский храм. Канцелярия ютилась там. Рядом вплотную примыкал к нему двухэтажный дом причта, как его когда-то называли, в котором теперь разместилось какое-то общежитие.

Отец Клавдий прошёл под своды колокольной арки Никольского храма к железной двери. Надавил зелёную пуговку звонка. Ему открыла совсем молоденькая девушка в белом платке, заколотом булавкой под подбородком, даже девочка скорее, и отец Клавдий удивился: что она тут делает?

– Доброго здоровья, – произнёс он неуверенно. – Господи Иисусе Христе, сыне Божии, помилуй нас. Христос воскрес.

– Аминь, – сказала она негромко. – Воистину воскрес.

Священник представился, сделал несколько шагов вперёд, осмотрелся и, отыскав в переднем углу стеклянный киот с горящей лампадкой из тёмно-жёлтого стекла и иконами, перекрестился трижды, неспешно кланяясь в пояс.

Внутри было не слишком светло. Ни единого звука не доносилось снаружи. Прямо перед со-

бой отец Клавдий увидел деревянную перегородку, оклеенную неровными обоями: справа за ней была печка с огромным жестяным чайником, а слева, там, где окна выходили на север, собственно сама архиерейская канцелярия. Отец Клавдий объяснил, что ему нужно. Девочка вежливо попросила подождать («владыка сейчас придёт, отошёл куда-то») и шмыгнула за дверь. Когда открывала, священник заметил тумбочку с пишущей машинкой и заправленный в неё розовый бумажный лист. Ему приходили письма, отпечатанные именно на такой бумаге. В зале, где он остался, был широкий и старый, ничем не покрытый обеденный стол, несколько стульев и самодельных лавок, и он присел на одну из них и только тут увидел на западной стене огромный портрет инок. То был пожилой человек с длинными седыми волосами, выбивавшимися из-под шапки, и белой бородой, сидевший в кресле, и хотя портрет был тёмным, даже чёрным, и человек на нём, казалось, едва-едва выступал из мрака, от которого даже красная ленточка инокской мантии казалась тоже чёрной, отец Клавдий вздрогнул, встал, подошёл и долго разглядывал правую его руку. Наверно, художник был опытным. Он подметил у инок толстые вены на ладонях. Когда отец Клавдий был маленьким, ему неприятно было видеть такие же разбухшие вены на старческих руках матери, и он думал, что у него-то таких никогда не будет – ну почему-то не должно быть, а вот сейчас, когда ему столько же лет, сколько было тогда ей, у него тоже бугрятся толстыми червяками такие же вены, как верный знак того, что времени противостоять нельзя. Инок на портрете отец Клавдий знал. Это был архиепископ Иоанн Картушин, известный старообрядческий иерарх, родом из донских казаков. Он уж лет тридцать как умер, а то и чуть больше. И священнику думалось, что таким-то и должен быть архиерей: не церковный князь в золотом блеске и силе, с орденами на груди, как на дореволюционных портретах никонианских архиереев, а такой вот уставший от молитвы инок с лестовкой, присевший отдохнуть.

Отец Клавдий глянул на сапоги и в который раз убедился, что они начищены.

Епископа Геронтия он видел тому назад года полтора в Покровском соборе. Это был энергичный старец, невысокий, но подвижный, лёгкий и простой в общении, но требовательный. Он слышал, что владыка особенно строго следит за пением: чуть что не так, не в унисон или не в ноту,

тут же подходил и поправлял, а если кто из певцов отсутствовал на клиросе, звонил после службы и выяснял почему. Фамилия у него была Лакомкин. Его прапрадед Ияков, будучи житочным, не стеснялся открыто исповедовать старую веру, платил при Петре Первом двойной оклад, иначе – налог за то, что старообрядец, а он был так называемым записным старообрядцем, то есть не скрывавшим свою веру от государственных властей, занесённым в особую «перепись», и за ношение бороды. Он был по характеру своему очень милостив к неимущим и, чтобы всегда иметь при себе копеечки для раздачи, носил на поясе маленький мешок, который прозвали «лакомкой». Отсюда и пошла такая фамилия. Григория Лакомкина, внезапно овдовевшего священника из костромского села, рукоположили во епископы ещё до революции на столичную Петербургскую и Тверскую епархию, а было ему тогда только сорок два. В двадцатые годы он чутко уловил главную опасность, грозящую старообрядчеству, – разрыв между отцами и детьми, наметившийся, впрочем, пусть не так отчётливо и слабо, намного раньше. Организовал в Ленинграде богословские курсы, братство имени протопopa Аввакума, чтобы работать с молодёжью, воспитывая её в отеческой вере, разъясняя несостоятельность безбожия. Его участники составили любительский церковный хор. Проводились лекции, разбирались богословские вопросы, совместно обсуждались прочитанные книги. Братство закрыли в 1932-м, всех участников арестовали. Он, Геронтий, думал, что это ошибка, поскольку вины за собой никакой не чувствовал. Но вот и Пасха на носу, он всё в тюрьме на Шпалерке. Обед, щи да каша, всё с мясом. Он ел только хлеб, разделив его на две части, одну в середине дня, другую на ужин. Ел и запивал водой, делал сухарики. Ещё оставлял себе сахар. Инок должен провести сорок дней в затворе, он же, Геронтий, пробыл в нём только восемь дней и, запертый в одиночке, решил, что сам Бог даёт ему такую возможность. Начал молиться два иноческих правила, но только поклонами в землю, книг-то не было. Надзиратели стали запрещать. «Разве гимнастика возбраняется? – спорил он. – Это у меня гимнастика такая». Лестовку он сделал из полотенца, оторвав кромку. Получилось что-то вроде верёвки, на которой он завязал пятьдесят узелков. Перебирая, можно было подсчитывать поклоны. Скоро её отобрали, сделал другую. И её отняли.

Сделал третью. Перед самым судом от полотенца ничего не осталось, но было второе. Прошёл Великий пяток, он всё в камере. Не выпускают. Пасхальный канон он знал наизусть. Стал молиться, тропари забыл. «Господи, помоги!», – проговорил про себя и тут же вспомнил их. Сколько раз в эту Пасху пропел он канон в камере, не считал, и по молебному уставу, и по уставу всенощной... На Фоминой неделе его наконец-то вызвали на допрос. Следователю он сказал, что никаких преступлений за собой не знает. «Подумай!», – рявкнул тот и выгнал в коридор. И так повторилось раза три. На четвёртый следователь попросил его подписать готовый протокол. Епископ Геронтий зачеркнул всё, что не говорил. «Расстреляю!» – «Пожалуйста, но зачем кричать?» – «Два года в одиночке продержу без передач. В карцере!»

Допрос закончился.

«Что такое карцер?», – спросил епископ Геронтий у конвоира, который провожал его до камеры. Тот ответил, что там нет постели, горячей пищи и вместо четырёхсот граммов хлеба положено только двести.

Геронтию продолжали давать мясо, но миски он оставлял по-прежнему нетронутыми. Половину суточной хлебной нормы сушил, не ел. Решил испытать себя, продержится ли он на уменьшенном вдвое пайке. И выдержал так всю Фомину неделю, продолжая молиться иноческое правило затвора. Запасы решил взять с собой, если, в самом деле, в карцер посадят. Нет, обошлось. Но к лету мало-помалу одолела цинга. Ноги отекали, зубы хоть пальцами вытаскивай. Врач сказал, лекарства никакие не помогут, требуется нормальное питание. Прописал пятьсот граммов молока и сто граммов белого хлеба в день. До Успенского поста оставалось три скоромных дня, и молоко приносили, но потом епископ от него отказался. Болезнь продолжалась. По ногам пошли пятна. Геронтий написал заявление начальнику тюрьмы, чтобы разрешили передачу. На следующий день тот лично пожаловал к нему в камеру. Пришёл, внимательно выслушал и... разрешил. Перед самым Успением ему принесли тёплые вещи и большую сумку с едой. Сушёная рыба, масло, свежие помидоры. Через неделю после праздника – ещё одна такая же передача. И через две недели можно было уже кушать твёрдую пищу. На прогулках Геронтия больше не вело в сторону, будто пьяного, но, если кто-то, увидев его в окно, кричал, если не-

вольно сам он поднимал вверх голову, что было запрещено, прогулка прекращалась. Потом архиерея перевели в общую камеру, рассчитанную на двадцать пять человек, но сидели там все пятьдесят. Тут он понял, что разучился разговаривать с людьми. Хорошо, среди заключенных оказались христиане. От них епископ узнал, что собственный сын его сидел с ним по соседству, их разделяла только стена... А в ноябре привели его в какую-то маленькую комнату, поставили перед тремя судьями, и он выслушал приговор: десять лет по статье пятьдесят восемь, пункты десять и одиннадцать. Он не шелохнулся, только спросил: «А больше нельзя?» Никто не ощутил насмешки, да её и не было: слишком спокойно, слишком серьёзно прозвучал вопрос, слишком трезво. Кто-то из тройки сказал, что нет. «Слава Богу, – проронил Геронтий тем же голосом. – Мне теперь шестьдесят. Я должен жить до семидесяти и честно отбыть срок. Тогда либо умирай, либо домой».

Через несколько дней его перевели в Кресты, где были теснящие камеры, но вместо мяса кормили рыбной пищей. Из Крестов отправили его в Соликамск.

Когда епископ Геронтий вышел на свободу, шла война. Он добрался до Костромы, пожил какое-то время в селе Стрельникове, километрах в семи от города. А потом его вызвали в Москву: архиепископу Иринарху нужен помощник. Старообрядческих архиереев осталось на весь Советский Союз только трое, они с Иринархом, выпущенным на свободу досрочно, ещё до гитлеровского нападения, да престарелый и больной Савва Калужский и Смоленский. В 1945-м умер и он... Перед Иринархом и Геронтием встал задача наладить иерархическое управление и церковную жизнь, призвать священников, разбросанных по стране войной, лагерями и ссылками, к служению, содействовать организации общин, сначала на освобождённых русских землях, а после войны и по всему Союзу, от Сибири до Молдавии, которая больше двадцати лет – целое поколение приходит в этот срок – была румынской.

Отец Клавдий сидел неподвижно, смотрел на портрет, слушал треск пишущей машинки из-за закрытой двери. Когда раздался звонок, девушка вышла из отгороженного самодельной переборкой кабинета и открыла. В невысоком человеке в иноческой мантии отец Клавдий узнал Геронтия, встал и поклонился в ноги для

благословения, проворно подхватив подрушник возле киота.

У людей, сидевших в тюрьме, остаётся в глазах тусклая сталь. Сквозь неё трудно заглянуть. Будто натыкаешься на что-то. Отец Клавдий чувствовал, что у него тоже изменилось что-то в глазах, когда он вышел в 1938-м на свободу, и матушка, когда он приехал домой из лагеря, из болотного нарымского края, сказала, встретив и разглядывая его после разлуки: «Глаза у тебя железные». Эту же серую сталь он подметил и в глазах архиерея, когда выпрямился.

– Отец Клавдий, – произнёс он полушёпотом, подсказывая, кого благословить, и добавил, откуда приехал.

– Присаживайся, – архиерей указал жестом на лавку. – Может, чайку с дороги?

– Спаси Христос, я особо не желаю...

Отец Клавдий сказал это так, будто соглашался. Вдруг он обратил внимание, что на руках у епископа Геронтия тоже бугрятся вены, и отчего-то подумал: «Разрушается человек», – но подумал это вообще, не о Геронтии, не о себе, не о матери, и ему просто стало как-то холодно, но на мгновение. Он поёжился.

– Владыко святые, получил ваше приглашение приехать...

– Да-да. Я посылал такое письмо.

Епископ Геронтий посмотрел на дверь канцелярии. За ней снова заколотила машинка. Сел на лавку.

– Отец Клавдий, жалуются на тебя.

– Позвольте, владыко святые, рассказать, в чём тут дело. Эта женщина, её зовут Васса...

– Я знаю.

– Так вот, она... – отец Клавдий смутился и задумался, как бы подбирая слова, и покосился на дверь, где работала девочка-машинистка, наверное, над каким-то архиерейским письмом, вроде того, которое, быть может, получил и он.

– Она... это... она совершила прелюбодеяние...

– Я знаю, – опять прозвучало в ответ, отрывисто, но тихо, с властным приглашением продолжать.

Отец Клавдий замешкался, потому что вовсе не хотел выражаться так обтекаемо, как у него получилось, «совершила прелюбодеяние».

– До меня служил отец Пётр Лукьянов... Вдовец.

– Я рукополагал его.

– Да, так вот он... они, она с ним... Это... ну... сошлась и жила. И он служить прекратил, и...

Отец Клавдий посмотрел на портрет, будто ждал поддержки от нарисованного инок.

– И у неё от него ребёнок, – наконец закончил он, чувствуя облегчение. – Вот как-то приходила с ним... Да, была на исповеди, я отлучил.

– Я знаю, – снова повторил епископ Геронтий ещё тише, медленно, задумчиво, тяжело. Он смотрел куда-то в пол. – Я всё это знаю. Ещё когда я, – архиерей запнулся, подбирая слово, – когда я не управлял уже епархией, доходили до меня сведения. А при немцах отец Пётр умер от тифа. Я знаю. Да.

Он плотно сжал губы. За дверью машинка ненадолго затихла.

Отец Клавдий вдруг понял, что тем доводом, который он старательно берёт для этого личного свидания, он не сумел привлечь архиерея на свою сторону, что это вопиющее событие, о котором он только что поведал, весь его скомканный рассказ, объяснявший и оправдывавший его поведение, его строгость и несправедливость жалоб на него, пролетел мимо, как тот ребяческий снежок, не угодивший ему, отцу Клавдию, в голову из-за неверного детского размаха. И он не знал, что теперь говорить. Но очередь говорить была за епископом, а тот молчал.

Прошла минута, другая. Машинка опять застучала. Епископ Геронтий вдруг положил на стол плавным, но быстрым движением левую ладонь.

– Я всё это знаю, – снова повторил он со вздохом, глядя куда-то в сторону. – Я также знаю, что ты хотел как лучше. Только Церковь сильна не строгостью своей и не величием своих храмов, не чинностью службы, не красотостью наших слов, – он умолк, и отцу Клавдию показалось, что Геронтий потерял мысль, но владыка только повернул вверх ладонь, будто что-то ею поднял, и, чуть улыбнувшись, продолжил: – Наша сила в немощи нашей. Блажен тот, кто в суровое время вспомнит о милости...

Епископ посмотрел в лицо отцу Клавдию, словно хотел убедиться, как понял тот сказанное. Священник опустил глаза.

– За твою укоризну, сказанную по моему адресу, я тебя не сужу. Твои слова ко мне являются незаслуженным оскорблением. Почитай пятьдесят пятое правило святых апостол, – Геронтий перевёл дыхание, посмотрел в пол и снова поднял голову.

«Сейчас опять учить начнёт», – подумал священник.

– Помни, дорогой отец, – продолжал Геронтий, – наша сила в снисхождении к человеку павшему, грязному человеку, недостойному Царства Божия. А там лучше и светлее, чем здесь... Не должно быть такого грешника, к которому Церковь не снисходила бы. Ему надо знать, что где-то плачут и о нём. Другое дело, если он сам не желает войти в церковные двери, это да. Я читал её письма, а лично, конечно, не знаю. Но я думаю, она раскаивается искренне. Хочу верить. Не закрывай двери, отец Клавдий.

– Я бы про вас и не сказал бы ничего такого, владыко. Да она отнеслась очень гордо.

Епископ Геронтий будто не расслышал.

– Я говорю тебе: не закрывай двери. Не спеши. Дондеже время имамы, да делаем благое, паче же присным в вере.

Последние слова были его любимой поговоркой. Отец Клавдий понял, что беседа окончена, но просидели они ещё долго, потому что были другие темы, много новостей, но главное, неудобно было сразу распрощаться после такого короткого разговора. У Покровского собора снесли прядильную фабрику, построенную в первые советские годы, и появилась возможность проводить широкий крестный ход. Колокольню действительно передавали. Нуждались в реставрации ценнейшие древние иконы Покровского собора, для чего, наверно, всем миром предстоит собирать деньги (тут отец Клавдий посетовал, что в колхозе, где его храм, не дают никому денег, только овощами или семенами расплачиваются, и в ответ услышал всё то же «я знаю»). Священноиннок Вениамин, живший тут же, при канцелярии, утверждён был кандидатом во епископы, и кафедра его, как предполагалось, будет в Киеве. «И чего вызвал», – думалось всё это время отцу Клавдию. – Нотацию почитать? Ну, поучил. Времени жаль...»

Уходил отец Клавдий довольным, так как владыка попросил его взять денег на дорогу, и сейчас они лежали в кармане рубахи, заколотом сверху булавкой. Остановившись у колокольни, чтобы помолиться три поклона, он подумал, покачивая головой: «Неужели будет наша». В троллейбусе он снова размышлял о том, ради чего, собственно, вызвали его в Москву, всего минут пять-то говорили они о деле, а остальное – так, разговор уже посторонний, и о том, что всё-таки в ситуации с Вассой прав был он. Виноват только в том, что с губ его слетело: «Молись с Геронтием». Архиерею легко рассуждать. Но на Таганской площади увидел на остановке юношу в во-

енной форме, почти мальчика, с какой-то медалью на гимнастёрке и девушку рядом с ним. Они молчали. Просто стояли и улыбались друг другу. То ли встретились, то ли расставались. И тут отец Клавдий как будто вспомнил: войны нет, мир теперь, время радости, и поэтому действительно настало время прощения, а значит, прав в чём-то и Геронтий; сейчас надо прощать, может, в другой раз этого делать и не стоило бы, просто Геронтий угадал время... В любом случае, пусть будет так, как хочет архиерей. Всегда можно сослаться на него: епископ благословил, владыка разрешил. А там, в приходе, пусть говорят, что хотят.

Епископ Геронтий отыскал после ухода священника папку, куда подшивалась вся переписка с отцом Клавдием и церковным советом. Последнее письмо Вассы не было ещё подколото, просто лежало сверху. Скоросшиватель делался из тонкой гибкой жести, и бог знает, чем она служила раньше. Может, банкой консервной или ещё чем: на металле оставались следы краски, которой некогда был нанесён рисунок или надпись, концы скоросшивателя, если их не пригнуть, торчали, как усы, и были так остро срезаны, что порой, когда куда-то завалился дырокол, бумаги просто прокалывали ими и затем прижимали, так они и хранились. Васса писала аккуратно, ровно по линейке, на двойном тетрадном листе. Епископу Геронтию хотелось ответить, а для этого он снова перечитал письмо.

«Владыко святыи, сознаю, что мой грех велик. Пять лет прошу у Бога прощения. Несу епитимию, дала слова не нарушать поста ни единого и со слезами из глубины души прошу вас: верните мне мою радость, верните мне мою церковь. Дни праздников, дни, когда могла воспеть Господу Богу, были для меня радостью в тяжёлой жизни. У меня есть некоторое призвание к пению, и, когда, в толпе хоронясь от отца Клавдия, поют знакомое «Волною морскою...» или «Воскресения день просветимся людие...», я обливаюсь слезами. Жуткая ненависть отца Клавдия ко мне основана на почве ненависти его попадьи ко мне, с которой я низко не раскланиваюсь и не разделяю сплетен её злого языка, а он им рад! Простите за беспокойство. Простите и благословите. Жду ответа. Не откажите в просьбе».

Из-за двери вышла девушка и стала молиться перед киотом.

– Уходишь, Галя?

– Да, владыко, время...

– Я и не заметил... Напишу тут одно письмо, отпечатай утром. Копию подошьёшь сюда, – он поднял папку над столом, – а само письмо отложи мне для подписи.

– Всё поняла.

Епископ Геронтий снял крышечку со стеклянной чернильницы и обмакнул перо. «Мною получены сведения, – угловатым почерком вывел он, – что о. Клавдий вас разрешил от отлучения и дал вам право на вход во святой храм. Это хорошо. Но учти, сколько тебе нужно слёз и горячих молитв к Богу, чтобы загладить свои грехи. Вспомни евангельскую блудницу и других: как они каялись! Сколько было слёз, поста и молитв!

Нужно в корне пресечь все бывшие прежде преступления и смиренно, в кротости пред всеми и пред Богом просить прощения, а особо иметь сердечную любовь к духовному отцу, кротко, смиренно прося прощения, и без его благословения ничего не делай.

73

Не возражаю, если вы будете принимать участие в церковном пении и чтении, но с особым благоговением, смиренно и кротко, сознавая свое недостойнство, слёзно прося у Бога прощения, и чтобы не быть осуждённой пред Богом в загробной жизни.

В корне прекрати всякую болтливость, осуждение других, отбрось гордость и всякую злобу и месть, дабы смерть не постигла во грехах. Прочти Житие св. преподобномученицы Евдокии и преп. Марии Египетской. Это для всех пример. Никого не осуждай, а только себя, не забывай молитвы св. Ефрема Сирина: «Господи и владыко животу моему...»

Итак, призываю вас к Богу и ко спасению души.

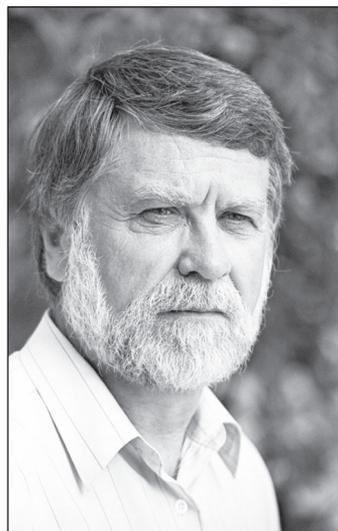
Бог вам в помощь, мир и Божие благословение.

Смиренный Геронтий, епископ старообрядческий».

Он положил письмо возле пишущей машинки, потом взял папку с перепиской, подержал немного и убрал в шкаф.

**Борис
БУРМИСТРОВ**
ОЖИДАНИЕ

ОЖИДАНИЕ

*Только свет высвечивает тени,
Тьма есть тьма – не видно в ней ни зги.
Сколько жизней, сколько поколений
Не вернулось из ночной пурги.*

*Не вернулись в эти кущи света,
Заблудились в бесконечной мгле.
Сколько ж не дождавшихся ответа
Ждут своих любимых на Земле.*

*Ждут и ждут до самого предела,
Глядь-поглядь – паромщик на корме.
Вновь звезда над миром пролетела
И исчезла без следа во тьме.*

БОЖИЙ ГЛАС

Православным поэтам

*Бороды белы, белы виски,
Что вам мои глупые советы,
Рыцари печали и тоски,
Богом просвещённые поэты.*

*Что для вас недобрая молва,
Писк её не слышен в божьем храме.
Богом продиктованы слова,
Людям пересказанные вами.*

*Больно бьёт пронзительная мысль:
Есть вопросы – где на них ответы?
В этих муках проживают жизнь
Богом наречённые поэты.*

*Божья милость. Это дар небес –
Вам дано за веру стать Христову.
И нести, не опуская, крест
На свою незримую Голгофу.*

77

* * *

*Как легко расстаёмся мы с прошлым.
Мир становится дрязглым и пошлым.
Как легко мы ломаем устои
Наших предков. Чего же мы стоим?*

*Как потомки оценят наш труд –
Словом добрым иль злым помянут?
День сегодняшний тает во мраке.
Что ж вы, люди, яко собаки?*

КУКЛОВОДЫ

*Нити перепутал кукловод –
Закрутился в панике народ.
Неужели трудно всем понять –
Надо нити в куклах поменять.
Не распутать спутанные дни,
С прошлым перепутаны они.
И кого в случившемся винить? –
Кукловодов дёргают за нить.*

БУРМИСТРОВ Борис Васильевич родился в 1946 году в Кемерово, член Союза писателей России, председатель правления Союза писателей Кузбасса, секретарь правления Союза писателей России, автор поэтических книг «Не разлюби», «Душа», «Поклонись земле русской», «Лирика», «Песочные часы», «Живу, и радуюсь, и плачу», «День зимнего солнцестояния», «О чём не сказано ещё», «Сквозь сумерки времён». Живёт в Кемерово.

* * *

Я родился на улице Каменной,
 В доме каменном на окраине.
 Дом из красного кирпича,
 В доме – лампочки Ильича –
 Ни одна была, целых пять.
 Раньше всех просыпалась мать.
 Выгребала из печки золу,
 Печь топила, звала нас к столу.
 Возвышались горкой блины...
 Мама-мама, теперь только сны
 Возвращают нас в каменный дом –
 Детство, юность оставлены в нём.
 И стоит на юру неприкаянный
 Отчий дом, что на улице Каменной.

ЛУННЫЙ СВЕТ

Прикосновенья, притяженья
 И отторжение потом,
 Когда приходит всё в движенье
 В пространстве сумрачном, пустом.

Лови, поэт, пыльцу златую,
 Что льётся струйкою живой...
 И эту комнату пустую
 Воспой возвышенной строфой.

* * *

Не плачу, не рыдаю над судьбою,
 Всё испытал: и радость, и беду.
 Как хорошо, что я любим тобою
 Здесь, на Земле, и там, куда уйду.

Всё испытав, к чему теперь стремиться,
 Куда ни глянь – пустые берега...
 Летит, летит над зимним полем птица,
 Роняя тень на белые снега.

* * *

Вы говорите, что стихи грустны,
 Они теперь не могут быть иными.
 Ну, что поделатъ, если даже в сны
 Приходят все трагедии земные.

Такое время нынче на дворе,
 Всё злее зреет мировая ссора.
 Горит уже не шапка на воре,
 А целый мир сгорает от позора.

Всё от того, что тает доброта,
 Как снег весенний вглубь земли уходит,
 И жизни безоглядной суета
 Нас друг за другом строем гонит, гонит.

Чем ближе к краю, тем прозрачней даль
 И тем яснее перепуток дальний.
 Мои стихи печальны, но печаль
 Струит по миру свет исповедальный.

ЛЕТО В ОДЕССЕ. 80-Е ГОДЫ

Лодка под парусом, солнце
 Жаром колышет эфир –
 Узеньким взглядом японца
 Я познаю этот мир.

Шире глаза не откроешь –
 Слепит светило в лицо,
 Друг мой, по-местному «кореш»,
 «Тянет» со мною винцо.

Сколько здесь разного люду,
 Бродят почти нагишом,
 Дней ещё десять пробуду
 Я здесь залётным бомжом.

В море глазастом, бездонном
 Прячусь от ласковых пуль.
 Женщина в платье зелёном –
 Лето в разгаре, июль...

ЗИМНИЙ ПОЕЗД

Полустанки мимо, мимо,
 Липкий снег летит в окно.
 Всё ль с душой соизмеримо,
 Всё ль с душою заодно?

Всё ли мне понятно, ясно
 В этом мире бледных грёз?
 Для кого-то жизнь прекрасна,
 Для кого-то – море слёз.

Полустанки мимо, мимо –
 Ночь за ночью, день за днём.
 Всё, похоже, повторимо
 В этом сонмище людском.

В ожидании тревожном
 Я лечу на край земли.
 Только снег в окне морозном,
 Только свет слепой вдали.

ПОЛЕ ПАМЯТИ

*Рассыпаю время, семена
Долго-долго всходят, и в пространстве
Вызревают чьи-то имена,
Возвращаясь из далеких странствий.*

*Рассыпаю время, небеса
Созревают звёздами-цветами.
Из глубин Вселенной голоса
Говорят из будущего с нами.*

*Вечности связующая нить –
На лугу ромашки полевые.
Рассыпаю время, чтобы жить
И побегу распускать живые.*

*Летний вечер до предела тих,
Лики братьев зримо вспоминаю.
Прозреваю духом среди них.
Русским духом сердце наполняю.*

*Собираю время, семена
Прорастут в иные времена...*

ГАДАНИЕ ЦЫГАНКИ

*Эта женщина молодая,
О судьбе по руке мне гадая,
Говорила – всё сладится, сбудется.
А плохое, что было, забудется.*

*Я поверил гадалке молоденькой,
Зашагал по тропинке по тоненькой.
Оборвалась тропинка, как ниточка,
Только хлопнула следом калиточка.*

*В полымя угодил я негаданно.
Кем-то было задумано, задано...
А любил и страдал я немерено –
Столько времени было потеряно.*

*Но хорошее помнится, любится,
Что хотел бы забыть, не забудется.*

* * *

*Я до разгадок жизненных охоч,
И в этом виноват знак зодиака.
Мой скорый поезд улетает в ночь,
Чтобы с рассветом вынырнуть из мрака.*

*События, забытые давно,
На перегонах памяти пылятся.
И ветер бьёт в закрытое окно,
До прошлых дней пытаюсь достучаться.*

*Над белым полем проплывает тень,
К рассвету сон мой безмятежный тает.
Мой скорый поезд вылетает в день,
И вновь душа от страха замирает...*

**Александр
ВЛАДИМИРОВ**

**Я У ВАС УГОЛЁК КОПАЛ,
ИЛИ ЕЩЁ ДВА РАЗА ПРО
ЛЮБОВЬ**

Рассказ

Шёл 1977 год. Цены и зарплаты в СССР были незыблемы, как египетские пирамиды.

Страна и всё прогрессивное человечество готовились широко отметить 60-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции. Годовщина Октября воспринималась таким же бесспорным временным ориентиром, как сотворение мира и рождество Христово.

Более тридцати лет на территории Европы, нашпигованной войсками, царит мир. Мир, уже привычный для всех, но – непростой, напряжённый, как неискренняя улыбка. Снаряды рвутся только на полигонах. Остаётся два года до того момента, как двуглавый имперский орёл, казалось, слегка, одним коготком завязнет в липком афганском шербете...

Гвардейский мотострелковый полк, где прохожу службу я и мои друзья, входит в состав Южной группы войск, расположенной на территории Венгрии.

Мы молоды, честолюбивы, но честны, полны планов, сколь грандиозных, столь и наивных...

Я еду в отпуск! Я еду в отпуск!! Я еду в первый отпуск!!! Физическая, а больше – психологическая усталость, помноженная на тоску по родине (которая, как выяснилось после года служ-

бы за границей, есть вполне реальное чувство!), делали даже предчувствие этого события упоительным и желанным.

Надо отметить, что служба в гвардейском мотострелковом полку была интересной, но трудной. Не зря отпуск офицеров и прапорщиков, проходящих службу за границей, составлял сорок пять суток плюс время на следование к месту проведения отпуска и обратно. Впереди – почти два месяца отдыха! Отпускной билет с подписью командира полка с благоговением и величайшей аккуратностью свернут и вложен в заграничный паспорт.

Накануне дружеская вечеринка по поводу моего отъезда затянулась за полночь. Приятели, упражняясь в остроловии и проявляя недюжинную фантазию, с увлечением рисуют картинки моего ещё не начавшегося отпуска. За столом царит исключительно доброжелательная атмосфера, а зависть друзей по поводу моего завтрашнего отъезда – белее январского снега. Вперемешку с добрыми напутствиями высказываются просьбы (позвонить, передать привет и т. д.), которые я записываю в блокнот по мере поступления.

Напротив меня сидит мой приятель Аркадий, командир взвода. Мы с ним земляки и знакомы давно, ещё до поступления в военные училища.

ВЛАДИМИРОВ Александр Юрьевич родился 29 января 1955 года в городе Магдебург Германской Демократической Республики в семье военнослужащего. Окончил Новосибирское высшее военно-политическое училище и педагогический факультет Военно-политической академии В. И. Ленина. Более 30 лет служил в Вооруженных силах на политических, командных и педагогических должностях. В настоящее время – начальник отдела по связям с общественностью Новосибирского регионального центра медицинской профилактики.

Потомственный военный, настоящий армейский аристократ, он всегда слегка сдержан в выражении эмоций. Но сейчас я ясно вижу, что какая-то невысказанная мысль делает его лицо чуть более напряжённым, чем обычно.

Через какое-то время, когда компания становится самодостаточной без виновника торжества, мы с моим приятелем выходим в коридор офицерского общежития.

– У меня будет просьба к тебе, – преодолев незримый внутренний барьер, начинает Аркадий. Он протягивает мне небольшой листок с адресом и пятьдесят рублей.

– Как приедешь в Новосибирск, купи на все деньги букет красных роз и отнеси по этому адресу. Её зовут Лена. Скажи ей, что я... В общем, передай ей цветы и привет!

Он показывает мне небольшую чёрно-белую фотографию милостивой девушки и вопросительно смотрит на меня. Я поднимаю вверх большой палец правой руки и одобрительно киваю, а лицо моего друга озаряет сдержанная улыбка. В знак признательности он на миг дружески обнимает меня за плечи, и, не произнеся более ни слова, мы возвращаемся к нашей компании.

* * *

Рано утром тихо, чтобы не разбудить соседа по комнате, я одеваюсь и, подхватив набитый подарками внушительного размера чемодан, именуемый в народе «мечта оккупанта», выхожу из общежития. Природа ещё только затевает солнечный тёплый безветренный чудесный июньский день – а разве может быть день иным, когда начинается мой первый офицерский отпуск?!

Я неспешно иду к железнодорожной станции. Меня переполняет предвосхищение счастья – чувство зачастую более сильное, чем непосредственное переживание самого счастья...

Вдруг сзади слышу торопливые шаги. Обернувшись, с удивлением вижу Аркадия. Пытаясь обуздать тяжёлое дыхание, он подходит, пристально, почему-то изучающе и напряжённо, как будто желая прочесть мои мысли, смотрит мне в глаза. Мой же взгляд отражает безмятежно-счастливое состояние и лёгкое удивление. К тому же я понимаю, что на моем лице – неуместная блаженная улыбка, которая прилипла к физиономии в тот момент, когда я вышел из общежития и чуть прищурился, взглянув на утреннее солнце.

Через мгновение колючие искорки гаснут в глазах моего товарища.

– Знаешь... – начинает он с того слова, когда не знают, о чём сказать, – не надо цветов... И не надо заходить к ней, не надо приветов, – тихо, но чётко проговаривая каждое слово, произносит Аркадий.

Молния прозрения наконец-то пробивает мою счастливо-безмятежную слоновость! Причина странного поведения моего друга – ревность! Но я не чувствую никакой обиды и досады, так как понимаю, что ревность эта рождена глубиной чувств, бушевающих моего друга. «Случайно ли слово «ревность» – это результат перестановки двух букв в слове «верность»?» – проносится в моей голове.

Тем не менее вид Аркадия выражает решительность и готовность биться за честь дамы сердца. Но он в недоумении: никто на эту честь не посягал даже намёком! Он готов драться на дуэли, убить любого подлеца... Но сейчас перед ним стоит друг, не предавший ни словом, ни делом! Усомниться в его порядочности, не имея на то весомых доказательств, – не последний грех в обиходе офицерских прегрешений!!

После недолгой паузы, чуть, как мне послышалось, виновато он произносит:

– Обещай, что не пойдёшь к ней!

Я киваю головой, протягиваю ему деньги и записку как вещественные доказательства несостоявшихся невещественных отношений и понимаю, что будет он всё-таки эти долгие «сорок пять суток плюс дорога» переживать и мучиться... И я так откровенно позавидовал ему, что «вулкан страстей» попал на него не щепоткой перегоревшего пепла, а густком самой горячей лавы...

Я молча протягиваю ему руку – это тот случай, когда даже самые правильные и самые искренние слова могут всё испортить. Я повоенному, через левое плечо, поворачиваюсь, подхватываю чемодан и, не оглядываясь, иду дальше.

* * *

Смотрю на часы и понимаю, что электричка на Будапешт ушла. Интервал движения таков, что следующий электропоезд придёт через три часа. Делать нечего: иду к автомобильной трассе, имеющей на картах обозначение М-5, – ловить попутку. Надо сказать, что венгры очень редко и весьма неохотно останавливают свои

авто, чтобы подвезти попутчиков. Мне неловко ещё и от того, что я одет в военную форму, а внушительных размеров чемодан «мечта оккупанта», как вы понимаете, не способствует безмятежному путешествию автостопом. Вследствие всего этого испытываю к самому себе «острую неприязнь» за утреннюю нерасторопность.

Вижу приближающуюся легковую машину. Без особой надежды вскидываю руку. Отвернувшись, дабы всем своим видом показать безразличие к происходящему, слышу визг тормозов. Серо-серебристый «опель» с австрийскими номерами останавливается метрах в ста, и через мгновение со звуком стоматологической бормашины и нарастающей скоростью движется назад и замирает рядом со мной. Из машины с удивительной резвостью выскакивает седовласый невысокий человек и, прихрамывая, обегает автомобиль... Ни слова не говоря, он открывает багажник и начинает вытаскивать оттуда какие-то вещи и загружать их на заднее сидение салона своего авто. Затем он хватается мой «чемоданчик» и втискивает его в багажник своего автомобиля.

– Будапешт! – совершенно опешив от неожиданности, произношу я.

Через минуту мы едем по трассе в сторону венгерской столицы. С одной стороны, я, безусловно, доволен тем, как развиваются события, с другой – теряюсь в догадках о причине такого внимания к моей персоне.

Молчание длится довольно долго.

– Шпрехен зи дойч? – наконец спрашивает водитель авто.

Не лучшее начало, думаю я, для акта интернациональной дружбы, так как по-немецки не знаю ровным счетом ничего.

– Ду ю спик инглиш? – с надеждой на то, что мой попутчик ответит отказом, произношу я.

– Йес, йес, – соглашается водитель.

Ну вот тебе, пожалуйста, йес-таки!

Судорожно пытаюсь актуализировать результаты десятилетнего освоения языка Шекспира и Джона Леннона.

– Как проехать через Будапешт на Братиславу? – спрашивает мой благодетель.

Человеческое отношение, с которым отнесся ко мне этот немолодой человек, не дает мне слукать (нашёл мягкий синоним слову «соврать»).

– Я не знаю, – после колебания произношу я.

– Как? – недоумеваю, произносит мой австрийский визави. – Полицейский – и не знает дороги?

Он меня принял за венгерского полицейского!

– Я не полицейский, я военный, офицер! – после весьма долгой паузы признаюсь я.

– Как? – восклицает ещё не знакомый мне человек. – Я знаю форму венгерских военных!

Наступает момент истины.

– Я русский, – смущённо отвечаю я, чувствуя себя Мальчишом-Плохишом, разболтавшим военную тайну за пачку печенья.

– Как русский?! – кричит водитель. – Откуда?!

– Сибирь, Новосибирск, – отвечаю.

Наступает безмолвная пауза, шелест шин и свист ветра становятся почти оглушающими. Всем организмом чувствую, что водитель слегка потерял контроль над дорогой. И в этой свистяще-шипящей какофонии раздаётся крик на русском языке:

– Я у вас пять лет в Кемерово уголёк копал!

Свершилось! Я лицом к лицу встретился с врагом, который с мечом пришёл на нашу землю и противостоял нам в той великой войне!

Ну почему же лицо моего врага не исказила гримаса ненависти, почему в его искреннем взгляде нет ноток ужаса? С не меньшим удивлением отмечаю, что и я смотрю на моего спутника с интересом и симпатией, вопреки вездесущему классовому подходу и политической бдительности, культивировавшихся в каждом советском человеке с детства.

– Уголёк, Кузбасс, хорошо, дьевушка, холодно, Сибирь... твоя мать! – на одном дыхании с восторгом озорного подростка кричит водитель. Его серые глаза с внезапно появившимися слезинками в уголках полны счастьем Робинзона Крузо, увидевшего корабль после десятилетий одиночества.

Метаморфоза, произошедшая с моим спутником, разительна. Он с решительностью автогонщика выворачивает руль вправо и останавливает машину у придорожной корчмы. Пока я обалдело раздумываю, что делать дальше, австриец, проявив, несмотря на негнущуюся ногу, недюжинную прыть, обегает машину и распахивает мою дверь. Я попадаю в неожиданно крепкие объятия бывшего солдата вермахта...

– Угольёк копал, – неоднократно с восторгом повторяет он, будто вспоминая о самом приятном занятии всей своей жизни. Затем он кружит возле меня, изображая удары киркой по угольной жиле, невидимой лопатой закидывает уголь в вагонетку, громко смеётся, бьёт себя в грудь.

– Мишаня! Мишаня! Норма давай! – весело кричит австриец.

Случайные прохожие останавливаются поодаль и с вопрошающим недоумением смотрят на нас. Мне становится неловко, но я понимаю, что вопреки своей воле оказался Сталкером, на мгновение устроившим неожиданное путешествие этому пожилому человеку в его счастливое молодое прошлое, в холодную и голодную послевоенную Сибирь!

Он тащит меня в корчму и заказывает водку. По его просьбе ему приносят рюмку, а мне полный стакан. Подобная утренняя диета совсем не входит в мои планы; но он с такой искренней благодарностью смотрит на меня, что я, сказав невпопад какие-то слова о дружбе между народами, осушаю полстакана.

Он рассказывает, что зовут его Михаэль, родился он в Австрии в небольшой деревушке на границе с Италией. В начале 1942 года семнадцатилетним юнцом по приказу ненавистного земляка был призван в ряды вермахта и прямоком угодил под Сталинград. На салфетке он рисует две извилистые линии (я не сразу понял, что это Дон и Волга). Где-то между этими линиями находился его полк. Он обхватывает свои плечи, энергично растирает уши, дышит на ладони, затем издаёт громоподобный раскатистый звук, на миг закрывает глаза и, открыв их, поднимает вверх руки. Во время этой выразительной пантомимы счастливая улыбка не сходит с его лица. Если не брать во внимание возраст моего спутника, со стороны могло показаться, что провинциальный подросток с восторгом рассказывает о первом посещении парка аттракционов, а не о том, как он замерзал в Сальской степи, был тяжело ранен и попал в плен в той страшной мясорубке под Сталинградом.

Он говорит и говорит, мешая английские, немецкие, венгерские и русские слова, энергично жестикулирует. Как ни странно, я его прекрасно понимаю – подобно человеку, не знающему нотной грамоты, но хорошо чувствующему нюансы звучащей музыки. Более того, я почти физически ощущаю, как исчезает тридцатилетняя разница между мной и моим собеседником; и я через какое-то время начинаю смотреть на привычные вещи его глазами.

«Русские девушки самые красивые в мире», – говорит он. Я соглашаюсь. «Русские люди самые добрые и отзывчивые!» Я не возражаю. «Сибирь – лучшее место на земле!» Я потираю обмо-

роженные на тактических занятиях в военном училище уши и одобрительно киваю головой.

Повлчу себя на мысли, что его речь напоминает пропагандистскую беседу советского урапатриота на агитплощадке во дворе жилого дома на окраине провинциального городка. Но, чёрт побери, вряд ли этот пожилой австриец получает за свои беседы рубль двадцать в районном отделении общества «Знание»! И тем не менее я соглашаюсь с ним искренне, без какого-то принуждения!

Меня всё время не покидает ощущение нереальности, будто я смотрю кино или читаю книгу с банальным и уж больно предсказуемым (потому что в жизни так не бывает!) сюжетом.

«Мишанька, – подумал я, – кто же тебя так ласково называл в голодной Сибири, где едва ли не каждая семья потеряла в той войне отца, мужа или брата? Где каждый школьник, сжимая детские кулачки, как страшное заклинание, повторял строки, написанные Константином Симоновым в том далёком сорок втором году:

*Так убей же хоть одного!
Так убей же его скорей!
Сколько раз увидишь его,
Столько раз его и убей!»*

Война, громылавшая за тысячи километров от Сибири – и от этого ещё более жуткая и зловещая, с тупым упорством обменивающая людей на похоронки, для жителей небольшого шахтёрского городка вдруг предстала в лице невысокого худощавого сероглазого австрийского юноши.

Михаэль говорил, что был до смерти напуган, узнав, что эшелон с военнопленными направляется в Сибирь. Но, прибыв в небольшой шахтёрский городок, окружённый потрясающе красивой природой, по мере того как чувство обречённости покидало его, он всё более понимал, что ненависть и жажда мщения – чувства, не дающие корней в сердобольной русской душе, а умение прощать есть не признак слабости, а высшая степень душевной зрелости. Он говорил и говорил о себе, о своей судьбе, но, по сути, он говорил о моей стране, о моём народе, обо мне...

– Михаэль! – обращаюсь к собеседнику.

– Нет, найн, – он энергично мотает головой, не приемля такого обращения, и тихо с придыханием произносит. – Я – Мишаня, Мишанька! – И, как-то светло улыбаясь, прикрывает глаза...

Я понимаю, что это неоднократно произносимое им с придыханием имя когда-то прозвучало из уст той, что ему была (а может, и по сей день!) небезразлична. Сама обстановка и хмель, ударивший в голову, настроили меня на игривый лад. Я подмигиваю и произношу на интернациональном языке какую-то банальность об отношениях мужчин и женщин. Вопреки моим ожиданиям, его лицо на миг становится серьёзным, почти суровым. За несколько секунд, которые мы молчим, я понимаю о своем собеседнике очень многое. Как отличается он от иных современных дон жуанов, готовых чуть ли не первому встречному в подробностях рассказывать о своих победах (чаще – мнимых) над женщинами! Мне становится неловко за свою неуклюжую шутку. Михаэль видит моё смущение, и по его доброму, снисходительному взгляду я понимаю: прощён. Но вместе с тем понимаю: сколько бы ни продлилось наше общение, я больше не позволю себе подобных шуток.

Дальше помню непривычную для советского глаза открытку с рождественскими ангелочками, подписанную детской рукой, приколотый на мой китель значок какого-то австрийского благотворительного общества, записку с венским адресом, сигарный дым с шоколадным привкусом и бесконечно грустно-счастливые серые глаза сидящего напротив меня человека. А ещё – не покидающее меня острое чувство, что при всём моём желании я не могу ничем помочь Михаэлю, кроме как фактом своего существования...

Общение продолжается в машине, которая мчит нас к Будапешту.

У станции метро он долго трясёт мою руку, выдаёт очередную цепочку слов из «великого и могучего» и вновь пытается смеяться, хотя сейчас глаза его совсем грустны. Он дважды повторяет свой венский адрес, а я, улыбаясь и кивая, понимаю, что мы больше никогда не увидимся...

Июль 2014 года

**Агата
РЫЖОВА**

**И МИР ТВОЙ ПАХНЕТ
ЯБЛОНЕЙ И ДЫМОМ...**

* * *

*Я стою на краю и молчаньем дышу в воротник,
Не пролив и полкапли редчайшего сложного
мига.*

*Он из звёздных сияний и смерчей душевных
возник.*

*Не дописан роман, но дочитана странная
книга.*

*На последней странице мне в мире завещано ⁸²
жить,*

*Никогда не найдя в постороннем сияние друга.
Я стою на краю у твоей молчаливой души,
Не решаясь шагнуть из предельности этого
круга.*

* * *

*И каждый раз – всё с белого листа.
Предельна жизнь, как рубище Христа.
Надеть его – задача не из лёгких.*

*«Сдавайся, лист!» – я выдохну строфу
И белизну бесслёзную сотру,
Следами за собой оставлю строки.*

*Терзала лист – и гул в душе стихал.
И жизнь проста, как рубище стиха.
Надеть его – задача не из лёгких.*

* * *

*Молод и жив,
Новый идёт Адам.
Мир окружив,
Следом бредут дома:*

*Овцебыки
Стебли жуют дорог.
Ноги легки –
Шаг за порог высок!*

*Прочь со двора!
Долгие дни – вдали...
Милый, пора:
Вот корабли.
Плыви!*

ПОЭЗИЯ

*а юбка Её широка.
под нею – дега и века.
и волга лепечет у ног.
на юбке ребёнок и Бог
малюют закаты свои.
и каждый закат – о любви.
Царица, я волхе Твой и вол –
позволь поддержать Твой подол.*

РЫЖОВА Агата Юрьевна родилась в 1985 году в Кемерове. Училась в Кемеровском государственном университете на филологическом факультете. В 2009 году заняла первое место на областном состязании молодых поэтов «Кузбасс – точка роста». Автор двух поэтических книг «Мимо всех» и «Путеводитель для сталкера». В 2010 году повесть «Однажды и навсегда» вошла в лонг-лист Всероссийской премии «Дебют». Член редколлегии журнала «Огни Кузбасса». Живёт в Кемерове.

СЛОВА

Я бросаю впереди себя слова,
и, взлетая, пламенно звенят
эти острые весёлые клинки –
кажется, что могут защитить.

Я крещусь, чтоб не казался вздор.

* * *

Когда я была ребёнком,
земля под ногами мчалась быстрее.
На спине я лежала в кровати
и вертела упругий шар.
Такая игра: как ночь проливается в день,
смотреть.
Ни одну из пустынных ночей мне не было жаль.

Когда я была ребёнком,
я строила домики из песка.
В песочных, как коржик, домах
поселялись жуки.
Потом приходили мальчишки,
разрушение и тоска.
Букашке погибшей я лепетала:
«живи, живи»...

Когда я была ребёнком,
мне снился белёсый сон.
Дом из песчаных плит,
пустыня а-ля Дали,
и я на вершине плиты в сорочке стою столбом,
и вдоль горизонта ползут по песку корабли.

Когда я была ребёнком, мне снилось, что падаю
каждую ночь.
Плита подо мною ломалась, песчинки царапали
кожу.
И мама тогда говорила: «у меня подрастает
дочь».

А голос во сне говорил:

«человек, никогда не взлетавший,
упасть не может».

* * *

Стеклянный сон, прозрачный сон
о жизни без конца,
который видел Соломон.

И я сотру с лица,
как будто паутины – дни,
как шрамы – страсть и страх.
И сколько, бездна, ни мани,
тебе отдам лишь «ах!..»

Нет у души краев и дна –
поэтому одна...

* * *

О Господи, как я Тобой любима!
Так много солнца, грозových закатов,
Людей, уплывших в вечное «когда-то»,
И мир Твой пахнет яблоней и дымом.

И хорошо, что всё проходит мимо:
За пазухой не спрячешь нежных вёсен.
Я боль сушила парой лёгких вёсел.
И эта боль, как жизнь, неповторима...

* * *

83

Всё будет хорошо. Завяжется узлом
то мировое зло, какое развязалось.
Напившись из беды, решим, что повезло
нам жить сейчас и здесь и пестовать
усталость

от глупых страшных слов, бледнеть, пугаться
пуль...

Всё будет хорошо – другого не приемлю.
Всё будет хорошо. Смотри, прошёл июль.
И зло пройдёт, и страх, и дождь отмоет землю
от крови...

Людмила
ТАНКОВА

МАТЮХА И ГЕНЕРАЛЫ. СЛОНЁНОК МЁД ИЗ СОЗВЕЗДИЯ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ

МАТЮХА И ГЕНЕРАЛЫ

На краю деревни стоял старый-престарый домишко. Скособочился он за долгую и нелёгкую жизнь, уже коснулся окнами матушки-земли. Крыша, крытая тёсом, почернела, расщелилась, кое-где покрылась мхом, а в прошлом году стала протекать, из-за этого у хозяина в углу стояла деревянная лохань. Дед Матвей, а в народе просто Матюха, смотрел на промокшую от таявшего снега и весенних дождей стену, качал головой, пододвигал лохань поближе.

– Сгниётъ, – бормотал он себе под нос, – как есть сгниётъ.

– Эх, Матюха, – выговаривал ему зашедший покурить седоватый ещё не старый мужик в засаленной фуфайке без единой пуговицы – сосед Александрыч, – дождёшься, чё тебя придавит собственной крышей. Чё ж тебя сын-то к себе не возьмёт? У его в городе трёхкомнатная квартира, а ты в такой хибаре живёшь.

– Чё ты в этом, Ляксандрыч, понимаешь, – сердился дед Матвей, – чёб миня моя же крыша придавила... Да ни в жисть!

– Сына выгораживаешь, – потягивая дешёвые сигареты, ухмылялся Александрыч. – Конечно, где нам до Пашки твоего дотронуться? И не могли... А ты вот как-нибудь не проснёшься, крыша тебя и снесёт.

– Мой Пашка не чета многим, и неча его трогать. Он миня уж какой год к себе зовет. А не мо-

гу я в городе жить. Пока с их этажа до земли доберёшься, так душа замрёт. А тут я и ночью на землю ступить могу легко. И дышать хорошо, и Фросюшка рядом. Я вот захочу с ней помолчать, так вон и сбегал.

– Матюха, ты и есть Матюха-тюха, – махнул в отчаянии рукой Александрыч. – Всю жизнь добро из-под себя гребёшь. Миня бы пацаны позвали, так я вперёд автобуса бы побежал. А ты миня лет на тридцать постарше, а всё своё гнёшь. Не могу я тебя больше терпеть.

– А и не терпи, мне етого и не надо, – в спину уходящему соседу сказал дед и прикрыл веки, разморившись от весеннего солнца. – На войне-то мы не такое видали, а ничё – живы.

В конце апреля приехавший из города сын долго лазил по чердаку, спустился и, отряхнув колени, сел напротив отца.

– Всё, батя, собирайся ко мне. Больше здесь жить нельзя. Завалится хата и тебя задавит.

– Не-е-е, сынок, куды я от мамки твоей кинуся. Тут я её могилка, и миня тут похоронишь.

– Батя, ты же всё понимаешь. Ещё одна весна – и крыша рухнет. Вся стена иструхла, на чём держится, не знаю. Соглашайся ехать со мной.

– Не-е-е, сынок, – замотал головой Матвей, – в этой хате мы с твоей мамкой жисть начинали. Тут я миня с войны дожидалась. Грамотёшки-то у ей и никакой не было, так она к преседательской жинке бегала, чёбы мне отписать про тебя.

ТАНКОВА Людмила Александровна родилась на Алтае в 1950 году. Окончила Новокузнецкий педагогический институт. Трудится в газете «Горняцкая солидарность». Выпустила книги рассказов «Время светлых ветров», «Кипение крови» и детские «Снежные лебеди» и «Солнечная девочка». Публиковалась в «Огнях Кузбасса». Живёт в Новокузнецке.

На работе в войну она и надсадилась, чёбы у миня в окопе хлебушко был. Потому и рано ушла моя голуба, оставила миня одного на свете куковать. Потому ты у нас один и есть. Нету у тибя ни братика, ни сестрёнки.

А ты хошь, чёбы я её бросил, когда она миня пораненного с войны не бросила. Чё хошь, сына, а я доживать здесь буду.

Сын в отчаянии покачал головой, вскочил с лавки, на которой сиживал в детстве за уроками, подошёл к мокнущему углу.

– Посмотри, угол-то совсем разрушен...

– А ты его подлатай.

– Что толку, если крыша течёт?

– Так ты и крышу подлатай маненько.

– Её перекрывать надо.

Дед блаженно закрыл глаза, заулыбался беззубым ртом.

– Эти тесины для крыши мы с твоей мамкой вдвоём пилили. Тока поженилися, ищё не расписалися в сельсавете. Она уже тибя почуяла, а всё за пилу хваталася. Нам батя помогал. Привёз лесины с бору в три обхвату. Ох, хороши. Оне ищё сто лет простоят.

– Не простоят. Батя, давай я хоть крышу перекрою.

Хозяин хаты встал, подошёл к аварийному углу, осмотрел его, тихонько потрогал. Повернулся к сыну, заулыбался.

– Сто лет простоит. Так чё на мой век хватит.

В это время за его спиной раздался шорох. Отмокшая штукатурка мирно сползла на пол, небрежно подвинув обвалившейся массой лохань.

Расстроенный дед слезливо смотрел на рушившуюся его память о прежней, хоть и трудной, но счастливой жизни.

– Твоя взяла, сынок, – вздохнул дед Матвей, – перекрой уж крышу-то, тока толью. А уж тесины не трогай, пускай со мной помрут.

– Батя, а может, куплю я тебе здесь хату, вон Чепраковы уезжают, свою продают.

– Не-е-е, сынок. Та хата проклятая, в ей никада миру не было. А у нас всегда радость и песни. Достаток небольшой, но всем – довольно. Мамка твоя сильно хату нашу любила. Щас бы напекла пирогов, полы бы намыла, скатерку на стол кинула: садитесь за стол... Ты уж крышу-то перекрой.

Многoletний спор отца и сына вновь закончилась победой отца. Было решено, что дед пока поживет во времянке, а сын подлатает домшко.

В субботу к дому деда Матвея подошёл грузовик. Рабочие в синей спецовке принялись выгружать брёвна, рулоны с рубероидом, мешки и ящики, кирпичи и прочие строительные принадлежности.

У покосившегося забора появился Александрыч. Поправил на голове, выдавшую еще эпоху перестройки вязанную шапку с надписью Addidaz, заглянул через ограду во двор.

– Эй, Матюха... – позвал он хозяина.

– И чё ты, Ляксандрыч, базлаешь тут? – вышел из времянки дед. – Чё потерял?

– Так спросить хочу, чёйт у тибя тут за революция?

– Никакой революции нет. Пашка с городу строителей прислал. Крышу поправить хочет. Эт же его наследство.

– Да какое же тут наследство, – хохотнул Александрыч. – Одни гнилушки.

– От ты, поганый человек, – взъерошился дед Матвей. – Токо гнилушки и видишь. А того не понимаешь, чё тут родная земля, родовая хата. Ро-о-ди-и-на! Тибе, Ляксандрыч, этого и не понять. Ты ж третью хату поменял. Где-то по свету носился, а лутьше Чульчанки и не нашёл. Без корней в душе ты.

– Так уж и без корня? – обиделся Александрыч. – У миня здесь мать с отцом жили...

– Жили-были, да все сплыли. Таки же, как и ты. Скоко жили, стоко и ругали землю свою.

Александрыч и Матюха сели на лавочку возле капитки, закурили и молча наблюдали за строителями. К полудню около дома деда побывало полдеревни, и на вопросы любопытных по очереди отвечали то Александрыч, то дед Матвей.

В течение недели работа кипела. Городские мужики пахали, как проклятые. Днём устраивали передышку, только чтобы покушать, а поздним вечером – умыться, поесть и лечь спать. Раза два приезжал сын Павел, чтобы за работой приглядеть да отца успокоить.

В пятницу дед Матвей встал очень рано, умылся, побрился, причесался обломком женского гнutoго гребня. Осмотрев себя в глазок старого мутного зеркала, довольно хмыкнул: «Бравый парняга ищё». Из перенесённого из дома во времянку обитого кованым железом сундука достал коричневый костюм. Пиджак был сильно помят временем, поэтому дед попытался разгладить складки руками.

– Э-э-х, годы! Вот и тибя всего помяло. А были-то мы... Да-а-а...

Надел на себя мятый, побитый молью пиджак и пошёл к калитке. На улице никого. От весеннего тепла земля вся изнежилась. Первая зелёная травка изумрудом горела по выгону. Вот уж и май на пороге, скоро затарахтят трактора, начнётся пахота. «Слава Богу, – подумал старик, – нашёлся умный человек, хочет хлеб сеять. Не пропадёт земля-матушка».

Сел на лавку, сложил руки на животе и замер в неподвижности.

Из подъехавшей машины выскочил сын.

– Бать, ты что? Тебе плохо? Совсем раздетый, простынешь.

– Сядь, сынок, рядом. Я тебе чё расскажу.

Павел присел на лавку, с тревогой вглядываясь в доброе лицо девяностолетнего отца. Мягкие морщинки сетью покрывали кожу, смяв брови в неровную седую линию. Изрытый морщинами нос слегка горбатился посередине от старого шрама. Это след осколка мины, на излёте зацепившего солдата Матвея Буланина еще в сорок третьем году. Отец смеялся, когда его спрашивали об этом ранении, и говорил: «Фросюшка миня спасла от верной смёртушки. Я в тот день письмецо от её получил. Иду, читаю... Как-то руки затреслись, и письмо выпало на землю, я трепнул за им... Тут мина-то и прочертила миня по носу».

Во время войны отец был ранен трижды, так что метины у него были не только на носу, но и на ноге и на груди. О фронтовых буднях отец рассказывать не любил, осекал всякого, кто домогался: «Грязь да кровушка людская – чё об их говорить».

Не согнула война Матюху Буланина. Вон уж разменял сотенную десятку лет, а сидит – спина прямая, голову высоко держит, как заправский военный. Только чуб стал пореже, да кудри распрямились.

– Так, что случилось, батя? – снова переспросил сын.

– К мине сёдня мамка твоя приходила, говорит: «Матюша, сёдни тибя вспомнят, одень пиджак, что мы в городе брали, и жди».

– Ну, напугал, – передохнул Павел, – я уж думал, заболел ты.

– Чё мине делается, я, как берёза сухостойна, – высохну и буду дольше скрипеть. Миня мамка твоя заговорила от смерти перед самой войной. Так что пока она не захочет миня забрать, тибя от миня не отвертеться.

– Ты, батя, не переживай. Ребята уже почти всё сделали, осталось немного, и будет твоя хата как новая. Мы с тобой ещё в ней спляшем.

– А ты, сынок, не спеши с ремонтом. Миня мамка твоя сказала, чё хату мине новую государство поставит.

– Ну ты даёшь! – Павел испуганно посмотрел на отца. – Бать, ты, правда, себя хорошо чувствуешь?

– Как все дни, так и сёдни. Тока в нутрях – торжество! Ты, сынок, иди по делам, а я тут посижу маненько, подожду.

Оглядываясь, Павел отправился к строителям, а дед остался на лавочке.

Пришло время обеда. Дед сидел не шелохнувшись.

– Батя, – позвал его сын, – иди, пообедаем. Всё на столе.

– Обедай один, я потом. А то приедут, а миня нет.

– Да никто мимо не проедет, если кому приехать, мы же увидим.

Сын попытался поднять отца с лавки.

– Я чё, немощный, ты миня подымаешь? Сам пойдю.

Дед подхватился с места и легко пошёл во времянку, где уже обедали строители. Павел только усмехнулся: «Вот угонись за ним. Любого молодого обгонит. Старая закалка».

...У ворот притормозил чёрный джип. Мужики переглянулись. Такую машину в этих краях увидеть диковинно не потому, что дороги плохие, а потому что деревня вымирающая, неперспективная.

Из джипа вышли трое. Двое гражданских и военный.

У Павла в груди захолонуло: что же это могло означать? Двинулся им навстречу...

– Здравствуйте, – улыбнулся гражданский, тот, что помоложе, – Буланин Матвей Алексеевич здесь проживает?

– А в чём, собственно, дело? – загородил дорогу незнакомцам Павел.

Из времянки вышли строители и встали рядом.

– В связи с юбилеем Великой Победы мы разыскиваем ветеранов войны. И выяснилось, что Буланин Матвей Алексеевич является кавалером ордена Славы.

– Наш Матюха и кавалер?.. Он же мухи не обидит. А если какую пришибёт, так потом два дня горевать будет, – раздалось со спины приезжих.

Это Александрыч увидел незнакомую машину и поспешил узнать, в чём тут дело.

– Да, кавалер ордена Славы всех трёх степеней, – утвердительно сказал военный, – у нас в России их сейчас по пальцам пересчитать.

– Чё ж вы так долго пальцы-то загибали, стоко лет до миня добраться не могли? – спросил подошедший дед Матвей.

Невысокий худой дедок стоял напротив приехжих и, прищурившись, разглядывал их.

– Так получилось, вы уж простите. Случайно ваше дело обнаружили. А что же вы сами-то не приехали ни разу? – спросил военный.

– А чё пороги-то обивать? У миня чё, других делов не было?

– Простите, – сделал шаг вперед молодой, – но закон нас обязывает проверить, вы ли это. У вас документы на награды имеются?

– Ишь, сын, мамка-то была правая: вспомнили про миня. Иди, на дне в сундуке в тряпице завернутые документы, а рядом – коробушечка, принеси-ка её. А вас в дом не зову, сгнил совсем, может вас, гости дорогие, придавить. Зачем грех на душу брать.

Павел вернулся быстро, в руках нёс небольшую металлическую коробочку из-под монпансье. Бока её облупились, и рисунок давно стёрся, только кое-где виднелись кусочки краски.

Дед Матвей принял коробочку, узловатыми пальцами погладил крышку, будто хотел приласкать, с торжественным видом открыл.

– Вот медалька, это мне её первую дали. Мы отступали тогда еще, осерчали на немца и отбили высотку. Командиру нашему «Звезду» дали – посмертно, а нам вот по медальке.

На дедовой ладони лежала потускневшая и почерневшая от времени медаль «За отвагу». Прележавшая в сундуке вместе с другими наградами шесть десятилетий, она могла бы много рассказать о своём хозяине, но не хотела. Медаль молчала.

А старый солдат вынимал из коробочки свои награды и рассказывал, какую и за какой бой получил. Поднял вверх орден Славы третьей степени, ухмыльнулся: «А вот его я получил, чё генералов в плен не сдал».

– Эт как? – удивлённо вскинул брови Александрыч.

– Как-нибудь расскажу, – отмахнулся от соседа дед.

С самого дна коробочки достал тоненькие книжечки, подал приезжим.

– Моя Фрося хранила всякую дрянь, и это сохранила тоже. Вам это надо, чёбы миня удостоверить?

...Вечером, сидя за столом под берёзой, Александрыч всё ахал:

– Эт как же ты утаился ото всех? Жизнь прожил с нами, а слова про геройство и не сказал. Мы ба тибя чествовали, уважали, Матвеем Алексичем звали. А то всю жизнь – Матюха да Матюха. Конюх! А так бы тибя председателем бы выбрали.

– Эт тебе громкость надо, чёбы кланялись с пояс, – смеялся довольный дед Матвей. – А я конюхом Матюхой всю жизнь прожил. Уважение всех было, никто не посмел дурного слова говорить. Фрося Матюшей звала, генералы за руку здоровались, в деревне к мине по всякому делу шли. Чё плохого? Сына вон какого вырастили. Не бросает миня, капрызного.

– Зачем же ты, батя, от властей потребовал себе новую хату? – недовольно проворчал Павел. – Я что, не могу построить?

– Эх, сынок, при чём тут ты? – дед Матвей потянулся за бутылкой, налил всем и поднял чарку. – Я за свою страну кровь проливал, скока раз мог погибнуть, оставить тибя сиротой. Выжил. Вернулся, работал. Типеря моя страна должна для миня чё-то сделать. Пусть мине хату построят, вот я и поживу в ей.

Выпил водку, смакуя каждый глоток, понюхал кусок чёрного хлеба.

– Да-а-а, не то! И водка искусственна, и хлеб хлебным духом не пахнет. Моя Фрося, бывало, спечёт хлеба, так их с полей слышать. Едешь и уже укусить хочется. А положит с собой краюху, так её можно без всего съесть, и сыт весь день. Пашка, помнишь, как мы с тобой на покос ходили?

– Что ж не помнить, батя? Как сегодня... – отозвался сын. – Мама в полотенце завернёт хлеб, огурцы, в корчагу нальёт молоко. И сытые были, даже сил прибавлялось. А сейчас кушаешь, вроде бы всё полезное, а толку-то...

– Ты ж на пензии давно, приезжай семьёй сюда, да и живите. Глядишь, новую хату и обновите.

– Не могу, батя, работу не бросишь, внуки учатся. А за учёбу, знаешь, сколько платим? Кто им поможет?

– Э-э-х, канитель, – опустил голову дед Матвей. – Воевали войну, думали, врага побьём – счастье наступит. Не наступило. Всё как-то бокком...

Наступило молчание... Строители тихонько курили. Павел разливал остатки водки, дед смотрел на звёзды.

– Ишь как горят, – произнёс дед, – совсем как на войне. После боя лежишь, смотришь на небо, и кажется, чё ты дом свой видишь. Там такие же звёзды... Легше становится.

– Эт, ты вот заикнулся, чё генералов в плен не отдал, – встряхнул тишину и раздумья Александрыч, – эт ты правду сказал или соврал для словца?

– Чё эт соврал? – обиженно надул губы дед. – «Славу» мне те генералы дали и жеребцу моему три мешка овса прислали.

– Во-во, ты и на войне конюхом был, – подпрыгнул на месте Александрыч. – И какие же награды у конюха? Коням хвосты крутить – не велика слава.

– Дурак ты, Ляксандрыч, а ты попробуй коня удержать при артобстреле, да чёбы он ищё вёз пушку. А мои лошадки миня слушались и верили мине. Скока они вывозили. Эт сейчас говорят, чё техники было много. Ага – вся техника на четырёх копытах. Особенно в начале войны.

– И как же ты с жеребцом своим на генералов нарвался? – не унимался Александрыч.

– Не я на их, а они на миня, – хмыкнул дед Матвей.

Он пальцами, как гребнем, прочесал волосы назад, хитро поглядел на компаньонов и махнул рукой:

– Ладно уж, расскажу. Только Фрося одна знала про эт дело. На войну я пришёл, и определили миня к коням, они миня слушались хорошо. Вот отступаем мы, отступаем... Никто не знает, чё впереди, чё сзади.

Вызывает миня командир и говорит: «Сичас приедут два генерала, отвезешь их до штаба». «Слушаюсь», – отвечаю, а сам думаю, чё генералы-то должны на машинах раскатываться, а не на лошадях ездить.

Приказы не обсуждаются, и я пошёл запрягать телегу, брички-то в части не было. Взял жеребца Буяна, он вмиг до штаба домчит, на телегу положил сена свежего, всё ж генералов везти, не простого солдата. А погода сырая, я на себя прихватил плащ-палатку. Чё ж мокнуть-то.

Ждал долго... нет генералов... Вот я и пошел к полевой кухне. Кашу взял, хлеба, лежу под телегой, ложку работать заставляю. Дорога близкая, чё голодом ехать.

Слышу шум какой-то, бегают, кричат. Думаю: «Чё-то, верно, случилось, чё так кричат». Тут над самым ухом крик: «Матюха, твою такую-рас-такую, где ты шляешься?»

Оказывается, генералы прибыли, и им срочно ехать надо. А где, спрашивается, шлялись стоко время?

Ну, сели генералы в количестве двух штук на телегу, и мы с Буяном их повезли. Поля широкие, берёзовые лесочки, дороги через пень-колоду – как у нас в Сибири. Едем тихонько. А куда торопиться? Немец затих и не напирает на нас. Да и мы окопались, остановились. Кому ж отступать нравится? Стыдоба сплошная. Глаза поднять на людей невозможно.

А генералы мои постелили карту и по ей смотрят: туда ли я еду? А сами надо мной посмеиваются. Один спрашивает: «Что, Матюха, лошадь-то твоя не сдохнет в дороге? Больно уж тоща. Чем ты её кормишь, уж не «таким» ли, а овёс, поди, себе на кашу варишь?» Другой ему помогает: «На всём фронте возницы другого не нашлось, как только Матюха. Матюха, он и есть Матюха. Тюха-Матюха».

А мине чё – пусть развлекаются. Они ж генералы, а мы простой народ – всё понимаем.

Тут первый говорит: «А чё, Матюха, ты поворот проехал и направо не повернул? По карте надо повернуть». Я вроде рот разинул, но второй так грозно на миня рявкнул, что я повернул на их поворот. Думаю, что, может, я чё не помню.

Едем дальше, они мне говорят по карте, куда повернуть. Едем, а штабу всё нет и нет.

Тут въезжаем в лесок. Большой такой лес, густой, и смеркаться уж начинается. Я ж деревенский, слышу хорошо даже шёпот. Вот и слышу, кто-то говорит в лесочке. Прислушался – не наш говор, немецкий. Два мужика про чё-то говорят.

У генералов лица повытянулись, тож, видно, услышали, чей говорок за кустами раздаётся. Повернулся я к им, кнутом погрозил, чёбы не орали, развернул потихоньку Буяна и тихо поехал обратно, а как подальше-то отъехал, стеганул жеребца. Кричу: «Вывози, родимый...»

Уж летел Буян над земелькой, тож, поди, в плен не хотелось. Генералы в телегу упали и молчат, прижались, токо сапоги подпрыгивают на кочках. Вывез коняга нас. Тут уж я по своим приметам доставил их по ночи в штаб.

Сгрузились они. Я коня поворачиваю, в часть ехать хочу. Тут первый генерал остановил миня и спрашивает:

– И чё ет ты, Матюха, генералам кнутом грозить вздумал?

– Ничё не грозил, – отвечаю, а самого зло берет: я их вывез, а они миня трясти, – ет я место

для разворота жеребца приглядывал. Он у меня сильно буйный, а потому кнут и показал, чёбы немцы не увидали.

– А чёбы ты стал делать, если бы немцы увидали?

– Ничё, – отвечаю, – я же солдат. Чё с меня спросу? Сдал бы вас, медальку бы от их получил.

– Остался бы у немцев? – вскинул брови генерал и за возжу хватается.

– Зачем? Сдал бы вас, медальку бы получил да и поехал в часть.

– Так бы тебя и отпустили, – надвигается генерал, а у самого уже из глотки рычание.

– Отпустили бы, – говорю я и возжу у него из руки забираю, – я же им сказал бы: «Вот вам два генерала, какие карту не знают. Будут ищё – привезу».

Тут я Буяна легонько поддернул, он и взвился. Прилетели мы в часть. Я молчу в тряпицу и думаю: «Какую тебе, Матюха, не видать больше дорогой Фросюшки и сыночка».

Вскоре мы в наступление пошли, и вроде бы всё забылось. Радуюсь, чё обошлось.

Вдруг вызывают меня с Буяном в штаб. Еду, трясуся, с миром прощаюся. Всю жизнь молчал, а тут, как нелегкая вынесла, разговорился. За это и расплата будет. По дороге остановился, письмо своим написал – попрощался. Думаю: «Сначала письмо почте отдам, потом уж на расправу пойду».

Ну, так и сделал. Вхожу в штаб, докладываюсь.

Из-за стола встаёт один из моих генералов, улыбается во весь рот, руку мне тянет. Поручковались мы, он обнимает меня да и говорит:

– Вот герой так герой. Он не только генералов спас, но и врагов обнаружил, етим наступлению помог. Вот тебе, Матвей Алексеевич, орден. Не простой это орден, а «Слава». А второму спасителю, жеребцу твоему, выделяем три мешка овса лучшего.

Налил мне целый стакан водки, поставил закуску – полку не съесть.

Только мне же обратно ехать в часть. «Спасибо, – говорю, – но вы мне всё это богатство разрешите с собой взять, а то по пьяни могу в гости к фрицам угодить».

Уж мы и попиروвали с мужиками, кормежка на войне-то никакая.

...Дед Матвей закончил говорить, распечатал ещё одну бутылку.

– Давайте выпьем за тех, кому уже выпить нет возможности. Мало осталось, кто войну прошёл. Тех генералов уж поди нет. А видишь, находит нашего брата, а многих и не нашли... или не хотели искать...

СЛОНЁНОК МЁД ИЗ СОЗВЕЗДИЯ БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЫ

В далёкой жаркой Африке жил-был слонёнок Мёд. Он жил со своей мамой, слонихой Леда. Они ходили по Африке, кушали сочные листья, купались в реке Лимпопо.

Вечером мама рассказывали Мёду про то, как добрый доктор Айболит приезжал к ним лечить животных. Слонёнок смотрел в ночное звёздное небо, и ему казалось, что он видит там Айболита и его помощников.

– Мама, смотри, – сказал как-то Мёд, – вон идёт доктор, а у него на плече сидит обезьянка.

– Правда, похоже, – улыбнулась мама. – Только с давних времен все звёзды на небе объединены в созвездия. Вот эти звёзды – это созвездие Лебедя...

– Созвездие дядюшки Крака с соседнего озера? – удивился Мёд.

– Возможно, дядюшка Крак и родственник созвездия, только небесный Лебедь состоит из звёзд, а дядюшка – настоящий живой лебедь.

Слонёнок немного подумал и снова спросил маму:

– А у кого на небе есть ещё родственники?

Мама показала на самый горизонт и сказала:

– Видишь яркие звёзды – это созвездие Козерога. Вот здесь живут звёздные Рыбы...

Мама показывала на небо и рассказывала о созвездиях. Но чем дольше слушал Мёд, тем больше он хмурился.

– Мама, ты рассказала уже про всех животных, а где созвездие Слона?

Мама-слониха вздохнула, погладила сына хоботом по голове и печально сказала:

– Созвездия Слонов нет.

– Совсем нет?

– Совсем...

Слонёнок Мёд не спал всю ночь и всё смотрел на звёздное небо. «Несправедливо, – думал слонёнок, – слоны такие большие и такие умные, а созвездия у них нет».

Рано утром, когда мама ещё спала, слонёнок отправился на самую большую гору. Гора называлась Килиманджаро. Она была самой высокой, и на её вершине рос большой белый цветок. Мама говорила, что на вершине лежит холодный

снег. Только Мёд не знал, что такое холодный снег, а потому он решил, что на самой макушке горы живёт необыкновенной красоты цветок.

Слонёнку давно хотелось познакомиться с этим цветком. Только сегодня он шёл на вершину для того, чтобы поговорить со звёздами.

Мёд шёл весь день. Ему было трудно идти по крутому склону. Но он не сдавался. Когда совсем стемнело, слонёнок был почти на вершине. Прямо у ног лежал белый цветок. Мёд взял хоботом кусочек, отправил его в рот. Кусочек растаял и стал водой.

– Значит, снег – это вода, только твёрдая и неприятная, – сказал сам себе слонёнок и наступил на снег.

Ноги его поскользнулись, и он упал. Кожа покрылась пупырышками и посинела. Застучали зубы...

– Х-х-х-холодно, – пробормотал Мёд, но продолжал идти.

И вот он на самой вершине горы Килиманджаро. Мир оказался очень большим и незнакомым. Тоненькие ручейки текли там, где он привык видеть широкие реки. Вместо озёр – маленькие лужицы. Только нигде не было видно мамы. Слонёнок испугался не на шутку.

Тут наступила ночь, и на небо высыпали миллионы звёзд и звёздочек.

– Здравствуйте, звёзды, – вежливо поздоровался слонёнок.

– Здравствуй, малыш! – поздоровались звёзды.

И так как их было много, и все они поздоровались разом, то в небе всё зашумело. От этого проснулась Луна. Она поднялась над горизонтом и строго посмотрела вниз.

– Чего тебе, слонёнок? Зачем нарушаешь небесную тишину? – строго спросила она.

– Уважаемая Луна, в небе так много звёзд. Можно я попрошу их сделать ещё одно, может очень маленькое, созвездие.

– Тебе мало тех, которые уже есть?

– Было бы хорошо, если бы на небе появилось созвездие Слона, – печально вздохнул слонёнок.

– Зачем тебе созвездие Слона? – удивилась Луна.

– Чтобы у слонов были на небе родственники, как у дядюшки Крака.

– Подними голову, – послышалось с высоты.

Прямо над головой слонёнка бежала Большая Медведица со своим медвежонком, в самом центре их фигур горели звёзды Большого и Малого Ковшей. Большая Медведица улыбалась слонёнку.

– Подожди немного, – сказала она, – и как только пройдёт полночь, внимательно следи за моим Ковшом.

Слонёнок стал наблюдать, как бежит Большая Медведица. Мёд знал, что она бежит по кругу, словно привязанная к одной маленькой звёздочке. Вот Медведица перевернулась, в ней перевернулся Ковш...

– Ой, – воскликнул слонёнок, – это же не ковш, а маленький слонёнок с длинным хоботом!

– Я рада, что ты познакомился со своим небесным другом, – засмеялась Большая Медведица.

Засмеялись остальные созвездия. И слонёнок Мёд засмеялся тоже.

– Спасибо, – сказал он, – чем я могу отблагодарить вас?

– Тебя зовут Мёд, – проговорила Луна, – а медведи, даже небесные, очень любят мёд. Посмотри, как ярко загорелись их звёзды. Это твоя доброта зажгла их. Беги домой, малыш, твоя мама, наверное, волнуется.

И слонёнок побежал домой, где его встретила мама. Мёд рассказал маме о небесном друге, слонёнке с длинным хоботом.

**Сергей
АДОДИН**

**ХУДОЖНИК ОБЯЗАН
ЛЕТАТЬ**

* * *

*Я искал тебя, песня моя,
На потёртых нейлоновых струнах,
На остывших серебряных дюнах,
Утопающих в блеске луны.*

*Я искал тебя, песня моя,
В изголовье заснеженной кручи,
В усыпляющей мягкости тучи
И чарующем плеске волны.*

*Я искал тебя, песня моя,
Там, где лестница к звёздам взлетала
И с землёй небеса сочетала
В ночь последнюю поздней весны.*

*Я нашёл тебя, песня моя,
Когда сполох полночной зарницы
Осветил дорогие ресницы
И открыл мне, о чём её сны.*

* * *

*Куда же ты, Кронштадт, смотрел,
Когда походкою небрежной
В твой храм вошёл студент мятежный
И на амвон взойти посмел?*

*О чём же думал ты, Кронштадт,
Когда пред паствой изумлённой
Сигарку свечкой затеплённой
Зажёг неспешно супостат?*

*И как же ты, Кронштадт, простил,
Что был побит твой пастырь верный,
Что тот студент высокомерный
Христову Кровь на пол пролил?*

*Потом, Кронштадт, ты лицезрел
Стрельбу, атаку штыковую.
Кровь затопила мостовую,
Сигарки той пожар горел...
Куда же ты, Кронштадт, смотрел?*

* * *

*Гроза! Бушует, рвётся тучей,
Трещит по швам весь небосвод,
И молния змеёй гремучей,
Шипя, стекла в громоотвод.
В клочки изодран ветер злющий,
Трепещет бритвами листва;
А дождь ретивый, вездесущий
Не признаёт с землёй родства.
За каплей капля вновь поспела,
Коснулась моего лица...
Стою на улице несмело,
И восхищенью нет конца.*

97

* * *

На закате

Виноград превратится в вино очень кстати.

*Мы поднимем гранёный стакан об утрате,
Что постигла нас в каждом убитом солдате.*

Просвистело.

Значит, с пулей и смерть мимо нас пролетела.

Я поймал бы её, да рука ослабела,

И вонзилась та пуля в невинное тело.

Не хватило.

Широты наших спин на весь мир не хватило,

Чтоб для каждого солнце подолгу светило

И у детских гробов не звенело кадило.

На рассвете

Нас покажут в ругательном телесюжете,

А к обеду присудят расстрел в комитете,

И в расходы запишут в военном бюджете...

* * *

Художнику много дано –

Ему повинуются тени.

Синицы, жуки и сирени

Становятся с ним заодно.

Художнику можно не знать

Статичных законов природы,

По небу пускать пароходы

И время раскручивать вспять.

Художнику очень легко

Собрать воедино все воды,

Закаты смешать и восходы

И спрятать в душе глубоко.

Художник обязан летать.

Все звёзды рекою прольются,

Лишь стоит их кистью коснуться...

Но мало уметь рисовать,

Чтоб даром таким обладать.

Гарий НЕМЧЕНКО

**НЕВОЛЬНОЕ
ПРОДОЛЖЕНИЕ
«ВОЛЬНОГО ГОРЦА»**

Размышление о кавказских
дорогах А. С. Пушкина,
М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого

1

К «Вольному горцу», к «Запискам о народном пушкиноведении» возвращаюсь через несколько лет после того, как в рукописи была поставлена точка и повесть опубликовали в славном городе Ставрополе, в журнале «Южная звезда»... А сколько там от родной моей станицы Отрадной до Ставрополя? Чуть больше ста километров!

Кто-то спросит: какое это имеет значение?

Не скажите.

На Северном Кавказе чем ближе к Чёрным горам, тем явственней ощущаешь еле заметные сдвиги сокровенного русского самосознания, на которые так мало внимания обращает в меркантильной своей сутолоке Москва белокаменная...

И не в продолжение ли этих строк вдруг подумалось: письмо с поддержкой моих мыслей на этот счёт тоже должно прийти с южной нашей окраины!

Вот это письмо, из которого по вполне понятным причинам пришлось отнять излишне эмоциональное начало: «Давно не встречалась с таким живым, трепетным текстом, который и не «текст» вовсе, а настоящий Пушкинский Дом. Я не с битовским романом «Горца» сопоставляю (в нем все Ваше, кровное, узнаваемое), а повторяю вслед за Вами то, без чего России нет, только ей это часто невдомек: Россия отстала от Пушкина и пока, к сожалению, не собирает-ся не юбилейничать, а постигать и любить. Увы!

Повторю и ещё один Ваш вопрос: «А что же мы – потомки?»

Еще раз благодарю Вас. И радуюсь, и печалуюсь, и надеюсь.

Сердечный привет от моей мамы.

Наташа.

Может быть, дорогие мои, вы слышали?.. Это женское имя, из-за чистоты и чести которого Александр Сергеевич последний раз в жизни взял в руку дуэльный пистолет, сделалось нынче в соседней Турции нарицательным. «Наташами» называют здесь и стареющих от непосильного труда наших

«челночих» с тяжеленными, набитыми дешёвым шмотьём полосатыми сумками, и легкомысленных, мало чем обременённых русских молодёжь, прилетевших в Стамбул либо в Анталию ради другого заработка...

Пусть нынче этот невольный турецкий плен – иного рода, чем встарь, когда ради единственной, случалось, христианской души неслись к чужим берегам сразу несколько казацких «чаек» с отчаянными, якобы бесшабашными хлопцами. Но оттого-то, если вдуматься, нынешний плен ещё обиднее и беспомощней. Что там ни говори, бросили мы младших своих сестёр на поругание. И пусть каждый из нас сам для себя решит: всё ли сделал, чтобы оно наконец закончилось?

Наташа, написавшая мне письмо, – Наталья Анатольевна Полошевская-Смирнова. Доктор филологии. Профессор кафедры зарубежной литературы Кабардино-Балкарского государственного университета в Нальчике. Вместе с письмом она прислала две своих высокоучёных книжечки: «Жизнь и мнения лорда Байрона, джентльмена» и «Шекспировский метатекст в русской и западноевропейской литературе».

Заочно мы познакомились несколько лет назад, когда по воле судьбы я занялся составлением сборников прозы северокавказских писателей, и мне рассказали о «русской филологине», к которой с почтением относится даже бескомпромиссная молодёжь из новомодного литературного течения «нальчикский понт», провозглашённого не без иронии, но с явным самоудостоинством.

Для очередной книги – «Цепи снеговых гор» – Наталья Анатольевна прислала по моей просьбе оригинальную по форме, редкую по глубине философскую повесть «Сказка о времени», и она меня так поразила и растрогала, что я тут же набрал из Москвы номер домашнего телефона в Нальчике... «Русской филологини» дома не оказалось. Все прихлынувшие на ту пору добрые слова достались её маме, отсюда и её «сердечный привет».

Потом-то уж я подумал: может, и хорошо, что мои восторги услышала мама. Пусть они хоть самую малость укрепят её дух в непростое наше, многосложное время.

Не подумайте, однако, что мы с Натальей Анатольевной попросту обменялись потом взаимными похвалами. Нет!

Поделались болью.

И нынче, когда в Кобякове под Звенигородом, от Захарова в семи-восьми километрах по прямой, продолжаю свои «Записки...», боль эта лишь с каждым часом усиливается...

2

Вчера уже в нерабочее время по мобильнику позвонил Михаилу Сергеевичу Гладилину. За послед-

93

нее время мы с ним не только подружились, но и обнаружили сходство некоторых литературоведческих предположений, вплоть до самых, казалось бы, неожиданных. О них разговор впереди, а пока я спросил Гладилина: не мог бы он припомнить какого-либо пушкинского стиха, строчек из прозы, а то даже из личных писем, в которых Александр Сергеевич давал бы комплиментарный, явно «на вырост», портрет, создавал бы, мягко говоря, чей-то приукрашенный образ?

– Первое, что приходит в голову, это «Стансы» 1826-го года, – тут же привычно отозвался Гладилин вежливым тоном экскурсовода-музейщика. – Помните? «В надежде славы и добра гляжу вперёд я без боязни...» Только что прошла коронация, но Александр Сергеевич уже сравнивает Николая Первого с Петром Великим... Николай ведь только вернул его из ссылки, и благодарность Пушкина вполне объяснима. «То академик, то герой», – помните? «То мореплаватель, то плотник...» По этому поводу его тут же уколол Петр Андреевич Вяземский, достаточно едкий был человек... Но сперва скажите, зачем вам? Для чего?

Попробуй деликатно объяснить, если тебе так вот, сразу: Пётр Первый, Николай Второй, Вяземский... Тем более что новый царь в конце концов оправдал-таки предначертанное ему в пушкинском стихе. И если в «Стансах» имелся первоначальный, пусть даже явно прагматический умысел, то его потом с лихвой перекрыло установившееся меж Царем и Поэтом равнозначной глубины уважение.

...Но как это всё-таки здорово, Господи!..

В кармане ни гроша, диссертацию закончить некогда, мама давно прибалывает... А он – тут же: «Стансы» 1826-го года... Николай Первый. Император Пётр. Вяземский.

И сразу – масштаб. Сразу высота.

Не та, что от пяток до макушки. От макушки до неба.

Может, благодаря таким бессребреникам пока и живы?

3

Долгое время мы бывали в Кобяково только наездами, а когда перебрались сюда наконец со всем скарбом и перевезли библиотеку, то давно живущий в Одинцове кубанский земляк, художник Коля Литвинов, приезжая к нам по грибы, сперва не радовался.

– Это промысл Божий, поверь! – убеждал меня. – Ты потом поймёшь это. Ты почувствуешь. Известно тебе, что глава администрации – кубанец?.. Более того, более! Заместителем по культуре взял также нашего земляка. Редкий случай по теперешним временам: оба знатоки литературы и ценители поэзии. Что ты!.. Помнишь, тебе рассказывал?.. В

Одинцове живет Эдуард Асадов. Тот самый, да. Поверь: они его чуть ли не носят на руках!

Конечно же, это грело.

Эдуарда Асадова помнил со студенческих лет, он часто тогда выступал в Москве: потерявший зрение на войне поэт в чёрном костюме и чёрной, закрывавшей глазницы полумаске... Любовная его лирика была не самого высокого сорта, но в этом ли теперь дело!

Достойную старость обеспечили прежде всего полузабытому воину. Который окончательно затерялся бы среди многих и многих больше него талантом и не меньше фронтовыми заслугами. Как вспомнишь мытарства поэта-сибиряка Михаила Борисова!

Он был родом из Новокузнецка. Герой Советского Союза, в свои двадцать лет – мальчишкой, считай, – подбивший в жестоком 1943-м на Курской дуге девять немецких танков.

Иногда за рюмкой мы, ещё почти такие же мальчишки, как он тогда, пробовали его разговорить: ну, как, мол, Миша, такое вообще возможно? Почти десяток! Ведь не на полигоне. В бою!

Небогатырского роста, русский и сероглазый, он будто посмеивался печально и над нами, и над собою – тогдашним:

– Да как?.. Оглянулся, ребята все на земле. А снаряды ещё остались. Я и давай – прямой наводкой. Даже считал их: один – есть!.. Второй – есть! Третий!.. А они всё прут и прут. Восемь насчитал, а с девятым друг по другу, видать, ударили разом. Помню, что лежу на земле, а колесо от пушки в небе над головой вертится. Даже не думал: упадёт на меня, не упадёт?.. Сказали потом, упало рядом...

Парадокс, конечно: одного, считай, спасла слепота. Другого погубило хорошее зрение: всё видел после войны и не хотел мириться.

Но пусть же хоть кто-нибудь будет по возможности счастливым!

4

Как это обычно случается, благожелательный слух о чтущих литературу кубанских земляках своё дело сделал. Ещё не предполагал, что рассказы мои о Захарове сложатся в документальное повествование, но чуть не в каждом из них старался сказать тёплое слово об одинцовских руководителях: я ведь артельный человек. Неважно, чем занимаются они и чем я. Важен общинный дух, без которого никакое большое дело не сделается.

Куда деваться: я – великовозрастное, не исключая, подзадержавшееся на белом свете дитя большой стройки. Невольно тоже хочется подчеркнуть сибирской.

А это, как выясняется теперь, – на всю жизнь.

После разговора с директором музея-заповедника Рязановым о детских рисунках, которые так

вдохновили главу Одинцова и его зама, записался к Колесникову на приём и пришёл к нему со своим четырёхтомником и двумя номерами «Южной звезды», в которых был напечатан «Вольный горец».

Если называть вещи своими именами, пришёл побираться?

А что остается писателю с немалым литературным и жизненным опытом, который не по своей вине лишён возможности издаваться?.. Ещё недавно тиражи моих книг ниже ста тысяч экземпляров не опускались. Интересы к прозе добавляли фильмы, снятые на Украине и в Белоруссии. Но миллионы экземпляров «Роман-газеты» с портретом на обложке приносили доход не мне. Основные деньги шли в государственную казну. Это благодаря им в том числе развивалось печатное производство, которое, захваченное ловкими ребятами, ещё большими тиражами вываливало теперь на книжный прилавок «порнуху с чернухой».

А материал, который собрался у меня за несколько лет соседства с «сельцом Захарово», случался, что называется, в сердце.

– Коли «Вольный горец» покажется вам достойным внимания, не стоит ли нам объединить усилия? – взялся я объяснять свой план ну прямо-таки неприступному сперва Павлу Николаевичу. – Повесть можно издать с иллюстрациями ребятишек из всех уголков России. Разве эти акварели, на которые ушло краски куда больше, чем требовалось, или не совсем умелая графика – не то же самое «народное пушкиноведение», о котором печёмся и вы, и я? По сути, оно – любовь к одному из величайших наших предков. Уже на генетическом, если хотите, уровне... Неужели, Павел Николаич, не поддерживаете?

Думаете, семь лет работы в крупнейшем издательстве страны меня так-таки ничему не научили? Другое дело, что к приёмам опытного царедворца прибегать очень не любил. Да что делать?

Через несколько минут о будущей книге мы разговаривали уже как о первоначальном замысле самого Павла Николаевича... Неужели я его, и в самом деле, не поддержу? Не тот я человек, чтобы блестящую его задумку не оценить!

На прощание Колесников дал мне номер своего мобильного, и через неделю я позвонил ему: не разочаровался ли, когда одолел «Пушкинскую» повесть?

Он подтвердил: «Горец» стоит того – договор остаётся в силе. Единственное, в чём он просит понять его: в план поставят книгу в этом году, а издадут только в следующем. Когда начнётся новое финансирование. Но пусть меня это не расхолаживает: с рисунками надо определяться уже сейчас.

5

В Захаровском филиале музея-заповедника, в доме Марии Алексеевны Ганнибал, мы с Гладиле-

ным поднялись на просторную мансарду, где на деревянном полу, как бы чуть в уголке... или наоборот?.. Этот самый «уголок» только и остался свободным – всё остальное немалое пространство было завалено многослойным ворохом «пушкинских рисунков», которые откуда только сюда не притекли...

– Наденьте, – предложил Михаил Сергеевич, протягивая мне пару новеньких, ещё скреплённых стежком белых перчаток с рубчатым синеватым исподом.

– Вы меня щадите?

– Зачем?.. Хочу, чтобы вы тоже хорошенько поработали. Как без них?

Сам он был уже в перчатках, и вскоре я действительно убедился: без них тут не обойтись.

Размышляю сейчас: вообще-то зрелище это уникальное – гора «пушкинских рисунков»!.. Сколько я потом приводил сюда своих гостей, заехавших сперва в наше Кобяково, и всех оно потрясало. Чуть ли не завистливо вздыхал Виктор Васильевич Буланчев, главный редактор алтайского альманаха «Бийский вестник», сам пишущий о Пушкине, заодно небось прикидывал полиграфические возможности своего уникального по многим параметрам издания... Покачивала головой и разводила руками Елена Трухан, главный специалист музея Достоевского из нашего Новокузнецка: им такое изобилие, конечно же, и не снилось, хоть сам Фёдор Михайлович наверняка провидел его – наверняка!.. У кубанской землячки Тани Василевской, давно, конечно, Татьяна Андреевны, охапку детских картин, которую она держала в руках, пришлось чуть ли не оты-
35

мать: – Ну, куда тебе такой оберемок*, Тань? – корил её на наш, на южный, манер.

И она, принимая мой тон, несговорчиво отводила рисунки в сторону:

– Оберемок, эх!.. Ну, не будьте хоть тут кугутами – уступите даме, уступите! Не только буду в Краснодаре книжки иллюстрировать – отдам потом на побережье, там развезят по детским пансионатам. Вы тут привыкли к ним, сами не представляете, какое это богатство!

Ещё бы не богатство!..

Но можно ли к нему, и в самом деле, привыкнуть?!

Представить себе: при всех наших неладах и нестроениях, при всех наших нехватках и невзгодах сидит себе где-то далеко-далеко, в глухой сибирской глубинке, десятилетний малец, который только что втащил на койку сильно подвыпившего отца, хорошо – если не мать... Сидит и макает кисточку сперва в гранёный с давно помутневшей водой стакан, а после в крошечной пластиковой формочке

* Оберемок – обуза, ноша, бремя.

начинает вымазывать последнюю оставшуюся у него краску: не хватает на Пушкина!

Хорошо, если завтра отдаст рисунок руководителю кружка в каком-нибудь Доме детского творчества или школьному учителю, который сам потом отправит его сюда, в Подмоскovie... А если и Дома такого поблизости нет, и давно уже нет учителя, которому это интересно, а до ближайшей почты автобус ходит один раз в сутки...

Думаете, сгущаю краски?

Да нет!

Как-то я в очередной раз попытался воспитывать Гладилина...

Поскольку намного старше него, то он меня – непременно на вы, а я частенько позволяю себе разговор почти отеческий:

– Ведь в этом можно утонуть, Миша!.. Навсегда. В этих горах... ворохах... Сам говорил – в волнах?

Он то ли объяснял, а то ли заранее оправдывался:

– Приходят волнами, да... Очередная волна прихлынет – тогда присесть некогда.

– Ну вот! Вот!.. И каждый рисунок ты должен обязательно поддержать в руках, рассмотреть. По возможности честно оценить. Балл выставить. Написать ответ. Каждому!.. Кому просто спасибо сказать. За участие. Кого-то поблагодарить пощедрей. Третьему отправить диплом. Но вся эта благотворительность, извини, должна иметь разумный предел. А когда собственная работа лежит неоконченной... – Он вдруг вспомнил: – Опять забыл вам из дома принести.

– Что забыл?

– Письмо это. От учительницы русского языка. Где она музей наш благодарит. Как раз за такой диплом ученику, помните?

Как такое забудешь?!

Работа, и правда, наложила на него свой отпечаток: приучила к ровному, благорасполагающему тону ко всему привыкшего экскурсовода. И однажды на очередную мою попытку наставить его он не то чтобы возразил – как бы просто дал разъяснение:

– Пришло одно письмо, я храню его. Из деревни, из которой почти все разъехались. Она там грустно так, учительница: мол, нормально жить тут уже нельзя. Осталась одна надежда: школа. Начальные классы занимаются вместе, а дальше они пока потихоньку учат отдельно. И приехала комиссия. Судили-рядили – решили закрыть и школу. Нет средств... невыгодно, сами понимаете. Уже окончательное решение приняли, уже всем в учительской объявили... И тут она вышла, эта учительница. Добежала, пишет, до своего класса, хорошо, что дети были на месте. Говорит ученику: «А ну-ка, Ваня, домой быстренько! Сними свой диплом со стенки и – мигом сюда. Только бегом, Ваня, бегом!» Помчался

он, принёс. Она его за руку взяла и – в учительскую. Посмотрите, говорит, на этого мальчика. У него – Пушкинский диплом! А вы хотите закрыть нашу школу... представьте себе: оставили! Разве это не дорогого стоит?

Вот!

А мы всё: «Кто за тебя это сделает? Пушкин?!»

Да он уже устал, бедный.

И работать за нас. И за нас заступаться.

И конца ведь не видать – нет!..

Скорее всего, что именно в этом месте горького моего текста стоит объяснить, хотя бы в самых общих чертах, в каких литературных предположениях мы с Гладилиным сходимся.

Дело в том, что я уже давненько начал подозревать: всем известный Акакий Акакиевич, забубённый чиновник из рассказа Николая Васильевича Гоголя «Шинель», вовсе не тот человек, за которого вот уже столько десятилетий нам его выдают.

Началось это, когда покойный ныне монах Савино-Сторожевского монастыря отец Феофил, духовник братии, подарил мне так называемый «Букварь школьника» – шесть изданных по принципу словаря томов по тысяче страниц каждый: «Начала познания вещей божественных и человеческих». В миру батюшка был в Казахстане сельским библиотекарем и по вполне понятной человеческой слабости и пошучивал потом надо мной, и – жалел.

96

Почему-то я чуть ли не первым делом открыл тогда подаренный «Букварь» на необходимой, как понимаю теперь, для меня странице и вот что нашёл: «АКАКИЙ СИНАЙСКИЙ – святой, преподобный. Жил в 6-м веке и был послушником в одном монастыре. Смирный инок отличался терпением, простотой, целомудрием, беспрекословным послушанием своему старцу, который часто укорял его, загружал непомерной работой и нещадно бил. Несмотря на такое обращение, прп. Акакий кротко терпел невзгоды, благодарил за всё Бога и снискал себе благодать Божию. Прожив в таком послушании 9 лет и поболел перед кончиной, он мирно отошёл ко Господу. Его старец через пять дней рассказал о смерти своего ученика одному великому старцу, который не поверил, что инок умер. Тогда учитель Акакия привёл подвижника к его могиле. Великий старец громко спросил: «Брат Акакий, умер ли ты?» Из могилы раздался голос послушника: «Нет, отче, не умер, кто переносит послушание, не может умереть». Поражённый учитель прп. Акакия со слезами упал перед гробницей, прося прощения у своего ученика. После этого он изменился нравом, затворился в келии близ погребения святого Акакия, в молитве и кротости окончил свою жизнь».

Конечно, хоть какого-нибудь малого намёка на то, что имя своего героя он выбрал неспроста, я по-

пытался искать у самого Николая Васильевича, и что же?.. В восьмом томе изданного в 1994 году девятитомника Гоголя есть «Выписки из творений святых отцов», сделанные им в своё время собственноручно. И там среди других – очень любопытные строки о преподобном мученике Акакии: «Законно страдальческое терпение, воздержниче, показал на земли, тем же тебе Небесное веселие дадётся... Ум твой, чистым помыслом окормляем, Акакие Богосносне, к Виновному всех благополучно устремися. Укрепляем еси Божественною благодатию, яко воин силен...»

Воин!..

А вы говорите!

Небесный воин и даже самый лучший невоцерковлённый спецназовец всё-таки – не одно и то же.

Если бы нынче наши чиновники не крали народное добро с утра до вечера, а только и того – терпеливо и честно его пересчитывали, где бы мы сейчас были?!

Но я-то ладно: что с меня, старого романтика, возьмёшь. Живу интуицией. А Гладилин дальше пошёл: учёный всё-таки. Он считает, что «Шинель» – зашифрованный рассказ Николая Васильевича Гоголя о своём друге и соратнике Александре Сергеевиче. О Пушкине.

А вы перечитайте всё, что к этой теме относится!.. Пораскиньте умом не только над текстами наших классиков, но и над приметам нашей нынешней жизни. И тогда, не исключено, мы вместе поймём, что бесконечно, с упорством гоголевского Акакия Акакиевича перебирать «пушкинские рисунки» – это куда важнее, чем защитить гору липовых докторских диссертаций.

...А каких тут работ только нет, в этом ворохе чуть не в рост человека! Акварель, уголь, масло. Инкрустация. Отдельно – даже резьба по дереву.

И каких только нет сюжетов: Пушкин-мальчик и Пушкин-лицеист. С няней. С бабушкой. С товарищами. В светских гостиных с дамами. В парке посреди аллеи один. На берегу речки в Захарово. В своем Михайловском. В Болдино. На Кавказе... Кавказских сюжетов почему-то особенно много, и присланы они не только из наших южных республик – также из срединной России. С Севера. С Урала и Зауралья. И правда ведь: от Калининграда до другого конца России. До Сахалина с Камчаткой. И если с Северного Кавказа, от Чёрных гор приходят картинки, нарисованные всё больше горскими школьниками, то из остальных мест кавказские сюжеты шлют русачки, татары, буряты либо алтайцы... Удивительно, это как кровеносная система: всё пронизано Пушкиным, всё им воедино соединено!

С бьющимся сердцем откладывал я в сторонку акварели на ватмане из дорогого сердцу Кузнецкого края, из Кузбасса... Как волшебные слова, как

«Сим-сим, открой дверь», повторял про себя: «Видел бы Аман!.. Видел бы Аман!»

Надо будет непременно вставить хоть одну-единственную картинку из Мысков, о которых есть в моём «Вольном горце»!

Поверьте, это надо было пережить: разглядываешь какой-нибудь полужанрастический сюжет из «Сказки о рыбаке и рыбке» либо о «Золотом петушке», дивишься пробивающемуся сквозь детскую наивность будущему мастерству, а потом переворачиваешь рисунок и на обратной стороне рядом с именем-фамилией, обратным адресом, с номером школы видишь вдруг: «Размер обуви 32».

Сперва я этого попросту не замечал, а потом вдруг удивился: а и правда – это зачем?.. Почему не какие-нибудь иные характеристики автора, а вот – какая ступня?

Спросил у Гладилина, и он стал рассказывать своим ровным тоном: мол, забыл вам сразу всё объяснить. У самого музея денег, разумеется, ни копейки, а хотелось бы поощрять художников хоть какими-нибудь подарками. И добрые люди, прознавшие про наш конкурс, нашлись не где-либо – на обувной фабрике «Парижская коммуна». И решили: быть слишком щедрыми позволить себе не могут, но на двадцать пар башмаков для награждения победителей, так и быть, разорятся.

О, причуды русского меценатства!..

В разгильдяйских моих архивах где-то затерялась бумага с ксерокопией стародавнего указа царственного дома: к участию в покровительстве над творческим людом допущены могут быть исключительно добропорядочные купцы и промышленники... А?!

Если бы и это у нас соблюдалось, не оказалось бы завтра большинство наших «звёзд» рядом с уличными бомжами?

Но пока чуть не каждый из них и сам – бомж. В новой расшифровке: «более одного места жительства».

Это всего лишь к слову. К горькому и печальному слову, которое ещё придётся сказать впереди.

В глубокой порядочности шефов «Пушкинского конкурса» из «Парижской коммуны» нет ни малейшего основания сомневаться.

После рассказа Гладилина об этом отошёл чуть в сторонку и пальцами в уже замаранных акварельными красками перчатках достал из кармана брюк носовой платок...

Кому-то наверняка неизвестно: у казаков не принято кланяться. Перед вручением Нобелевской премии за его «Тихий Дон» перед Михаилом Александровичем Шолоховым целая проблема возникла: как ему быть? Каждый лауреат после вручения должен королю Швеции поклониться. Сам Шолохов не казак, но какая за ним стоит казачья история, ка-

кие великие тени казачьих страдальцев соберутся в тот вечер вокруг него в шведском Королевском дворце!

Если вам когда-либо доведётся, повнимательней приглядитесь к старой советской хронике. Кроме всех других, Шолохов оставил нам и этот завет: как не уронить собственного достоинства.

Что ж он, и в самом деле – «азиат»? Как о нас обо всех приучали думать и Европу, и остальной мир.

Конечно же, он поклонился!

А вроде бы нет...

Или всё-таки поклонился... да поклонился, само собой, поклонился!

Или нет?..

Нет же!

Нам в этом смысле с тёзкой Шолохова, с Михаилом Гладилиным, заботиться было не о чем: никто не увидит и ни за что никто не осудит.

И я вернулся к разноцветной горе рисунков, в которой, сколько мы из неё ни отбирали, оставалось, словно в добром колодце, всё столько же, и низко поклонился этому великому вороху, в котором нынче всё собралось: и надежды со всей Руси-России школяров наших, и открытый, бесконечно уверенный взгляд Пушкина не только на «племя младое, незнакомое», но и на тех, кто в тяжкую пору ему помогает выстоять.

Что делать: у меня особое отношение к обуви.

Когда-то после войны, когда и разбитых сандалий ни у кого не было, в жарком августе по горячий, чуть ли не выше щиколоток пыли, мы ходили на речку след в след, и какой-нибудь впереди цепочки идущий «первопроходец» почти сразу же начинал канючить, чтобы его сменили: припекло!

В молодости этот разбитый конскими копытами да колёсами бричкес станичный путь сменили почти бескрайние сибирские снега, торить дорогу среди которых было, само собою, трудней, но жалоб впереди случалось всё-таки меньше... Эка беда!

Зато густая новостроечная мешанина из чернозёма, рыжей обычной глины и вывороченного экскаваторами с большой глубины голубого аллювия под ногами превращалась в такой приставучий клей, что никакие подмётки с подошвами не выдерживали... Лучшим другом нашей крошечной газетёнки «Металлургстрой» стал косорукий и колченогий инвалид Митя, на своём продавленном, с кожаными полосами крест-накрест кресле бесшумно сидевший в поселковой сапожной мастерской... Какой был мастер! Как он нас, как ветер быстроногих в то время, выручал!

Теперь, хоть несколько что к чему разобравший, понимать начинаю: ведь это, считай, в его, в его, уже почти из ничего перетачанных вдоль и поперёк туристских ботинках мы обегали потом стремительно, как забродившая бражка, растекавшуюся во все

концы гигантскую стройку, о которой, бывало, первому ему потом и рассказывали... Сидевший сиднем он знал куда больше остальных!

Это в благодарность самоотверженному, терпевшему наши бесконечные долги сапожнику Мите одну из самых любимых глав в романе «Проникающее ранение» я назвал потом: «Крепкие башмаки». Это из-за него потом, в том числе, уговорил жену нашего третьего сына назвать Митей...

Мите потом недолго пришлось побегать по земле. Первачком ещё зашиб напротив нашего дома на Бутырской промчавшийся не по правилам трамвай... Но то, что отпущенный ему путь дохаживать приходится мне, это я знаю определённо.

Это он и привёл меня на мансарду дома-музея Марии Алексеевны Ганнибал. Кому, как не мне, хорошо известно, что такое – твёрдо стоять на ногах, обутых в крепкие башмаки!

Повзрослевшие, давно вступившие в пору плодоносящей зрелости мужчины и женщины наверняка потом надолго запомнят и свои «подростковые» ботинки, и лёгенькие туфли для тонконогих девчонок...

Это вам был поклон, равнодушные соотечественники с московской обувной фабрики «Парижская коммуна»!

6

Время шло, а общее наше с Одинцовской администрацией дело не подвигалось...

Сначала Павел Николаевич сообщил мне, что издание «Горца» с детскими рисунками снова придётся на год перенести: где-то там у них не сошлись концы с концами... Или я не привык?

То самое финансирование родной культуры по остаточному принципу, да.

Тем более тут. В самом богатом районе Подмосковья. Что на всю нищую культуру России от здешней-то знаменитой Рублёвки останется – то и наше!

Сказать это прямым текстом Колесникову? Не сказать?

Однажды начал было, но он тут же укорил: «непродуктивный», мол, разговор!

Да и связываться всё трудней с ним стало. Ответит по мобильнику полушёпотом: на совещании у большого начальства!.. Потом вдруг: не могу разговаривать, я – в алтаре!

Что же ты телефон там, думаешь невольно, не отключил? В таком-то почитаемом месте!..

Храм-то они, конечно, славный в Одинцове возвели! Во имя святого Георгия Победоносца. Для меня ли не свято?

В Сибири, в Новокузнецке, второго сына мы называли Георгием. Отправил тогда на юг две телеграммы: одну в Отрадную, родному дяде Георгию Мироновичу Лизогубову, магаданскому страдальцу.

Вторую во Владикавказ – душевному другу Жоре Черчесову, осетину. Дважды, так получилось, однокашнику: по выпускному классу в станице и по факультету журналистики МГУ.

Это он потом, будучи министром культуры Осетии, чуть не за руку притащил меня в цирк: ты просто обязан написать о нашем джигите Ирбеке Кантемирове!..

Ну, для начала я рассмеялся, как там никто ещё до этого, может, в цирке и не смеялся. Это я-то?.. Сибиряк-романист, которому теперь такое дело доверено: заведовать редакцией «русской советской прозы» в самом крупном в стране издательстве?! Ты, конечно, всегда был, Жорка, большой шутник, но это всё-таки слишком!

И что?..

Заговорила-таки казачья кровь?.. Или проникся невольным уважением, когда вдруг понял, что более солёного пота, чем у «цирковых», нету даже на польхающей огнём и дымом литейке доменного цеха на твоём любимом Запсибе?

А тут ещё все соединилось: оказывается, этот осетин убеждён, что самый понимающий конное дело зритель живёт вовсе не в Мексике и не в Аргентине, а в сибирском, соседнем с нашей Кузней Прокопьевске!.. В этой чёрной, зияющей провалами Прокопе, под которой десятками лет рылись, словно кроты, ссыльные донские да кубанские казаки...

О милая моя родина, с горькой твоей, как солёный пот, как алая кровь, историей!

Через несколько лет окрестившийся первым из братьев Мухтарбек Кантемиров, Михаил, известный каскадер, подарит мне собственноручно сработанную им дорожную кожаную иконку святого Георгия – покровителя путников у осетин, одного из самых чтимых святых. Где только я потом ни побываю с этой иконкой! Под конец жизни православие примет Ирбек, которого старые друзья всегда звали Юрой. Теперь он уже как бы официально примет имя Георгия, и в дорогом душе Мишином подарке прибавится для меня и ещё света, и ещё символов. Носимая всегда с собой одухотворенная память об ушедших в иной мир. Безмолвная просьба к Отцу Небесному о даровании долгого пути ныне живущим... и всё-таки, всё-таки.

Не об этом ли предупреждали святые печальники? Что храмов станет больше, а вера ослабеет.

В том числе – и друг в друга?..

7

Между тем уже в очень почтенном возрасте умер поэт-фронтовик Эдуард Асадов.

Рассказывали, что более пышных похорон за последнее время в Одинцове не бывало.

И какие-то невесёлые догадки стали всё чаще меня подтачивать...

В конце концов я спросил Сергея Александровича Филатова, бывшего главу администрации Ельцина, у меня ещё оставалась такая возможность. Скажите, мол, отец ваш, вероятно, дружил с поэтом Асадовым?

Тут, пожалуй, надо кое-что объяснить.

Познакомились мы за круглым столом журнала «Дружба народов» в Железноводске, и в определенном смысле этот «стол на какое-то время спрятал тогда от меня многие острые углы неоднозначной нашей действительности.

Ведь металлург, кроме всего прочего. Сергей Филатов. «Черняк»!

А терпеливец и работяга «черняк» по определению не может быть плохим человеком. Ошибиться – другое дело. Недоглядеть. Отвлекли тебя, мало ли, и застывший чугунок так догнать «закозлит», что долго потом с проклятущим этим «козлом» придётся мучиться.

Вот и ему такая «планида» выпала, правда, уже не в чёрной металлургии. Но с кем не бывает? И как ему теперь не помочь? Когда прямо-таки страдает, как сперва показалось мне, из-за прошлых ошибок. И в России вообще. И особенно – на Кавказе, где дровишек было наломано столько, что хватит нам на несколько поколений. Но тут, как в металлургии опять же, «козёл» он и есть «козёл» – кто от этого застрахован?

99

На круглый стол я приехал из Майкопа как «переводчик с адыгейского», но первым делом в Железноводске встретил бывшего иркутянина Анатолия Кобенкова, талантливого поэта, помогавшего теперь Филатову в его Фонде социально-экономических и интеллектуальных программ. В момент разговорились и в момент прониклись взаимной симпатией: великое дело – ассоциативные связи!.. Кобенков и Кобяково под Звенигородом. Фамилиа Толиной мамы, оказалось, Звенигородская!

Или великое дело – Сибирь? Которая своим холодом сваривает ну до такого, бывает, человеческого тепла!

«Соединить бы это! – размечтался Толя. – Твой северокавказский опыт и возможности шефа. Когда не поддаётся чужому влиянию, – увидишь, какой это человек... Поддержи!» И оба мы с ним возможному будущему союзу двух «черняков» настолько растрогались, что утром я прочитал Толе начало стиха, который собирался Филатову посвятить: «Когда мы были молоды, / у власти на отшибе, / ты – на «Серпе и молоте», / я – на своём Запсибе»...

Как рано Анатолий ушёл!..

Может, он смог бы устроить так, чтобы «круглым» оставался и рабочий наш стол, за которым свела меня судьба с Фондом Филатова. Может быть, он так и остался бы умелым сибирским лоцманом, ведущим наш ненадёжный плот – ну через такие кру-

тые пороги совершенно непроходимого, сдаётся временами, столичного либерализма!

И всё же. Со скрипом и мало кому слышными стонами в Фонде вышли составленные мной четыре сборника прозы горских писателей: «Война длиной в жизнь», «Цепи снеговых гор», «Лес одиночества», «Дорога домой»... Эх, разве не ко «Христову дню» был бы запланированный пятый том?! Который предполагалось назвать по моей повести «Брат, найди брата». По снятому им Киевской студией одноимённому фильму.

Брат, найди брата!

Найдём ли?

И за новыми рубежами... И, главное-то: внутри страны!

Разгребал как-то завалы бумаг и нашёл вдруг уже слегка пожелтевшую «Литературную страницу» из кемеровской областной газеты «Кузбасс» за 1985 год, когда жестокой зимой – от сорокапятиградусного мороза лопнули подошвы только что купленных меховых австрийских сапог – на Кузнецкую землю высадился московский «писательский десант»... Так вот, наверху страницы – снимок только что «передвинутой» домны Запсиба, что ж ещё?.. И ваш покорный слуга возле неё: даёт интервью. Рассказывает, значит, две биографии: свою и тётки родной, Домны Запсибовны. А внизу крупным планом портрет, врезанный в стихотворный текст: «рабочий» поэт Александр Филатов с отрывком из своей поэмы о матери Сергея Есенина... Потому ведь наверняка и сына в своё время назвал Сергеем?

И под хорошее настроение у нас обоих я спросил Сергея Александровича:

– Отец, наверное, дружил с Асадовым?..

– Не только дружил, – ответил Филатов-младший. – Он как мог помогал ему. По его просьбе пришлось даже позвонить в Одиново, и там...

Что было там, уже знаем.

Без сомнения, это делает честь Сергею Александровичу Филатову.

Но заодно лишает достоинства одинцовских чиновников. Было-то всё, выходит, «ради страха иудейска» перед сильными мира сего.

И вместе с Эдуардом Асадовым, царство ему небесное, они пышно хоронили наконец одну из самых больших своих, не очень ясных уму и сердцу забот...

Обо всём об этом, может быть, не стоило говорить. Если бы сей грустный пример не был символом отношения «горячо любимой демократической власти» к современной отечественной литературе.

8

Когда в очередной раз позвонил Павлу Николаевичу, он ответил непривычно весёлым, как бы даже вовсе не начальственным голосом:

– А вы знаете, где я сейчас?.. В Анапе! Вернулся на родную Кубань. А вам там разве не надоело торчать?! Голосок у вас что-то...

Ответил, что приболел. Что как раз и хотел хоть слегка поднять себе настроение добрым известием из одинцовской администрации о нашем «пушкинском» сборнике.

– Теперь-то я ничего сделать не могу, больше там не работаю... Но что касается здоровья, тут легче... Кубанский медицинский всё-таки в своё время оканчивал, если помните. И в подмосковных краях построил оч-чень хорошую больничку. Не слышали? Это в Здравнице, совсем рядом с вами...

Оказалось, «больничка», и в самом деле, – «оч-чень» и «оч-чень».

Конечно же, Павел Николаевич, дорогой мой «дважды земляк»: спасибо за весьма и весьма своевременную, чуть ли не «скорую» тогда помощь...

Что делать: для меня Подмосковьё стало родным. Может быть, это особенность русского характера? Да ещё замешанного на казачьих дрожжах. То всё о Сибири: мол, творческая родина. А теперь, выходит, уже и «подмосковная Швейцария» – тоже своя земля?

Тем более, что не все наши земляки отсюда уехали. Не все вернулись на родную Кубань. Многие в Подмосковьё навсегда остались...

9

Одного из них, так получилось, навещал теперь достаточно часто: всякий раз, когда приходилось бывать в Захарово.

На приём к нему не надо записываться. Как собрался, так в любое время и приходи.

И я распрощался с Гладилиным, который повёл по дому Ганнибалов очередную ещё не примолкнувшую экскурсию, повернул из усадьбы направо и по ажурному мостику, увешанному начавшими ржаветь замками молодожёнов, прошёл почти до ближних за речкой домов.

– Ну вот, Алексей Павлович! – негромко сказал. – Опять к вам. Собрался в наши края ехать. Как раз в родной ваш Лабинск. Уже и билеты с женой купили. Непременно там о вас расскажу. Я уже им звонил, родню вашу ищут, ну, да не всё так скоро: оказывается, на войне были несколько Лисицких...

Алексей Павлович молчал.

Всегда молчит.

И я подошёл поближе, нагнулся и положил на мраморную плитку взятую из дома небольшую веточку комнатного жасмина с несколькими крошечными белыми цветками: под рукой, слава богу, летом и зимой.

Опять поглядел на длинный столбец фамилий, среди которых значился и кубанский земляк-лабинец: Лисицкий Алексей Павлович, воентех. И стояла дата окончания земной жизни: 1941, декабрь.

Поклонился перекрестясь. И ещё раз потом поклонился. Уже у высокого памятного креста за оградой: на прощанье.

Но кто, вы думаете, рассказал мне об этом земляке?

Рассказала Наташа Семёнова, уже, конечно, Наталья Владимировна – дочь старого друга Паялы, да, того самого.

Вместе с ним и его Татьяной Владимировной, инженером, лауреатом Государственной премии, как не сказать, за умелое изобретение в танковой промышленности, гуляли в очередной пушкинский праздник по центральной аллее Захарова, и на встречу нам вышла идущая со станции семейная пара с небольшими дорожными рюкзаками за спиной.

– Ну, вот, на ловца и зверь бежит, как говорится, – в привычной своей манере начал балагурить Владимир Иванович. – Дочь Наташа и зять. Ты нам про то, что ты «майкопский зять» толковал, а он, выходит, захаровский. Тоже записной хохол, и за казака себя в отличие от тебя не выдаёт. Так и остался: Товсточуб. Василий Всеволодович. – И снова потом переключился на родное дитя. – Помнишь, рассказывал тебе, что у Наташки наград – как у Брежнева. Все больше, правда, памятные знаки. Но от очень солидных военных организаций.

И, правда, рассказывал, я припомнил:

– Поисковик, да!

– Поисковик-исследователь! – посчитала нужным добавить Наташа.

– Видишь: палец в рот не клади! – явно радовался отец. – Конечно, исследователь, если ещё в восьмом классе написала работу по истории «План «Барбаросса»!..

– В самом деле, Наташа?

Она улыбнулась:

– Ну, по молодости-то?

Потом они медленно пошли впереди: тещь с тёщей и «захаровский зять» Товсточуб уже с двумя рюкзаками. А мы с Наташей слегка приотстали: поговорить с ней, и в самом деле, собирался давным-давно.

О чём только ни взялся теперь её расспрашивать!.. Конечно же, отец нам это рассказывал, когда только покупали у него избу в Кобяково: что морозной зимой сорок первого перед знаменитым «ершовским сражением», ночевали в ней сильно пившие в ту ночь казаки, которые на следующий день остановили и сожгли немецкие танки... Как подумаешь теперь: какие там «фронтовые сто граммов»!

Пили они наверняка потом и утром, и как за то судить: подсказывала душа, что их ждёт. Сам я немецкую эту хронику не видел. Позвонил потом включивший вовремя телевизор Владимир Иванович: «Из этих кадров всё ясно: немцы ещё не вери-

ли, что такое вообще возможно. Высунулись из люков, продолжают фотографировать. А земляки твои нет чтобы хоть чуть бы издали гранату бросить... Из-за сугробов ни самого почти не видать, ни лошади. А он всё равно чуть не вплотную пробирается и чуть ли не прямо в люк связку опускает: ну, как тут можно живым остаться?!»

Я Наташу спросил о другом. Об этом упрямом слухе, о котором и сам потом писал со слов защищавших Москву сибиряков: правда ли, что однажды, когда не оказалось парашютов, летевшие над самыми снегами наши «кукурузники» высыпали десантников прямо в снег?

– Документов на этот счет не сохранилось, – сказала Наташа. Но среди поисковиков это тоже считается за истину: в снег прыгала только что прибывшая с Северного флота морская пехота. Та, которую немцы называли: «черная смерть».

Ну, чья, чья?!

Смерть...

Успевали они хоть выстрелить, хоть ударить прикладом или ножом?

Я спросил:

– А самое страшное ваше открытие, Наташа?

– Самое страшное не моё, – она ответила. – Это, считай, трагедия общая. Как, мол, бывало, что немцы опережали нас на войне, такое и с поисковиками случается. Рассказывают, как повезли в смоленские леса группу германских исследователей, приехавших забрать останки своих солдат. С ними были своего рода походные холодильники, в которые они останки укладывали. И вот когда гости занимались этим делом внизу, на земле, сопровождавшие их российские коллеги вдруг увидели: на вековых соснах висят на стропах иссохшие мумии наших парашютистов. Принявшие когда-то бой ещё в воздухе...

Так и должно было быть?

Что глубины русского духа с его причудливыми, как в творениях Гоголя, тайниками и закоулками, пришлось изучать молодой женщине, прямой родственнице Арины Родионовны. «Подруги дней суровых» другого гения, сумевшей ему внушить когда-то о подмосковном Захарово: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...»

Или так оно и должно было произойти?

С Наташей мы нет-нет да перезванивались, и вскоре она вручила мне многостраничный «казачий список» погибших под Москвой. Потом передала через отца: среди похороненных в братской могиле на краю Захарова есть Алексей Лисицкий. Призвался он из города Лабинска Краснодарского края.

До этого уже пришлось упомянуть о моём рассказе «День святого Георгия». Придется добавить, что несколько лет назад его не стал печатать в своём альманахе «Родная Кубань» главный редактор

Виктор Лихонос. Тогда я не понял почему, но теперь, сдаётся, начинаю догадываться.

Кроме остального прочего, как говорится, в рассказе шла речь о том, как на краю станицы Мостовской, недалеко от Лабинска, несколько лет дожидалась меня возле вкопанных в землю своих бензиновых цистерн заправщица Вера, дочь пастуха Георгия Бондаренко из станицы Зеленчук-Мостовской: светлая тебе, дорогой земляк, память!..

В документальном рассказе эта история могла и впрямь показаться и не очень-то правдивой, чтобы поверить ей безоговорочно, и в то же время не столь причудливой, чтобы в полной мере соответствовать какому-нибудь высокому направлению достигшей нынче небывалого расцвета фантастики.

Но что делать, если в моей жизни было достаточно много случаев, заставляющих верить: между ноосферой ли, космосом, называйте это как хотите, и нашей Кубанью существует некий информационный канал, из которого нет-нет да и приходят вдруг сокровенные вести, а чем и как это объяснить – тут приходится думать.

Вообще-то, может быть, литературного текста как свидетельства невидимой связи между человеком и его родной землей, и правда, недостаточно?.. И нам, нескольким, одной компанией тогда путешествовавшим, надо было записать на бумагу хоть что-то о сути того давнего происшествия, а главное – в ближайшем станичном совете, тогда они только начинали закрываться, поставить печать?

Зато теперь в этом смысле все правила, как говорится, соблюдены. Свидетелей того, о чём хочу дальше рассказать, более чем достаточно. И ещё: у меня даже есть возможность представить официальную медицинскую справку о состоянии собственного здоровья, исключавшую на ту пору белую горячку либо ещё какое воспалённое воображение.

Хотя, как сказать, как сказать...

Не поехала ли сразу же у меня тогда крыша? Разве нечему было, и действительно, мне в тот час удивиться?

Представьте себе: совсем тусклый в ноябре подмосковный денёк. Не пишется и мало о чём хорошем думается...

И тут звонит вдруг мобильник, и незнакомый мужской голос напористо выпытывает: вы – такой-то?.. Вы у себя в деревне, всё правильно?.. Номер дома двадцать восемь? Всё верно?

Всё так, отвечаю, всё верно, да.

Он почти командует: тогда выходите быстренько, наша машина стоит у ворот, мы спешим... Кто?! Куда и зачем спешит?

Вышел и возле чёрного джипа увидел средних лет человека... Ну, не мог же он быть тоже в чёрном или синем плаще, которые когда-то носили у нас недавно выбившиеся из старших прорабов, из «зе-

лёных плащей», начальники строительных управлений?.. И всё же он был как будто из моего сибирского прошлого... Я как-то писал о Володе Ромичеве: «...фигура будто вырезанная из жести»... «железный прораб»? Так их давным-давно уже нету. Перевелись!

Или, вернее сказать, перевели?

Под ногами у него лежали две пластиковые упаковки воды в малых бутылочках, третью ему подавал из джипа явно водитель, а на другой стороне перед тонированным стеклом причёсывалась хорошенькая, с модной сумочкой на плече, снегурочка вполне московского вида.

– Шахматов! – так же напористо представился, пожимая руку, приехавший. – Анатолий Иванович... Город Лабинск. Знаете такой?.. Но это всё потом... Помочь можете? А то пока она красоту наведёт...

Не исключаю: пару десятков лет назад и он бы приехал не с упаковками минеральной воды, а с ящиком водки... И я, как он только переступил бы порог, сразу поднёс бы ему налитый вскленый гранёный стакан кобьяковского первача.

Но то, что на старый мой, ещё сибирский аршин, он был «наш человек» – это, что называется, факт!

Оттого-то и разговор был от полуслова к полуслову, как бы само собой прекрасно понимался обоими, хотя мне – ну, ничегושеньки пока ясно не было.

Я уже держал в руке заполненную на моё имя путёвку в санаторий «Лаба» на Кубани, а он говорил примерно следующее: «Просили вам передать, я только выполняю просьбу. Поручил, можно сказать... Это всё на месте. Путёвка тут одна, но ждём, конечно, с женой, это само собой... пра-авильно!.. Бывший межколхозный, да. А я его, как в стране у нас народ верно это обозначил, в своё время «прихватизировал». Посмотрите заодно, что из этого вышло. Приезжайте в любое удобное для вас время. Встречу хоть в Краснодаре, хоть в Армавире. Приеду сам на этой колымаге или пришлю водителя...»

И «колымага», пока ещё с водителем Василием, через несколько минут унеслась, увозя «прихватизатора» Шахматова с его скромно помалкивавшей снегурочкой, младшей дочерью Светланой, повышающим квалификацию в столице невропатологом...

Можете, опять же, представить?

Ещё четверть часа назад мы с женой ни о чём подобном ни сном, ни духом не ведали. И вот сидели теперь, разглядывая то санаторную путёвку с надписью наверху от руки: «Гость». А то аккуратные пластмассовые бутылочки с минеральной водой: на голубоватом поле цветного ярлычка надпись белым: «Лабинская». Под нею подбоченившаяся красавица-казачка в алой блузке старинного покроя с коромыслом на плече, и будто выкатившийся из ведёрка у неё за спиной – ровный рядок золотых да серебряных медалей с выставок...

– Тебе не кажется, эта казачка очень похожа на Светлану? – со значением спросила жена.

Мне бы эти заботы!..

11

Долго ли, коротко ли...

Как в сказке, скажете. Но разве это, и в самом деле, не сказка?

По непростым нашим, случается, совсем беспроектным временам.

И купили мы наконец билеты до Армавира...

Жена отрезала от кустика комнатного жасмина веточку с белыми цветками, и я заехал в Захарово, положил на мраморную плиту на братской могиле погибших под Москвой в 41-м. Поближе к строчке: «Лисицкий А. П. воентех».

Сели мы в вагон поезда Москва – Кисловодск и тронулись в родные края.

Жена, видимо, так до конца и не верила, что я знаю ровно столько, сколько и ей рассказывал. В который раз начинала переспрашивать: оставил, мол, там главному врачу свой четырёхтомник, и – всё?

– Представь себе, ну, представь!

– И никакого разговора потом больше не было? Оставил, и..?

– Да, все дела!..

Она в который раз начинала демонстрировать свою независимость от общей семейной кассы:

– Всё-таки правильно сделала, что взяла с собой деньги. Столько, сколько с меня тогда в Анапе содрали... Сам как хочешь, а я так не могу. Заплачу за себя.

Что делать: как ни «оказывай» – хохлушка!.. Или это – привитый «благодетельницами» из социальной защиты комплекс? Попробуй-ка получить у них путёвку в один с мужем санаторий! Обойдётся себе дороже. И срывает своего рода социальная «самозащита»? В нашем-то «социальном государстве»!

А она опять:

– Можешь мне ещё раз – по порядку?

Могу. Хотя даже само слово «собес» не хочется лишней раз произносить...

Кто как, а я сразу начинаю ощущать себя там честным охотничьим псом, старым служакой, которому невольно приходится бить по полу хвостом и заглядывать в глаза этим, которые, тоже глазами, откровенно спрашивают: а почему это заявился без коробки конфет или банки кофе?.. Или коньяк у тебя там в сумке, ну, не тяни!..

В тот раз, правда, моя взяла.

– Очень медленно вы к нам шли, я же сказала, что путёвка – горящая! – отрезала эта, с вопросом насчёт коробки в глазах. – Забрали буквально перед вашим приходом. Правда, на Северном Кавказе остался тут у нас город Лабинск. Санаторий «Лаба»...

И то, и другое произнесла с ударением на первом слоге, и я тут же вскинул морду, нюхнул воздух и, может, даже зубами клацнул:

– Как-как, повторите?.. Наверно, это Лабинск?

– Ну, не знаю: Лабинск – Лабинск? Какая разница? «Лаба» – «Лаба»!

Но я уже залился радостным лаем:

– Да это же Лабинка, Лабинка, Лабинка!

– Ещё новенькое! – сказала эта, с вопросом насчёт коробки в глазах: неужели он у них уже навечно там поселился?

А я теперь колотил хвостом уже от искренней радости:

– Не новенькое, нет! Как раз это – старенькое.

Ещё бы! С тех пор, когда после войны футбольеры их в черных семейных трусах приезжали в Отрадную на бортовом ЗИС-5 со скамейками поперёк кузова, и наши навешивали им так, что не то что не донесёшь – не увезёшь!.. Тем более, на такой развалюхе: у наших был каким-то чудом задержавшийся в колхозе «Путь Ильича» американский «студер» – военный «студебеккер», который «ильичёвцы», как бы он ни был в хозяйстве нужен, всегда давали нашей команде... И как не дать, если в воротах стоял районный, под два метра ростом, судья – вот был вратарь!

Отраденская ребятня, вообще-то раньше считалось правильно «отраденская», без «нэ», так вот, ребятня, приносившая кем-нибудь стыренный на время из дому серп, заранее заготавливала такой же длинный, как наш вратарь, весь в колтунах с шипами будяк, привязывала к нему покрепче верёвочку с петелькой, и прицепить потом лабинцам за крюк ЗИСа этот чертополох было делом «чести, доблести и геройства»...

А потом Лабинка забрала у нас первого секретаря райкома партии Кривошеева... Чего тут думать? Или народный судья, или первый секретарь?

И наши стали сперва в футбол проигрывать, потом не только, нет: Лабинка скоро вообще заделалась городом, и вот – нате вам, пожалуйста: «писатель Гарык берет у этой Москве не куда-то путевку – у Лабинку!» Ну, не дожили?!

Недаром же, дорогие мои, перешёл я на эту с детства родную речь!.. Русскому языку меня потом хорошо учили не только в школе, позже был факультет журналистики МГУ с его особою дисциплиной: «стилистика». И сдавать экзамены после пришлось не только профессору Константину Иоакинфовичу Былинскому, но и признанным знатокам языка: именитым русским писателям. Так что дело тут в другой науке, которой, к сожалению, наша школа теперь не учит: науке национального родства. Науке родовой и генетической памяти, которую для нас пытаются заменить теплостойкой толерантностью... Да на что она нам? На что?!

Как я потом душою-то отдохнул и воспрял ухом-слухом в этом недавнем «межколхозном санатории», куда по-прежнему съезжался народ из самых разных кубанских уголков!

Но брал своё уже и новомодный московский гонорок...

В семье у младшего сына в ту пору родилась вторая дочь, позвонили они мне уже к вечеру, и за ужином я сказал соседу по столу:

– С меня причитается, внучка родилась: Меланья!

Но прежде живо откликнулась дама из-за соседнего столика:

– В Милане?

И я произнёс чуть ли не торжественно:

– В Клопово!.. Есть такая деревня под Звенигородом. Сын там живёт. Младший. Это называли внучку – Меланья!

Она удивилась:

– А почему?

И снова я торжествовал:

– По святам, миленькая! По святам.

Приехал я тогда в санаторий с портативной машинкой и выпросил у главного врача «хотя бы чуланчик»: крохотный одноместный номер на четвёртом этаже жилого корпуса. Когда пришёл перед отъездом сказать добрые слова, подарил свой четырёхтомник и всё потом мечтал в «город Лабинск» вернуться.

Но собес перестал давать туда путёвки московским пенсионерам. Сказали, из-за того, что москвичи пожаловались Лужкову: не так, мол, кормят.

А что они, кроме жалкой своей сухомятки из магазина, хоть когда-нибудь видели?!

12

Когда вошли с женой в кабинет главного врача санатория «Лаба» Лидии Михайловны Шахматовой, четырёхтомник мой тут же бросился мне в глаза... Свои всё-таки!

Среди других книг в шкафу стоял, показалось, на том же месте, куда она его тогда сразу определила: плохой знак!

Если ты пытаешься осчастливить кого-нибудь своей бессмертной прозой и потенциальный счастливцев не оставляет книжки в кабинете, то вариантов имеется два: либо сразу выкинул, либо унёс домой и там всё-таки потихонечку на сон грядущий листает... «Книги века»! Как я обозначил это в дарственной надписи для одной дружественной сибирской четы: стоит, мол, только открыть книгу – веки тут же начнут слипаться.

Но если четырёхтомник твой в кабинете остался, считай – всё! Так и будет стоять: «для мебели». Для разговора иной раз: мол, был тут, да. Автор... Наверное, и впрямь верит, что кто-нибудь эту его писанину осилит! Жена уже стыдливо выставила на

стол и обширную, как железнодорожная платформа, коробку конфет, явно залежавшуюся из-за непролетарской цены на знаменитом Бутырском рынке неподалёку от нашего дома в Москве... И очень давно оставленный у нас состоятельным гостем дорогой коньяк, который, несмотря на все наши предосторожности, не исключено – давно выдохся.

А я прямо-таки по-суворовски пошёл на приступ: прошу, мол, простить, Лидия Михайловна, за солдатскую прямоту! Но чем щедрому вашему приглашению обязаны?!

Она ведь, будем живы, прочтёт потом это, Лидия Михайловна! То, что сейчас пишу. И как мне ответ её возможно ближе к «первоисточнику» передать? Как не прибавить и не убавить?

Вот он, каким живёт теперь у меня в душе: «Когда вы мне подарили, я тут эти книжки так и оставила... Долго стояли! Когда вы у нас были? Считаю, лет семь-восемь назад?.. А потом к нам как-то заехал журналист из Краснодара. Увидел их и говорит: «А вы прочитали?..» «Да нет, – призналась, – все некогда». «А вы прочитайте», – он говорит. – Возьмите домой и прочитайте». И я взяла. И плакала потом, и смеялась... Вот этот рассказ, где старый дедушка, колхозник, первый раз в жизни приехал в санаторий и что с ним приключилось, это ведь у нас всё было. В нашей «Лабе». Девчата на ваннах до сих пор эту историю рассказывают, и теперь уже не поймёшь: или вы у них это взяли, или уже они – из вашей книжки. Только это не главное. Главное – Кубань. Ну, настолько всё своё... родная сторонка! Там у вас, конечно, больше Отрадная, а сколько от неё до нашего Кропоткина?.. У меня мама оттуда родом. Сама-то я родилась в Джамбуле, это Казахстан. Вы знаете, какая у меня девичья фамилия?.. Кулак! Ну, разве можно с такой фамилией да не раскулачить! Хоть и не за что было, ну, за что? За то, что с утра до глубокой ночи не разгибались?.. А вот – Кулак!.. В Джамбуле потом вся родня собиралась, все скитальцы. Кто-то из ссылки ещё дальше, а папа мой с фронта. И все вместе мечтали о Кубани, о тёплой родине, я это смалечку слышала: и что растёт, и какие сады, какие степи... А когда вернулись, – ну, всё как в этих книжках у вас: и Эльбрус на горизонте посреди синих гор, и красная луна, и акации, и как цветы пахнут вечером, и сверчки. Всё, что сама потом увидела, и что потом – на всю жизнь... А там ведь у вас не только Кубань. Там и Сибирь – ну, тоже как своя, ну, как будто сама в ней и жила, и работала. Понимаете: может, потому что душа в них?.. Или сами книжки о ней больше, о душе. Особенно, когда она не на месте... Не поверите, я все прочитала. И тогда забрала эти книжки сюда и снова поставила. Ну, всякое же на работе... Анатолий Иванович – администратор всё-таки, ему приходится иногда быть жёстким. И люди, если что, все – ко мне. Он гово-

рит: «Ты у меня как буфер!» А каково мне приходится?.. И схлопочешь, бывает, ни за что. Кого-то я не пойму, кто-то – меня. Сердце кольнёт, и я беру ваши книжки, любой том открываю. В любом месте... Лучше всякой таблетки, поверите!.. Я ему и говорю, Анатолию Ивановичу. При нашей жизни. Кого только ни приходится привечать. Бывает, не по собственной воле: надо!.. А человек в Москве тоскует по родине... Так это ясно у вас видать! Как наши тосковали на чужой стороне. Как мы, когда потом в институте учились... да хоть кто. Если человек любит родную землю и так о ней пишет. А давай-ка их, говорю ему, позовём!.. От нас не убудет. А в мире хоть чуть добра прибавится. У него и повесть такая есть: «Брат, найди брата»... Сама на путёвку с книжки имя-отчество списала, дала ему. А он: «Ладно, прибавлю от себя пару-тройку упаковок с моей водичкой!».. Гордится цехом!»

«Прихватизатор»!..

Я вдруг тут же, в кабинете у неё, ударился в аналогию: за давний рассказ «Хоккей в сибирском городе» меня в своё время поощрили поездкой на чемпионат мира в ФРГ – включили в группу судей и тренеров.

– Это такая неожиданная награда была, – говорю, – такой знак! На грудь его вроде и не повешишь...

И Лидия Михайловна приложила ладонь к белому халату:

– Это в сердечке. Это там.

– Об этом и говорю, – сказал я. – Как раз об этом!.. Ваше приглашение в наших родных местах отдохнуть да подлечиться для меня – такой знак!

– Вот и отдыхайте, – сказала она. – Вот и запасайтесь здоровьем. И на родной земле. И на родной водичке.

13

До греческого богатыря Антея, что набирался сил от матери-земли, всем нам, само собой, как до луны.

Но как же необходимо всякому, кто помнит тёплую родину, а обречён как рыба об лёд колотиться в дальнем краю... как необходимо это знание о себе: и тебя тоже помнят. И тоже любят.

Как все, казалось бы, просто!

Если бы так...

И там, почти месяц в Лабинске. И в нашей Отрадной, куда мы после санатория заехали на пару недель к старшему сыну Серёже. И снова в подмосковном Кобякове под Звенигородом, за своим рабочим столом... Размышляю уже который месяц: ну почему на Кубани нас приветил не кто иной – приветили практически незнакомые до этого Шахматовы?

И свет в глазах у Лидии Михайловны, когда ввали у неё в кабинете, или она сидела потом на «встрече с писателем» в своём санатории или в го-

родской библиотеке... И так хорошо знакомый мне по сибирской стройке стремительно-деловой проход Анатолия Ивановича по новому цеху, вот-вот готовому начать запечатывать в пластиковые бутылки целебную воду из скважины-«артезианки»... Все это исключало корыстные, само собой, и коварные, конечно же, замыслы «олигархов» лабинского разлива: не для того столько лет трудилась душа, чтобы и на этот раз, в родном краю, ошибиться.

Но зачем в таком случае я нужен был не страдающим, прямо скажем, от безделья работающим супругам?

Незнакомому до этого краснодарскому журналисту Сергею Поживилко, Сергею Виленовичу, позвонил тогда чуть не сразу же. Поблагодарить за доброе слово о своих книжках: «Они – все равно что выросшие дети, у каждого из которых своя дорога и своя судьба. Это незаконченные, не доведённые до ума, твои рукописи – как малые ребята, которые могут остаться без родителя. Как это случается в жизни, раньше их выводили в люди старшие, прежде изданные книги, но мир с тех пор сильно изменился и больше всего, не исключено, – именно книжный мир... Как подумает, бывает, о возможных своих горьких сиротах!..»

– Не очень понимаю, за что благодарите, – ответил по мобильнику уверенный голос. – Это я вас должен благодарить за хорошую прозу...

– За то как раз и благодарю... что смогли её раз-

105 глядеть.

В тоне у моего собеседника послышалась явная насмешка:

– Не допускаете наличия у нас на родине понимающих... квалифицированных, если хотите, читателей?

У-у «журналюга» – поговори с ним!

Приятно, разумеется. Но мало что проясняет.

Вопросы, которые я сам себе задавал, не разрешишь по мобильнику...

Многое для меня и нынче не решено.

Но всё чаще, когда Лабинск вспоминаю, в сознании вдруг проносится почти неразличимая, как тень от облачка по весенней, с лазориками, степи щемлящая мысль о русской тоске по любви... По всеобщему милосердию: после стольких-то лет никого, считай, не пощадивших наших несчастий.

14

Накануне нашей поездки в Лабинск я снова усиленно занимался Северным Кавказом и упорно продолжал это уже в санатории. Чуть ли не первым делом принёс из библиотеки «спального» корпуса в свой номер четырёхтомник Лермонтова и два тома Толстого, с «Хаджи-Муратом» и с «горскими» рассказами.

На первой же неделе поднялся вдруг посреди ночи и записал стих, наверняка навеянный недав-

ней поездкой уже в мирную Чечню. На берегу знаменитой, давшей название Лермонтовскому шедевру, речки Валерик кто-то из чеченских писателей тогда рассказал, что среди горцев продолжает жить давний слух: перед сражением чеченский лазутчик предупредил Поэта, что на нём непременно должен быть красный бешмет – тогда его узнает любой джигит.

Вдуматься, да?..

А вы, опять же, вдумайтесь, вы хорошенько вдумайтесь!

В санатории я тогда записал: «Из тьмы веков донесся крик: / джигитов кличет Валерик!.. / Увиделось издали: / краснеет светлая река. / Горячий в ней забил родник. / Разводит кровь. И кровь роднит! / Откуда этот слух возник? / Что договор, мол, был у них: / чтоб не снесли башку с плеча – / надеть бешмет из кумача. / Сражаясь из последних сил, / взял в плен бессмертье Михаил. / Но вот какие чудеса: / помог ему чечен Муса! / Так, нет ли – знает только Бог: / кто, как, кому тогда помог. / Но крик! / Но этот страшный крик!.. / О чём молчишь ты, Валерик?!»

Как бы вгорячах меня тогда осенило: а может, с помощью Шахматовых, как это скорее всего устраивается, Сам Господь определил меня в этот санаторий?.. Мол, не печалься!.. Что российскому чиновнику, как теперь повелось, ни до чего нет дела. В том числе и до бурлящего Северного Кавказа. Я-то вижу, как ты стараешься. Вот и поживи тут и поработай. И пусть жена твоя, трудолюбивая пчёлка, отдохнет от забот: легко ли ей тебя, давно ставшего придатком компьютера, обихаживать?

Как горазды мы теперь стали и думать вместо Господа Бога и за него решать!..

Но, может, что-то решает и Мать-Земля?

Недаром Кавказ называют «царь Земли» – она, конечно, тут удивительна!

Не станем о золотом руне, которое аргонавты искали в древней Колхиде да в побережной Абхазии: где только его потихоньку ни находят и нынче. В том числе и на Кубани. Думаете, здесь только отмывают деньги? Да нет. По-прежнему моют золото.

Но сегодня куда важнее стала нефть. Чёрная кровь земли, которой заправляют грохочущие машины, добывающие уже иную кровь: человеческую. В жестоком 1942-м перед отступлением в Чёрные горы русские инженеры так прочно забили майкопские нефтяные скважины, что вездесущие, везде сующие свой задранный нос англичане только теперь, уже в наши дни, начали снова к ним в Адыгее приноживаться... А тогда немцы не стали даже пытаться восстановить порушенное. Посчитали, дешевле обойдётся стремительный прорыв к грозненской нефти, чуть ли не самой «чистой» на планете: недаром же день и ночь качающие «жидкое

золото» трубопроводы по обоюдному согласию «однозначно», как любит выражаться известный деятель, не взрывали потом ни «федералы», ни «бандиты».

И разве минеральную воду искали в наших краях геологи? Искали нефть.

Но утыканная буровыми вышками от Армавира до Отрадной и дальше в горы земля щедро предлагала иное.

На буровых работали и наши, окончившие школу раньше меня отраденцы. Сколько я толкался около них ещё зелёным студентом: ну, что там, братцы, ну что?

Одни на твоих глазах заваривали горячей, чуть не кипящей водой из скважины грузинский, в лучшем случае тогда – краснодарский чай: «Пробуй!» Возле другой вышки тебя тащили чуть ли не за руку к озерку, которое успело натечь, пока скважину не заглушили: «Гляди!».

Зверобой вокруг новорождённого озера – ну, будто стремился догнать подсолнухи, а от бережка неохотно пятились вглубь тёмно-зелёные, с бурым налётом раки невиданной величины: «Представляешь?!»

Щедрая Мать-Земля словно предлагала выбор: зачем вам тут гром железа?.. Растите хлебушек и густое вино из ваших виноградников разбавляйте, как полагается, моей целебной водичкой.

Южным солнцем иссушенные, в давно растрескавшихся очках, деды-краеведы собрали для меня характеристики нашей воды, далеко превосходящей знаменитые «кавминводы». С вручёнными ими бумагами, как дурень с писаной торбой, я тогда носился чуть не по всей стране: почему бы не построить в наших местах курорт для горняков из Кузбасса? Понятное дело, что там Алтай рядом, да и своя земля Творцом не обижена. Но уникальные свойства кубанской водички стоят того, чтобы испить её да ею омыться, сюда ехали не только наши станичники.

И я надоел своим руководящим дружкам да старым знакомцам и в своей Кузне, в далёком Новокузнецке. И в северном Череповце. И в срединном Старом Осколе.

Что ещё меня в этих прожектах грело?

Надежда на то, что вместе со строительством курортов в наших краях изменится, Бог даст, социальный климат.

Ну, почему мои земляки должны гнуть спину на «отстегивающих» за это районной власти грузинских цеховиков или скрывающихся тут от правосудия столичных темнил?.. Выросший (характером, духом ли – как хотите) на ударной стройке, которая до сих пор остаётся для меня не только знаком Сибирской Вольницы, но и мерилем справедливости, я, пожалуй, куда острее других переживал наезд в

благодатные наши края слишком уж предприимчивых «деловаров» с юга и заинтересованных в них влиятельных потатчиков с севера.

В конце моего романа «Вороной с походным व्यюком» стоят числа: «сентябрь 1985 – январь 1986». Одна из героинь, раньше времени постаревшая казачка Семёновна, солдатская вдова, жалуется приехавшему в гости из Сибири «железному прорабу» Максиму Коробейникову: «Дак то-то ж и обидно, что сами себя и переведём. Рази армяны не понимают, иде жить лучше? Ещё как понимают! У нас вон теперь целые колхозы армянские да по десять детей. Рази люди, что с Севера едут, не понимают? По двадцать пять тысяч уже за развалюху дают! А для своих дом какой, воняет!.. Мотаются по белу свету: туды-сюды!.. Туды-сюды! То Камчатка, то раскамчатка. То рыба им, то нефть, то атом, то за-атом, а то ещё какой чёрт с рогами – а потом ребяташек нету. Да ты за станицу выйди пешком – там тебе и без этого всё есть, что человеку надо. Нет, – мотаются!.. Ко мне армяны с того края до хаты приценяться приходили: Маяк с Ашотом. От он, Маяк-то, и говорит: «А ты знаешь, Семёновна, када казаки плачуть? А када песню «Ой, Кубань, ты наша родина» армяны теперь играют!»

Болело уже тогда?

Тем более, кому как не моему поколению знать, что «мотались» кубанцы не от любви к цыганской жизни. Ребята, окончившие школу чуть раньше и поступившие в самые престижные тогда лётные училища, хвастали в станичном парке боевыми орденами за участие в Корейской войне. Те, что помоложе, вспоминали потом, кто и как из наших «корейцев» погиб потом во Вьетнаме. И тоже показывали боевые ордена... А ещё была целина. И были гигантские стройки: это, считай, на плечах моих станичников и поднималась наша послевоенная мощь.

И Русь уже тогда стала потихоньку с Кубани уходить.

Почему-то не сомневаюсь, что и этот грустный мотив услышала в моих текстах чуткая Лидия Михайловна. Вместе с благодатной землёй черкесов нам ведь досталась и их тоска. По родине, которую отбирают у тебя на глазах.

Нынче, когда «перестройка» поставила жирный крест на первоначальных народных ожиданиях и отшвырнула нас в «дикий капитализм», освященная «толерантностью» смычка столичных богачей с подставными беженцами из кровотокащих «горячих точек» сделалась очевидной. Задним числом начинаешь разгадывать шифр якобы всего только совпавших с медоточивыми речами предателя-генсека роковых событий.

После аварии в Чернобыле, предварившей распад Союза, неостановимо распадается уже Украи-

на, а в России всё продолжают тысячами вымирать «ликвидаторы»: не пришлось бы участвовать в какой-нибудь «ликвидации» в этот раз.

На Кавказе почти тогда же случился свой «Чернобыль»: кровавый Спитак. После разрушительного землетрясения волна страдальцев-армян сперва затопила пригревшие их черноморские санатории, а после начала растекаться по всей Кубани. Было куда: армянские общины здесь были сильны ещё со времен их всеильного покровителя графа Григория Христофоровича Засса, одного из самых жёстких генералов-«покорителей» Кавказа... Да что там! Откуда только не съезжаются на Кубань разными обстоятельствами якобы обиженные, в каких только кавказских пределах якобы не понятые коренными насельниками армяне!

Но вот сижу в Армавире в кресле у незнакомой парикмахерши средних лет. У неё хорошие руки, сразу мастерицу видать, и после моего комплимента на этот счёт наш разговор вдруг перетекает в иное русло: вообще-то она геофизик и биолог одновременно, специалист по паранормальным явлениям... «Вот откуда это обаяние! – начинаю благодушно пошучивать. – И неожиданно возникшее к ней расположение!»

«Да как жишь: каждого человека жалко!» – как моя прабабушка Таня когда-то давно говаривала.

Нет-нет да вспоминает былую профессию? Мастерница-парикмахерша. Тоскует?.. А может, казнит себя?

Потому что с длинным, как у детишек, вздохом взахлёб вдруг говорит:

– Вообще-то я делала успехи. Большие, можно сказать. Но дальше участвовать в «спитакском проекте» наотрез потом отказалась... Землетрясение помните?.. Там или страшная ошибка, или диверсия. Вся лаборатория улетела тем рейсом, что разбился. А я чуть не пешком оттуда ушла... Может, потому и жива. Вот, с ножницами... Доброе дело делаю: красоту навожу.

И вдруг заплакала.

Ну, зачем оно мне, это неожиданное знание, ну зачем?!

Чтобы тоже потом, как и она, мучиться догадками? Чтобы, как пазлы, складывать в общую картину невесёлое, мрачней год от году, знание о противоборствующей Творцу тёмной силе?

Казалось бы, то, что с пушкинских времён называем просвещением, должно способствовать смягчению существующих в мире противоречий. На деле выходит, что наше знание служит лишь безотказности спускового механизма заранее спланированных больших и малых трагедий.

Ну, что им «придорожная пыль»?.. На свой аршин перекраивающим мир, никого и ничего для этой цели не жалеющим глобалистам.

Тут сгодится и возведённый на живую нитку в сейсмоопасном месте Спитак. И сам по себе взрывоопасный Сумгаит. И давние распри из-за Карабаха. И война в Чечне... да всё, всё!

И столько людей превращены в бездомное перекати-поле, заставляющее грустно задуматься, а то и сразу же потесниться других...

Пару десятилетий назад, будучи обозревателем «думского» журнала «РФ сегодня», я, как на работу, ходил в Москве на Горбатый мост: поглядеть, во что выльется знаменитая шахтерская «сидячка». Среди участников забастовки уже появились знакомые, и у одного из них, азербайджанца, как-то спросил: мол, ты-то тут что забыл, Рамазан?.. Может, оттого, что плохо знаешь Москву, что-нибудь перепутал?.. Я сейчас домой еду, давай покажу тебе наш Бутырский рынок, а то ещё пропадут твои мандарины. Непонятно, правда, как ты их в Воркуте своей вырастил!..

В тон мне он почти бесшабашно ответил:

– Это жена. Она у нас на все руки. И трое девочек ей теперь помогают... Мы беженцы. Она у меня армянка.

И такая чуть ли не вселенская боль за всем за этим мне сразу открылась!

Но беженцу Рамазану можно, пожалуй, поставить памятник. Как самому «далеко заехавшему».

И ведь из-за чего?!

Из-за любви!

Подумать только: чтобы в далёком, чужом, холодном городе её не видели ни те, ни другие соплеменники.

А в Краснодаре мне потом показали в центре города дворец другого беженца-азербайджанца. Из-за него пришлось прекратить реставрационные работы в Эрмитаже: увёз мастеров из Питера обкладывать кубанское своё прибежище розовым туфом.

Что-то не так?..

Но мы до сих пор не говорим о целенаправленной этнической войне, жертвами которой прежде всего стали покидающие Северный Кавказ, так или иначе теснимые отовсюду русские, уносящие с собой чуть ли не единственное, веками нажитое своё достояние: объединительный национальный дух. Без которого невысказано общее домостроительство ни в Воркуте, ни в Краснодаре.

Русский всепрощающий дух.

15

Не достаточно ли печальных размышлений?

Но, пожалуйста, ещё немного терпения.

Летом 1988-го я приехал в Краснодар от всё ещё могущественной тогда газеты «Правда» написать очерк об Иване Кузмиче Полозкове. Это потом уже добрые люди рассказали: чуть не главной задачей пребывания его в наших краях была поставленная вовсе не добрососедским духом отмеченного

именитого «ставрополя» – «посбивать с них кубанские папахи».

Эх, кто только их на протяжении двух веков не сбивал!

Всё больше, разумеется, – с головами...

Но, может, и хорошо, что о стратегических планах Ивана Кузмича мне стало известно гораздо позже. А тогда, как это часто случается с людьми, обречёнными на вынужденную дружбу, мы с ним устроили настоящее соревнование на предупредительность и благорасположение. Я его, сдаётся, в этом смысле обыгрывал. Кроме прочего, потому, что уже готовился засесть за перевод «Сказания о Железном Волке» и перед этим уже успел как можно внимательней прочитать книжечку о черкесском этикете «Адыге хабзэ».

Как всё оно в нашей непростой жизни одно с другим переплетено. Как всё завязано-перевязано!

Говорю уже без полушутливого тона: благодарные поколениям горцев, составлявших нравственный кодекс для своих внуков и правнуков. Это он, в том числе через меня, казака, помог мистическим образом отстоять от пагубы не только райский уголок старой Черкесии, но и весь Северный Кавказ, весь юг России. Не усмехайтесь, будьте добры. Как знать!..

Страна тогда ещё не успела пережить полубезумный-полупредательский нахрап «поворотчиков» северных рек, едва остановленный подвижничеством патриотически настроенных учёных-экологов.

А на Кубани, в Предгорье, уже полным ходом шло строительство Краснодарской атомной электростанции. В тридцати километрах от Лабинска. Как раз за станицей Мостовской. Где, выглядывая из своей пропахшей бензиновым духом застелённой будки, дожидалась меня заправщица Вера: попросить книжку с рассказом о её отце. О щедром душой потомственном чабане Георгии Бондаренко.

Вышло так, что одной из причин моего решения поехать на родину от «Правды» была не очень толстая, собранная в Москве всем миром, что называется, папка с бумагами, которую я должен был вручить Полозкову. Передал мне её болеющий за судьбу наших мест земляк Алексей Жигайлов, старый, ещё с сибирских времён, товарищ, долго работавший потом фотокорреспондентом ТАСС на Кубани. Объединены в ней были не то что тревожные – грозные предупреждения почти тех же влиятельных учёных, которые только что отстояли сибирские реки.

Мостовской район находится в зоне «повышенной сейсмической активности», и в случае повреждения АЭС от землетрясения возможны были два варианта – один трагичней другого.

Подземным водам Северного Кавказа присущ «эффект сообщающихся сосудов», и заражённую радиацией воду куда бы только ни занесло. Это раз.

Второе: станция должна возникнуть в трёх-четырёх десятках километров от знаменитой в этих местах горы Ахметка. «Кухней погоды» она считалась издревле, но вот что о ней метеорологи «разложили по полочкам» уже в наши дни. У подножия её встречаются два мощных воздушных потока. Очень холодный через европейскую часть России несётся от Баренцева моря. А тёплый, почти горячий, из Средиземного врывается в горы через Чёрное. «Женятся» они на склонах Ахметки, и жаркая их «свадебка», постепенно остывая, сначала почти на километр поднимается вертикально, а после со скоростью курьерского поезда тремя маршрутами устремляется на восток. Нижний маршрут – через устье Волги, средний – в районе Самары, верхний – ещё выше. Все три «свадебных поезда» достаточно благополучно переваливают через Урал и дальше несутся уже по равнине к Тихому океану.

Не знаю, как вас, а меня тогда впечатлило: в случае аварии радиацию должно было разнести по всей «одной шестой»... и в самом деле, «должно»?.. И верно ли, что нашими «заклятыми друзьями» так оно замышлялось?

Ровно неделю я провёл тогда буквально рядом с Иваном Кузмичём. У него в кабинете. На предприятиях. В пеших походах по городу. В поездках по краю. Потом он сказал: теперь, мол, садитесь в машину уже один. С проверкой фактов из наших бесед поезжайте в любой конец края. Хватит десяти дней?.. Не будете успевать – позвоните. Транспорт в вашем распоряжении.

Что хорошо помнится, фамилия водителя была Рыков. И то: можно ли было тогда-то с такой фамилией сделать в крайкоме КПСС карьеру успешней?

Но, скажу вам, и в этой должности Рыков успел-таки очень сильно навредить нашей «руководящей» и «направляющей»: чего он мне только о постоянных своих пассажирах ни рассказал!

(Наверняка не найду теперь сходу, как говорится, в записных своих книжках имя-отчество доброго человека, ай-ай!.. Прошу у него, коли жив, за это прощения, с какой бы охотой, помня наши почти сокровенные беседы, обнял его!..)

В то время он тоже был всегда не прочь пошутить, пусть это свойство русского человека не оставляет нас даже в самые горькие дни!)

А Иван Кузмич уехал в Москву с той самой папкой, которую он при мне тогда изучил...

Это потом, когда перед выступлением Кубанского казачьего хора мы с ним однажды встретимся у подъезда концертного зала «Россия», и я, такой-сякой, нехороший, так и не написавший о нём, братски обниму его и спрошу: «Ну, так что же всё-таки ваш Михаил-то Сергеич, а?!». Это потом он брезгливо скажет: «Пре-да-тель!»

Но в тот раз, когда только вернулся из Москвы, сообщил почти благоговейным полушёпотом: «Михаил Сергеевич принял наши доводы. Атомную станцию строить у нас не будут. Но он попросил: широко – никому об этом ни слова. Чтобы цепной реакции вдруг не возникло: кубанцам помог зарубить проект, а кому-то – нет!»

Не берусь сказать, как там что оно было на самом деле. «Под ковром». Где происходят у них главные, невидимые простому народу схватки.

Всё остальное было именно так.

16

Но зачем я – об этом обо всём?

Ведёт рождённая на щедрой нашей кубанской земельке, целебной кавказской водичкой напитанная интуиция... А она подсказывает, что все наши проблемы вовсе не решены, а только загнаны внутрь. В освободившиеся от щедрых подземных даров немереные карстовые хранилища.

Два года назад на филологическом факультете МГУ прошла трёхдневная научная конференция «Россия и Северный Кавказ. Взаимовлияние культур». Очень жаль, что не участвовали в ней ни кубанские, ни адыгские учёные, и по старой традиции, чтобы заткнуть эту – ну прямо-таки зияющую – брешь, пришлось броситься двум добровольцам, двум московским прозаикам-казакам и прямо-таки срочно вызванному на братскую подмогу черкесскому поэту... Судьба?

Когда мы с Иваном Подсвириковым, чья родная станция Кардоникская находится от Отрадной в восьмидесяти километрах, провожали потом домой Увжучо Тхагапсова, по совместительству главного редактора национальной газеты «Черкесские новости», уже на вокзале вдруг выяснилось, что его родной аул Жако намного ближе от Кардоникской: всего-то в десяти километрах.

Можно спросить: почему не разговорились раньше?

Да некогда было! Работали.

Старались ни слова не пропустить... Как жаль, что кто-то невидимый до сих пор теперь не пропускает это всё вместе! Терпеливо ждёт-пождёт выхода интереснейшего сборника не только его составитель, доктор филологии из Института мировой литературы Казбек Султанов, ждут две сотни участвовавших в конференции северо-кавказских ученых.

Каждого на ней интересовало своё, а меня, кроме прочего, занимали эти часто полумифические связи, оставленные на Кавказе русскими классиками. Как токи подземных вод создают невидимым глазом внутреннюю систему Кавказа, так Пушкин, Лермонтов и Толстой поддерживают общий духовный купол над ним. И что любопытно: казалось бы, чисто внешние приметы зачастую довольно сомнительных или прямо-таки фантастических событий

прошлого на самом-то деле являются отражением глубоких реально существующих родственных наших отношений... а-ей!

Как и тут: не только этому восклицанию научился у кунаков-черкесов. Или чему-то такому же чисто внешнему у побратимов-осетин. Всё настолько интересней и настолько прочней!

Помнится, на одном из семинаров чеченка, тоже доктор филологии, очень обстоятельно доказывала, что Лев Николаевич Толстой потому-то и решил бежать в конце жизни именно туда, на Кавказ, что ещё в молодые годы принял там мусульманство...

Интересненько, как говорится: «Кавказский пленник» наоборот. Шиворот-навыворот?..

Или, как бы сказали теперь: виртуальный «Кавказский пленник».

Чеченка говорила, а я про себя улыбался: вспоминал, как в Адыгее поддался искушению найти следы толстовской библиотеки. Трёх возов с книгами, заранее, чуть ли не задолго перед побегом Льва Николаевича из Ясной Поляны, отправленных его последователями в станицу Дагестанскую... Даже и прямой адрес известен. А как же?

Обратился к младшему своему черкесскому другу Мурату Натоку, выпускающему многотиражку на Майкопском редукторном заводе: представляешь, какая сенсация может появиться в твоём вроде бы незаметном издании?!

И мы на его «Волге» покатили...

Был дождливый сумрачный день, и увиденная нами картина до сих пор стоит у меня перед глазами. Несколько человек в специальных шлемах, в серебристых, космического вида мокрых костюмах, с ранцами за спиной и распылителями в руках ходили в станице по дворам. Забрасывали в закрытый брезентом грузовик туши умерщвлённых свиней и даже след от этого грузовика обеззараживали жидкостью из ранцев... Широко известный свиной грипп!

Сразу скажу, что никаких иных следов, а тем более – следа от толстовской библиотеки мы с Муратом в Дагестанской под Майкопом не обнаружили.

Но вот нынче, когда уже в другом краю сажу за компьютером, сам Лев Николаевич, лично он, нахмутив брови, будто бы спрашивает придиричиво: да что же это за грипп такой на Кубани по дворам у казаков да армян?.. Понять пробовали? Что за удивительный птичий грипп у индюков да кур у этих разбойников, у черкесов? Кто его к ним занес?

Оно и впрямь. Казалось, где бы заразе не разгуляться, если не в мощных, собравших вместе тысячи голов, десятки тысяч птицы богатых хозяйствах?! Нет же!

Ну, будто точно, как запущенная из Израиля по Палестине ракета, непременно выбирает адрес боевика-террориста – так и тут! Либо мелкий, так и не развивший пока хозяйство фермер, либо просто обычный крестьянский двор.

– И что потом с этими обедневшими мужиками? – интересуется Толстой.

– Да что? – отвечаешь. – Их жены, у кого есть, едут на базар и покупают кто что, свинину либо курятину, в фирменном магазине у богатея.

– И от церкви таких богатеев не отлучают? – насмешливо Лев Николаевич интересуется. – И из мечети взашей не гонят?!

А может, мы с Муратом всё-таки нашли тогда единственный томик? Из оставшихся по домам сочинений – от трёх-то возов книг! – высокочтимого на Северном Кавказе русского графа Льва Николаевича Толстого?.. Может, Мурат уже и информацию напечатал в заводской газетке «Редуктор»?

17

Всё может быть на этой удивительной земле. На знаменитых кубанских чернозёмах!

Недаром же тут поговорка бытует. Оглоблю посреди двора бросишь, а утром не найдешь: травой заросла.

Шутникам она дала повод переделать её таким образом: «На Кубани воткни в землю оглоблю – Варавва вырастет!»

Казачий кубанский поэт.

Прости, Иван Фёдорович!.. Но если самого меня хоть вот так в родном краю когда-либо помянут – и тому рад буду.

Потому что стремительно забывается наше русское родство, стремительно. Память – как та оглобля, которую посреди двора бросили. И пока неизвестно, есть ли в этом факте какие-то закономерности либо нет.

Поговаривают, будто совсем недавно в пластах нашего чернозёма на севере Кубани нашли чудесным образом сохранившееся в глиняном кувшине, в греческом пифосе, слегка подгорелое зерно тысячелетней давности... Известный учёный Валерий Николаевич Ратушняк, доктор наук, заведующий кафедрой отечественной истории Кубанского университета, рассказывают, подтвердил: осталось ещё с того лета, когда... ну, помните?

«Как ныне собирается вещей Олег / отмстить неразумным хазарам. / Их села и нивы за буйный набег / обрек он мечам и пожарам...»

Так вот, будто бы доказал Валерий Николаевич: с той самой нивы зерно-то. С той самой!

В Кубанской сельскохозяйственной академии его сперва на всхожесть проверили, потом засеяли опытный участок... И что бы вы думали?

По всему немалому участку взошли газыри!

Какие?.. И что в них было?

Этого никто из посторонних не знает: результат эксперимента тут же засекретили. Все скрыли даже от помогавшего археологам да учёным-генетикам Валерия Николаевича. Он по этому поводу будто бы даже сетовал. Мол, гадай теперь как ря-

довой кугут: казачьи газыри?.. Черкесские? Или ещё вдруг чьи-то?

А главное: к добру?.. Или к худу?

Тожe станем гадать?

Или так и оставим это нашим учёным землякам?

И ответ потом найдём в их научных трудах.

18

Но вернёмся в Лабинск. К реальным событиям.

В очередной раз пришёл к Лидии Михайловне, чтобы та заглянула в мою санаторную книжечку. Но прежде она протянула мне иную, несколько больше форматом и толще объёмом. Сказала: «О Пушкине у вас пока не нашла, но на встрече в библиотеке вы сказали, что писали о нём. Может, вам пригодится?.. Только не насовсем. Прочитать. Берегу для внуки: интересуются. Вдруг потом будет тема на выпускных».

На обложке цвета морской волны значилось: «Пушкин на Кубани. Краснодар. 2002».

Повыше названия оттиск памятника Александру Сергеевичу перед краевой библиотекой его имени. И фамилия автора: Соловьёв.

Прочитал девяностостраничную книжечку не отрываясь. И чуть ли не половину текста из неё выписал.

Светлая Вам память, дорогой земляк Виктор Александрович! И благодарение за кропотливый, с ревностью сердца исполненный святой труд.

В биографии талантливого краеведа-исследователя сказано: казак. Из десятого класса ушёл на фронт. После войны окончил Краснодарское артиллерийское училище, долго служил. После сокращения армии отучился на историческом факультете педагогического института и написал книжку «Суворов на Кубани».

Это издание не только есть в моей домашней библиотеке. Оно словно поддерживало меня, когда помогал другому земляку, конструктору Калашникову с его мемуарами «От чужого порога до Спасских ворот».

И вот вдруг – удивительный поворот от военной истории к исследованию русского духа в иной области... Или так только кажется, что в иной?

С тщательностью профессионального разведчика-топографа Виктор Александрович Соловьёв очерчивает путь Поэта во время первой его поездки на Кавказ... Ну, стыдно мне, стыдно!

Увлёкшись давным-давно шутивным определением брочки Владимира Алексеевича Мусина-Пушкина – «Отрадная», я доверчиво и вдохновенно изобразил её путь таким, каким он стал нынче от Ростова до Прочного Окопа на поезде да в пассажирском автобусе... И насмешливо улыбнулся, когда потом, перебирая с Гладилиным детские рисунки в музее Захарова, увидел вдруг похожую на боевого слона дюжую лошадку, тащившую коляску

с откинутым верхом, возницу и сидящего позади него Александра Сергеевича.

Известное выражение пушкинского друга Николая Васильевича Гоголя, конечно же, – на все времена: «Над кем смеетесь?!»

Этот рисунок я тут же вспомнил ещё в Лабинске, а, вернувшись, первым делом нашёл его в своей библиотеке на мансарде: среди нескольких отобранных для «Вольного горца» в пору, когда его обещали издать единцовские большие начальники.

На обороте наклейка с данными начинающего художника: «Мишин Никита. 12 лет. Нижегородская область, г. Навашино. Преподаватель: Гузенина Ольга Владимировна. Техника выполнения: бумага, гуашь».

Но меня, конечно же, интересовала не «техника»...

Интересовало знание, которое в торопливости жизни сам я, уже поживший, с опытом литератор, сперва не заметил, а после не придал значения: мол, имею же право на вымысел?

Не тот это вымысел, когда пристойно «облиться слезами»! По Александру Сергеевичу. По Пушкину.

А вот от переданной преподавателем Ольгой Владимировной Гузениной ученику своему Мишину Никите исторической правды, и действительно, можно умилиться.

Из книжечки Соловьёва: «Весной 1820 года поэт был выслан из Петербурга за участие в кружке «Зелёная лампа»... с назначением в канцелярию наместника Бессарабии генерала Инзова. Добравшись до Екатеринослава (г. Днепропетровск), где в те дни размещалась канцелярия, Пушкин, искупавшись в Днепре, простыл и заболел. В то время через город проезжал прославленный герой Отечественной войны 1812 года генерал от кавалерии Николай Николаевич Раевский (1770–1829), которому медиками было предписано лечение на Кавказских Минеральных Водах.

Вместе с генералом ехали на Кавказ и его младшие дети: дочери Софья и Мария, а также младший сын Николай, уже имевший чин ротмистра лейб-гвардии Гусарского полка, давний приятель Пушкина ещё по Царскому Селу...

В одной из бедных хижин Екатеринослава Николай Раевский-младший и обнаружил больного Пушкина. По просьбе Николая штаб-лекарь Рудаковский, который сопровождал генерала на Кавказ, осмотрел больного поэта и прописал ему курс лечения, а Николай упрямил грозного родителя взять Пушкина с собою на Кавказ...

...Поезд Раевских состоял из открытой коляски с откидным верхом и двух четырёхместных карет. В одной карете ехали дочери с бонной мисс Мяттен и компаньонкой детей татаркой Зарой, которую все звали Анной Ивановной. Во второй карете ехал сам

генерал с доктором, а Николай с Пушкиным впереди, в упомянутой коляске.

Как представишь! Какие героические отблески Отечественной войны 1812 года освещали судьбу Поэта!..

Так что в бричке «Отрадной» Александр Сергеевич путешествовал в другой раз, и тогда они в объезд, поближе к Калмыкии, Екатеринодар миновали. Примерно так же, как предпочитали потом стороной объезжать его более поздние насельники Отрадной, откупаясь, уже в недавнее время, то вкуснейшей на Северном Кавказе «горской» картошкой, потом – тоже знаменитыми на весь Юг меховыми шапками, а теперь – мягкой мебелью. Известной благодаря участию московских воротил не только в России, но и в сопредельных странах. Растём!..

Очень жаль, что на следующем за коляской Раевского-младшего, взятом в изящную деревянную рамку, «пушкинском рисунке», тоже ожидавшем возможного издания, обозначены только имя и фамилия: «Гулизар Идрисова. СШ № 14». И – всё.

Но это, конечно же, дагестанский пейзаж: только тут, пожалуй, встречаются такие живописные ущелья. И – такие, выростившие Гулизар, учителя. Недаром же именно там, в Махачкале, стоит памятник Русской Учительнице... Или девочку наставляла уже преподавательница-горянка?.. Сама воспитанная Русской Учительницей.

Но почему таким непредугаданным образом закольцевалась лабинская история?.. Почему нас всё-таки позвали в свой санаторий Шахматовы?

И при чём тут – Три Богатыря?

19

Ещё одно отступление.

В 1960-м в нашей редакции «Металлургстрой» на стройке Запсиба под Новокузнецком появился новый литературный сотрудник: приехавший из Ростова выпускник университетского факультета журналистики Роберт Кесслер.

Сколько я уже написал об этом удивительном экземпляре непредсказуемой немецко-русской породы!

И правда: надоело!

Могу я поэтому, чтобы ещё раз не утруждать себя, позволить цитацию из собственной достаточно давней повести «Донской пролог»?

«У него было лёгонькое пальтишко, совершенно истрепавшееся ещё за годы студенчества. Роберт гордо величал его мантилем, и это «высокое звание», присвоенное ветхой своей одежонке, грело его, пожалуй, больше, нежели сам продувной пальтишон... Зимой на нём был стального цвета плюшевый капелюх, с постоянно опущенными ушами, и редакционные кирзовые сапоги на простой носок, а то и на босу ногу, когда единственная пара носков, неизвестно чего дожидаясь, лежала, влажная после

стирки, на холоднющей батарее в холостяцкой квартире Роберта... Зато летом!

В ту пору он был красивый, с правильными чертами и выразительным подбородком, голубоглазый блондин, и как шёл ему светло-серый пиджачок из букле, из-под которого «по красным дням календаря» выглядывал – о, чудо, чудо по тем временам! – тёмно-синий жилет со спинкой из атласа цвета пепла. Так как основной рабочей силой на стройке были добровольцы-дембелы – только что демобилизованные солдаты, а самой распространенной «формой одежды» – зелёный бушлат да гимнастерка, то после третьей, после четвёртой рюмки в любой компании Роберта непременно просили свой шикарный жилет «обнародовать»...

Совершенно «нездешний», прямо-таки киношно-заокеанский, можно сказать, образ дополняла ослепительно-белая – только в первый день после стирки, естественно, – батистовая рубаша с округлыми краями воротничка и с тёмно-серою бабочкой между ними, а единственное, что портило этот образ – выцветшие китайские штаны из хэбэ, когда-то, видимо, синие – очень, судя по всему, очень давно...

Можно перейти к пище?

С ней обстояло очень просто: точно также, зимою и летом, помню Кесслера с прижатой к груди надщипнутою буханкой черняшки. Одной рукой её придерживает, а второю отламывает ещё кусочек и, пожевав, блаженно зажмуривается: «От законный хлеб мне достался сегодня, шеф! Пища богов!»

И всё это не то что с довольным – с таким умиленным видом, что и ты невольно потянешься: «Ну, дай чуток!»

А с одеждою дальше вот что: хоть это было практически невозможно, Роберту выписали – целевым назначением! – премию, и поздней осенью он отправился на городскую толкучку покупать пальто. К этому времени его знаменитый мантиль уже полгода вместо половика пролежал в коридорчике, об него вытирали ноги. «Лучше, лучше вытирайте, чуваки! – требовал Роберт. – Так, чтобы я его никогда уже больше не надел!»

Надо ли говорить, как мы старались?

И вот он отправился на толкучку, а вечером в назначенный час мы должны были собраться у него: обмыть обнову.

Я пришёл первый – Роб полулежал на медвежьей шкуре посреди совершенно пустой комнаты.

– Ничего себе! – удивился я. – Где это ты ее оторвал?

Он тоже удивился:

– Как это где?.. Ты сам меня отправлял на толкучку!

– Н-ну и?

– И я её купил.

– А пальто?

– Такая законная шура, шеф! – мечтательно сказал Роберт. – Один чувак продавал. Была у него в мешке. Мы даже доставать не стали – я только сунул туда руку... Чувак отдал мне с мешком. И не обманул! Посмотри, какой я теперь богач!

– Но пальто, пальто?!

– Да ты знаешь, – сказал он так же мечтательно (мечтательность эта и выводила из себя Геннашу Емельянова, который до меня был редактором нашего «Металлургстроя»: Геннаша считал ее нарочитой), – я его хорошенько вытряс, свой мантиль... Побил о поручни на балконе, чтобы не то что грязь отскочила – отлетела пыль. Он стал как новый, ты погляди!»

Только теперь я понял, что груда тряпья, висевшая на приоткрытой в совмещённую ванную комнату двери, что эта рванина и есть знаменитый мантиль Роберта, и что мантиль этот теперь – как новый.

– Ты меня разыгрываешь, старик? – спросил я, и голос у Роберта слегка зазвенел:

– Шеф! Разве я тебя хоть единожды разыграл?

То была правда, и я сказал:

– Нет пока.

– Хочешь сигару? – примирительным тоном предложил Роб. – Какую, шеф, предпочтёшь? Или тебе сперва виски?

«Сигары» его были: армавирская «Прима» либо «Памир» – это тогда экстра-класс! – «Махорочные» из Ельца, прокопьевские «Шахтерские» – тоже довольно редкий случай – или новосибирские «Прибой» и «Байкал», в просторечии – «гвоздики». Названия «виски» вообще состояли из одних просторечий: «Стенолаз» – это почти что «Белая лошадь». «Косорыловка» – ну, чисто тебе «Долговязый Джон». «Пучеглазка» – «Королева Анна», примерно, и «Мозголом» – «Старый Учитель».

Пришлось принять стаканчик «Долговязого Джона», и рядом с Робертом я расположился на вытертой – на брюхе и в пахах догола – шкуре какого-то жалкого таёжного недоросля.

– Согласись, шеф, что её очень не хватало в моей берлоге? – мечтательно вздохнул Роберт. – Заметил, как с ней сразу всё волшебным образом преобразилось?

– Да, – согласился я. – Особенно – мантиль».

Ну, так вот.

Примерно за полгода до нашего отъезда в Лабинск Роберт – теперь уже Роберт Максевич, разумеется, – появился у нас в Кобяково и оставил мне прочитать свой роман «Гений и Муза».

О Пушкине. И об Анне Петровне Керн.

Роман, скажу сразу, вполне состоявшийся. Более того отмеченный не только поэтическим воображением, Кесслер и в Сибири писал стихи. Но и той самой чистотой помыслов, которая под его пе-

ром отличала всегда даже образ какого-нибудь завалящего слесаря-сантехника из жилищно-коммунальной конторы в нашем посёлке.

В Москве Роберт Максевич был проездом.

В турецкую Анталию, где купил себе крошечную квартиру, точно такую же – по цене, по цене! – продавши перед этим в Ростове.

Чего там мелочиться, верно?.. Прилетать к османам разок в году. Он тогда так в Сибири намёрзся, что до сих пор не отойдёт. Даже после рюмки другой натурального теперь, из Шотландии, «Старого Учителя»...

Пошучивать дальше?

Но я только нынче, за компьютером, когда пишу о Кесслере, понял, что литературная его удача оплачена слишком горькой ценой. Умерла Валюша, его жена, которая несколько раз прилетала за ним в его западносибирскую «берлогу».

Бросить Ростов она не могла, потому что ещё девчонкой, считай, услышала зов большой и важной науки: генетики. Она очень рано стала доктором и даже из Роберта потом, когда всё-таки перетащила его на юг, сделала кандидата наук: несмотря на большое его, как теперь догадываюсь, сопротивление... Но всё-таки он пошёл навстречу любимой женщине. Почему бы этого и не сделать?.. Ведь талантливый человек, считаем, талантлив во всем...

Так о чём это «Гений и Муза»?.. Незримо – ещё и о Валюше Гамалей?

О верной долгой любви.

Но вот какая штука. За это время умер учитель литературы из Мысков Геннадий Неунывахин, успевший написать ещё две книжечки о Пушкине: «И жизнь, и слёзы, и любовь», «И всюду страсти роковые, и от судьбы защиты нет». Оба заглавия – из Пушкина.

В Мысках теперь есть Духовный пушкинский центр имени Геннадия Неунывахина. Всего на полставки работает в нём вдова писателя Нина Петровна, ещё недавно тянувшая лямку директора центра. По-прежнему помогает ей старший сын Виктор. И теперь, когда надо, подставляет плечо сводный брат Геннадия – Владимир Максимович Неунывахин, долго работавший на Севере и дозревший там, несмотря на холода, до очень хорошего прозаика.

Но начиналось-то!

Вспоминаю надпись на подаренной мне в Мысках самим Геннадием Максимовичем книжечки: «Запсиб. 1961–1962 годы. «Металлургстрой» и многое другое. Есть что вспомнить!»

И что же мы, кроме многого остального, разумеется, вспоминали и вспоминаем?

И Геннадий Максимович, ставший потом учителем русской литературы. И я, грешный, подвизавшийся в ней – вроде как в самой современной. И вот, нате вам, теперь Роберт Кесслер, затосковав-

ший по южному теплу, а на самом-то деле – по своей удивительной, талантливой и доброй Валюше...

Вспоминаем Пушкина!

И не слишком ли много нас, «вспоминающих»? На одну такую крошечную, такую тоненькую, не то что нынешние многостраничные еженедельники, рабочую газетёнку с сибирской стройки?..

Учитывая при этом, что о каждом из нас уже успела написать одна из самых активных нынче в Москве критиков Руслана Ляшева. Бывшая электро-сварщица с нашего, не сломать бы язык, Запсиб-меткомбината. Тоже рядом с нами начинавшая тогда в «Металлургстрое». Как я написал о ней, представляя в «Бийском вестнике» её роман «Зеркало Пугачёва», – «наша младшая сибирская сестрёнка».

Потому-то и вырвалось у меня в начале главы: «Аман!.. Аман!»

Ну, кто лучше Амана Тулеева, кемеровского губернатора, поймёт суть того, о чём тут пытаюсь размышлять? Кто поможет нам поднять дух всем нашим западно-сибирским «старичкам»-ветеранам: живы мы ещё, живы!

Коли думаем не только о той самой, будь она неладна, колбасе, с помощью которой прозападные либералы свернули Россию-Матушку с её исторического пути...

Но вот – возвращается!..

На те рельсы, на которые так и не лёг пообещавший это сделать известный деятель.

20

Писал об этом уже не единожды: начавши на комсомольской стройке чуть ли не с «классовой ненависти» по отношению к окрестным «курулям», торговавшим на крошечном базарчике кругами мороженого молока да с добрый кулак величиною картохой, мы достаточно скоро обзавелись среди них друзьями и добрыми знакомцами... Высланными когда-то из тех же мест, откуда мы приехали теперь «по зову сердца».

Осознание того, что с Россией ещё недавно по историческим меркам произошло, уже не только висело в воздухе – постепенно в нас сокровенно

укоренялось. Потому-то «прорабы перестройки» и поспешили расковырять старые раны – через два-три десятка лет это было бы уже невозможно.

И снова нарушена артельная по духу самоорганизация русского мира. Того, что Василий Иванович Белов вынес в заглавие своей уникальной книги о нашем национальном самосознании: «Лад».

Но русский лад немыслим без согласования и сочетания его с сопредельным. Взаимовлияние не разлагало его – всегда скрепляло и только усиливало.

И лучше других это понимали, а если хотите, чувствовали «вперёдсмотрящие» России, наблюдавшие чужой, резко отличающийся от нашего мир, тоже готовый к взаимовлиянию и к духовному взаимообогащению. Без потери национального начала.

Мудрость-София, многоопытная мать Веры, Надежды и Любви, являла на Кавказе такое терпение, на которое нельзя было не откликнуться.

Всегда ли мы это понимали?

Но дарованным им свыше разумением сердца зрили наши «вперёдсмотрящие».

Там же, в Лабинске, в санатории «Лаба» я написал о вечных русских скрепах достаточно длинный стих, а потом выжал его до «сухого остатка», сократил до главных четырёх строк: «Считается на Кавказе не зря: / хранят здесь Россию три русских богатыря. / Спросите, кто они?.. Ответ простой: / Пушкин. Лермонтов. И – Толстой».

А потом, уже снова в Москве, опять задумался: только ли – на Кавказе?

А как бы мы без них в России вообще?

Без этого нашего «секрета» не только в горах – на местности. Но и во временном историческом пространстве.

Права ведь Наталья Анатольевна Смирнова-Полошевская, написавшая «Сказку о времени»...

Как же мы отстали от них, ушедших далеко-далеко вперёд и унесших с собой сокровищницу Русского Духа... Да и зачем она нам: в век всеобщего шопинга и почти поголовного потребительства? Только лишние хлопоты.

Неужели и впрямь – так?

г. Москва

Владимир КАГАНОВ

В ПОИСКАХ ЗЕМНОГО РАЗУМА

*На земле, на птице электрической,
Солнце мы задумали догнать и погасить.
Манит нас неведомый океан космический,
Мы из звёзд таинственных будем мысли лить.*

Андрей Платонов. К звёздным товарищам (1922)

Новый проект Мильнера – Хокинга* по поиску внеземных цивилизаций уже успел привлечь внимание многих учёных и общественности своим размахом и далеко идущими планами. Несомненно, этот амбициозный проект, предполагающий задействовать в поиске сигналов от внеземных цивилизаций самые современные радиотелескопы и мощную сеть компьютеров, заслуживает всяческого внимания и имеет шансы на успех. Однако у него есть другая сторона, на которую мало кто обратил внимание. Прежде чем вступать от имени земной цивилизации в гипотетические контакты с внеземными цивилизациями (а их существование более чем вероятно), необходимо выработать некую философскую концепцию земной цивилизации, её прошлого и настоящего, её целей и задач. Если цивилизация не обладает зрелым и развитым самосознанием, как она может представлять себя в контактах с другими цивилизациями? Достигла ли наша цивилизация такого самосознания, которое способно обеспечить ей осознанный выход к контактам с другими космическими цивилизациями? (Пусть даже только в режиме приёма сигналов от них.)

Понятно, что выработать такое самосознание – дело непростое. Даже тема «Самосознание европейской культуры» достаточно сложна, так как, строго говоря, никакого единого самосознания у европейской культуры нет, а есть лишь набор реф-

* Юрий Борисович Мильнер (род. в 1961 году) – известный российский предприниматель и меценат. В 2012 году учредил премию по фундаментальной физике, в 2013 году стал соучредителем премии за прорыв в области медицины и премии за прорыв в математике. В июле 2015 года заявил о своём намерении финансировать проект по поиску сигналов от внеземных цивилизаций, выделив на это 100 млн долларов.

Стивен Хокинг (род. в 1942 году) – выдающийся английский физик-теоретик. Известен как автор теории чёрных дыр во Вселенной и ряда других оригинальных идей в космологии и астрофизике.

лексивных позиций разных авторов, выражающих разные точки зрения на этот предмет [1]. Тем более не существует единой концепции земной цивилизации, весьма разнородной по своему составу и культурным традициям. В сущности, едва ли корректно говорить сегодня о какой-то единой цивилизации планеты Земля. Сегодня на Земле существует несколько разных цивилизаций и культур, которые отличаются друг от друга по уровню научного, технического, экономического и социального развития, не говоря уже о культурных и национальных различиях. Ни одна из них не может представлять собой цивилизацию планеты Земля в космических контактах. Уровень консенсуса в понимании многих важных вопросов сегодня достаточно низок, а разногласия велики. Важно, чтобы эти разногласия не вели к конфронтации, а могли разрешиться мирным путём. Сегодня, как никогда, важно осознать путь к единству и гармонии всех народов и культур планеты Земля.

Современное западное общество социологи нередко определяют как постиндустриальное или информационное общество, забывая при этом, что три четверти населения планеты не достигли ещё уровня индустриального общества, а сотни миллионов людей голодают и лишены необходимой медицинской помощи и образования. Возникает вопрос: куда направлен прогресс человечества? Следует ли для всей планеты видеть её будущее в образе современного западного мира? Не исчерпала ли свои возможности западная цивилизация, потребляя всё больше энергии и природных ресурсов? Ведь ясно, что их запасы ограничены, а рост потребления по экспоненте должен неизбежно перейти на более плавную траекторию. Возможно, что «фаустовский человек» подошёл к пределу своих возможностей технической переделки мира, а точнее, бездумного покорения его. Об этом говорит многое, в том числе нарастание экологического кризиса и истощение невозобновляемых природных ресурсов. Быть может, пришло время перейти к гуманистической постцивилизации и научиться жить в гармонии с природой, не разрушая её и ограничивая свои необузданные потребности. Возможно, гуманистическая постцивилизация откажется от экспансии и наращивания технической мощи и выберет путь внутреннего развития, самопознания и творчества. И, возможно, наши братья по разуму в космосе уже давно выбрали этот путь. Почему мы экстраполируем на внеземные цивилизации самый примитивный технократический путь развития, который уже исчерпал себя на нашей планете? Почему мы полагаем, что они непременно будут осваивать космическое пространство и другие планеты, расширяя пределы своего технического могущества и власти над миром? Возможно, они давно выбрали совершенно

другой путь развития, для нас пока неведомый, но направленный на внутреннее совершенствование, а не на внешнюю экспансию. Экстраполяция технократического мышления на высокоразвитые цивилизации может оказаться глубоко ошибочной. И с чего бы это им строить гигантские космические станции или отправлять автоматические зонды в глубины Вселенной? И с чего бы это им рассылать сигналы о своём существовании на весь Космос? Какой в этом смысл? Ответа они всё равно не дождутся, даже зная о том, что во Вселенной существуют многие тысячи других разумных цивилизаций. Слишком велики расстояния и временные интервалы, даже если речь идёт о нашей галактике. Любой обмен сигналами здесь заведомо лишён смысла, если нет обратной связи. Кто будет ждать ответа десять или сто тысяч лет? И это ещё в лучшем случае. (Разумеется, мы не рассматриваем варианты связи со сверхсветовой скоростью, так как в современной физике такая возможность исключена.)

Логичнее предположить, что высокоразвитая цивилизация займётся решением собственных проблем, о которых мы сейчас не можем даже помыслить. И это, скорее всего, будет постгуманоидная цивилизация – что-нибудь вроде Соляриса Лема или ноосферы Вернадского – Тейяра де Шардена. Хотя такую форму Разума уже трудно назвать цивилизацией. В нашем языке вообще нет адекватных понятий для описания форм Высшего Разума. И о чём он стал бы беседовать с нами, если нас разделяют сотни тысяч или миллионы лет развития? Все наши знания для него давно пройденный этап, они ему неинтересны. В лучшем случае мы для него – любопытный генетический материал вроде мушки-дрозофилы. Или поучительный пример неудачной цивилизации, избравшей тупиковый путь развития. Учить нас чему-либо бесполезно, пока мы сами не осознали гибельность избранного нами пути и не прекратили бессмысленного самоуничтожения. Законы Космоса – одни для всех, и тот, кто нарушает их, обречён на гибель. Возможно, в Космосе есть цивилизации-самоубийцы. И здесь человечеству предстоит сделать решающий выбор, от которого зависит его судьба.

Идея о социальной гармонии, как и во времена утопистов Т. Мора и Т. Кампанеллы, остаётся далёкой мечтой. Острые непримиримые противоречия между разными социальными, политическими и религиозными силами продолжают потрясать мир, порождая войны, революции, террор и волны насилия. Устойчивое развитие возможно лишь в жизнеспособном обществе, внутренне хорошо сбалансированном и живущем в гармонии с природой. В настоящее время человечество далеко от этого. Его эгоистический разум ещё не стал планетарным, человечество глубоко разобщено. Миллионы людей

до сих пор пребывают в джунглях религиозного сознания, отравлены эгоизмом и национализмом. Они внутренне не созрели для идеала человеческого единства. Они не осознают себя единой человеческой семьёй, живущей на уникальной планете и разделяющей общую судьбу. Неравномерность научно-технического и экономического развития разных стран породила значительные различия в уровне жизни в этих странах и в их социально-политическом устройстве. Процесс глобализации не только не смягчил эти различия, но, напротив, обострил их. Социальные и экономические различия углубляются религиозными и культурными различиями разных народов, особенно заметными между странами Запада и странами Востока. Все попытки разрешить эти противоречия военным путём только сильнее обостряют их. Воинственная политика США и западных стран встречает всё более активное сопротивление стран Востока и Латинской Америки. Важную роль в этой геополитической борьбе играют Россия и Китай, у которых есть свои глобальные интересы. Но они также не совпадают между собой.

Региональные и международные конфликты нарушают хрупкое равновесие в мире, ещё более обостряя существующие противоречия. Всё это происходит на фоне нарастающего глобального экологического кризиса, во многом обусловленного антропогенными и техногенными причинами [2]. Совокупное действие всех деструктивных, разрушительных сил создаёт реальную угрозу самому существованию человеческой цивилизации. Похоже, в начале XXI века мы подошли к критической точке в истории. И, значит, единственный разумный выход из кризиса, если он ещё возможен, состоит в том, чтобы объединиться и выработать коллективные решения и меры по спасению нашей цивилизации. Перед лицом гибели человечества люди должны встать выше чьих-то частных интересов и амбиций и принять Хартию Спасения Человечества. Только объединённые усилия всех стран, направляемые коллективным разумом, могут привести к успеху. И главный вопрос – достигли ли земляне необходимой степени зрелости разума, заслужили ли они право называться разумной цивилизацией Космоса? Вступив в новую эру осознания космической миссии земного разума, мы неизбежно должны решить для себя этот вопрос. И лишь после этого можно всерьёз решать, готовы ли мы к контактам с внеземным разумом.

г. Кемерово

1. Самосознание европейской культуры XX века. – М., 1991.

2. Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М., 1990.

Елена ТРУХАН

ЛИТЕРАТУРА И ЕДА

В Год литературы сотрудники музея Ф. М. Достоевского стали участниками V Международного форума «Историко-культурное наследие как ресурс социокультурного развития региона» – «Сибир Ил», который проходил под эгидой комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО в сентябре в Хакасии.

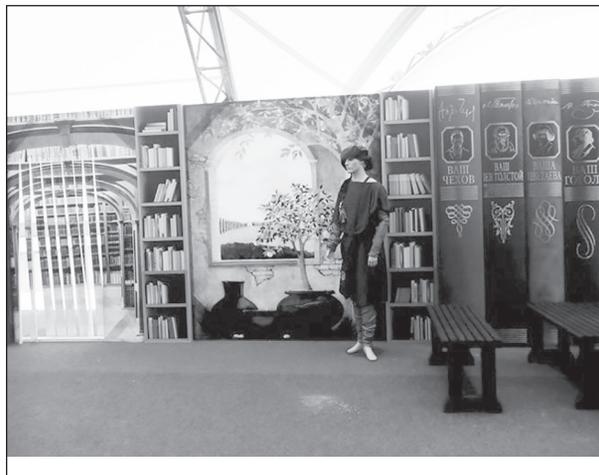
«Сибир Ил» в переводе означает «искусная страна», «страна мастеров». Это название в полной мере отвечает и миссии форума – сохранение архитектурного, природного и нематериального наследия российских регионов, которое является частью мировой культуры; представление творческого и трудового потенциала людей, живущих на благодатной земле – Хакасии.

Основные события этого грандиозного культурно-туристского праздника развернулись на территории спорт-отеля «Гладенькая», который расположен в предгорье Саян в долине реки Бабик.

Организаторами форума стало правительство республики в лице нескольких отраслевых министерств (культуры, образования и науки, сельского хозяйства и продовольствия), а также Государственный комитет по туризму и Хакасский национальный краеведческий музей имени Л. Р. Кызласова.

Из-за чрезвычайной ситуации, сложившейся в республике после пожаров в апреле 2015 года, традиционные сроки проведения «Сибир Ила» были перенесены, сокращена только до деловой части запланированная ранее программа. Но тем не менее форум, где удалось пообщаться специалистам музейного дела, развития детского и взрослого туризма, книжной и кулинарной культуры, сохранения историко-культурного наследия, был организован на высшем уровне.

Главной темой встречи в литературный год стала... еда! Точнее, культура питания, которую рассматривали здесь совсем не узко, совсем не утилитарно. И правда, тема этого достойна. Сколько прозаиков и поэтов обращались к ней – такой прозаически бытовой и в то же время неисчерпаемой, имеющей глубокие национальные и культурные

корни! Достаточно вспомнить классиков: Г. Державина и Ф. Рабле, Н. Гоголя и Э. Хемингуэя, А. Пушкина и Г. Флобера, Л. Толстого и М. Булгакова, Ф. Достоевского и А. Чехова...

«Еда, на самом деле, – это часть культуры, часть великой культуры. И мы должны понимать, что это не просто приём пищи. Он всегда связан с какими-то традициями, ритуалами, с какими-то особенностями», – поделилась своими размышлениями на тему министр культуры Хакасии кандидат культурологии Светлана Окольниковая, под руководством которой в рамках форума прошел координационный совет министров культуры Сибирского федерального округа.

Познать особенности культуры питания разных времён и народов гостям «Сибир Ила» удалось задолго до его официального открытия. Прелюдией к деловому общению стали дегустации: всех приезжающих сразу вели в шатёр, где были накрыты столы, где над съестными «экспонатами» колдовали настоящие знатоки кулинарного искусства, которых то и дело сравнивали и с музыкантами, и с художниками. Радушные хозяева предлагали самые экзотические блюда (чего стоит толкан с черёмухой!), от которых невозможно было отказаться.

Сохранение кулинарных традиций, развитие «музеев еды» и «вкусного» туризма, музейная гастрономика, организация питания на территории музеев – эти и другие вопросы оказались в поле зрения ведущих экспертов, среди них профессор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, директор научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации», заместитель заведующего кафедры ЮНЕСКО, член Совета по государственной культурной политике при председателе Совета Федерации Федерального собрания РФ О. Н. Астафьева; главный редактор журнала «Музей», ведущий аналитик Московского центра музейного развития, кандидат исторических наук, доцент Е. Б. Медведева; заведующий кафедрой русской словесности и межкультурной коммуникации Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина доктор филологических наук В. И. Аннушкин; полномочный министр – советник по вопросам прессы и культуры посольства Республики Корея в России Пак Хюн Бон; директор итальянского института культуры при посольстве Италии в Москве Ольга Страда и другие.

Стоит отметить, что в фокус то и дело попадали знаменитые персоны. Вот медийно известный по программ «Большая культура» и «Правила жизни» на телеканале «Культура» Алексей Бегак – художник, дизайнер, архитектор, ныне – модератор пленарного заседания. А вот на одном из стендов работает московская писательница Елена Ронина, детские годы которой, кстати, прошли в Абакане. Можно завести с ней личное знакомство и в память о приятной встрече прикупить новый роман с автографом...

Старт V, юбилейному, форуму «Сибир Ил» дало открытие центрального модуля Республиканского музейно-культурного центра и зала каменных изваяний. Знаменательно, что четыре года назад на форуме-2011 были вбиты первые колышки и установлена коновязь там, где сегодня вознеслись здания уни-

кального комплекса. О грандиозности самого проекта и амбициозности планов без стеснения заявил первый заместитель главы Республики Хакасия Олег Нам: «Прошу коллег не обижаться, но это будет лучший музей в Сибирском федеральном округе».

Коллеги и не обижались. Им просто было некогда: все активно включились в узловые мероприятия форума – ярмарку музейной гастрономии, презентацию экспозиционно-выставочного пространства «Музейные истории о литературе и еде», Международную конференцию «Музейная гастрономика как инновационная форма развития музея».

Не стал исключением и новокузнецкий музей Достоевского. Его сотрудники привезли в Хакасию проект «Кузнецкий дворик», вдохновлённый книгой «В том давнем Кузнецке...» Вениамина Федоровича Булгакова (1889–1975).

Как известно, ее автор – уроженец города Кузнецка Томской губернии, писатель, литературовед, педагог, сотрудник Московского государственного музея Л. Н. Толстого и Академии педагогических наук РСФСР – являлся ещё и летописцем «Истории дома Л. Н. Толстого в Москве», и составителем ценнейшего литературоведческого пособия – перечня лиц, посетивших автора «Войны и мира» с 1882 по 1901 год.

В 1991 году в Кемеровском книжном издательстве увидела свет книга В. Ф. Булгакова «В том давнем Кузнецке...». В неё вошли две повести («Далёкое детство» и «Годы отрочества»), созданные им задолго до публикации – ещё в 1966 году. До сих пор эти литературные произведения остаются богатейшим источником, раскрывающим различные аспекты истории, быта, морально-нравственных устоев и традиций провинциального Кузнецка конца XIX – начала XX в. Они многое проясняют и в части кулинарных предпочтений горожан.

По материалам книги Булгакова сотрудники музея Достоевского составили «Кузнецкое праздничное именное меню». Изучая его, журналист электронного издания «БЕЗ ФОРМАТА.RU» Елена Абумова, пришла в восторг: «Перечислять все блюда не буду (только горячих – семь!), хватит «сладких» названий: «пампушечки», «миндальные крючки», «маковые лепёшки», «калачики»...

Остаётся только поражаться кулинарным умениям наших прапрабабушек, которым удавалось по случаю праздника приготовить и подать к столу одновременно большое количество красивых, аппетитных и разнообразных блюд!

Кто лучше сможет рассказать об этом, как не кузнецкие хозяйшюшки, мастерицы на все руки? Чтобы погрузить посетителей «Сибир Ила» в ту провин-

циальную атмосферу, которую скрупулёзно описал в своих повестях Вениамин Булгаков, на форум из старого Кузнецка специально приехали две коренные жительницы. Кузнецкие кумушки встречали гостей с открытыми душой и сердцем, искренне делились новостями: поведали о буднях и праздниках, основных занятиях своих друзей и знакомых. Не забыли и о знаменитых земляках, о гостях города: Фёдоре Достоевском, венчавшемся в Кузнецке, Вениамине Булгакове и его брате Валентине – последнем секретаре Л. Н. Толстого.

Кое-чем из обширного «Кузнецкого праздничного меню» можно было и угоститься. Всех впечатлил фирменный кузнецкий пряник, долго не черствеющий, изготовленный без добавления соды по старинному рецепту при помощи особых печатных форм.

В павильоне, где расположился «Кузнецкий дворик», были представлены и другие экспозиции, объединённые общей гастрономической темой. Так, Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова представил «Пир богатырей» по мотивам сказания «Албынжи». Богатырям и еда под стать – конина шпигованная в тесте. Милости просим отведать!

Государственный театральный музей имени А. А. Бахрушина через электронную экспозицию передал «дух» и секреты «Бахрушинских четвергов». Из далёкой старины вдруг возникли гастрономические изыски театральных деятелей конца XIX века, пахло знаменитыми бахрушинскими театральными расстегаями, которые, как утверждают музейщики, изготавливаются по той же технологии.

Рыбинский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник приготовил традиционное русское праздничное угощение – печатные пряники. А Красноярский краевой краеведческий музей обратился к путешествию Антона Павловича Чехова по Сибири и угостил всех... гречневым ризотто! Скажете невозможно, ведь ризотто – это блюдо из риса? Возможно, если внимательней читать чеховские путевые заметки и с радостью откликнуться на безыскусную писательскую просьбу: «Хорошо бы сейчас каши поесть, простой, гречневой». Так что блюдо это не простое, это дань памяти Чехову, дерзнувшему на закате лет, несмотря на болезнь, отправиться в трудный путь к «острову каторжников» – Сахалину. Особой юмористической «приправой» в этой сваренной в честь Чехова каше стали фрагменты переписки литератора с друзьями и родными, в том числе касающиеся встречаемых на его пути людей, особенностей дороги и сибирской еды.

119

Гвоздём обширной кулинарной программы стал живой экспонат – шеф-повар московского ресторана «Итальянец» Джузеппе Тодиско, ранее возглавлявший кухни итальянских ресторанов в Риме, Палермо, Монте-Карло... Под пристальным вниманием телекамер он на глазах у изумлённой публики создавал традиционные итальянские блюда из сибирских продуктов. Творил настоящие шедевры, превращая рутинный процесс приготовления пищи в кулинарное шоу! По словам итальянского кулинарного виртуоза, весь мир общается через кухню, как через музыку. Любовь к тому и другому он легко продемонстрировал, не отходя от кухонного стола: исполнил знаменитую «Санта Лючия» и за короткий срок сумел приготовить и угостить многочисленных форумчан изысканным деликатесом – мясом косули под брусничным соусом...

120

Сегодня возрождение культуры кулинарных традиций, начинающееся с описания трапезы в художественной литературе, ставит вопрос о востребованности ещё одного вида туризма – музейно-гастрономического. Это неоднократно подчёркивали многие участники «Сибир Ила». Для музейщиков же из Новокузнецка эта встреча в Хакасии стала не только местом знакомства с кулинарными музейными историями, импульсом к новым социокультурным проектам, открытой дискуссионной площадкой, но и поводом задуматься над тем, не пора ли побаловать своих посетителей пастилой Достоевского или, скажем, блюдами, которые вкушали его литературные персонажи?

г. Новокузнецк

**Виктор
АРНАУТОВ**

ГОА – ЭТО ТОЖЕ ИНДИЯ!

(Путевые заметки
кемеровского туриста)

На пути в Индию...

Не знаю, пришлось бы мне побывать когда-либо в Индии, если бы не две предыдущие поездки в Юго-Восточную Азию – тропический Таиланд и китайский остров Хайнань. К тому же ещё и в самый пик январских морозов, располовинивая нашу длинную сибирскую зиму...

На сей раз выбрали на семейном совете загадочное Гоа. То ли это остров, то ли полуостров, то ли ещё что... В общем-то, лет пять назад о нём (ней?) даже и не слыхивали. А тут отовсюду, как из дырявого ведра вода: был на Гоа, ездили на Гоа, мои знакомые отдыхали на Гоа, ой, понравилось... Приехали с Гоа, в восторге... «Сейчас я живу на Гоа», – хвалится по телевизору актриса-оторва, кинодива Амалия Гольданская, она же Мордвинова, она же – эпатажно Амалия-энд-Амалия...

К какому роду относится это имя существительное – Гоа и как его употреблять – попытаюсь определить сразу. Если это штат Индии, то, естественно, он мужского рода. Если Гоа трактуется как некое место на земном шаре, то это – оно, в среднем роде. И если как священная земля, то – она, в женском. Вот и снова всё перепутал... Одним словом – Гоа, Индия.

Индия, Индия...

Мои ассоциации из далёкого детства. Прежде всего, это фильм «Бродяга» со знаменитыми на весь мир Раджем Капуром и Наркис. Бесшабашный индийский парень, распеваящий на своём индийском.

Фильм этот пересмотрели в пятидесятые годы, наверное, все жители нашей страны, да и не по одному разу, размазывая по своим щекам сентиментальные слёзы: сначала – сострадания, а затем и счастливого финального умиления...

Похоже, ещё со школьных времён сохранились какие-то обрывочные сведения об Индии и её первооткрывателях-европейцах: византиец

Марко Поло, португальский мореплаватель Васко да Гама, русский купец Афанасий Никитин...

И имена индийских вождей-руководителей страны: Махатма Ганди, Джавахарлал Неру, Индира Ганди, Раджив Ганди... Поразили, припоминаю, кадры кинохроники: визит Индиры Ганди в СССР, где она выходит из самолёта в национальном платье – сари и... босиком! Немного позднее – ещё один шок: публичная кремация тела Индиры Ганди на огромном открытом костре...

Индия... Пожалуй, для многих юных европейцев и россиян она открылась через замечательную книгу-сказку англичанина Редьярда Киплинга «Маугли». Из неё узнавали, что есть непроходимые леса-джунгли, несчитанное количество обитающих там обезьян, страшно ядовитые кобры, огромные слоны, заброшенные дворцы-храмы с несметными богатствами...

Индия, Индия... Опять же едва ли не со школьной скамьи сведения о том, что эта страна была долгое время колонией Англии. Отчеканился и книжный эпизод: доктор Ватсон, соратник и биограф Шерлока Холмса, отставной полковник медицинской службы, возвращается в Лондон именно из Индии. И это его пребывание там эхом всплывает в качестве многих эпизодов в разных рассказах о приключениях Шерлока Холмса, в том числе и в рассказе «Сокровища Агры».

Агра – древняя столица Индии. Тадж-Махал – крупнейший и красивейший памятник средневековой индийской архитектуры, мавзоль султана Шах-Джахана и его жены.

Где-то в подсознании и названия крупнейших индийских городов: Дели, Бомбей, Мадрас, Калькутта... А вот Панаджи, нынешняя столица штата Гоа, нигде не отложились. Тем более Даболим...

А ещё – индийские йоги и хатха-йога. Так, смутно-обрывочно, весьма и весьма поверхностно, но у всех на слуху.

И уже где-то в семидесятые годы – шуточная песенка Владимира Высоцкого, про то, что «хорошую религию придумали индусы: что мы, от дав концы, не умираем насовсем».

А в семидесятые – восьмидесятые годы у нас в стране стали появляться индийские миссионеры-кришнаиты, бродяжничая группками и распевая одну и ту же мантру, пританцовывая: «Хари Рама, Рама Кришна...»

С их появлением стали распространяться и толстые книги-фолианты, с красочными обложками и загадочными и труднопроизносимыми названиями, вроде «Бхагавадгита», «Махабхара-

та» и прочее. На слуху были и имена индийских богов и божеств: Кришна, Шива, Вишну...

А когда для советских людей в восьмидесятые годы прошлого столетия вдруг открылось, что и у нас, в СССР, есть секс, заговорили сначала стыдливо, втихушку, а затем и откровеннее об индийской Камасутре – искусстве сексуальной любви, гоняясь за самиздатовскими картинками сексуальных поз и их комментариями...

Какое представление об Индии да без знаменитого индийского чая? С тремя слонами на упаковочных пачках – такой искали в славные советские времена. Даже подарить этот чай было незачем...

Итак, решено: едем опять в январе, на сей раз в Индию, в Гоа. Даже не знаю, какой предлог тут употребить правильнее: на или в. Ведь ездили же мы в своё время в Молдавию, но на Украину. Короче, туда, где Гоа.

Остановились на трёхзвёздочном отеле под названием Ginger Tree с отправляющей турфирмой Coral Travel и принимающей Capet Travel. Время пребывания: с 19 по 30 января – это даты вылета туда и обратно. Ну что ж, вполне приемлемо.

Да, ещё и визы. Индия, оказывается, визовая страна, в отличие от Китая или Таиланда, там мы вообще не знали, что такое виза. Пришлось идти срочно фотографироваться, заполнять анкеты, сдавать всё это вместе с загранпаспортами в офис компании «Банк горящих туров» и ждать результатов...

20 января 2014 года. Кемерово – Гоа. Украденное время. Полёт

О том, что современные авиаторы, особенно чартерных рейсов, весьма далеки от пунктуальности и вежливости в отношении своих обязательств и клиентов, мы уже кое-что знали. Так, наш рейс из Толмачёво в позапрошлом году (на Бангкок) был задержан на два часа. Прошлогодний рейс на Хайнань, аэропорт «Феникс» города Санья, задержали на четыре часа.

В этот раз вылет из Кемерово в Гоа в авиабилетах был назначен на 21:30 по местному времени 19 января. Накануне днём справились сначала у отправляющей турфирмы. Сказали, что рейс переносится на 2:30. Потом сообщили, что об отправке рейса будет точно известно после восьми вечера. А после восьми – и турфирма, и справочная аэропорта ответили, что наш рейс задерживается с вылетом до 10:30 местного времени, уже 20 января.

Половина суток нашего оплаченного времени пребывания на обетованной индийской земле бесцеремонно похищено, а если быть точным, украдено авиацией. Кто это возместит или хотя бы извинится? А никто – ни авиакомпания UTair, которой мы доверились, ни турфирма Coral Travel, ни тем более фирма-распространитель «Банк горящих туров»...

Пострадали все двести тридцать пять человек, пассажиры этого рейса. Стало быть, все вместе мы подарили авиакомпании и турфирмам порядка ста двадцати человеко-дней оплаченного отдыха, включая и питание.

Паспортный и таможенный контроли прошли уже часам к 8:30. Случился небольшой казус и тут: у Людмилы из сумочки изъяли флакончик с лаком для ногтей. Ни-з-зя!, оказывается, а вдруг – террористка! А во флакончике – взрывчатая жидкость?!

Все три салона самолёта были заполнены до отказа. А это 235 мест. Наши места на сей раз оказались не совсем у иллюминатора, правда, и наблюдать из него землю было бесполезно. Практически на протяжении всего полёта мы находились выше сплошной облачности. И лишь в некоторых местах, в прогалинах, внизу виднелись горы, вершины которых укутаны вечными снегами.

Вечер 20 января 2014 года. Гоа. Военный аэропорт Даболим

Вопреки ожиданиям и расчётам, сам полёт занял без малого восемь часов. Вылетели из Кемерово в 10:20 и приземлились в аэропорту Даболима в 18:15. Из-за разницы времени удалось-таки сэкономить полтора часа – именно на столько наше кемеровское время отличается от времени Гоа.

Паспортный и таможенный контроль прошли довольно быстро, без проволочек и дополнительных досмотров. Повсюду военные, с оружием и в форме – камуфляже или цвета хаки. До сих пор сказываются натянутые политические отношения Индии с Пакистаном. Но и тут, видимо, вояки для пополнения своего бюджета впали в коммерцию, предоставляя свой военный аэропорт для чартерных туристических рейсов. А почему бы и нет?

У выходных дверей располагались несколько будочек, где можно свободно обменять доллары, евро и даже рубли на местные рупии. Кстати, наши рубли шли здесь на ура и за услуги: в туалете (за то, что тебе предложили туалетную бумагу и отвинтили краник с водой для мытья рук – сто рублей), за то, что подвезли чемодан к

автобусу или даже просто погрузили твой чемодан в автобус, тоже сто рублей. Услуги навязчивые, нагловатые, от которых и отказываться было неловко, и платить не за что.

Привокзальная площадь была вся заставлена автобусами, микроавтобусами, всевозможными легковыми автомобилями и мотоциклами. Закатное солнце касалось крон огромных широколиственных деревьев. Воздух был напоен предвечерним зноем с примесью специфических запахов тропиков. Едва улавливались и знакомые ароматы цветущей плумерии.

То тут, то там шныряли носильщики, с колясками и без, нахально помогая пассажирам избавляться от своих купюр, взятых в поездку. Группками человек по пять-шесть кучковались, сидя на бордюрах, индусы рядом со своими авто и байками, ожидая клиентов, которых отлавливали и подводили зазывалы. Все они – стройные, весьма симпатичные. Поражал цвет кожи. В кино мы обычно привыкли видеть смуглых индусов и индианок, похожих на наших кочующих цыган. Тут же были абсолютно чёрные аборигены, как негры экваториальных стран, иные – даже с синеватым отливом... Контрастировал цвет кожи ещё и с белыми рубашками, в которые часто были одеты таксующие даболимцы.

Привокзальная площадь и сам вокзал – довольно обшарпанные стены и потолки, затрапезные стойки и будочки таможенников, примитивное убранство залов, запущенные туалеты и старая мебелировка. Обратил на себя внимание и повсеместный мусор – бытовой и даже ремонтно-строительный. Особенно это стало бросаться в глаза сразу же за пределами привокзальной площади.

Заполнив микроавтобус (сели в него человек двенадцать плюс гид-куратор Марина), выехали из аэропорта городка Даболим, что расположен недалеко от столицы Гоа Панаджи. Солнце зашло, и стало стремительно темнеть. Дорога до нашего отеля, километров шестьдесят, заняла не менее часа и проходила всё время по загруженной узкой трассе с левосторонним движением и невероятно кривым и узеньким улочкам. Создавалось впечатление, что мы едем по одному сплошному городу или населённому пункту. Практически не было перерывов или переходов одного населённого пункта в другой. На протяжении всей дороги встречались хаотично движущиеся автомобили и байки, пешеходы и... коровы.

О коровах тут ходят легенды. Да и само слово «Гоа» с санскрита означает «корова».

Корова в Индии считается священным животным, прародительницей, существом, которое нельзя обижать, которое нельзя убивать и ни в коем случае не есть её мясо. Отсюда – восемьдесят процентов населения Индии (а это порядка девятисот миллионов человек) являются если и не полными вегетарианцами, то, по крайней мере, не употребляют в пищу мясо коров.

Коровы здесь повсюду, одичавшие-бесхозные, худосочные, рогатые и вальяжно-ленивые. Многие из них имеют большой горб, почти как у одногорбого верблюда (дромадера). Нередко можно повстречать мулов и лошаков с длинными хвостами и кисточкой на конце. Коровы в Индии – своеобразные санитары городских улиц и трущоб, поедающие всевозможные остатки пищи, вплоть до упаковочных бумажных материалов и даже полиэтиленовых пакетов...

Между тем мы въехали на довольно длинный и широкий мост, соединяющий не то берега широкой реки, не то залива-лимана. Как выяснилось позднее, это была River Zuari (река Зуари с протоками и манговыми пойменными зарослями). Далее пересекли ещё одно водное пространство, именуемое Mandovi River. По-русски это звучит не очень-то благозвучно – река Мандови. Примерно на середине реки громадится на якоре белоснежный лайнер, весь в огнях и рекламе. «Плавучее казино, – поясняет нам Марина. – Сюда по вечерам и ночам собираются иностранцы, подогретые местным ромом, просаживают свои доллары, фунты и евро. Здесь же можно посмотреть и ночные национальные индийские шоу – танцы с песнями и театрализованными представлениями».

Миновали столицу штата Гоа Панаджи и въехали в Северный Гоа. И далее, свернув с трассы, – по узким улочкам Кандолима – того самого, где находится наш отель. Наш микроавтобус из-за тесноты и узости переулков около отелей едва-едва умудряется разворачиваться, демонстрируя мастерство водителя. Дома и домишки этого района весьма убогие, в один-три этажа, встречаются, правда, и двух-трёхуровневые коттеджи, но тоже невероятно захлапленные. Контрастно выделяются высокие цветущие кустарники. Особенно много разноцветной соуганелии. Сиротливо стоят с оголёнными корявыми ветвями плумерии – увы, без привычных благоухающих цветов. И огромнейшие широколиственные деревья, с ветвящимися корнями-лианами – баньяны.

**Вечер – ночь, 20 января 2014 года.
Отель Ginger Tree**

Проводив нас до ресепшна (холла отеля), Марина исчезла в темноте двора. Индусы на ресепшне – ни в зуб ногой по-русски, так же, как и мы по-английски. Худо, очень худо за границей без знания языка. Мы, два взрослых человека, оказались вдруг в положении слепых новорождённых котят. Хорошо, хоть какой-то опыт приобрели от пребывания в Таиланде и Китае. Уставшие, мы кое-как смогли объяснить, кто мы такие, и заполнить документы на пребывание в отеле. Один из индусов, чёрный, как негр, выдал ключи от номера, проводил до дверей.

И сам отель, и номер нас изрядно шокировали. Как и увиденный нами Гоа. И уже неоднократно припомнили высказывания в Интернете одной туристки, побывавшей недавно здесь: «Сначала всё шокирует, потом привыкаешь...»

Итак, что собой представлял наш номер 214? Третий этаж. Комната-клетушка, квадратов на восемь-девять с двуспальной кроватью посередине. В углу стояло некое подобие журнального столика или тумбочки. Два низких мягких кресла-стула. Старенький небольшой холодильник. Убогий, обшарпанный маленький шкафчик для одежды – таких я не встречал нигде в наших гостиницах и даже в общежитиях. Или тут думают, что турист приезжает из зимней России в одних шортах и майке? Кондиционер, вентилятор и цветной телевизор. Двустворчатая дверь-окно выводила на балкончик. Сразу от входной двери влево – ещё одна дверь в туалет-душевую. Вот и все удобства. И всё старое, обшарпанное, скрипучее. Не было даже элементарного электрочайника.

На кровати оказалась всего одна широкая простыня, поверх неё лежало заправленное тёмно-красное шерстяное колючее одеяло, без пододеяльника и накидного покрывала, две узких продолговатых подушки. В душевой висели два махровых полотенца. На туалетном столике возле раковины не было ни мыла, ни шампуня, ни зубных щёток...

Я вышел на балкон, квадратный, метра полтора. С него виднелась затенённая улица и двор отеля, обрамлённый деревьями и кустарниками, с освещённым маленьким голубым бассейном посередине. По периметру бассейна уже устанавливались столики и кресла для вечернего ресторана. Правда, посетителей пока видно не было.

Часов с восьми вечера (уже местного времени) снизу стали доноситься ритмические глухотые шлепки тамтама. Иногда к ним подмешива-

лись клацания кастаньет и шепелявое шуршание маракасов. А то и вовсе – негромкое звучание акустического (духового!) клавишника. Потом эти разрозненные звуки стали выстраиваться в некую гармонию, прорисовываясь в напев. А к ним стал присоединяться и голос – заунывный, отрывистый, подстраивающийся под выводимую клавишником мелодию. И всё это вживую, без каких-либо злеткроусилителей и микрофонов.

С балкона я разглядел и четверых исполнителей – индусов в белых чалмах и в таких же белых одеяниях, сидящих на подстеленных матрасах, снятых с шезлонгов и лежаков для загара. Сидели они, как у нас говорят, по-турецки, сложив ноги калачом.

Каждый номер, казавшийся сначала монотонным и однообразным, в какой-то момент приобретал характер джазовой импровизации, когда принимались солировать то клавишник, то барабан, то даже кастаньеты или маракасы. К музыкантам подключилась и танцовщица. В национальном наряде – платье, переходящем в лёгкие шальвары, темнокожая индианка принималась на пяточке перед музыкантами исполнять свой танец. Танец – малопонятный для нас, русских, из-за специфики движений и жестов. Но выглядел он завораживающе. Особенно поразил один из её номеров, когда на голове танцовщицы оказались пять или даже шесть блестящих (под никелировку) сосудов, напоминающих наши чугунные горшки, вставленные один в другой. Самый нижний «горшок», стоящий на голове танцовщицы, по объёму был не менее полутораведёрного. Все следующие – один меньше другого. Общая высота такого горшечного головного убора достигала сантиметров восьмидесяти. И вот с таким сооружением на голове она исполняла танец, выделявая ногами и руками самые невероятные движения. При этом горшечный набор на голове танцовщицы даже не колебался...

Этот концерт длился с небольшими перерывами между затяжными номерами аж до одиннадцати часов вечера. Честно говоря, даже изрядно притомил.

Ночь на новом месте была тревожной и даже показалась длинной. Спалось плохо, с частыми просыпаниями. С рассветом за окном стали слышны звонкие посвисты птах, которые во множестве прятались и перепархивали в кроне большого дерева баньян, растущего сразу же за стенами отеля, метрах в двух с половиной от балкона нашего номера.

Дерево это просто огромных размеров, с ветвистой обширной кроной, широкими листьями, бордовыми ягодами размером и формой напоминающими черешню. Чем ещё примечательно это дерево, так это своими корнями-лианами. Его ствол у основания – в несколько обхватов, весь перевит и ветвится. Отовсюду, из пазух веток и толстенных сучьев, вниз ниспадают лианы, напоминающие длинные гладкие серые верёвки – диаметром от шнуров-шпагатов и до толстых портовых канатов. Лианы эти, по всей вероятности, выполняют роль дополнительных корней – для сбора влаги из ночного воздуха и во время сезона дождей.

В кроне дерева перепархивают с ветки на ветку разные птицы размером с кукушку или соuhu, с длинными и короткими хвостами – серые, в крапинку, чёрные, с жёлто-оранжевыми брюшками и грудками, издают пронзительные крики-посвисты. Юрко бегают, срывая плоды и приподняв вверх свои пушистые хвостики... бурундучки. Да-да, именно бурундучки, как наши, сибирские, только полоски на их спинках не такие яркие и контрастные. И сами они имеют более серую окраску. Они, как и наши, усаживаются на задние лапки и, держа передними, принимаются грызть сорванные ягоды и плоды с этого самого дерева.

Утро здесь свежее, прохладное, температура опускается к утру до плюс двадцати – восемнадцати градусов. И акустика – чудесная, словно в хорошем зале филармонии. И уже совершенно забываешь о том, что у нас, в Сибири, всю хозяйничает морозная зима.

Гоа. Немного истории и географии

Гоанатха – так первоначально называлась эта крохотная территория Индии на побережье Аравийского моря. И переводилось это как **Земля священных коров**. Земля поистине обетованная, с мягким тропическим климатом и с огромным количеством произрастающих в диком виде пряностей. С одной стороны она омывается морем. С другой, в шестидесяти километрах от моря, опоясана горным хребтом, высотой до полутора километров, под названием Западные Гаты (Гхаты).

Первоначально землю эту открыли арабы. Начиная с IV–V веков нашей эры они пересекали на своих судах море, получившее название Аравийского, и скупали у местного населения (индусов) различные пряности почти задаром или выменивали на свои товары. Пряности (специи) в то время очень ценились не только у арабов, но и в странах средневековой Европы,

куда всё те же купцы-арабы потом поставляли их за большие деньги. Из пряностей многовековой **аюрведической** народной медициной Индии изготавливались всевозможные мази и снадобья, с которыми делались массажи и втирания. Драгоценные местные камни манили сюда купцов и всяких авантюристов, как и знаменитые индийские ткани.

Арабы владели не только этой территорией Индии, но и проникали дальше, вглубь её, внося и навязывая аборигенам свою культуру и религию. Попадали они туда и по суше, через северные территории нынешнего Пакистана. В Индии и поныне довольно много верующих индусов-мусульман. Повсюду возведено большое количество всевозможных мусульманских мечетей и красивых храмов, насчитывающих не одно столетие своего существования.

В конце XV – начале XVI века среди европейских стран на первое место стала выдвигаться Португалия. Португальским купцам и мореплавателям стало надоедать господство арабов на рынках драгоценных камней, пряностей, шёлковых и шерстяных кашемировых тканей. Они уже сами, минуя арабов, возжелали торговать с Индией. И стали снаряжать экспедиции из торговых и военных португальских кораблей в загадочную и желанную Индию.

Гоа и до сих пор исторически неразрывно связан с именем португальского мореплавателя Васко да Гама. Это он в самом начале XVI века совершил две экспедиции в Индию, достигнув материкового побережья и войдя в устья-заливы широких рек – Зуари и Мандови.

В 1510 году одной из португальских военных экспедиций потребовалось всего две атаки, чтобы захватить у арабов побережья земли Гоанатха. И на целых четыреста пятьдесят лет эта земля (в португальской первоначальной транскрипции – Гойя, позднее превратившаяся в лаконичный Гоа) стала, с согласия индусских местных князьков-раджей, колонией Португалии. И только в 1961 году, освободившись от колониального протектората Португалии, земля Гоа вошла в качестве ещё одного (двадцать четвертого) штата Республики Индия.

Четыреста пятьдесят лет владения Гоа Португалией не могли не отразиться на культуре и быте местных жителей. На смену мусульманству португальские миссионеры принесли аборигенам католицизм. Напоминание о пребывании католической Португалии на Гоа и поныне повсеместно бросается в глаза туристам: католиче-

ские храмы, храмики и часовенки, католические каменные кресты на постаментах – в фортах, возле домов и коттеджей, а то и просто на пустырях, вдоль трасс и дорог.

В настоящее время Гоа – это практически курортная зона Индии со столицей Панаджи. Несмотря на мизерный размер, всего 110 километров пляжного побережья и общей площадью в 3,8 тысячи квадратных километров (напомню, что площадь Кузбасса порядка 100 тысяч квадратных километров, стало быть, Гоа в двадцать раз меньше Кемеровской области) и населением в полтора миллиона человек, административно этот штат подразделяется на Северный Гоа и Южный Гоа. В штате Гоа порядка 11 районов и около 20 городов и населённых пунктов городского типа. Поэтому-то при поездке по трассе вдоль этого штата и создаётся впечатление, что едешь по одному сплошному населённому пункту.

Борьбу за независимость Индии от колониальной Великобритании часто связывают с именем философа и политического лидера **Махатмы Ганди** (1869–1948). Имя Махатма (что означает «душа народа») Махатмаса Ганди «присвоил» первоначально как своеобразный титул индийский поэт, лауреат Нобелевской премии Рабиндранат Тагор ещё в 1916 году. С тех пор Махатма Ганди является истинным духовным лидером нации. Его философия ненасилия в дальнейшем оказала значительное влияние на появление и формирование ещё одной силы и движения за мир – стран неприсоединившихся государств. Махатма Ганди был убит одним из государственных заговорщиков во время вечерней молитвы 30 января 1948 года. Ему было семьдесят восемь лет. Портрет Махатмы Ганди в настоящее время имеется на всех купюрах национальной валюты Индии.

Махатма Ганди был очень близок и дружен ещё с одним лидером индийского национального движения – Джавахарлалом Неру, ставшим 15 августа 1947 года первым премьер-министром в молодой независимой Индии. Этот пост он занимал семнадцать лет, вплоть до 1964 года.

Индия – президентская республика, пост президента (Раштрапати) был учреждён в 1950 году. Первым Раштрапати Индии (он же занимает и пост Верховного главнокомандующего вооружёнными силами страны) стал Раджендр Прасад. Избирается Раштрапати сроком на пять лет. Случалось, переизбирали и на второй срок.

К настоящему времени в Индии избран уже 13-й президент (с 25 июля 2012 года) – Пранаб Кумар Мукерджи. Зарплата президента Индии составляет сто пятьдесят тысяч рупий в месяц, что примерно равняется семидесяти пяти тысячам наших рублей. Так-то вот... А у нас?!

21 января. День второй, ознакомительный.

Первые впечатления.

Встреча с гидом-куратором

В девять утра пошли на завтрак в приятельный ресторанчик. Позавтракали сносно. Здесь шведский стол. Хотя ассортимент блюд весьма скромный. Что-то из горячего: не то подобие лобио, не то тушёной картошки. Непременно – омлет, рис, что-то молочное, похожее на простоквашу, плоские лепёшки (тандырные) с начинкой из чеснока и сыра, поджаренные тосты, нарезка из арбуза, папайи и ананаса, джем, масло, чай, кофе... В принципе, достаточно вкусно и даже сытно.

Случайно за столом, вынесенным во дворик около бассейна, познакомились с парочкой нашего возраста. Они из Соснового Бора, что под Питером, Александр и Раиса. Оба ещё работают, сюда приезжают уже второй раз. И селятся именно в этом отеле. Люди, судя по всему, обеспеченные. Приезжают в основном из-за аюрведического массажа. Людмила посетовала на то, что никак не может дозвониться до дома. Рая тут же предложила ей свой телефон, и жена наконец-то смогла сообщить дочери Ярославе, что у нас всё в порядке и мы на месте. Пораспрашивали: что тут и как? Как удобнее и лучше добраться до пляжа?

После завтрака немного прогулялись по окрестностям в ознакомительных целях. Повсюду – нищета, неухоженность, замусоренность и даже какое-то запустение. Земля тут глинисто-песчаная, рыжая, даже ближе к цвету сурика. Улочка от нашего отеля – узкая, извилистая, без тротуара. Повсюду, хаотично и безо всяких правил движения шныряют байкеры – на мотоциклах и мотороллерах вперемешку с легковыми автомобилями преимущественно марок «Тойота» и «Судзуки». Частенько раздаются пугающие пронзительные мотоциклетные и автомобильные сигнальные гудки. Идешь по улочке с постоянной опаской и оглядками. Встречаются частенько и трёхколёсные крытые такси-мотоколяски, непременно ярко-жёлтого цвета, рассчитанные на двух пассажиров. Стоят такие услуги весьма недорого, раза в три дешевле наших, хотя цены на бензин здесь вполне соразмерны с

российскими: за литр платят около доллара, или в районе 60 рупий.

Напротив балкона нашего номера, сразу через дорогу, – довольно большой пустырь, гектара на четыре, поросший жёсткой высокой травой и кустарниками, обрамлённый пальмовыми и лиственными деревьями. По нему лениво бродят коровы. Пустырь, как и всё прочее, сильно замусорен и захламлён. Вдоль него по центру проходит сточно-ливневая канава, которая сейчас совершенно сухая.

В 10:30, как и было рекомендовано, на ресепшне мы встретились со своим куратором-гидом Алексеем, который рассказал об экскурсиях. Мы тут же сделали два заказа: один – на экскурсию, обозначенную, как «Весь Гоа за один день» (по шестьдесят пять долларов на человека), другой – на посещение ресторана морепродуктов Fisch-market (за восемьдесят долларов на двоих).

А я попросил через Алексея, чтобы к нам в номер занесли ещё и письменно-журнальный столик, на чём я смог бы делать свои дневниковые записи. Да, а ещё чтобы выдали нам вторую простынь, поскольку предыдущую ночь пришлось укрываться махровыми полотенцами.

И то и другое вскоре доставили в номер. А в душевую положили два кусочка пахучего мыла, парочку пакетишков шампуня и рулон туалетной бумаги. Ну, хоть немного «объевропеились»...

Аравийское море. Пляж Кандолим

После встречи с Алексеем пошли на море. От отеля до моря дорога, не торопясь, занимает минут пятнадцать – двадцать. Море. Аравийское. Это уже седьмое море, на котором мне доводилось бывать. Море тёплое в любое время года. Солёное. Довольно чистое. Не в пример замусоренному пресноватому Сиамскому заливу. И пляжное побережье тоже достаточно ухоженное. Ну хоть тут-то почище!

Море в зоне видимости простирается на юг – от юго-восточного мыса и до мыса на западе. Мыс восточный – это старинный португальский форт Агуада, за ним скрывается залив Панаджи и устье реки Мандови. С запада виднеется мыс залива Шапора. И между ними – пляжи, пляжи, пляжи, переходящие один в другой... Наш пляж, как и район нашего отеля, именуется Кандолим. За ним, в сторону мыса форта Агуада, распростиёрся до самого форта пляж Синкерим. В другую сторону от нас потянулись пляжи Калангут, Бага, Анжуна и Шапора.

На море небольшая волна рулонно заворачивается гребнями и вспенивается у самого берега. С каждым новым накатом прибрежный песок разглаживается и увлажняется пологой полосой метров до десяти-пятнадцати. С откатом волны в него тут же зарываются выброшенные на мель махонькие, до сантиметра, двустворчатые раковинки. Поначалу я их принял даже за разноцветные камушки.

Здесь, на этом море, в отличие от Южно-Китайского, видно достаточно большое количество пернатой живности. По берегу церемонно вышагивают вороны. Встречаются совершенно белые небольшие цапли, чаще отсиживающиеся на ветвях деревьев. Стайками и по одиночке летают чайки, кучкуясь на море в местах скопления косячков рыбы. Высоко в небе парят орлы, высматривая добычу и бесшумно пикируя за ней. А ещё здесь можно увидеть недалеко от берега крупных дельфинов, резвящихся у поверхности воды и подпускающих к себе смелых пловцов.

Метрах в трёхстах от берега и далее покачиваются на волнах небольшие лодки и катера. То тут, то там виднеются рыбацкие кухтыли-буи, к которым крепятся ставные мелкочейстые сети и краболовки. Почти на горизонте будто застыли в неподвижности громадины (штук пять или шесть) грузовых и пассажирских лайнеров, держащих путь в порт форта Васко да Гама, что находится на самом мысу залива Мормугао, в который впадает река Зуари. Невдалеке от порта расположен и аэропорт «Даболим», куда мы вчера прилетели из Кемерова.

Вода в море ласковая, прозрачная вдали и взбаламученная, пенная, перемешанная с песком у накатной береговой линии. Отплыв от берега метров на пятьдесят, переворачиваешься, ложишься на спину, раскинув ноги и руки, и тебя выталкивает на поверхность, держит, убаюкивает на волнах. А сверху припекает солнышко. Ты – будто в младенческой колыбели, весь в беззаботной неге...

Пляж – это прибрежная часть моря, полоса – метров до ста шириной. Первая – прибойная, метров пятнадцать – двадцать, пологая, бежево-мокрая и гладкая. Выше, за ней, примерно столько же – приливная зона, затапливающаяся всякий раз во время приливов. Песок здесь высыхает, вместе с ним высыхает и соль. Ступая на него босыми ногами, чувствуешь, как он похрустывает и даже поскрипывает, будто снежок сибирский. Третья полоса – участок берега, куда волны доходят, видимо, только во времена силь-

ных штормов. Песок здесь истоптан многими тысячами ног отдыхающих туристов. Тут ряда в три располагаются лежаки с зонтиками от солнца. А дальше почти до самых зарослей кустарников и деревьев находится полоса пляжных кафе и ресторанчиков, крытых потемневшими от времени, солнца и ливней пальмовыми ветками. Все эти кафе и ресторанчики идут почти сплошняком, вдоль всего пляжного побережья, как бутики на торговых улочках, с промежутками метров в тридцать-пятьдесят.

Вторая и третья полосы пляжного песка так нагреваются в солнечный день, что голая ступня никак не может стерпеть раскалённую массу.

Супермаркет «Лаванда». Обмен валюты. Первые покупки. Знакомство с окрестностями

Пробыв на море часа два с половиной и получив первую порцию ультрафиолета, пошли обратно. По пути заглянули в супермаркет «Lavanda». Он не так уж и велик и напоминает магазины вроде «Чибиса». На кассе разменяли «наши» первые сто долларов, получив за них шесть тысяч пятьдесят рупий. И сделали первые покупки на индийской земле.

На полках этого магазина было многое из того, что встречается и у нас: консервы, бакалея, соусы и кетчупы, упаковки с сублимированными макаронными и крупяными изделиями; целые ряды с напитками и водой, молочных продуктов, спиртных напитков, сигарет, сладостей, а также бытовых и хозяйственных товаров.

В нашей корзине оказались: махровое полотенце (для пляжа), салфетки, напитки (кола, спрайт, фанта, простая питьевая вода), упаковка свежего хлеба, печенье, сырокопчёная колбаса, свежие помидоры, арбуз, зубные щётки, паста, два бритвенных станка, мыло, шампунь, что-то ещё нужное и необходимое... Ко всему я присовокупил и пол-литровую бутылочку местного рома «Старый монах» (сорок два градуса крепости), всего-то по сто рупий (или порядка пятидесяти наших рублей)!

После обеда решил прогуляться. И занесло меня в совершенно иную сторону по улочке от нашего отеля, куда-то вверх, к сопкам. В кварталы бедноты. Прошёлся по двум кривым улочкам. И снова – шок от увиденного. Убогие домишки, прилепившиеся один к другому, часто крытые просто пальмовыми листьями, на опорных четырёх столбах, вместо стен – полиэтиленовые плёнки и какие-то рваные тряпки... И как же тут можно жить, в таких условиях во времена лив-

ней и сезона дождей? Вокруг мусор, грязь, множество ребятни-попрошаек.

– Хэллоу! Как дела? – улыбаются, приветствуя, протягивая грязные и худые ручонки... Раздал несколько рупий, десятками... Увы, всех всё равно не оделить даже мизерными подачками...

Нередко встречаются и молодые мамы с грудничками на руках. Наблюдал, как одна индианка пыталась нарубить дрова из притащенных веток и сучьев подобием топора на длинной ручке. Видимо, в её хижине нет даже электричества, и пища готовится на огне... Повсюду полно бродячих кошек и меланхолических облезлых собак. Встречаются и не менее меланхолические бесхозные коровы, с горбами и без... Может быть, беднота хотя бы доит их, получая молоко для младенцев и ребятишек школьного возраста?

Занесло меня и на рисовую плантацию, поле гектаров на пять, разделённое на квадраты. Часть из этих квадратов стоит неорошаемая, на некоторых квадратах (соток по пять-десять) зеленеют ростки риса. Три или четыре человека вручную, по щиколотку в воде, прореживали и досаживали рисовые всходы. На этом поле-плантации довольно много белых цапель: должно быть, выискивают себе корм – лягушек и змей.

Отель. Ночной визит. О телевидении

Вечером никуда не пошли, даже во дворик отеля. Перекусили легко тем, что осталось от обеда и улеглись спать. Наконец-то под чистые простыни. Уснули. И вдруг посреди ночи – а это было около двенадцати – я просыпаюсь от того, что хлопнула наша входная дверь в номер. И в дверном проёме я увидел мужчину. Индуса. Спросонья я что-то вякнул, разбудил жену. Та тоже спросонья и с испуга – в визг! Незванный гость, похоже, и сам испугался и пулей вылетел из нашего номера. То ли он дверь перепутал, а я забыл её запереть на замок? То ли ещё что... В общем, сон он нам перебил. Включили телевизор.

Прошёлся по всем 34-м каналам. Все они на индийском или на английском языках. Что отличает индийское телевидение от нашего или китайского? Или для начала что у них общего?

Общее, прежде всего, то, что и тут по всем каналам наблюдается засилье рекламы. Вот ведь зараза. Натуральная зараза, даже эпидемия, охватившая весь телевизионный мир. Эта ненавистная реклама повсюду: и в основном кадре, и в бегущей строке, и в нижней части экрана по две-три строки, наслаиваясь друг на друга, –

почти половину экрана занимает. Причём, как и у нас, по-бандитски, идёт с отступлением от нижнего края экрана.

Три или четыре канала занимают спортивные передачи. Показывают футбол, волейбол, хоккей на траве и бейсбол.

Художественные фильмы. Хочется напомнить, что Индия занимала в этом виде искусства некогда первое место в мире. Теперь на смену обычным кинофильмам и тут приходят телесериалы. Всё с той же нескончаемой детективно-бытовой мелодрамой. Да ещё и с примесью страшилок-пулялок. И здесь всё тот же Джеки Чан крушит и ломает всё и всех подряд, изучая и применяя национальные индийские боевые искусства. Мелодрамы – с излишне-показными страстями, что проявляется в мимике и жестикуляции героев. При этом диалоги сопровождаются ещё и непременными подстрочниками на английском языке.

Бросается в глаза быстрая и частая смена кадров и ракурсов съёмок. Кадры в фильмах так и мелькают, как в наших видеоклипах. То же касается и рекламы: частая смена кадров, просто мельтешение какое-то получается, до раздражения.

Развлекательные передачи и здесь присутствуют в довольно большом количестве. Нередко это похоже на наши развлекаловки, типа «Минуты славы», «Танцев со звёздами» или что-то в этом роде. Здесь в запросе передачи с танцевальными конкурсами. Так же есть юри (из трёх человек), один или два шоумена. И выступления. Сначала представление человека или коллектива. Затем само выступление – яркое, красочное, слаженное, на довольно высоком уровне. И после него – комментарии членов юри.

«Новости» и «События» во многом напоминают наши. Правда, нам показалось, здесь затянута время интервью и монологов интервьюируемых. Кое-что удавалось разгадать по подстрочникам, когда в них попадались узнаваемые слова, имена и названия.

...Дневное недолгое купание и загорание на пляже уже имеет последствие: кожа краснеет и слегка побаливает. А ночью ещё донимают комарики – мелкие, но злые.

22 января. День третий. Утро. Небольшие наблюдения

Проснулись рано, около шести. Ещё темно, но выпалились. Как только начало светать, я отправился на балкон, куда поставил столик. Делаю свои записи. Утро свежее, тихое. Ни дунове-

ния ветерка. По нашему баньяну носятся бурундучки. Всё чаще и пронзительнее становятся птички посвисты – прямо как у нас, в Сибири, в пробуждающемся ото сна утреннем лесу. Только наши птицы поют иначе – напевнее, голосами повыше и не так настойчиво. Встречаются и ласточки-стрижи, рассеявшиеся на проводах или летающие высоко вверху. Кучкуясь по карнизам, временами гугукают голуби. Изредка доносятся одинокие карканья ворон. А вот воробьи здесь не так заметны и вездесущи, как у нас, будто стыдятся кого и не подпускают к себе так близко, как наши, городские.

Часов с восьми утра из кварталов бедноты, куда меня занесло вчера, мимо нашего отеля шествуют школьники, группками по три-пять человек. Мальчики – в тёмно-синих шортах и белых рубашках, девочки – в такого же цвета юбочках и белых кофточках с короткими рукавами. За спинами у всех ранцы, на ногах – кеды или шлёпки на босу ногу.

Образование здесь такое. Начальное (с 1-го по 3-й класс) – бесплатное для всех. С 4-го по 9-й класс учатся уже платно. Как поясняла нам гид, платят чисто символически – рупий по сто в месяц. Но не все родители и эту чисто символическую сумму могут внести вовремя для оплаты обучения своих детей. Тогда ученики просто оставляют учёбу. После окончания школы – колледж. И тут обучение платное. В зависимости от выбранной специальности и учебного заведения, оплата за обучение достигает пятисот и даже тысячи рупий в месяц. Естественно, такими деньгами располагают далеко не все родители. После колледжа для особо одарённых и обеспеченных – учёба в университете у себя на Родине или даже за границей. Все школьники изучают в обязательном порядке три языка: английский, хинди и язык штата. Дело в том, что в каждом штате Индии – свой национально-территориальный этнический язык или хотя бы диалект.

Мимо отеля проходят и женщины в сари, неся на голове какую-нибудь поклажу – то в виде больших широкогорлых кувшинов ведра на полтора, то огромную вязанку хвороста, то какой-нибудь тюк белья или одежды.

Сразу за небольшим мосточком, в сторону основной улицы Кандолима от нашего отеля – несколько двухэтажных жилых домов. Их дворники опутаны бельевыми верёвками, на которых сушатся застиранные простыни и махровые полотенца – видно, что из недорогих окрестных отелей, возможно, и с нашего. Простыни с поло-

тенцами развешаны даже и на верёвках, натянутых между деревьями вдоль дороги. Проезжие машины и мотоциклы поднимают немало пыли, которая тут же оседает краповым налётом на подсыхающее бельё. Иногда до него добираются и бродячие коровы, собирая на рога и даже жуя, принимая за еду...

Вечер. Ресторан «Фишмаркет» отеля «Фортуна селект реджина»

Ресторан этот едва отыскивали, находится он при пятизвёздочном отеле, построенном в виде шестиэтажного здания-каре с просторным двором внутри, большим бассейном и рестораном. Двор, не в пример нашему, отличается чистотой и порядком, благоуханием цветущих кустарников, разноцветной люминисценцией. Днём здесь отдыхают и купаются в бассейне проживающие в этом отеле туристы, вечером вместо лежаков и шезлонгов вокруг бассейна выставляются столики со стульями, и двор превращается в открытый ресторан.

Оказывается, этот сегодняшний вечер организован исключительно для русских туристов из разных отелей городка. Набралось человек сто, не меньше. Девушка на русском языке объяснила, что будет представлять сегодняшний вечер, как себя вести, и выдала каждому по талончику на особое блюдо – лобстера. Всё остальное – по принципу самообслуживания и шведского стола: набирай, что угодно, и ешь, сколько в тебя влезет в течение всего вечера. Официант отвёл к свободному столику. За ним оказалась ещё одна парочка, помоложе нас лет на десять, из города Соликамска Пермской области. Познакомились.

И пошли мы к «развалам» и жаровням. За жаровнями – пяток поваров-индусов в белых халатах и поварских колпаках. Прямо при тебе, помешивая мутноватой жидкостью, жарят на больших плитах: рыбу, креветки, лобстеры. Набираешь это всё (за исключением лобстера) ещё совершенно горячее и шипящее в масле на свои широкие тарелки и блюда. Беру по жареной рыбе. Одна похожа на небольшую ставридку, другая – в виде продолговатого филе. Повар прямо с жаровни кладёт мне в тарелку креветки – обычные и королевские. Толмачу ему, мол, не жалей, добавляй ещё... Получил, сколько хотел. Впрочем, мог бы и потом ещё подойти раза три-четыре...

Подался к «развалу» с другими блюдами, гарнирами и соусами с приправами. На длинном столе, метров пятнадцати, в больших шарообразных никелированных ёмкостях (не менее двадцати штук) – еда на выбор. Положил кра-

бов, выбирая клешни и ножки покрупнее, тушёных кальмаров, мидии. Добавил гарниры из риса, ещё чего-то, украсил всё это соусами и нарезками из овощей с репчатым лучком...

Моя тарелка-поднос выглядела поистине гулливеровской по сравнению с тем, что взяла себе Людмила. Просто хотелось хотя бы попробовать, если и не всё, что предлагают, то, по крайней мере, вызывающее аппетит и любопытство.

Приступили к еде. Разделался сначала с рыбой. Так себе, ничего особенного на вкус. А вот креветки мне понравились больше. Собственно, ими-то я и соблазнился да ещё лобстерами – ну, просто хотелось хотя бы узнать, что это за лобстеры?

Жареные креветки аппетитно похрустывали, оставляя после себя лишь головки с усиками. Расправившись с рыбой и креветками, добрался до крабов. Мидии и кальмары были значительно вкуснее.

Несмотря на множество мерцающих разноцветных гирлянд и огоньков, ресторан под открытым небом погрузился в сумрак южной тропической ночи. Далеко вверху тускло поблёскивали звёзды. Запахи цветущей вечерней плумерии, росшей во дворике отеля, дополнялись ароматами специальных благовонных палочек, перемешиваясь с йодистыми запахами от жаровен с морепродуктами и расплавленного воска сгоравшей свечи. Посредине каждого столика, зажатая тарелками, стояла в узком подсвечнике сиротливая свеча, пытаюсь создать интимную обстановку. За столиками зашумели, загалдели, раскрепощались – в ожидании обещанного.

А обещанным было национальное индийское шоу. Конечно же, танцы с песнями. И шоу началось с танцев. Сюжетных, шутивно-примитивных, темпераментных, экспрессивных. Две девушки и два юноши изображали в танцах и пении сценку из сельской жизни – на переправе какой-то реки. На смену этому номеру появилась дама, разумеется, индианка с сольным танцем.

Ну вот, дошла очередь и до лобстера. Взяв жёлтый талончик, выданный ещё на входе, отправился я снова к жаровням. Обменял его на горячего, прямо с плиты, этого самого лобстера. Собственно, лобстер – это морской рак, только не с такими большими клешнями, как наши речные раки. А вот передняя его часть и съедобная шейка (задняя половина с широким хвостом) практически такие же, как и у обычных раков, только намного крупнее. Признаться, я ожидал чего-то большего. Не знаю, каковы истинные размеры лобстеров, но «мой» свободно уме-

щался на тарелке-блюде средних размеров. Его общая длина была сантиметров двадцать пять, а ширина – сантиметров семь-восемь. Честно говоря, я ожидал увидеть членистоногое более внушительных размеров.

А есть-то уже и расхотелось. Эх, с него бы надо было начать, с лобстера, может, тогда бы и смог оценить его по достоинству! Он мне казался не вкуснее натурального креветочного мяса. Разве что побольше, чем в обычной креветке, раза в три-четыре – только и всего... Нет, наверное, всё же надо было с него начать наш сегодняшний ужин. Примем к сведению на будущее: всё экзотическое – только в самом начале и, желательно, натошак...

Индийские танцы и песни сменились музыкой. Сначала европейской, популярной, на английском и французском языках. Пел индус лет сорока, с приятным бархатистым баритоном. Потом и вовсе перешёл на наши русские песни, разогревая рассолодевшую ресторанный публику. Пел на довольно сносном русском, даже исполнил и «Пусть бегут неуклюже пешеходы по лужам...». На подиуме ресторана стали появляться танцующие парочки и группки наших туристов. Вечер плавно перерастал в обычные наши русские ресторанные посиделки – со спиртным, хмельной расслабленностью и быстрыми танцами-скачками...

25 января. День экскурсионный, самый насыщенный

Выехали на рассвете, было ещё свежо. Гомонливые и суетливые дневные улочки были почти пустыми, так же, как и трасса. Первым пунктом нашего назначения стал Старый Гоа.

Обогнув по касательной Панаджи, поехали вдоль залива. В это время над водной поверхностью всходило солнце, окрашивая гладь в оранжевые тона. Кое-где были видны квадраты ставных рыбацких сетей и ловушек с немногочисленной пернатой живностью в виде чаек, белых цапель и прибрежных куличков.

Настя как настоящий гид-профессионал ввела нас в курс дела, рассказывая об истории освоения Гоа – сначала арабами, потом португальцами. Как уже говорил ранее, новая история Гоа начинается с 1510 года, когда португальцы всего двумя атаками захватили в заливе устья реки Мандови охраняемую арабами и местными воинами территорию.

Случилось это 25 ноября, на день святой раннехристианской великомученицы Екатерины. Набожные португальцы-католики решили,

что им помогла захватить новую землю именно святая Екатерина. И тогда в честь неё они решили возвести на этом месте храм. А вокруг храма, в небольшом отдалении, стали строиться и жилые каменные дома – по подобию архитектуры поздней средневековой Португалии. Дома эти возводились для воинов и купцов, хлынувших из-за моря на эту землю с мягким и тёплым климатом, где никогда не бывает зимы, а урожаи можно собирать по три-четыре раза в году. Одна беда: здесь, на заболоченном побережье, водились в изобилии малярийные комары, от укусов которых приключалась тропическая лихорадка. Случались и эпидемии, сотнями выкашивавшие переселенцев. Тогда наряду со строительством храмов и жилых домов новосёлы стали осушать заболоченные малярийные территории.

И уже в следующем веке Гоа разросся до небывалых размеров. В городе проживало жителей больше, чем в Париже или Лондоне. Он был настолько красив, что его стали называть Золотой Лиссабон. Появилась даже поговорка: «Кто побывал в Гоа, тому совсем не обязательно видеть Лиссабон!» (столицу Португалии).

В колонии Португалии жизнь покатила по подобию средневековой страны, расположенной на европейском побережье Атлантики. Как и Португалия, Гоа не избежал церковного мракобесия: воинствующего католического миссионерства, гонения на «ведьм» и еретиков, жестоких инквизиций с сожжением на кострах колдунов и вероотступников...

Наш автобус останавливается на довольно просторной площади. По-утреннему ещё свежо. Лучи солнца оживляют окрестный пейзаж. По левую сторону высятся два больших белокаменных строения, по правую, метрах в трёхстах, – мрачноватое тёмно-бордовое здание, похожее на крепость или даже тюрьму. Практически это всё, что осталось от некогда Золотого Лиссабона. Три католических храма. В их просторных и ухоженных оградах растут огромные хвойно-лиственные деревья. Это – рейнтри и мохнатые, пихтоподобные араутерии.

Два дерева рейнтри настолько величественны, что для охвата их у основания потребуется не менее пяти человек. Их кроны напоминают огромный раскрытый зонтик. А в переводе рейнтри и означает дословно дождевое (зонтичное) дерево. Тёмно-зелёные араукарии напоминают наши сибирские пихты. Только хвоя их погуще и покорооче. И хвоинки резные, суховатые, а не гладкие и смолянистые, как у пихт...

Базилика Бом Иисуса (Храм доброго младенца Иисуса)

Выйдя из автобуса, мы по пешеходной зебре (надо же, впервые увидели в Гоа пешеходный переход через дорогу) направляемся к мрачному прямоугольному зданию из тёмно-красного (или даже коричневого) камня. Его стены, некогда красные, украшенные фигурной кладкой из гранита, с большими выступающими наружу подпорными цокольными колоннами, от времени, зноя и ливневых сезонов изрядно попорчены, потемнели, стали обрастать мелким тёмно-зеленоватым мхом.

Здание это трёхуровневое, в стиле барокко, с большой пологой двухскатной крышей и возвышающейся с левого торца прямоугольной башней. Вдоль верхнего уровня – семь больших круглых окон. Как раз под ними, на среднем уровне – столько же узких, продолговатых, похожих на бойницы окон. Нижний уровень предназначен для входа в это здание. Здесь и расположены основные до сих пор действующие помещения.

Несмотря на то, что на самом наверху, над кровлей и даже на башне не имеется ни одного креста, данное здание-базилика является католическим иезуитским храмом Доброго (хорошего) младенца Иисуса. Издали это здание почему-то не кажется огромным – видимо, из-за его пропорций. Но чем ближе подходишь к нему, и особенно у распахнутых врат главного входа в храм, тем сильнее начинаешь ощущать величие и размеры этого сооружения.

Строительство храма было начато в 1594 году, завершено – в 1605-м, на средства благодетеля – дона Жеронима Маскареньяша, умершего в 1593 году. В одном из приделов храма находится и памятник-надгробие этому благодетелю.

Базилика имеет весьма внушительные размеры: 56 метров – длина, 18,5 метра – высота и 17 метров – ширина. Внутри храма расположен кареобразный открытый двор, посаженный цветущими кустарниками и клумбами, со скамьями и уютными беседками, предназначенный для отдыха (сиесты) прихожан и служителей.

Ещё величественнее выглядит этот храм изнутри. Мне впервые довелось побывать в католическом храме. Он сильно отличается от православных, привычных для нас. Если в наших храмах внутреннее убранство составляют множественные фрески, плоские иконы и иконостасы в золочёных оправах, то в католических базиликах доминируют рельефные изображения религиозных сцен. При этом основные цвета –

чёрный и золотой. Нередко обязательным атрибутом такого собора является ещё и орган, для которого специально сочинялись музыкальные торжественно-величавые произведения – фуги и токкаты.

Акустика храма настолько мощная, что все проповеди и песнопения, сопровождаемые порой в настоящее время скрипками и клавишными, слышны всем прихожанам, как бы далеко от проповедника они ни располагались. Такое ощущение, будто находишься в современной филармонии с великолепной акустикой или первосортном помещении оперного театра.

Главный алтарь храма рельефно изображает следующую сцену: в центре находится младенец Иисус, над ним возвышается огромная фигура монаха Игнатия Лойолы, смотрящего на младенца. Лойола – основатель церковного ордена иезуитов.

Здесь же, в одном из пределов базилики с витыми резными колоннами из тикового дерева, находится и прямоугольный серебряный гроб с нетленными останками святого Франциска Ксаверия (Хаверия). Тут же размещены изваяния, изображающие сцены из его жизни и серебряная статуя этого святого.

Следует, пожалуй, отметить ещё и то, что параллельно базилике, в нескольких метрах от храма, ещё до его постройки сначала было возведено специальное помещение – Дом принятия в орден иезуитов, где проводились различные религиозные мероприятия ордена. Это в наше время термины «иезуит», «иезуитство» воспринимаются с каким-то негативным оттенком. Во времена его образования в Париже монахом Игнатием Лойолой, в 1534 году, термин этот первоначально означал «Общество Иисуса», члены которого противились церковным нововведениям, вели строгий образ жизни и ориентировались на воспитание особого отряда клерикалов. Членство в ордене предполагало строгую субординацию и беспрекословное подчинение нижестоящих вышестоящим иерархам. В настоящее время в Доме принятия в орден находится картинная галерея. Жаль, что побывать в ней нам не довелось...

Храмы святого Франциска Ассизского и святой Екатерины

От базилики наш гид ведёт группу (а ей в буквальном смысле слова уже наступают на пятки следующая группа со своим гидом) через ограду и дорогу к постройкам, находящимся напротив, метрах в трёхстах.

Здесь, огороженные, с просторным и ухоженным двором, находятся ещё две примечательности Старого Гоа. Это – храмы святого Франциска Ассизского и святой Екатерины. Располагаются они практически один подле другого, соединённые двухэтажным зданием-галереей.

Оба храма примерно одинаковой высоты. В отличие от мрачноватого вида базилики, они так и светятся какой-то особой белизной. Издалека выглядят даже как некий единый комплекс, архитектурный ансамбль.

Итак, слева расположен храм святого Франциска Ассизского. Туда мы не попадаем: он закрыт для туристов в связи с ремонтными работами.

Строительство этого храма связано опять-таки с миссионерской деятельностью, но уже католиков-францисканцев, к тому же монахов. В 1517 году восемь монахов прибыли в Гоа и попросили у тогдашнего губернатора этой земли здание или хотя бы территорию под строительство своего помещения. Такая земля им была выделена – невдалеке от построенной церквушки святой Екатерины.

За четыре года своими силами эти монахи воздвигли небольшую церквушку. В XVII веке эту церквушку снесли и на её месте воздвигли новый храм, получивший имя итальянского проповедника и основателя монашеского ордена Франциска Ассизского. Храм этот возведён в европейском ¹³³ стиле, но уже с некоторыми примесями и элементами индуизма. Кстати, над верхней частью фасада этого храма виднеется католический крест, чего я не заметил на базилике. При нём же было построено ещё и здание монастыря, где жили и трудились монахи-францисканцы. Монастырь при этом храме действовал до 1835 года.

Храм святой Екатерины – пожалуй, с него-то и должна была начаться наша экскурсия. Дело в том, что именно этой великомученице-святой, по преданию, Португалия и обязана победой над арабами-мусульманами 25 ноября 1510 года. Напомню, португальские моряки и воины, захватив побережье в день святой Екатерины, посчитали, что в том им помогла сама святая. И, чтобы как-то отблагодарить её, они решили на этом месте возвести церковь во имя её.

И уже в том же далёком 1510 году такая церковь стала возводиться – сначала из самодельных кирпичей-блоков из глины и соломы, с добавлением мелких и крупных камней. Церквушка эта была совсем небольшая, она не вмещала всех служивых прихожан и приезжающих сюда купцов и новых переселенцев из Португалии.

Тогда было решено церквушку эту разрушить и на её месте построить новую, более просторную и вместительную. Строительство нового храма в честь святой Екатерины предполагалось ещё и как демонстрация мощи и владычества Португальской колониальной империи. С ещё одной перестройкой и перепланированием строительство этого храма было завершено лишь в 1619 году. Почти девяносто лет ушло на то, чтобы возвести окончательный вариант храма святой Екатерины.

В настоящее время храм святой Екатерины – самый большой католический храм, находящийся на территории всей южной Азии. Его размеры довольно велики. Длина храма составляет 76 метров, ширина – 45 метров и высота (до верхней части башни) – 33 метра.

И опять-таки из-за его пропорций и белого цвета издали храм этот не выглядит как огромный, зато его внутреннее пространство просто поражает величиной и размерами!

В нём пятнадцать алтарей, расположенных в пятнадцати капеллах!

Как и в базилике, напротив Главного алтаря – огромный зал для прихожан, с рядами длинных скамей и узких столиков. И сюда был привезён из Европы орган для торжественных богослужений, но и он из-за влажного климата пришёл в негодность и в настоящее время не восстановлен.

Все алтари и капеллы имеют изумительные рельефные украшения – из жизни Иисуса, святой Екатерины и библейские сюжеты. Большой частью они изготовлены из очень прочного и дорогого тикового дерева и имеют либо натуральный чёрный (тёмно-коричневый) цвет, либо позолочены. Все высоченные стены и потоки храма отливают белизной камня. Пол храма, как и в базилике, вымощен крупными каменными плитами-брусчаткой, отшлифованными за четыре века ногами священников, прихожан и туристов.

В одной из капелл (ниш) храма находится Живораствующий (Чудесный) крест, прикоснуться к которому стараются все посетители.

Крест этот из тёмной древесины, имеет размер метров пять-шесть, установлен здесь 3 мая 1845 года. В основании креста – роскошный пирамидальный четырёхуровневый постамент с рельефными изображениями священных сцен, в числе коих и Иисус со своими двенадцатью учениками-апостолами. Принесён он был сюда с горы Боа-Вишта.

По одной из легенд, в некотором небольшом сельском храме не было своего креста. Тогда мальчик сделал крест из двух деревянных палочек, связав их крест-накрест. Когда его поставили в храм, то обнаружили, что крест этот стал увеличиваться в размерах. Тогда его перенесли в другой храм, но и тут крест не прекращал расти. И наконец было решено перенести это живорастущий крест в храм святой Екатерины, где он прекратил рост и находится на своём месте уже почти два столетия.

По другой версии, крест этот первоначально стоял на горе Боа-Вишта. И 23 февраля 1619 года произошло чудо: явление на этом кресте самого Иисуса, после чего крест начал увеличиваться в размерах. К нему потекли тысячи паломников, стараясь прикоснуться и получить исцеление и благословение...

К достопримечательностям храма святой Екатерины принято относить и «золотой» колокол, отлитый из сплава с примесью чистого золота. Колокол этот был слышен в радиусе четырнадцать километров. Находится он на звоннице башни, оставшейся невредимой. У него есть и ещё одно печальное название – «Колокол инквизиции». Дело в том, что его набат сообщал о предстоящей публичной казни еретиков и отступников, которая производилась на площади перед храмом.

Инквизиторские казни стали привычным и частым делом, пока не случилось одно событие, воспринятое многими верующими как некоторое предзнаменование. Храм святой Екатерины был построен с двумя симметричными высокими прямоугольными башнями на южном фасаде. От удара молнии в 1776 году одна из башен храма полностью разрушилась. Это было воспринято и трактовано как божье предзнаменование и недовольство чрезмерным усердием инквизиторов. Башню эту восстанавливать не стали. Но и казни после этого на площади перед храмом прекратились... Так и стоит храм святой Екатерины до сих пор с невозстановленной башней.

Показывали нам в храме и подпольный лаз, говоря о том, что потайных подземных ходов тут было предостаточно... Они и поныне существуют, но либо замурованы, либо недоступны для любопытных...

Немного об индуизме и храме слоника Ганеши

Индуизм – самая распространённая религия Индии. Она древнее и христианства, и мусульманства. Её исповедуют порядка восьмидесяти

процентов населения Индии, а стало быть, около девятиста миллионов человек.

Индуизм является и одной из самых сложных религий мира. Она вобрала в себя множество различных верований. Ей присуще многобожие, и в то же время она не лишена элементов пантеизма. То есть, мир един, и во главе его стоит некое главное божество, находящееся далеко за пределами земли и даже космоса. Его невозможно увидеть и даже постичь. Но чтобы хотя бы как-то приблизиться к нему, нужно здесь, в этом земном мире, всё время заниматься самопознанием и самосовершенствованием. Наиболее полно и конкретно это изложено в учении философии Хатха-йога.

Примером может служить даже корова или слон. Этим земным божествам – объектам поклонения и приношения – строят храмы и храмики, их задабривают, украшая культовые места гирляндами живых цветов, выставляют для них воду и пищу, их всячески пытаются задобрить и ублажить...

Храм слоника Ганеши – это небольшое культовое сооружение, построенное в стиле индуизма. Здесь имеется небольшая оградённый дворик, входные аркообразные ворота в этот дворик. На верхней перекладине – арке-воротах – имеются символы веры индуизма: знаки «ом» и свастика.

Рунический вариант свастики со слегка закруглёнными концами – древнейший символ, ему более четырёх тысяч лет. Знак свастики в круге изначально символизирует добро и благо. В рунах-ведах – это символ вечности и круговорота, так же, как в буддизме, – лежащая на боку восьмёрка – символ бесконечности.

Сленик Ганеша – божество, которое помогает людям преодолеть препятствия. Ночью он спит. Сон его охраняет служитель храма. По утрам его начинают будить, предлагая ему покушать, попить воды, в честь него читаются матры (своеобразные песни-молитвы), принимают гостей-прихожан, вплоть до иностранных туристов. Слоника Ганешу следует задобрить и прихожанам: подарить ему гирлянды из живых цветов-лепестков, угостить сладостями, оставить деньги...

Здесь же, в чистом и уютном помещении без излишних убранств, всем желающим (за небольшую плату в пятьдесят – сто рупий) поставят на лоб красную круглую точку (тилак) – знак благословения.

Сам храмик небольшой, просто миниатюрный по сравнению с католическими гигантами. Входят в него босыми, оставляя обувь перед дверью. Всем женщинам предлагается укрыть лёгкими платками или парео оголённые плечи, руки и колени. Обходя внутри храма по круглой галерее, каждый должен коснуться рукой знаков «ом» и свастики, изображённых на стене, от чего в тех местах на стене образуются гладкие, вытертые руками прихожан и туристов ложбинки.

Как на воротах, так и на крыше храма Ганеши, – множество башенок с закруглёнными куполами и небольшими шпилями...

Покидая внутреннее помещение храма, нужно попрощаться со слоником Ганешей – дёрнув за верёвочку одного из колоколов, подвешенных перед выходом. Выходя из храма слоника Ганеши, ощущаешь состояние некоторой лёгкости, просветления и даже очищения...

Водопад Дух Сагар. Обезьянки

Следующим и, как оказалось, последним пунктом сегодняшней экскурсии по Гоа был водопад, расположенный у самой восточной границы штата Гоа, Дух Сагар, что в переводе означает «молочный океан».

Примерно за час езды мы преодолели не менее шестидесяти километров. Остановились в деревне (или городке), кажется, с названием Мо-лем. По выходу из автобуса нас тут же стали осаждать аборигены, предлагая у них купить корм для обезьянок: наборы в полиэтиленовых пакетиках – из нескольких бананов и орешков.

Отойдя немного от автобуса, возле небольшого кафе все мы получили по спасательному жилету, ярко-красному. Это – для всех желающих искупаться в водопадном озере. Даже и для тех, кто купаться там не собирается. И рассадили всех по джипам, по шесть человек.

От деревни дорога пошла по джунглям. Назвать это дорогой можно лишь в сравнении с дорогой на Пудино, от речки Кёнга и до Кедрового в дождливое лето. Правда, было одно преимущество перед пудинской дорогой: эта была твёрдо-каменистой. Наш джип мотало так, будто мы были на специальном аттракционе по абсолютному бездорожью. Мы диву давались, каким образом машина всё же продвигалась вперёд и у неё не отваливались колёса. Мало того, дорога была настолько узка, что встречные машины, такие же джипы, похожие на наши «уазики», разъезжались едва ли не шоркая друг друга боками.

Рыжая каменистая земля была настолько измелена колёсами машин, что пылью вздыма-

лась от проезжих джипов, оседая потом на всём придорожном. Джунглевые деревья и кустарники стояли в укоризненном молчании, совершенно порыжевшие, изнурённые тропическим зноем, будто всех их размалевал одинаковой краской какой-то безумный художник.

Пыль проникала и в салон машины – через отверстия и приоткрытые стёкла, поскольку кондиционеров тут не было. Налётом рыжей пыли постепенно покрывались и все мы, сидящие в джипе.

Вброд мы форсировали уже несколько ручьёв и речушек, превращаясь в амфибии. Вода в этих местах, взбаламученная колёсами машин, была тоже акварельно-рыжей.

Справа по ходу машины убежали как будто вверх непроходимые джунгли. Чем дальше мы ехали, тем глубже становилось ущелье с левой стороны, по низу которого протекала какая-то не очень широкая река зеленоватого цвета. Сразу за ней сквозь прогалины кроновых зарослей высились горы. Те самые горы, Западные Гаты (Гхаты), отделявшие штат Гоа от соседних – Махараштра и Карнатака. Горы эти всего-то достигали высотой полутора километров. Но и эта высота смотрелась величественно – своими острыми пиками скальных вершин. Примерно минут через сорок водитель нашего джипа жестом показал: вот он, водопад! И точно, даже в кабину работающего джипа донесся какой-то монотонный шум, а в зелёных прогалинах стал мелькать и сам водопад.

Остановились на площадке, где уже было не менее полусотни таких же экскурсионных машин. По крупно-каменистой тропинке стали спускаться вниз. Подвесной мостик позволил перебраться через небольшую речку, всё ложе которой было в огромнейших отшлифованных водой чёрных валунах. Тут впервые нам повстречалась обезьянка, макака, наподобие тех, что мы видели на Хайнанае. Только эта обезьянка немного отличалась своей окраской: те были буровато-зелёные, эта – серенькая, мышинного цвета. Потом попала другая обезьянка, третья, стайками и по отдельности. По мере приближения к водопаду, обезьянок становилось всё больше и больше.

Здесь обезьянки совсем не такие агрессивные и наглые, как на Хайнанае. Они совершенно безбоязненно, казалось, даже флегматично наблюдают за потоком экскурсантов. И подбегают к ним лишь тогда, когда кто-либо предлагает лакомства. Берут прямо из руки и как будто даже в

одолжение, с достоинством. Крохотными ручонками они отправляли в рот подношения.

Водопад и впрямь поразил своими размерами. И даже не столько потоком и объёмом воды, сколько высотой, с которой эта вода скатывалась по отвесным скалам. Чувствовалось, что всю мощь и силу он набирает в сезон дождей и ливней! По официальным данным, протяжённость водопада составляет шестьсот три метра, высота падения – порядка пятисот метров. Ниспадает он с гор – Западных Гат. Вода эта стекает как бы каскадами или уступами, по меньшей мере, тремя. От самой верхней точки водопада узенькой струйкой белёсая пенная вода скользила вниз, расширяясь и дробясь на ещё несколько струй и потоков.

Примерно на половине высоты водный поток разрезала... рельсовая железная дорога. Точнее, даже не столько сама дорога, сколько огромный железнодорожный мост, с массивными каменными арочными опорами, сквозь пролёты которых распластавшаяся было вода вновь устремлялась вниз новым каскадом. Поистине величественно стал ощущаться водопад, когда по железной дороге пошёл состав-товарняк, оглашая окрестности перестуком колёс и протяжным паровозным гудком. Акустика тут в это время просто невероятная! Создаётся впечатление, что ты находишься внутри огромного пустого резервуара, а снаружи по его стенам ударяют увесистой колотушкой.

Третий, нижний каскад был высотой всего метров до ста. И тут молочно-пенные струи то дробились на десятки, то опять сливались в сплошное водное полотно. И уже в самом низу, израсходовав всю свою силу и мощь, утихомиривались, смешиваясь с прозрачными водами горного озера.

Вот здесь-то и собирались на огромных каменных глыбах шумливо-возбуждённые туристы вперемешку с обезьянками. Обезьян было много. Они встречались повсюду: на деревьях, на каменных глыбах, на отвесных скалах у водопада. Разве что не плескались в воде, в отличие от туристов...

Водопад Дудх Сагар переводится как «молочный океан». И впрямь, вспененная прозрачная горная вода выглядит бело-молочной. Как и многие исторические и этнографические места, этот водопад имеет свою легенду.

Одна молодая и красивая принцесса каждый день приходила купаться к горному озеру, из которого вытекала вода. С собой она всегда брала

кувшин молока, чтобы испить его после купания. Купалась нагишом, предлагая ласковой воде своё прекрасное тело. Однажды к этому озеру вышел молодой человек. Он увидел купающуюся принцессу и был так зачарован её первозданной красотой, что не мог отвести от неё своих глаз. Принцесса, обнаружив, что за ней наблюдают, сильно смутилась своей наготы. Тогда она взяла наполненный кувшин и вылила молоко в воду. Вода замутилась и прикрыла наготу девушки. С тех пор вода из того озера, спадая вниз с гор, выглядит так, будто в неё налили молоко...

Образующееся внизу водопада озеро не очень больших размеров: метров до двухсот длиной и с полсотни в ширину. Зато глубокое. Потому-то и выдают всем туристам, направляющимся сюда, спасательные жилеты. Вода в озере очень чистая и прозрачная. В отличие от морской, она прохладнее, всего градусов восемнадцать – двадцать. Но охотников поплескаться в ней, как и подставить свои головы и тела под водопадные струи, предостаточно.

Человеческие визги и восторженные крики перемежаются с шумом падающей воды. Возле озера всегда свежо и влажно. Даже просто посидеть возле воды в приятной прохладе, омыв лицо, руки и ноги, после изнуряющей жары – уже блаженство.

Как ни странно, в этом озере полно рыбы, которая, как и обезьянки, ожидая подкормки, совершенно не боится людей. В основном, это карпы и канальные сомики. Они внезапно появляются на поверхности воды, с шумом и плесками хватают брошенные куски хлеба и так же моментально скрываются в глубине. И чем крупнее брошенный кусок хлеба или булки, тем крупнее охотится за ним рыба. Появляется порой и ещё один водный «халявщик»-нахлебник – водяная змея.

С трёх сторон к озеру вплотную подступают джунгли, в которых свой мир, свои обитатели и свои законы, и где туристом совершенно нет места. И то правильно, иначе и этот уголок первозданной природы непременно был бы загажен.

28 января 2014 г. День предпоследний. Форт Агуада

...Решился-таки, оставив у лежаков Людмилу с нашими соседями по отелю, сходить побережьем до темнеющего мыса с фортом Агуада. До него километра два с половиной, если не все три.

Форт Агуада построен португальцами в 1612 году, чтобы защищать устье реки Мандови (залив Панаджи) от голландцев и маратаки.

(Маратаки, они же маратхи – воинствующая на-родность Индии.)

Этот форт не единственный в Гоа. Ещё более величествен и значим форт Васко да Гама, что стоит на стрелке впадения в море ещё одной реки – реки Зуари с широким заливом Мормугао. Форт Васко да Гама в настоящее время – это ещё и морские ворота Гоа, довольно большой океанский порт. Совсем рядом от него находится городок Даболим с военным аэродромом, куда приземлялись и мы.

За всю историю своего существования форт Агуада (в переводе с португальского – «вода») ни разу не сдался врагу при осадах. В его арсенале по фронту и в двух бастионах форта насчитывалось семьдесят девять пушек. Стена фор-та, как и его бастионы, выложены из крепких цельных каменных «кирпичей»-блоков, полуметровых размеров. По всему периметру стен и бастионов, в нижних частях парапетов сделаны узкие проёмы, выполнявшие роль бойниц и сто-ка ливневых вод.

Протяжённость каменных стен форта вместе с бастионами составляет не менее километра. Высота внешних каменных стен от моря – метров семь-восемь. Между внешней стеной шириной сантиметров восемьдесят, высящейся сразу от моря, и внутренней, упирающейся в берего-вые откосы сопок, – мощный коридор шириной метров до трёх. По нему можно спокойно пере-двигаться не только пешком, но и даже на повоз-ках. Кроме того, широкий парапет, продолжаю-щий внешнюю стену вверх ещё метра на полто-ра, служил хорошим укрытием от пуль и ядер неприятеля.

Форт Агуада расположен на самой стрелке-мысе, где впадает в море река Мандови. Пляж-ным побережьем я подошёл к началу форта, с квадратной табличкой на английском языке, прошёлся метров четыреста вдоль стены, поднялся по каменной лесенке наверх. Мои не защищён-ные ничем босые ноги ступали по раскалённым солнцем мощёным камням древности.

Дошёл до центрального бастиона. Он цилин-дрический, высотой, как мне показалось, не ме-нее трёхэтажного дома, внутренним диаметром метров в десять-двенадцать. Из внутреннего «двора» бастиона, опять же по каменной лесен-ке, поднялся на стену-парапет с бойницами и до-вольно широким коридором-галереей. Здесь сейчас устроились рыболовы, человек пять, да-леко забрасывая прямо с самой верхотуры ба-стиона свои спиннинговые снасти. Внизу, у са-

мых стен бастиона, солёные волны вспененно окатывают огромные чёрные каменные валу-ны – дополнительные преграды и препятствия на подступах к форту с моря не только для кора-блей и парусников, но и для маломерных де-сантно-абордажных шлюпок.

Древность сомкнулась с настоящим време-нем.

Признаться, сие сооружение из потемневше-го от времени красноватого камня впечатляет не только своей основательностью и размерами. К этому добавляется ещё и осознание того, что и ты лично прикоснулся к средневековью, ко вре-менам, когда этот форт строился и выполнял оборонительные задачи. Это сколько же человек потребовалось на его возведение?! Когда-то здесь велись нешуточные бои, гремели пушки, бились о стены форта ядра, свистели ружейные пули; вблизи форта стояли на якорях агрессив-ные парусники неприятеля, лилась человеческая кровь... А после этого шумно и хмельно праздно-вались нелёгкие оборонительные победы...

С другого, юго-западного, ещё более высоко-го бастиона очень хорошо просматривается не только море с его обширным горизонтом, но и морское побережье, в обе стороны – километров по пять.

Ложка дёгтя

Вернувшись с моря часа в четыре в отель, Людмила вдруг сразу же обратила внимание на то, что дверь нашего номера заперта не на три, как обычно, а всего на один оборот ключа. Я по-дался в душ, смыть морскую соль и освежиться. А когда вышел, Людмила вдруг спрашивает меня:

– Ты все деньги брал с собою?
– Нет, – отвечаю ей. – Брал только половину из тех, что вчера взял у тебя. Две с половиной тысячи рупий.

– А остальные куда положил?
– В сумку розовую, в боковой кармашек, на липучке... Пять пятисоток...

– Нету их там. Я обратила внимание на то, что и сумка с моей сумочкой стояли в шкафу не так, как я их оставляла уходя....

Я перепроверил оба кармашка сумки, по-рылся в ней. Пусто. На всякий случай поискал в карманах брюк и жилета, вдруг да запомнил, куда их положил. Хотя куда ж ещё ясней?! Я точ-но помнил, что перед тем, как податься утром на пляж, свернув купюры вчетверо, пачечку рупий засунул именно в боковой кармашек нашей ве-щевой сумки, изрядно подраспухшей из-за поку-пок домой.

Я припомнил и ещё одну пропажу, невеликую, но всё же: пятидолларовой купюры, что клал в карман своих белых летних брюк, едва ли не в самом начале нашего пребывания в отеле. Ну как сквозь землю провалилась та пятёрка! А ведь точно помнил, что никуда её не использовал, никому не давал и не разменивал... Она как будто просто испарилась...

Теперь нам стало определённо понятно: в отеле работают мелкие карманники. Скорее всего, из самих же обслуживающих. Хорошо ещё, что Людмила на этот раз взяла с собой все наличные рупии, а оставшиеся доллары, вынутые из «сейфа» на ресепшне, были положены в другой, новой сумке, закрытой на кодовый замочек.

Выходит, деньги украли, пока мы отдыхали на пляже. Точно так же, видимо, исчезла и моя пятидолларовая бумажка. Воры прошлись по карманам и тому, что было легкодоступно.

О своей пропаже сообщили на ресепшн и нашему куратору Алексею. В ответ – ноль эмоций и какой-либо помощи! И реакция куратора: «Вас же предупреждали, чтобы деньги и ценные вещи не хранили у себя в номере...» И ещё: «Администрация отеля за пропажу вещей и денег туристов из номеров никакой ответственности не несёт». Так-то вот...

И уже вечером в постели почти у обоих одновременно появилась мысль: а может, и в ту, вторую, ночь здесь, непрошенный визит мужчины в наш номер был совсем не ошибочным? Как знать...

Правда, кроме денег, у нас как будто больше ничего не исчезло.

А немного позднее, чтобы закончить с этой неприятной темой, когда мы уже ехали в аэропорт, с нами делились туристы из других отелей. Дескать, воровство из номеров – здесь вполне обычное явление. И делается это, как правило, за день-два до отъезда туристов домой, когда уже не остаётся времени на разборки и вызовы полиции. Но если дело дойдёт даже и до местной полиции, то никто ничего тебе искать не станет и не вернёт. Всё ограничится лишь составлением протокола. А куда этот протокол пойдёт далее – неизвестно. Не спасают от воровства и сейфы, особенно на ресепшне. Из них точно также крадут деньги и драгоценности перед отправкой туристов домой, оставляя как бы в насмешку

всего доллар или два... Поди докажи кому: что там у тебя лежало и что украли...

29–30 января.

Прощай, Гоа... Здравствуй, Кемерово!

Заглянул на ресепшн: нет ли для нас, отбывающих, какой информации. Информация была. На стенде, на отдельном листке, по-русски были напечатаны наша фамилия и имена. Время вылета из аэропорта – 2:30 30 января. Стало быть, как и было обозначено в наших обратных авиабилетах. Указывалось и время отбытия из гостиницы: 22:40 по-местному. Ну, слава богу, на сей раз, похоже, будет всё по расписанию. Честно признаюсь, задерживаться здесь, пусть даже и на лишние сутки, почему-то никак уже не хотелось. Домой, домой, домой...

Ровно по расписанию к нашему отелю подъехал автобус. В нём уже с десяток туристов, в коих мы начали узнавать тех, с кем летели сюда десять дней назад. Обрадовались встрече, словно с родными. Как и мы, все они загоревшие, возбуждённые отправкой домой. Оживлённо делимся впечатлениями. Во многом сходимся мнениями и оценкой этого райского, но загаженного людьми уголка.

Паспортно-таможенный контроль проходим на сей раз быстро и без каких-либо эксцессов. Уже кое-чему мы научены. Сдали чемодан и сумку в багаж, получив талончики, и тоже без проблем и досмотров.

Вылетели, как и обещалось, по расписанию. Смотреть в ночное окошко было совершенно неинтересно. К тому же облака закрывала землю. Коротали время разгадыванием кроссвордов, что оставили нам пассажиры прежнего рейса.

А летели обратно мы всего шесть часов с небольшим, ровно на два часа меньше, чем туда. И чем это объяснить, если и самолёт был такой же, и расстояние до Кемерова меньше не стало?

Ура! Мы дома, в России, на своей заснеженной Кузнецкой земле! И пусть нас встретил тридцатиградусный сибирский мороз с ветерком – на то ведь и зима! На то ведь и Родина!

А лето? Ну что, лето? Оно осталось там, где мы были всего шесть часов тому назад. А ещё – в наших воспоминаниях и на фотографиях.

Надеемся и ещё побывать. Но уже вряд ли когда-либо в Гоа...

138

**Николай
КОНЯЕВ**

**ГРАЖДАНИН
ЗЛАТОКИПЯЩЕЙ
МАНГАЗЕИ
(Чудотворец Василий
Мангазейский)**

*Нырните в воду, ледяные змеи.
Раздвинься ты, завеса снеговая,
Врата златокипящей Мангазеи
Передо мной и вами открывая!*

Леонид Мартынов

Вошли из Мангазейского моря* в реку Таз и скоро среди приполярной тундры за редкими деревцами, искалеченными морозами и ветрами, дующими со стороны Ледовитого океана, на высоком берегу показался город с церквями, кремлем, домами, жмущимися к его деревянным стенам...

– Ишь ты, как близко друг к другу живут! – глядя на открывшийся город, проговорил русоволосый ярославец Василий. – А тесноты всё равно нету.

– А чего шириться-то? – ответил стоящий рядом купец. – Земля мёрзлая, так огорода не заведешь. Да и скотину мало держат! А человеку самому немного места требуется... Некоторые и зимуют в кочах.

И он кивнул на тяжёлые корабли, что покачивались на речной воде под стенами города...

1

Был ли такой разговор, когда четыре с половиной столетия назад появился в заполярном граде Китеже будущий святой Василий Мангазейский?

Неведомо...

На иконах Василия Мангазейского изображают обычно «лицеем млада, мала возрастом, образа священнолепна, очи имуща светлы, взирающее прелюбезне, власы же главы его русы», но вообще о нём практически не сохранилось сведений.

Известно только, что его (это случилось еще в царствование Бориса Годунова) нанял богатый ярославский купец помогать ему в торговле в заполярной Мангазее.

От природы кроткий и смиренный, Василий пользовался среди мангазейцев, как свидетель-

ствует его Житие, добрым расположением. Сердце его было исполнено веры в Бога, а любовь к молитве заставляла проводить за богослужением в храме всё свободное от работы время.

И так сосредоточено и ясно жил он, но Всевышний, «призирая на его добродетели, захотел призвать его к вечному блаженству, к которому достичь из сей временной жизни нельзя иначе, как узким и прискорбным путем внешнего испытания».

Тогда, как отметил первый епископ Красноярский и Енисейский Никодим, «хищники, воспользовавшись отсутствием Василия в церковь на утреннее пение, выкрали из лавки врученные ему товары»...

Вот и всё, что известно о мангазейской жизни приказчика Василия.

Частично можно восполнить эти небогатые сведения материалами, добытыми во время археологических раскопок «златокипящей» Мангазеи, сделанных в ходе комплексной экспедиций Института Арктики и Антарктики и Института археологии Академии наук СССР, работавшей на Мангазее в конце шестидесятых – начале семидесятых годов под руководством доктора исторических наук профессора М. И. Белова.

Жили в Мангазее, действительно, прижимаясь друг к другу.

Протяжённость города по берегу Таза не превышала трёхсот метров, а вдоль Мангазейки строения углублялись в тундру всего на двести метров. Тем не менее на этом небольшом пространстве размещалось более пятисот жилых домов, здесь находился острог, приказные избы и около двадцати лавок. Караваны кочей везли в Мангазею продовольствие и вооружение для гарнизона, товары на продажу, промысловое оборудование, людей. Из Мангазеи – пушнину. Один рубль, вложенный в экономику Мангазеи, давал прирост в тридцать два рубля, и в Мангазее во время навигации собиралось больше двух тысяч одних только торговцев. Мангазея ежегодно выбрасывала на внутренний рынок страны до ста тысяч шкурок соболя на общую сумму пятьсот тысяч рублей. По тому времени это был заметный в общегосударственном бюджете – он равнялся с ежегодным доходом царского двора! – финансовый поток.

Поэтому-то, хотя и тесной была жизнь в Мангазее, материалы археологических раскопок свидетельствуют о весьма высоком, как это принято сейчас говорить, уровне жизни горожан.

«Анализ костных и растительных остатков позволяет сделать выводы о питании жителей города, – обобщая данные археологических раскопок, сообщает Г. П. Визгалов. – Как выяснилось, оно было весьма разнообразным для такого удалённого от земледельческих районов поселения Крайнего Севера. Мясная пища мангазейцев состояла из сви-

* Так тогда называлась Обская и Тазовская губа.

ны и говядины, недостаток последней существенно компенсировался дикой и домашней олениной и зайчатинной. Птичье мясо было на столе в достатке: водоплавающая птица – летом, куропатка – зимой. Кур в первую очередь разводили ради яиц, но, возможно, немаловажное значение имело и само наличие куриц и петуха как символов привычной и обустроенной жизни. Пока трудно сказать, насколько удовлетворялась потребность в молочных продуктах, но о том, что производилась переработка молока в сливки, сметану и масло, свидетельствуют находки мутовок. Массовые костные останки рыб в слое указывают на то, что рыба была повседневной едой в течение всего года. Существенное разнообразие привносили в питание привозные продукты. В культурном слое обнаружены зерна проса, ячменя, а также скорлупа ореха лещины, косточки сливы и вишни. По данным таможенных книг, в Мангазее завозили чернослив, муку, мёд, крупы, толокно, овёс, ячмень, рожь, горох, чеснок, винные ягоды, хмель, перец. К рациону необходимо добавить местные ягоды – морошку, бруснику, голубику и чернику. Суммируя эти данные, можно заключить, что пища жителей Мангазеи была достаточно калорийной и разнообразной для сибирского Заполярья, а также максимально приближённой к привычному для русских питанию в европейской России. Единственным продуктом, которым невозможно было обеспечить жителей, являлись овощи, обычные в рационе русского населения (репа, капуста, лук). По результатам паразитологического анализа образцов человеческих волос можно заключить, что население не страдало от насекомых-паразитов – вшей и блох, что удивительно для Севера. Это показывает высокий уровень гигиены людей, проживающих в Мангазее. Мытье в бане было частым занятием, одежда, скорее всего, регулярно просушивалась и коптилась над курной печью, а зимой промораживалась»*.

Надо отметить, что с первых лет своего основания Мангазее превратилась в базу землепроходцев, продвигающихся вглубь Сибири.

Помимо морского хода**, существовал здесь и енисейский ход.

* Визгалов Г. П. Мангазее – первый русский город в сибирском Заполярье (по материалам новых археологических исследований): автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.

** Ход – комплекс навигационного обеспечения, включавший в себя самый рациональный, укороченный маршрут, оптимальное время выхода в плавание, обеспечение береговыми знаками, морскими картами, лодиями и специальными судами. Путь из Архангельска до Мангазеи занимал примерно пять недель. С учетом этого к ямальскому волоку суда должны были подходить, чтобы избежать встречи с ледяным заслоном, не позднее второй половины августа. Кочи, задержавшиеся в пути, вынуждены были останавливаться на зимовку в Пустозёрске.

По реке Таз кочи поднимались к Енисейскому волоку. Здесь землепроходцы перебирались на реку Турухан и плыли вниз до впадения в Енисей. Там, в устье Турухана, в 1609 году был основан Туруханск, который надолго стал главным административным центром всей Енисейско-Ленской области, называвшейся тогда Туруханским краем.

Поддерживались в Мангазее и торговые связи с Тобольском. Из документов известно, что ежегодно из Тобольска и Березова в Мангазее проходило до двадцати пяти кораблей.

Но в августе Таз быстро мелел, на плёсах появлялись многочисленные косы и песчаные гряды, и движение больших судов прекращалось.

Прибывшие в Мангазее кочи обычно здесь и зимовали. Они вмерзали в лёд и использовались как жилые дома. С наступлением весны лёд вокруг судов обкалывали, и при вскрытии реки их вводили в Осетровку***.

Кроме торговли, занимались в Мангазее охотой и заготовкой рыбы, развиты были и промыслы. Как это установлено в ходе археологических раскопок, в Мангазее даже выплавляли медь.

А вот сельского хозяйства не было.

Почвы вокруг Мангазеи суглинистые, буровато-серые, мёрзлые. Ничего не росло здесь, кроме ковра редколесья и быстрорастущей травы...

2

Не раз останавливался я в Санкт-Петербургском музее Арктики и Антарктики возле диарамы, выполненной по материалам археологических раскопок художником А. П. Костенко, и, вглядываясь в башни крепостных стен, теснящиеся вокруг дома и церкви легендарной Мангазеи, пытался представить, как жил здесь первый сибирский святой, куда ходил, каким он видел этот город.

Понятно, что и кремль, и башни появились позднее, но уже в бытность Василия приказчиком обозначилась схожесть города, приплывшего в Сибирь по морям Северного Ледовитого океана прямо из Святой Руси, с застывшим на речной воде кочем.

Причем глагол «приплыл» нагружается тут не только метафорическим, но и буквальным смыслом. Отслужившие свой срок морские кочи разбили в Мангазее, и эти доски – стоящую древесину трудно было найти в лесотундре! – становились материалом городских сооружений. Из этих «кочевых» досок, проплывших по Белому, Баренцеву и Карскому морям, сколотили и гроб, в котором предстояло уплыть Василию Мангазейскому в вечную жизнь...

Что тогда произошло 4 апреля 1602 года в Мангазее, читая житийную версию событий, понять трудно.

*** Ныне Мангазейка.

Святой Василий исправно исполнял свои обязанности приказчика, и честность его ни у кого не вызывала сомнений, но, как свидетельствует Житие, во время пасхальной заутрени, когда блаженный молился в храме Святой Троицы, его хозяин обнаружил, что воры ограбили лавку.

Так ли было на самом деле, или это только почудилось хозяину, но он побежал в Троицкую церковь и потребовал, чтобы Василий немедленно занялся поисками пропажи. Однако Василий оставался в храме до конца богослужения, и это дало хозяину повод заподозрить его в соучастии в преступлении.

Когда Василий вышел из церкви, хозяин набросился на него с ругательствами.

– Истинно ни что же от имени твоего взях! – смиренно отвечал на его обвинения неповинный юноша.

Эта кротость окончательно вывела из себя купца и – пятиглавая церковь Троицы стояла вблизи от мангазейской приказной избы! – он потащил Василия к городскому воеводе Савлуку Пушкину.

Тот, видимо, уже успел хорошо разговеться, потому что, не утруждая себя раздумьями, приказал допросить Василия с пристрастием. Однако и на дыбе обвиняемый начисто отрицал свою причастность к краже.

Раздражённый его молчанием купец пришёл в совершенную ярость и ударил мученика по голове связкой амбарных ключей.

От этого удара святой Василий испустил дух.

И только тут сошла и с купца, и с воеводы хмельная замороченность.

В светлое Христово Воскресение они убили невинного человека!

Чтобы скрыть преступление, решено было склотить гроб из кочевых досок и тайком зарыть его на пустыре...

«Мертвое же тело его не было удостоено христианского погребения, но брошенное с поруганием во гроб, с бесчестием закопано было в болотное и грязное место, – пишет епископ Красноярский и Енисейский Никодим. – Горек удел смерти невинного юноши! Жалостна кончина страдальца, ни одну каплю слезы не орошенная, ни одним родным воздыханием, ни любовью знаемых не сопровождена! Кто бы мог подумать, что смерть – эта царица ужасов, этот вестник проклятий Всесильного Бога – не выкажет всего своего могущества над телом поруганной, обещанной невинности и не испепелит тела убиенного юноши»...

3

Вот так и совершилось это преступление, и четыре долгих десятилетия ничего не слышали в Мангазее о молодом приказчике, неведомо куда исчезнувшем после пасхальной заутрени.

Да и не до поисков юноши стало.

Страшные пошли из московской земли вести.

Голод и мор встали там, а потом началось народное возмущение, и из чадного огня пожарищ поднялась вдруг фигура воскресшего царевича Дмитрия. И хотя скоро доподлинно стало известно, что никакой это не царевич, а самозванец Григорий Отрепьев, но бояре после смерти Бориса Годунова возвели его на трон, и постриженный в монахи Филарет Романов принял из его рук митрополичий сан.

А потом появился другой самозванец, Тушинский вор, и он возвёл Филарета, хотя и жив ещё был святитель Гермоген, в патриархи.

А потом изменники-бояре всей своей семибоярщиной, среди которой главенствовали Романовы, переметнулись от самозванцев на сторону поляков и начали хлопотать, чтобы возвести на русский трон польского царевича Владислава.

На долгие годы затянулась на Руси Смута, пока 22 октября 1612 года народное ополчение князя Дмитрия Пожарского и гражданина Козьмы Минина не взяло приступом Китай-город и не осадило поляков в Кремле.

Через два дня засевшие в Кремле поляки сдались.

Так была освобождена Москва, так закончилась страшная Смута.

Только новым царём выбрали не спасителя Отечества Дмитрия Пожарского, а сына патриарха Филарета, шестнадцатилетнего Михаила Романова, сидевшего вместе со всей романовской роднёй в Кремле, когда народное ополчение штурмовало Москву.

Нового царя выбрали в феврале 1613 года, а уже 25 июня 1616 года была составлена грамота, утверждавшая проект запрещения морского пути в Сибирь, и в ноябре 1620 года последовало строжайшее распоряжение царя Михаила Романова: «По нашему указу поморских городов торговым и промышленным людям морем в Мангазею ходить не велено... А буде которые русские люди пойдут в Мангазею большим морем... быти казненными злыми смертьми, а дома их велим раззорити до основания».

Подобно удару в висок связкой амбарных ключей оказался этот удар для Мангазеи. Уже в 1623 году на Ямале, на Мутной и на Зелёной реках выставили заставу, и морской путь в Сибирь перестал действовать. Если ранее «проходило морем до пятидесяти кочей и более», то «теперь не стало ничего».

Из-за постоянного недостатка хлеба вскоре возник голод и начались повальные болезни, а в 1629 году, когда прибыли из Москвы новые воеводы – боярин Григорий Кокорев со своей властной и вздорной женой Марией Семёновной и худородный дворянин Андрей Палицын (племянник знаменитого

Авраамия Палицына) – совсем недавно ещё златокипящая Мангазея смогла познакомиться и со всеми прелестями настоящей Смуты.

Воеводы, припомнив прежние семейные обиды, начали ругаться ещё в дороге и в Мангазее решили-таки свести накопившиеся после московской Смуты счёты. Уступив Григорию Кокореву кремль, Андрей Палицын ушёл на посад и вскоре... осадил боярина Григория Кокорева в кремле по всем правилам военной науки.

Кокорев, однако, сдаваться не стал, принялся палить из крепостных орудий по посадку, так что там осталось всего «четыре жалких лавчонка, да и те пусты».

Эта привезённая из Москвы война продолжалась в заполярном городе одиннадцать месяцев, пока Андрей Палицын не покинул Мангазею, отступив на Енисейский волок.

Однако и теперь не кончились испытания для города.

В 1642 году разразился страшный пожар, истребивший значительную часть Мангазеи...

Последствия пожара были ужасающими.

«Нам, холопам твоим, порченных, разломанных и разрытых мест Мангазейского города и острог ставить на голом месте, съезжую избу, воеводский двор и государевы амбары делать некем, – сообщали в Сибирский приказ мангазейский воевода. – Да в Мангазее служивых людишек всего 94 человека, да из них 70 человек посылаются на государевы годовые, по ясачным зимовьям и с ясаком в двухгодовые и трехгодовые службы в Москву, 10 человек сидят в тюрьме, и остается в Мангазее для бережения государевой казны 14 человек... дети и жены наши, живучи в Мангазейском городе, терпят голод, а теперь и в долг взять не у кого, потому что город опустел»...

Вот тогда и явился в сожжённом, вымирающем городе святой Василий Мангазейский.

Как сказано в Житии, 6 (19) июля 1649 году мангазейский стрелец Степан Ширяев заметил, что на погорелом месте обнаружилась в земле верхняя часть неизвестного гроба.

«Вышел гроб из земли, – докладывал тобольскому митрополиту Корнилию священник Троицкой мангазейской церкви Димитрий, – и на том де гробу положена была для мирского ходу доска судовая, и тое де доску гробом переломило».

Существует «научное» объяснение этого чуда.

Говорят, что причиной всему стала мерзлота, которая после большого мангазейского пожара выжала гроб на поверхность. Непонятно, конечно, почему мерзлоте потребовалось для этого семь лет, но, с другой стороны, мерзлота – явление насколько загадочное, настолько и непредсказуемое...

Имеется и церковная трактовка события. Епископ Красноярский и Енисейский Никодим считал, что это «любвеобильный Отец небесный, свыше взирающий на невинного страдальца, не дал неподобному своему видеть истления. Немного минуло лет, как стала обнаруживаться чудодейственная сила на могиле почившего».

Объяснение это – «Ведомы Богу от вечности все дела Его»* – безусловно, правильно, но, как и в «мерзлотной» версии, присутствует в нем определенная неполнота...

На наш взгляд, говоря о явлении мощей святого угодника Василия Мангазейского, очень важно понять, почему они являются именно в 1649 году, а не раньше, когда и мерзлота имела время проявить свой загадочный характер, когда и «чудодейственная сила» – полвека миновало после трагического события! – тоже вполне могла обозначиться.

Однако мощи святого Василия являются именно в то страшное для всего сибирского Заполярья время, когда захирели, не имея рынка сбыта, промыслы по Енисею, Пясине и морскому побережью, а жившее здесь русское население начало вымирать или, забывая родной язык и обычаи, сливаться с местным населением.

Какими бы причудами мерзлоты ни объяснялось появление гроба, но получается, что святой Василий приплыл в своём сколоченном из кочевых досок гробу в умирающую, истребляемую голодом, болезнями и пожарами Мангазею, чтобы укрепить последних жителей перед новыми испытаниями, чтобы поведать о том, какой была далёкая, уже позабытая многими Святая Русь, чтобы, даже и забывая родной язык и обычаи, сохранили они свою православную веру**.

Эту весть, принесённую им из Святой Руси, и услышали мангазейские жители, ибо, как говорится в Житии, с того времени туземцы и сибирские жители начали называть его мучеником и почитать его мощи.

Почему жители Мангазеи не знали имени явленного угодника Божия и поэтому молили «Все сильного в Троице Славимого Бога, дабы прославил Господь Бог во оной изшедшей гробнице Святого имя». Матери просили о здоровье своих детей, путники – об избавлении от неминуемой гибели и потопа, и все получали просимое. Больные, с верой притекавшие к помощи неведомого угодника Божия, получили исцеление. Святой помогал заблудившимся и терпящим опасности путникам и охотникам; исцелял расслабления, слепоту и другие недуги; сохранял малодушных от самоубийства.

* Деяния Апостолов. 15, 18.

** Так и случилось. «Затундринские крестьяне», как вплоть до 1917 года именовалось в официальных документах пясинское население, считали себя русскими, хотя ничем не отличались от коренного населения.

25 января 1652 года мангазейский стрелец Тимофей Сечеников пришёл к воеводе Корсакову и рассказал, что уже не чаял вылечить руку, но увидел во сне угодника Божия, который открылся ему как новоявленный чудотворец Мангазейский. Тимофей дал обет пожертвовать на часовню, чтобы поставить над обрётённым гробом, если у него выздоровеет рука, и проснулся уже исцелённым.

Когда же на месте «явления» гроба была выстроена часовня, которая является едва ли не последней общественной постройкой в Мангазее, тогда и открылось святое имя новоявленного чудотворца.

Произошло это в феврале 1653 года, и открыто было вначале мангазейскому охотнику Григорию Каратаеву, а потом и другим мангазейцам...

«И внесоша в той молитвенный храм святых иконы, и священники прихождаху, и совершаху молебная пения и освящение воды, и оную гробницу кропляху, и приходящий народи с верою, недуги одержими, молящися новоявленному чудотворцу, и свечи при гробнице поставляху, и молебная пения совершаху, и молящимся с верою различным недугом исцеления бываху, и о сем славяще Бога и сего новоявленного чудотворца отхождаху в дома своя радуящися».

4

В январе того же, 1653 года в Москве был собран последний Земский собор, а в марте началась затеянная царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном церковная реформа, приведшая не только к расколу Русской православной церкви, но и к расколу истории Святой Руси с историей новой России, которую собирались построить Романовы.

Получается, что Василий Мангазейский как раз накануне этих поворотных в истории нашего Отечества событий и явился.

Когда в том же 1653 году мангазейский воевода Степан Корсаков послал тобольскому архиепископу Симеону списки чудес новоявленного мангазейского чудотворца, а архиепископ Симеон препроводил эти списки в Москву, царь Алексей Михайлович оставил отписку архиерея без всяких последствий.

Увы... В Москве взгляд на церковное прославление новоявленных русских чудотворцев уже стал, как осторожно отметил новейший исследователь, «иным, чем в XVI веке, при святителе Макарии»*.

В XVII веке участники Большого московского собора, организованного царем Алексеем Михайловичем и митрополитом Газским Паисием Лигаридом, такой осторожности не проявляли.

«А собор, иже бысть при благочестивом великом государе, царе и великом князе Иоанне Васильевиче, от Макария, митрополита Московского, и что

писаша... еже писано неразумно, простотою и невежеством... – прямо объявили они тогда. – И мы, папа и патриарх Александрийский и судия вселенский, и патриарх Антиохийский и всего востока, и патриарх Московский и всея России, и весь освященный собор, тую неправедную и безрассудную клятву Макариеву разрешаем и разрушаем...»

Больше трёх столетий потребовалось, чтобы решением Поместного Собора Русской православной церкви от 2 июня 1971 года были отменены клятвы, наложенные «на старые русские обряды и на придерживающихся их православноверующих христиан» и постановлено «считать эти клятвы, яко не бывшие»...

И все эти три столетия шла борьба не только с раскольниками, но и с русскими святыми, которые не подчинились решениям и клятвам «бродячих» патриархов.

Известно, например, что патриархом Иоакимом, столько сделавшим, чтобы русским царём стал Пётр I, была деканонизирована святая благоверная княгиня Анна Кашинская, нетленные пальцы которой оказались сложены в староверское двоеперстие.

Анну Кашинскую мы вспоминаем не только потому, что её святые мощи были обретыены в один год со святыми мощами Василия Мангазейского, но и потому, что, как и Василий Мангазейский, она тоже явилась из Святой Руси, с которой и рвала сейчас, кажется, навсегда, новая, романовская Россия.

Увы... Жертвами карательных правительственных мер после Большого московского собора стали не только вожди раскола, не только враг их, патриарх Никон, который тогда же был сведён с патриаршества... Пострадала вся Русская православная церковь и весь великорусский народ, значительная часть которого примкнула к раскольникам, незаживающие раны были нанесены самому русскому православному самосознанию.

Разумеется, в умирающем по воле государя заполярном Китеже не только не понимали, но и не пытались понять, что происходит в Москве. Сколько было подано прошений с просьбой отменить или хотя бы смягчить решение о запрещении Мангазейского морского хода, но слёзные мольбы остались неуслышанными.

Другое дело, Божий угодник Василий Мангазейский. Тут не пропадало никакое от чистого сердца произнесённое моление.

Поэтому, вопреки молчанию Москвы, продолжала расти почитания святого угодника, и в августе 1659 года по благословению архиепископа в Мангазее приехал диакон Богоявленного храма в Тобольске Иван Семёнов.

В присутствии мангазейского воеводы С. В. Ларионова и двух местных священников Димитрия и

* Пивоваров Б. Святой праведный Василий Мангазейский // Журнал Московской Патриархии. 1977. № 11.

Луки Григорьева «после литургии, над гробницей молебствовали с водоосвящением и гробницу досматривали; и та де гробница вышла наверх земли и гробница де вся цела, только немного зачернела, А в гробнице мощи: глава и рука и ноги и все человеческое подобие по обычаю».

5

В 1670 году строитель Троицкого Туруханского монастыря иеромонах Тихон после бывшего ему видения попытался тайно увезти мощи из обезлюдевшей Мангазеи на Енисей.

Явившись в часовню ночью, он хотел «сволочки» гроб, но святой воспротивился этому. Гроб, как рассказывал сам Тихон, поднялся в воздух и «недался» ему. Поняв, что он делает что-то неправильно, Тихон 10 (23) мая торжественно перенёс часть мощей святого Василия в Троицкую соборную церковь, откуда с пасхальной заутрени и был взят Василий на мученическую пытку.

После молебна, совершённого в мангазейской Троицкой соборной церкви, иеромонах Тихон отправился с мощами в Туруханский монастырь Святой Троицы.

Был тогда иеромонах Тихон уже пожилым человеком, но обратный путь оказался лёгким и радостным. Среди глубоких снегов порою видел Тихон зеленющую траву, незримая божественная сила кормила и согревала его в пути...

Все эти необычные истории точно подтверждаются материалами раскопок, произведённых в Мангазее экспедициями Института Арктики и Антарктики и Института археологии Академии наук СССР.

«Поиски часовни происходили так, – пишет руководитель экспедиции доктор исторических наук М. И. Белов. – Прежде всего следовало определить место пустыря. По окончании зачистки береговых срубов на посадке четко обозначился их западный предел. От него на расстоянии 50–60 метров находилась восточная крепостная стена и Спасская проезжая башня, от которой шла вымостка на посад. Именно эту вымостку и «преломил» выжатый на поверхность гроб Василия Мангазейского. К югу от вымостки обратил на себя внимание сильно задернованный сруб, контуры которого едва проступали сквозь разветвленную систему корней пяти-шестиметровых берез. Березы стояли на восьмиметровом береговом обрыве, некоторые из них уже находились в оборвавшейся полосе оползня. После порубки древесного покрова раскопки продолжались недолго – один-два дня. На глубине полметра в суглинистой почве лежали сильно разрушившиеся венцы сруба. Культовое назначение постройки не вызывало сомнений: два переруба и ни одного опорного столба, что характерно для гражданских

деревянных сооружений Мангазеи. Не были ли это развалины часовни или церкви? На этот вопрос не ответило и содержание культурного слоя – светло-голубые бусины, керамическая лампадка. Зафиксировав на рабочем плане культовую постройку, мы почти прекратили работу, когда при проходке разделительного врубленного бревна встретились остатки человеческого захоронения. Собственно, это не было обычное захоронение, а скорее захоронение культовое: черные свободные от мышц кости, обернутые в тонкую черную малицу. Гроб состоял из верхних кочевых досок с пазами, а нижняя часть – из мелких кругляшей. Бросилось в глаза отсутствие черепа и таза – сохранились лишь кости конечностей. Было ясно, что мы обнаружили не церковь, а часовню. Неясным оставалось, почему скелет сохранился не полностью. Здесь могут быть разные объяснения. Одно из них – хищение мощей: впопыхах поп Тихон увез череп и таз на Енисей, оставив остальные кости в Мангазее, на месте захоронения. Возможно, по уговору церковники поделили его на две части – одну оставили в Мангазее, другую отдали в Туруханский Троицкий монастырь, где она находилась до начала XX столетия».

Судя по материалам археологических раскопок, часть святых мощей Василия Мангазейского так и осталась в покинутой людьми Мангазее...

Отчасти это подтверждается и тем, что многие десятилетия спустя видели в часовне Василия Мангазейского звериные шкуры, принесённые сюда благодарными охотниками-промысловиками.

Фотография самой часовни была опубликована в 1915 году в отчётах омского краеведа И. Н. Шухова, который посетил эти места в 1914 году.

Видели эту часовню тамошние жители и в тридцатые годы прошлого века. По воспоминаниям стариков-селькупов, часовня, хотя от неё остались только три стены, иконы и колокол, ещё возвышалась над ржавой болотной топью, утыканной низкорослыми карликовыми берёзками. И даже ещё перед Великой Отечественной войной иногда слышали в тундре звон её колокола...

Словно это скликал Василий Мангазейский сограждан Святой Руси из заполярной тундры*.

6

Туруханск иногда называли Новой Мангазеей.

Некоторые исследователи полагают, что это было связано с замещением Туруханском экономи-

* Существует свидетельство священника села Сабинского Минусинского уезда Симеона Богоявленского, который ещё до принятия сана в тонком сне увидел некоего юношу, призвавшего его на церковное служение в Сибирь. В 1897 году в Туруханском крае отец Симеон увидел у жителей икону святого Василия Мангазейского и с изумлением узнал в святом юношу, призвавшего его на церковное служение.

ческих функций заполярного Китежа, но, конечно, и присутствие мощей святого Василия Мангазейского тоже повлияло на обретение Туруханском нового имени.

Туруханск, как и Мангазея, становился городом святого Василия Мангазейского...

Появились даже иконы, на которых изображается Троицкий Туруханский монастырь, а над ним на горе молящий Василий. И всегда его изображали в одной рубашке и без обуви.

Вообще-то в своей земной мангазейской жизни приказчик Василий никогда босиком не ходил, да и одежда его вполне соответствовала заполярному климату. Так что рубище и босота появились уже после. И не случайно произошло это уже в Туруханске.

Уже в первые годы XVIII столетия здесь начались настоящие гонения на святые мощи Василия Мангазейского.

Как писал епископ Никодим, «в 1702 году Высокопреосвященный Митрополит Тобольский Филофей Лещинский в бытность в городе Туруханске освидетельствовал мощи чтимого Василия Мангазейского и, припечатав своею печатью, повелел сокрыть оные внутрь земли в монастырской ограде».

Правда, по отбытии из монастыря Высокопреосвященный Филофей, «быв обуреваем волнами» и не чая уже спастись, дал обещание построить новую раку мученику Василию, и тогда «невидимую силою был спасен от потопления».

В результате вместо того чтобы закопать мощи Василия Мангазейского в землю, их поместили в деревянной церкви Святой Троицы, и по распоряжению спасённого от потопления митрополита учинено было «открывать честную главу для лобзания приходящих».

Летом 1719 года митрополит Филофей снова побывал в Туруханске.

Троицкий монастырь к тому времени «распространился, и братия умножися, и сибирския страны и русских градов христоролюбивые людие по обещанию о избавлении всяких недугов и скорбей, молебного пения и благодарения, во святую церковь к раке чудотворных его мощей приходяху».

Святитель с пением и чтением псалмов перенёс мощи блаженного Василия из обветшавшей церкви во Имя Пресвятой Троицы в новую просторную церковь в честь Благовещения Пресвятой Богородицы, где против раки с мощами святого Василия был поставлен его образ, написанный иконописцем Лукой, тоже спасённым святым Василием во время бури в 1679 году.

День перенесения мощей в новую церковь стал праздничным для Туруханской обители.

Однако после вторичного удаления святителя Филофея на покой, по указанию его преемника ми-

трополита Антония (Стаховского) мощи святого Василия всё-таки скрыли под спудом.

Их зарыли в земле внутри монастырской ограды, а над ними устроили часовню. Однако в 1788 году земля с обрыва, где была устроена часовня, стала осыпаться, гроб святого вновь выплыл из земли, и его снова поместили в Благовещенской церкви.

«Однако, – как справедливо отмечает Борис Пивоваров, – для широкого распространения почитания святого Василия во второй половине XVIII столетия не было возможностей. В русских аристократических кругах всё более усиливались рационалистические тенденции, а церковное руководство имело мало свободы действий. Мог ли Святейший Синод положительно решить вопрос о прославлении блаженного Василия, если в 1767 году обер-прокурор Синода Мелиссино в своих «Пунктах» к проекту нового Уложения предлагал законодательным путём «ослабить почитание святых мощей и икон» в Русской Церкви? В отношении праведного Василия Мангазейского многократно имело место свидетельствование его мощей, многократно составлялись и отсылались в столицу списки чудес и благодатных явлений святого. И не известно случая, чтобы Патриархия, а затем Святейший Синод предприняли какие-либо шаги к уяснению вопроса о его церковном почитании»*.

175

Своего апогея попытки ограничить почитание мангазейского чудотворца достигли в начале XIX века, когда запрещено было петь молебны святому Василию, а гроб его велено было снова засыпать землёй из-за опасения, чтобы правительство не разорило самого монастыря!

Но вот уж воистину, что сила русского благочестия не позволила затмить память первого сибирского чудотворца. В конце 1802 года Туруханск поразила страшная эпидемия горячки. Причину Божьего гнева туруханцы увидели в том, что мощи святого Василия были заново сокрыты, службы в его честь прекращены, а иконы мученика вынесены из храма.

Народное волнение приобрело такой размах, что потребовалось вмешательство томского губернатора. Весть о событиях в Сибири докатилась и до столицы, до Святейшего Синода, и там разрешили «оставить почитание в прежнем виде».

7

Новые испытания пришли после Октябрьского переворота.

Хотя и удалён был от революционных центров Туруханск, но и его не обошли своим вниманием большевики. Монастырь здесь скоро закрыли, а

* Пивоваров Б. Указ. соч.

святые мощи Василия Мангазейского исчезли неведомо куда.

Ходил слух, будто мощи привязали к хвосту лошади и, погоня её, разметали их по сибирским бездорожьям.

Другие утверждали, что видели мощи в милицейском управлении.

Третьи повторяли предание, будто ещё до разорения монастыря святой Василий явился во сне одному благочестивому эвенку и повелел ему взять из монастырского храма свои святыне мощи и сокрыть их в тайге.

Предание это пересекается со свидетельством святителя Луки (Войно-Ясенецкого), находившегося тогда в ссылке сначала в Туруханске, а потом в заполярном Плахино. Святитель утверждал, что видел возле храма раку с мощами, стоявшую на санках эвенка.

В принципе, все эти свидетельства опровергаются фактом обретения в 1997 году – в небе над Енисеем, как утверждают очевидцы, возникло тогда три радуги с необычайно ярким сиянием, облачное

до этого небо очень быстро очистилось, и на востоке появилось удивительное, невиданное до сих пор зарево! – мощей Василия Мангазейского в самом монастыре, однако, как нам представляется, отмахиваться от приведённых нами свидетельств не следует.

Не следует забывать и того, что мощи первого сибирского чудотворца были «обретены» в ходе раскопок, произведённых в Мангазее экспедициями Института Арктики и Антарктики и Института археологии Академии наук СССР, доктором исторических наук М. И. Беловым. Произошло это в конце шестидесятых годов, когда непрерывные сатанинские действия советской власти уже привели к тому, что атеистическая глухота просто перестала замечаться людьми, но факт тогдашнего «обретения» мощей остается фактом, и нам ещё предстоит осмыслить его...

Фактом остается и то, что гражданин златокипящей Мангазеи, святой чудотворец Василий и сейчас продолжает участвовать в жизни православных людей, молитвенно обращающихся к нему.

Дмитрий ЛАРЬКОВИЧ
г. Кингисепп Ленинградской обл.

НАЧАЛО

*(История, происшедшая у памятника
Пушкину на площади Пушкина в Кемерово)*

Усердно Пушкину молюсь:
Пошли мне, гений, вдохновенье,
Я сочиню стихотворенье,
Как ты, восславлю нашу Русь!

Но отвечают мужики
Шипеньем льющегося пива,
Расположившись сиротливо
В тени от пушкинской руки.

Уже распахнута душа,
Ещё не весь напиток выпит...
И Пушкин смотрит на Египет,
И не пошлёт мне ни шиша!

АРМЕЙСКИЙ ВАЛЬС

И даже здесь, на каменном плацу,
Снежинки нежно хлещут по лицу.
И даже здесь обильные сугробы
Лежат вокруг задумчивые, чтобы

Среди шинелей и сапог
И звона ружей и лопат
Я о тебе подумать мог,
Чтобы вот в этот снегопад,

Пока всеобщий звон и гам не стих,
В движенье потных тел, и между делом
Вдохнуть, морозом обжигаясь, стих
И улыбнуться ртом обледенелым.

ВАГОН № 11, ИЛИ НОСТАЛЬГИЯ ПО ЛЕНИНГРАДУ

В круговерти снегов
И смешенье времён,
И пути одиноком
Не забудет вагон
Наших скомканых слов
У заснеженных окон.

И колёс перестук,
И сердец перегляд,
И не остановиться.
И созвездья летят
На касание рук,
Озаряют нам лица.

Больно светится тишь.
Городские огни
И лесные просёлки.
Вот теперь мы одни –
И ты вечно стоишь
В белоснежной футболке.

И пускай я сойду
На облезший вокзал
И в блестящие шубы,
Я запомнил глаза,
Чтобы в Летнем саду
Отыскать твои губы.

Чтобы в свисте снегов
И смешенье времен,
И пути одиноком
Мы нашли тот вагон
И летели без слов
У заснеженных окон.

* * *

Залепило дороги, глаза,
Поцелуй и дымные трубы...
Кто – не ясно, но что-то сказал,
Подставляя под снег свои губы.

На исходе чистейшего дня
Я разведал продрогшую тайну:
Ты смотрела сквозь снег на меня,
На ресницах снег медленно таял.

Только вот до сих пор не смекну –
Кто назвал эту белую снежность –
В первозданном летящем плену,
Кто сказал: «Позабытая нежность»?

Ольга САМГАНОВА
г. Новосибирск

АЗАМАТ

У нового дворника – смуглая кожа.
И говор, на русский совсем не похожий,
И тусклый, всегда настороженный взгляд,
И тюркское имечко...
Он – Азамат.

Не балуют ныне в России любовью
Все тех, кто одарен восточною кровью,
Во след им порою насмешки и мат...
Зачем ты приехал сюда, Азамат?

Я вижу, тебя не пугает работа,
Ты долбишь ледышки до липкого пота,
Но выучить русский язык слабоват...
Зачем ты приехал сюда, Азамат?

Пускай я не вижу в тебе иноверца,
Но зреет вопрос – он от чистого сердца –
Наплыв вашей расы похож на захват...
Зачем ты приехал сюда, Азамат?

Я брата увидеть в тебе не готова,
Я знаю, как плачут российские вдовы
По тем, кто на кладбищах ваших лежат...
Зачем ты приехал сюда, Азамат?

От бойни в республиках деток спасали.
Мужей потеряли, дома побросали...
Я верю – не ты в той резне виноват...
Зачем ты приехал сюда, Азамат?

Не спорю, по воле каких-то уродов
Исгажена чистая дружба народов...
Союз раем не был...
Но ныне – тут ад...
Зачем ты приехал сюда, Азамат?!

Правители наши вас манят гражданством,
Себе голоса покупая авансом,
Им нужен неграмотный электорат...
Зачем ты приехал сюда, Азамат?

«Россия – для русских!» – паршивая тема.
Веками проверена старая схема:
Кто нас разделяет, тот властвовать рад...
Зачем ты приехал сюда, Азамат?

...Ты долбишь свой лёд по утрам неустанно,
В мобильную трубку клопочешь гортанно,
Наверно, мечтаешь вернуться назад?
А я – только за...
Поезжай, Азамат...

Наталья ПАЛАТКИНА
г. Новокузнецк

ВЗРЫВ НА ШАХТЕ

После взрыва на шахте горняк потерял речь.
Из рассказа очевидца

Взрыв громыхнул, напомнив о войне.
Вулканом шахта изрыгнула пламя.
С гримасой ужаса мой друг бежал ко мне
И полыхал, как огненное знамя.

Остановилось время. Как сквозь ад
Я слышал стон его, сбивая с тела пламя...
Упав, он бредил. Нёс отборный мат
в утробе штрека: «...погребная яма»!

И я рыдал над телом как дитя,
Оно кричало, корчась: «Лиза, мама!!!» –
На миг в сознание придя:
«Не дамся, сука, погребная яма!»

Потом затих. Вдруг щёлочка огня –
Надежда на спасенье оживала:
«Живые есть? Ползите на меня», –
И радостью сознание взрывало.

Всё кончилось... Но только для меня...
Нет сил промолвить – горловая рана.
Я в жизни не забуду свет огня!
Как души пожирала...

ПОГРЕБНАЯ ЯМА!

Елена ЕВСЮКОВА
г. Новокузнецк

ДИСЦИПЛИНА (детские стихи)

Дисциплина, дисциплина... До чего же слово
длинно,
Как указка у учителя, как в весенний день урок.
До чего ж ты слово вредное – в дневники
малюешь неуды,
Ну а тех, кто слишком весел – так и вовсе
за порог!

Дисциплина, дисциплина, жизнь с тобой
проходит мимо:
Тут не то что порезвиться, головы
не повернуть.
А с соседней парты Вадька, улыбаясь
хитро-сладко,
Прикрывая рот тетрадкой, лохом дразнит
весь урок.

Эх, сказать бы ему тоже, ну а лучше б дать
по роже
И из трубочки – горохом, я отличнейший
стрелок.
Но, придавлен дисциплиной, я сижу с гранит-
ной миной:
Губы сжаты, руки стопкой – весь я заперт на
замок!

А передо мной картина: три богатыря
 былинных
 Зорко вдаль глядят, мол: «Кто там нарушает
 дисциплину?!»
 Я бы бегал, я бы прыгал, танк слепил из
 пластилина...
 Но сжуж, бровей не сдвину, потому что
 ДИСЦИПЛИНА!

ЗА ПЛАТЬЕМ

Никто не знает, как мне тяжело,
 Тут каждому покажется некстати,
 Но я наперекор, или назло,
 Отправлюсь в магазин за новым платьем.

В примерочной ловлю надежды свет,
 Я всматриваюсь в зеркало дотошно –
 Вдруг новый облик даст входной билет
 Для счастья. Вдруг оно возможно.

Пускай осудят, мол, на тряпки тратит...
 Но кажется для женщины порой,
 Что платье – это ведь не просто платье,
 Что это мир другой, другая роль.

И если вдруг тоска, как вал, накатит,
 Душевной болью, разрывая грудь,
 Я, волю сжав в кулак, бегу за платьем:
 Пусть не купить, примерить что-нибудь!

Алексей ТААХ

СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ СОБОР

Россия ходит без креста,
 И дух её не жив.
 Забыли люди про Христа,
 Теперь Он – словно миф.

Нет Бога... рая, ада нет,
 Все на Земле живут,
 Но почему-то веры свет
 Проник в сердца и тут:

Корабль веры неземной
 Над городом плывёт.
 Плывёт над суетой мирской,
 Но... за бортом народ.

Как Божье судно создан был
 Преображенский храм,
 И в буре бранных, тёмных сил
 Он помогает нам.

Был сброшен купол золотой,
 Разрушен храм, разбит...
 Но ныне из руин, живой
 Воздвигнут монолит.

Господь нас снова посетил,
 Проник в сердца людей.
 И город наш благословил
 Звонницами церквей.

ОЗЕРО СМЕРТИ

Уставший путник, сбившийся с дороги...
 Я брел сквозь дебри, пронизал туман.
 В глазах устали прятаться тревоги,
 И разум непослушен, словно пьян...

Дыханье леса перестало таять...
 Я вышел к озеру, блестящему, как ртуть.
 И пал без сил, напрочь пытаясь память:
 Сюда ли я держал свой долгий путь?

Вокруг покой... Смертельный, безмятежный...
 Нет шума листьев... их здесь просто нет.
 И лишь туман. Густой и белоснежный
 На ветви чёрные бросает тусклый свет...

Ни сорняка, куда вы взгляд не бросьте:
 Здесь почва пропиталась не водой...
 Вокруг на берегах валялись кости
 Зверей, не отыскавших водопой.

Отрёкшись от надежды на спасенье,
 Я к озеру прийти был только рад.
 Взглянул: на мёртвой глади отраженье...
 И я увидел чудный, светлый сад:

Сочнейшие плоды с ветвей свисают,
 Животные резвятся у воды!
 Там птицы в небе яркие летают,
 А на земле – прекрасные цветы!..

Я поднял взгляд – и громко рассмеялся:
 Вокруг меня те чудные сады!
 А мёртвый лес поспешно растворялся
 На хрупкой глади ласковой воды...

Владимир МОЖАЙСКИЙ
 г. Новокузнецк

РОДИНА МОЯ

В доме с крышей тёмной, мшистой
 Проживали мама, я.
 Двор под клёном запашистым –
 Это Родина моя.

Школа, улица и речка,
Сердцу близкие края,
Город-сад под небом млечным –
Это Родина моя.
Песни вьюги, снегопады,
Запах летнего дождя,
Осень – время листопада –
Это Родина моя.
Терриконы, словно горы,
Лес-кормилец и поля,
Заводских цехов просторы –
Это Родина моя.
Мой Кузбасс, моя отчизна,
Неоглядные края,
Гордость строек коммунизма –
Это Родина моя.

НАХОДКА

Памяти Александра Шерегешева

Горные пики.
Повислые тучи,
Молнии били из них.
Грозы гремели
На каменных кручах,
Непроходимых, глухих.
Щели, овраги,
Курумы нагорья
С пеплом от огненных стрел.
Склоны Мустага
Здесь плавилась в зорях.
Это его был удел.
А в перелеске
Таился охотник,
Видал всю пляску огня.
Он здесь по лесу
Выискивал борти,
Где множилась пчелосемья.
Ждал Шерегешев
И думал о грозах:
Что их так тянет сюда?
Чёрные плечи
Раскинулись розно.
Может, лежит здесь руда?
Взял эти камни,
Закинул в лукошко,
Сразу почувствовал вес.
К ним со словами:
«Лежите с морошкой.
Хватит мне нынче чудес».
...Шорские копи,
рудник Шерегешев,
К славе построили мост.
Эти отроги
С рудой ценнейшей
Дали богатству природ.

Помним. Охотник,
Старатель и бортник,
Шорец, любитель простой,
С детства таёжник
Сделал свой подвиг.
Стал он в Кузбассе героем.

Светлана ГУРЬЯНОВА
г. Мыски

ПОКА ГОРИТ СВЕЧА...

Пока горит свеча, молиться не устану,
Её огонь живой мою врачует рану.
Пока горит свеча, живут душа и тело,
И не молчит любовь, где сердце раньше пело.

Пока горит свеча, и слёзы восковые
На пальцы мне текут и кажутся – живые.
Пока горит свеча, сомненья исчезают,
И свет родной душе, мне веры прибавляет.

Пока горит свеча, трепещет у иконы,
Всё замерло вокруг, умолкли телефоны.
Пока горит свеча – внутри меня светлее,
И мой уставший дух становится сильнее.

150

ПРОТИВОРЕЧИЕ

Прошу я, уезжай, прошу тебя, останься,
оставь меня одну, нет, лучше обними,
Ты выше поднимись или ко мне спускайся,
Иди вперёд, нет, стой, обратно поверни.

Хочу, чтоб ты ушёл, хочу, чтоб ты был рядом,
Хочу свободной стать во власти у тебя,
Хочу для нас огонь разжечь под водопадом,
Мне б равнодушной стать, при этом жить любя.

Я слышу голос твой, но с тишиной сливаюсь,
Теряю веру в чудо, надеясь на него,
Бесстрашием полна, за счастье опасаясь,
Живу давно тобой, но рядом – никого.

Тереза ЩЕРБИНИНА
г. Кемерово

НА РОДИНЕ ВАСИЛИЯ ШУКШИНА

Берега у Катуня не броски:
Деревенька, задумчивый лес.
Твердь земная – шукшинские Сростки –
Под покровом алтайских небес.

Дождь слепой свои стёжки-дорожки
Сонно сеет сквозь сито ветвей.
Серебрятся на солнце серёжки.
Воздух чистый – прозрачной, живеи.

Величавой природы наброски:
Заповедная роща и лес.
Так священны шукшинские Сростки,
Что душа достаёт до небес.

О ВОЛГА-ВОЛГА...

О Волга-Волга, матушка родная,
Красивая и вольная река.
Я без тебя, как сирота земная:
Ты так близка, и так ты далека.

Волшебная, напевная, святая,
Могучая бурлацкая река...
И сквозь года волна твоя крутая
Зовёт меня к степенным берегам.

Влекаемая безудержной стихией,
Как на крылатом сказочном челне,
Лечу к тебе я через всю Россию
На музыкальной солнечной волне.

* * *

Тех, кто любил меня робко, таинственно,
Память хранит за сердечной чертой.
Тех, кто любил увлечённо и искренно,
Вдруг воскрешает прощальной мечтой.

Гордый и верный, во всём независимый,
Жизнь прошагал в ногу рядом со мной.
Друг самый лучший, в обиде немислимой,
Шлёт свой привет мне с планеты иной.

Николай БАШЕВ
пос. Колмогорова

СКУПОЙ ОСЁЛ

Один Осёл работал на износ,
Всё в дом тащил и прятал в кладовой.
Ни разу в жизни не едал овёс,
Питался лишь соломою ржаной.
И всё мечтал, что скоро заживёт,
Ещё лишь малость самую подкопит.
Тогда уж пыль с ушей своих стряхнёт
И в сытости нужду утопит.
Однажды подрядился на извоз,
Но груз тяжёл, а он давно не кушал.
Натужился, чтоб с места сдвинуть воз,
Упал и Богу отдал душу.

Ослица же недолго горевала,
Солому надоело ей жевать.
Всё принесённое Ослом достала,
С Козлом знакомым стала пировать!
И захмелев, тряхнув широкой грудью,
Вприсядку гопака плясать пошла.
Козел же молотил ногою в бубен,
Обшитый шкурой мёртвого Осла.

БАРАН НА БОЛОТНОЙ

Один Баран поднял в овчарне крик:
«Послушайте меня, молчать я не привык,
Когда перед едой мы голос подавали,
Неправильно нам сено раздавали.
Поскольку громче всех могу кричать,
Я должен первым сено получать.
И возмущаюсь во дворе не только я,
Меня поддерживают козы и свинья.
Других не счесть, которые восстали,
Неправильно корма им раздавали.
Я слышал, что Осёл задумал что-то,
Сзывает всех на поле у болота,
С американским дружит хитрым Сэмом,
Осла подкармливают Сэм зелёным сеном,
В хозяйстве, думают они, вот-вот,
На днях произойдёт переворот.
Тогда любой из нас получит зелени
И прочего всего числом немерено,
А хищным, у кого растут клыки,
Осёл и Сэм всем обещали шашлыки».

Прослушав это всё, овечье стадо
К болоту ринулось, сломав в хлеву ограду,
А там на поле собралось немало
Вокруг навозной кучи радикалов.
Весь день они блеяли и мычали,
Цветы топтали и кусты ломали,
Но наконец-то наступила ночь,
Покушать радикалы все не прочь.
Костры зажгли, запахло шашлыком,
Болото затянулось всё дымком.
А утром, ещё солнышко не встало,
Овечье стадо насовсем пропало...
Искали долго, дружно, неустанно,
Нашли рога от нашего Барана.
Ведь дядя Сэм болтать зря не привык:
Пустил Барана и овец всех на шашлык.

.....
Не грех быть в оппозиции, друзья,
Где множество с болот родных зверья,
Не стоит с дядей Сэмом нам вязаться,
Иначе можно с головой расстаться.

ПРЕДЧУВСТВИЕ ПРАЗДНИКА

О книге Виктора Арнаутова «Песнь моя
колыбельная... Кемерово, 2014.

Вот и перевёрнута последняя страница довольно внушительной по объёму книги – в ней 292 страницы. Перевёрнута с сожалением, что так быстро закончилась, но и с надеждой на скорую встречу с новыми рассказами. Поймала себя на мысли, что буду теперь жить ожиданием, предчувствием праздника, который, как мне кажется, ещё не раз подарит читателям талантливый рассказчик.

Книга эта – дань увлечению всей жизни – рыбалке. А попутно (скорее, и прежде всего), – признание в любви к своей малой родине – селу Пудино и его окрестностям, землякам, которые жили в этих местах, друзьям детства и юности и, конечно, родителям – Евдокии Аввакумовне и Степану Фёдоровичу, а также сёстрам Татьяна и Раисе, брату Владимиру, бабушкам Анастасии Ивановне и Праксодии Павловне, дяде Александру Аввакумовичу и многим-многим другим, оставившим свой след в жизни и в памяти.

В книгу собраны рассказы, написанные в разные годы. Каждый имеет посвящение конкретному человеку. Главное – это истории, непосредственно связанные с рыбалкой, приготовлениями к ней, самим процессом и результатом, а житейские истории идут в тесной связи с происходящими событиями, вовсе не кажутся притянутым за уши дополнением, а являются естественным и органичным продолжением рыбацкой темы. Все истории «имеют совершенно реальную основу» (как пишет в предисловии автор).

Меня, совсем не разбирающегося в рыболовецких тонкостях человека, книга увлекла с самого первого слова, да не просто увлекла, а захватила, поглотила и с трудом отпускала на какие-то незапланированные (и такие неуместные!) отвлечения: то надо было открыть входную дверь, то ответить на телефонный (так некстати!) звонок. Сразу поймала себя на мысли, что автор – умелый и опытный психолог. Только у меня возник по ходу чтения какой-то вопрос, как он уже делает подсказку или даёт разъяснение. Если я спотыкалась на каком-то непонятном мне (специфическом рыбацком или характерном для этих мест) слове, как писатель сразу же облегчал мне задачу: давал толкование термина, да так понятно, что мне уже казалось, что я и сама теперь – бывалый рыбак (вернее, рыбацка).

Много раз возникало чувство, что у Арнаутова в речи много своих, ни у кого не заимствованных, слов и словечек. «Пацанва»; «заголопятили»; «удилишко»; «сбрасывали с ног самошитые саложонки»; «заякорились» и так далее. Язык – неповторимый, сочный, яркий, выразительный.

Вместе с автором улыбалась и печалилась (как, например, в посвящении отцу – «Горе с бедою в одиночку не ходят»); вспоминала и своё школьное детство и работу на пришкольном участке; смаковала мягкие и ласковые имена Таньча, Райча, Валерча; читала про Нольдика Останинского и Готю Калиновского, а на память приходили шук-

шинские чудики, вспоминалась Фира-дурочка (уже из маминной жизни): до старости внешне оставалась молодой, а по разуму была дитя малое, бесконечно доброе и беззлобное существо...

Удивилась и обрадовалась (до чего же похоже мыслить!) рассуждениям писателя о дружбе и друзьях. Он говорит: «...для категории или даже высокого звания Друг нет никаких кандидатских стажей, не существует и никаких членских билетов, свидетельств или дипломов. Друг – это само собой данное. Он постоянно с тобой, пусть и за тысячи вёрст от тебя...».

Вот ТАКИМ другом мне и представляется автор рассказов. Начнёте читать эти рассказы и поразитесь, как много хороших, добрых слов сказано Виктором Арнаутовым в адрес родных и знакомых, друзей и приятелей.

С особой любовью и нежностью пишет он о своей малой родине. Мне кажется, и я полюбила и увидела арнаутовскими глазами его Пудино и Краснояр, Калиновку и речку Чузик. Вот только Суховское озеро из моего детства ни в какое сравнение не идёт с Дудинскими озёрами из детства Арнаутова, огромными и глубокими. А слепней, комаров и прочей кровососущей нечисти и в моём детстве было сполна, хотя это и не самое приятное воспоминание.

Суть книги очень ясно и понятно изложил прозаик в финале своего рассказа 1997 года под названием «В ожидании праздника»:

«Ну вот, собирался написать только о рыбалке как о празднике души и тела на рыбалке, а, перечитав, увидел, что собственно рыбалка занимает едва ли не треть написанного. А всё остальное – подходы, подступы к ней. И получились они, как мне показалось, более живыми и яркими. Не потому ли, что всякое ожидание праздника всегда томительней и сладостней самого торжества. И не потому ли, что сама рыбалка, как праздник, имеет и свои сценарии, и режиссуру, и набор обязательных действий... а ожидание её – непредсказуемо, воображаемо?»

Я давно уже пытаюсь определить для себя: а что же самое главное в рыбалке?

– Улов, количество, вес, величина пойманной рыбы? Может быть, восхищение тобою как добытчиком? Зависть братьев по страсти? – Нет.

– Может быть, клёв, его интенсивность? – Тоже нет! Иногда две-три поклёвочки за всю рыбалку доставляют гораздо больше удовольствия, чем непрерывная механическая работа по выдёргиванию рыбы из воды.

– Ага, процесс вываживания рыбы и чувство победителя над сильным соперником?! Тугие, мощные рыбки крупной рыбы на тонкой звенящей леске?! – Тепло, тепло...

– Сама поклёвка?! Такая разная, такая желанная! – Ближко, горячо.

– Так что же остаётся?

– Ожидание поклёвки. Игра воображения и непреходящая надежда на то, что рыбалка состоится! **Предчувствие, ожидание праздника!**»

Вот именно это предчувствие, ожидание праздника и двигало мною, когда я читала рассказы Виктора Арнаутова.

Нина ИНЯКИНА

ИЗ ПРОШЛОГО В НАСТОЯЩЕЕ

(Литературно-художественный
и общественно-политический альманах
«Гостиный двор» № 48, г. Оренбург)

Для меня знакомство с этим изданием началось с раздела «В зеркале истории», где внимание привлекла статья Владимира Семёнова и Веры Семёновой «В. А. Перовский. К 220-летию со дня рождения», увлекательно повествующая о начальнике Оренбургского края, его военном губернаторе Василии Алексеевиче Перовском (1795–1857), годы правления которого историки называют «временем Перовского», «золотым веком Оренбургского края». В тот период позитивные изменения произошли во всём и коснулись всех жителей. Василий Алексеевич был незаурядным, великолепно образованным человеком, одарённым художественно и литературно, но вместе с тем обладающим «твёрдой волей, самостоятельным характером, ясным пониманием цели и путей её достижения, что, вероятно, и позволило ему стать не просто хорошим администратором, а выдающимся государственным деятелем», мечтающим «как бы лучше устроить любимый им край, чтобы он был образцовым в России».

В. А. Перовскому посвящены ещё несколько публикаций альманаха. В разделе «Культурный слой» статья Аллы Прокофьевой «В память прогулки нашей в Бёрды...» рассказывает о дружбе Василия Алексеевича с русскими писателями: В. А. Жуковским, А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем и др.; а также знакомит нас с его знаменитыми в области литературы родственниками: Андреем Погорельским (псевдоним родного брата Василия Алексеевича – Алексея) – автором сказки «Чёрная курица, или Подземные жители» и других произведений, А. К. Толстым и братьями Жемчужниковыми – племянниками Василия Алексеевича. В разделе «Наша гостиная» печатается продолжение романа писателя из Подмосковья Владислава Бахревского «Перовские». А обложки альманаха украшают интересные фотоколлажи В. Б. Соколова – портрет В. А. Перовского на фоне крепости и интерьер кабинета того времени.

Любопытно, что вступительной статьёй в альманахе, также отсылающей нас в прошлое, является рассуждение Ивана Аксакова на тему «Отчего так нелегко живётся в России?», датированное 1865 годом. И если бы не дата и некоторые стилистические особенности, присущие веку XIX, можно было бы утверждать, что текст написан в наше время, так злободневно и актуально он звучит. В доказательство приведу несколько цитат: «Россия преобразуется, Россия развивается; она в скором времени будет по внешности, по каталогу заведений и учреждений, более похожа на Западную Европу, чем любая страна <...>. И в самом деле, можно было бы обольщаться успехом реформ, если бы не обличало нас одновременно с ними наше банкротство во всех отношениях: несмотря на все усилия и пособия западной науки и опыта – богатая Русь бедна и беднеет <...>; гордящаяся умом и смыслённостью своего народа, порождает, большею частью в лице своих высших общественных представителей порази-

тельную неспособность, нравственную дряблость и духовную непроизводительность (как же нам не хватает таких людей, как Василий Алексеевич Перовский! – Прим. Е. Е.); полная преданий и задатков самостоятельного политического развития, она жмётся, как в тисках, в формах ей чуждых, прививает и развивает у себя чужие произрастания, запуская свою собственную духовную ниву <...> Половина общества так воспользовалась предоставленной ему от правительства свободой, что живёт за границей и воспитывает там своих детей; наши будущие русские деятели готовятся не только вдали от России, но в атмосфере ей чуждой и враждебной, под воздействием иных просветительских начал, с детства усваивают себе точку зрения, с которой менее всего понятна Россия. Те же, которые воспитываются дома, в России, в общественных заведениях, относятся отрицательно ко всему, что дорого и свято русскому народу: кроме чиновников и нигилистов, ничего не создаёт наше общественное воспитание. <...> Открылась возможность слыть и самому воображать себя русским, не будучи русским или будучи им лишь только по имени и по крови; воображать себя патриотом, не расходуясь на это никаким новым трудом мысли и продолжая воспитывать детей своих в Дрездене или Женеве; толковать о государственном единстве и цельности России, посягая на духовную цельность русской народности, на русскую общину и мир и, наконец, признавать себя расквитавшимся со всеми своими обязанностями как русского гражданина, пристроив себя под аристократическое знамя какой-нибудь иноземной политической партии. <...> Прощай, читатель, и да спасёт тебя русская правда от всякой иноземной лжи, которою долго ещё не перестанут наши аристократы и демократы, доктринёры-чиновники и нигилисты и всё это старое общество мутить поверхность нашего могучего, величавого, глубокого народного моря».

С укрепим чувством любви к родине, желанием всячески способствовать возрождению духовности и нравственности нашей страны, я перевернула страницу и попала в год 2015-й – Год литературы в Российской Федерации. В ознаменование этого события в Оренбурге прошёл Второй региональный культурный форум, среди участников которого были представители власти, видные деятели искусства и науки, поэты и писатели из Москвы, Красноярска, Перми, Уфы, Симферополя, а также учителя, библиотекари, музейные работники из районов области. Репортаж Александра Москвина с этого мероприятия, проиллюстрированный вклейками с цветными фотографиями, опубликован в разделе «Время действовать». Лично я по-хорошему позавидовала и порадовалась за писателей и читателей Оренбургской области в связи со следующими итогами форума: запуском книжной серии «Поэты Оренбуржья» в столичном издательстве «У Никитских ворот» и решением областных властей финансировать детский журнал «Гостиный дворик».

Основную же часть небольшого по формату, но объёмного (368 страниц) альманаха составляют стихи и художественная проза.

В разделе «Наша гостиная» опубликованы маститые российские и зарубежные литераторы: поэты Марина Саввиных (Красноярск), Нина Ягодинцева (Челябинск), Светлана Сырнева (Киров), Виктор Кирюшин (Москва); прозаики Сергей Трахимёнок (Минск), Владислав Бахревский (Подмосковье) и Вячеслав Лютый (Воронеж) с критической статьёй, посвящённой творчеству Виктора Кирюшина.

Раздел «Проза и поэзия» представляет заслуженных оренбургских авторов: Виталия Молчанова, Александра Филатова, Тамару Шабаренину, Владимира Петрова, Александра Трубенка (стихи), Павла Рыкова, Антонину Мелешко (рассказы).

Под крылом раздела «Свиток» собралась талантливая пишущая братия – члены одноимённого сообщества молодых писателей при областном Доме литераторов: Анастасия Кольцова, Наталья Борисова, Ирина Гаврилова, Александр Москвин, Полина Пороль.

Раздел «Оренбургская диаспора» объединил авторов, рождённых в Оренбургской области, но живущих за её пределами: молодую одарённую поэтессу Анастасию Устинову, студентку Самарского государственного института культуры, и ныне проживающего в Таджикистане доктора исторических наук Виктора Дубовицкого с рассказом «Семь уровней правды», посвященным легендарному венгерскому востоковеду Арминию Вамбери, проникшему в 1862–1863 годах в Среднюю Азию под видом дервиша.

Отмечает «Гостинный двор» и «Юбилеи» своих земляков. Здесь опубликован рассказ «Ушлые» Петра Краснова – признанного в России и за рубежом писателя, чьи книги переведены на несколько европейских языков, лауреата многих литературных премий, награждённого дипломом ЮНЕСКО за выдающийся вклад в мировую культуру. А следом за рассказом – фотографии из архива юбиляра и статья Алексея Татарина о романе П. Краснова «Заполье».

Филолог и постоянный автор альманаха Татьяна Дегтярёва в статье «У него всё по-честному...» рассказывает о творчестве ещё одного юбиляра – известного оренбургского прозаика Александра Филиппова, пишущего на остросоциальные темы. А его новую книгу «День козла», вышедшую в издательско-полиграфическом комплексе «Южный Урал», представляет Наталья Кожевникова.

Но, пожалуй, самое большое впечатление произвёл на меня трогательный и добрый очерк об удивительном человеке Никифоре Фёдоровиче Рахманове «В доме окнами на Иртыш» (раздел «Наше наследие»), принадлежащий

перу Евгения Курдакова (1940–2002), выпускника Высших литературных курсов при Литинституте им. А. М. Горького, автора десяти книг стихов и прозы, лауреата многочисленных литературных премий. Автор вспоминает, как познакомился в 1989 году с самобытным поэтом из народа, на которого, по его собственным словам, «стих напал» в уже пожитом возрасте. Евгений Курдаков пишет: «...это как раз тот редчайший случай, когда, наконец, можно с абсолютной уверенностью сказать, что вот он, природный талант, мало того, совершенно не затронутый литературными и прочими влияниями, навязанными темами и идеями, кругом общения и всем остальным, что передо мной образец поэзии, порождённой как бы самим внутренним духом её». Прочитав приведённые в очерке стихи Никифора Рахманова, я тоже увлеклась незаурядностью, простотой и незамутнённой чистотой его поэзии. А узнав о жизни и характере этого человека, прониклась к нему симпатией и уважением. Появилось желание более полно познакомиться с творчеством Никифора Рахманова.

Завершается такое насыщенное и в информационном, и в культурном, и в литературном плане издание публицистическим материалом о том, «как помиловали Спасскую церковь» Владимира Баклыкова, редактора журнала «Православный духовный вестник Саракташского благочиния». В статье «Уповали на милость божью» (раздел «Духовный щит») автор рассказывает о поистине историческом событии, состоявшемся 17 декабря 2014 года в селе Спасском Саракташского района и венчающем весь Год культуры в Оренбургской области, – торжественном открытии после восстановления храма Христа Спасителя – объекта культурного наследия федерального значения «Спасская церковь». Приводятся архивные сведения о строительстве храма, его деятельности до 1917 года, о постепенном разрушении и осквернении после октябрьской революции и, наконец, о возрождении и восстановлении этой православной святыни в наши дни. Статья проиллюстрирована вклейками с цветными фотографиями.

Подводя итог, хочу сказать, что знакомство с оренбургским альманахом «Гостинный двор» обогатило меня новыми знаниями в области истории, доставило удовольствие от прочтения стихов и прозы, зарядило позитивной энергией патриотизма и веры. Можно утверждать, что теперь Оренбургский край, с его богатым прошлым и настоящим, с его талантливыми жителями, стал мне хорошим добрым знакомым.

Елена ЕЛИСТРАТОВА
г. Кемерово

ЛИТЕРАТУРНАЯ ХРОНИКА

10 сентября в Доме литераторов Кузбасса открылся новый сезон работы литературной студии «Притомье» (по четвергам). Участники студии поделились своими литературными похождениями за время каникул. Поэт Ю. Дубатов подробнейшим образом рассказал о своём посещении малой родины Есенина – с. Константиново. Руководит студией поэт Д. Мурзин.

12 сентября в «литературном кафе» областной библиотеки им. В. Д. Фёдорова прошло представление литературного альманаха «Образ» (№ 3 за 2015 г.) из Ленинска-Кузнецкого. Встречу вели Д. Филиппенко и С. Уланова.

13 сентября участникам велопохода на Писаных скалах, посвящённого 70-летию Победы, читали стихи поэты Б. Бурмистров, Е. Елистратова, А. Мухарев.

20 сентября в кемеровской библиотеке «Книгоград» Ленинского района состоялись торжества, посвящённые 120-летию юбилею самого народного поэта России С. Есенина. В событии приняли участие читатели и поэты областной литературной студии «Притомье» – Ю. Дубатов, Е. Елистратова, В. Киселёв и Л. Дворовенко, прочитавшие не только стихи автора «Радуницы», но и своего сочинения. Юрий Дубатов поделился воспоминаниями о своих поездках, когда он в разные годы посещал могилу поэта и село Константиново Рязанской области. Е. Елистратова рассказала о том, какую роль сыграл Сергей Есенин в жизни её бабушки, когда она сражалась с немецко-фашистскими захватчиками во время Великой Отечественной войны. В. Киселёв прочитал свои лирические стихотворения, Л. Дворовенко переключил внимание собравшихся на юмористические стихи. Поэты подарили библиотеке свои книги.

22 сентября 2015 года в рамках проходящего Года литературы состоялась встреча школьников Борисовской средней школы (Крапивинский район) с бывшим учеником (1961–1971 гг.), членом СП России, поэтом и прозаиком Владимиром Шумиловым. По окончании встречи автор подарил свои произведения школьному музею.

24 сентября в ДК Кировского района прошёл творческий вечер поэта Б. Бурмистрова. Кировский Дворец культуры не случайное место. Борис Васильевич около 40 лет прожил в Кировском районе, основательно знает его мифологию и быт. Образно говоря, поэт вернулся к своим истокам, дал творческий отчёт перед своей малой родиной.

С 24 по 26 сентября в г. Бугуруслане прошёл семинар молодых авторов «Мы родились в России». В рамках мероприятия состоялась выступление руководителей и участников семинара в г. Бугуруслане и с. Аксаково. Кузбасс представляли два молодых поэта из Ленинска-Куз-

нецкого Д. Филиппенко и О. Шамакович, руководил делегацией поэт Д. Мурзин.

25 сентября 2015 года в Новокузнецке состоялось открытие первого книжного магазина и литературного салона издательства «Союз писателей».

Главный редактор журнала «Огни Кузбасса» поэт С. Донбай поздравил И. Малкову, А. Русских и А. Логутенко. Издатель, поэт А. Правда, прозаики В. Коняев и О. Логачева. Авторы, собравшиеся в зале, порадовали гостей эстафетой настоящей поэзии. Стихи читали А. Раевский, А. Пятак, В. Бокин, бард Н. Нагорнов. Звучали стихи С. Донбая на китайском языке в исполнении переводчика. Мероприятие проводила И. Малкова – главный редактор издательства.

25 сентября в г. Новоалтайск кемеровский поэт Дмитрий Мурзин стал первым лауреатом Всесибирской премии имени Леонида Мерзликина.

25 сентября 2015 года в Киселёвске на базе Центральной библиотеки, где создан мини-музей поэта Валерия Фёдоровича Зубарева, прошли первые Зубаревские чтения, в которых приняли участия его друзья, поэты, члены СП России В. Феданов, А. Ибрагимов и В. Шумилов.

26 сентября гостями Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова стали участники областной литературной студии «Притомье», собирающейся каждый четверг в шесть вечера в Доме литераторов. Гости кафе услышали стихи А. Буркова, Ю. Дубатова, Ю. Сычовой, К. Стафиевского, Л. Дворовенко, И. Тюниной, Е. Елистратовой, А. Пятака и литературные пародии О. Яковлевой. Вечер вёл А. Мухарев.

3 октября 1895 года в Рязанском селе Константиново родился один из самых известных русских поэтов начала XX века Сергей Есенин. А ровно сто двадцать лет спустя в Ленинске-Кузнецком 3 октября 2015 года в Каминном зале ЦБС им. Н. К. Крупской состоялся 5-й поэтический конкурс, посвящённый дню рождения поэта. В этом году в конкурсе приняло участие 14 поэтов из Ленинска-Кузнецкого и Польшаево. Лучшими по результатам зрительского голосования стали Ирина Нидирова, Василий Гуляев и Владислав Попов, завоевавшие первое, второе и третье место соответственно.

6 октября в Сквере искусств на Литературной аллее прошла акция «Живи, лес!». В акции приняли участие кемеровские поэты, члены Союза писателей России – Андрей Правда, Александр Катков и Дмитрий Мурзин, а также журналист Александр Мухарев. На Литературной аллее посажено десять саженцев липы.

9 октября в Ленинске-Кузнецком погода благоприятствовала встрече молодых поэтов Кузбасса из соседних регионов Сибири с мастерами поэтического слова, членами Союза писателей России. Перед началом семинара

с напутственной речью выступил директор Дома литераторов Кузбасса Борис Бурмистров. Он сказал, что главная цель семинара – открытие новых имён, что молодых поэтов на семинаре ждёт школа поэтического слова, похвала и конструктивная критика, профессиональный анализ их стихов, и что такие мероприятия – на вес золота. Двадцать семь поэтов-семинаристов распределили на 3 секции. Секции представляли поэты-руководители: Ю. П. Перминов (Омск), Т. Н. Николаева (Новокузнецк) и А. Г. Ибрагимов из Кемерово (председатель секции № 1); Ю. В. Сливина и кемеровчане А. И. Катков, И. М. Тюнина и Б. В. Бурмистров (председатель секции № 2); Ю. А. Татаренко (Новосибирск), Д. А. Филиппенко (Ленинск-Кузнецкий) и Д. В. Мурзин из Кемерово (председатель секции № 3). Почти шесть часов плодотворной работы пролетели незаметно, и вот они – итоги семинара, где были названы имена наиболее талантливых произведений: Ольга Хапилова из пгт Темиртау, Игорь Старченко, Александр Доберман и Ая Рейн из Ленинска-Кузнецкого, Ольга Солодовникова из Прокопьевска, Вадим Майданов из Новокузнецка, Виктор Шагиахметов из Кемерово. По итогам семинара лучшие семинаристы будут опубликованы в журнале «Огни Кузбасса», в альманахе «Образ». Ольга Солодовникова удостоена книги, которая выйдет в приложении к альманаху «Образ».

12 октября начался литературный круиз «Осень в Кузбассе». Центральную библиотеку Берёзовского посетил поэтический десант в составе А. Иленко, В. Шумилова, Д. Мурзина. Руководила десантом сотрудник библиотеки им. В. Д. Фёдорова В. И. Лаврушкина. В начале встречи Вера Ивановна рассказала о проекте «Литературная карта Кузбасса», затем гости Берёзовского читали свои стихи, ответили на вопросы зрителей и провели мастер-класс для начинающих поэтов.

13 октября в Центральной городской библиотеке Прокопьевска состоялась очередная творческая встреча читателей с известными кемеровскими поэтами, членами Союза писателей России Александром Ибрагимовым – земляком прокопчан, Владимиром Шумиловым, а также с молодой талантливой поэтессой Агатой Рыжовой. Руководила десантом Вера Ниловна Козленко, заместитель директора Кемеровской областной научной библиотеки им. В. Д. Фёдорова.

15 октября учащиеся 9–11-х классов Новостроевской школы Кемеровского района побывали на встрече с поэтами Борисом Бурмистровым, Александром Ибрагимовым и Дмитрием Мурзиным в Доме литераторов Кузбасса.

16 октября поэтов встречала Юрга. Центральную городскую библиотеку посетили: Борис Бурмистров, Александр Катков, Владимир Шумилов. Руководила десантом Галина Алексеевна Княжева, главный библиотекарь отдела «Центр культурных программ».

17 октября 2015 года в Каминном зале ЦБС им. Н. К. Крупской прошло представление № 4 альманаха «ОБРАЗ». Этот номер можно назвать эхом Всероссийского фестиваля поэзии им. А. Бельмасова.

17–19 октября в Братске прошли литературные чтения памяти поэта Василия Костромина. 17 октября в Центральной библиотеке Братска состоялась акция «Поэты в городе», проект Иркутского регионального представительства Союза российских писателей. Читали: Светлана Михеева (Иркутск), Артём Морс (Иркутск), Дмитрий Мурзин (Кемерово), Игорь Дронов (Иркутск). Бурятскую поэзию на русском языке представили Аркадий Перенов и Елена Жамболова (Улан-Удэ). В библиотеке имени Сербского прошёл мастер-класс для членов литобъединений «У Сербского» и «Откровение». 18 октября в Центральной библиотеке Братска прошёл мастер-класс для членов литобъединения «Литературное братство». Вели семинар Д. Мурзин и С. Михеева. Состоялись презентации журналов «Байкал» (А. Перенов), «Зелёная лампа» (И. Дронов) и «Огни Кузбасса» (Д. Мурзин). День завершился чтением стихов В. Костромина и посвящений поэту. 19 октября акция «Поэты в городе» прошла в Братском государственном университете.

20 октября школе № 1 Юрги в общественный фонд имени Е. В. Дубро, провел вечер, посвящённый дню рождения писательницы. Во встрече приняли участие учащиеся 9–11-х классов. Выступали журналист В. Чурилов и активные участники Фонда Дубро. Вечер вела М. Туралина.

21 октября к 55-летию Централизованной библиотеки Всероссийского общества незрячих и слабовидящих (Кемерово) состоялось представление второго номера звукового альманаха «Голоса поэтов Кузбасса» (первый был выпущен в 2002 году). В представлении участвовали поэты Борис Бурмистров, Александр Катков, Дмитрий Мурзин и Елена Елистратова. Помимо этих авторов на компакт-диск общим звучанием почти в четыре часа вошли голоса Сергея Донбая, Владимира Шумилова, Александра Ибрагимова, Ирины Тюниной, Ирины Фроловой, Татьяны Кравченко, Алексея Петрова и Нины Глушковой.

23 октября в Доме литераторов Кузбасса прошло представление 3-го номера альманаха «Кольчугинская осень». Номер представили главный редактор Д. Филиппенко и члены редколлегии С. Уланова, О. Шамакович. Свои произведения прочли К. Волк, В. Попов, В. Шастов, А. Абушаев, В. Киселёв, А. Рыжова, О. Яковлева. На представлении председатель Кемеровской писательской организации Борис Бурмистров вручил писательский билет новоиспечённому члену Союза писателей России поэту Светлане Улановой.

27–29 октября в Томске прошёл III Международный (и XXI со дня основания) фестиваль-конкурс детского и молодёжного литературного творчества «Устами детей го-

ворит мир». Руководителями семинаров были М. Яснов, Г. Прашкевич, П. Черкашин, А. Шалин, С. Филатов, М. Андреев, В. Кольхалов, В. Макшеев, Т. Мейко, А. Олеар. Кузбасс представляли поэты Анна Назаренко и Дмитрий Мурзин. Дипломами награждены кузбассовцы Ю. Тупицина, Ю. Даденко, А. Акушева, К. Волк, В. Попов.

30 октября в библиотеке на ул. Тухачевского (Кемерово) член Союза писателей России В. Коняев и поэт В. Киселёв выступили перед любознательными школьниками 11-го класса.

30 октября в Доме литераторов Кузбасса прошло представление 5-го номера журнала «Огни Кузбасса». В начале встречи Б. Бурмистров вручил писательский билет новокузнецкому писателю Виктору Коняеву. О своих публикациях рассказали авторы номера: В. Неунывахин, В. Коняев, В. Плющев, Е. Елистратова, Н. Кудрявцева-Кузнецова. Стихи номера читали поэты К. Стафиевский, В. Переводчиков. Авторы и читатели журнала аплодировали юным художникам школ г. Кемерово, чьи рисунки, посвященные 70-летию Победы, помещены на вклейке этого номера. Вёл вечер главный редактор С. Донбай.

ИЗДАНЫ КНИГИ:

Брюховецкий Александр. Поехать в небывалое. – Кемерово: Дом литераторов Кузбасса, 2015. – 284 с.

Бурмистров Борис, Колач Татьяна. Как жить на свете не любя: романтическая пьеса для двоих. – Кемерово: Дом литераторов Кузбасса, 2015. – 144 с. 157

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Ежемесячник «Литературный Крым» дал в сентябрьском номере подборку стихов **Дмитрия Клёстова**.

В антологию «Из забывших меня. Иосифу Бродскому. In memoriam» (сост. В. Полухина) вошло стихотворение **Дмитрия Мурзина**.

Подборка стихов **С. Донбая** «А Русь ещё не на виду» из книги «Малая толика» опубликована на сайте «Российский писатель».

Альманах «Устами детей говорит мир» напечатал молодых кузбасских авторов: **А. Баркову, А. Затеёву, Ю. Климанова, В. Шагиахметова, А. Штаба**.

Содержание за 2015 год

ПОЭЗИЯ

Аврутин Анатолий. Одна поэту, русскому, дорога... III–80
Адодин Сергей. Художник обязан летать... VI–
Ахпашева Наталья. Серебряный бредень. V–57
Басыров Валерий. Любовь моя, Родина, море. V–76
Бровиков Виктор. Лети, печаль моя, лети! I–97
Буравлёв Евгений. Из фронтовой тетради.
Послесловие Н. Галкина. II–3
Бурмистров Борис. Ожидание. VI–
Гержидович Леонид. Кузничек рядом спит со мной. I–3
Данченко Елена. Земной пейзаж. IV–96
Донбай Сергей. Из новых стихотворений. II–102
Иванов Геннадий. Це не Европа, Фёдор, не Европа. II–78
Кальсин Виктор. Время – спичечный коробок. IV–37
Кердан Александр. Победитель. IV–25
Кирюшин Виктор. Не уходите, друзья мои, не уходите. III–3
Кравченко Татьяна. Птица счастья кружит над нами. III–88
Логинов Сергей. Бессмертию быть. III–95
Лопушной Вячеслав. На тропинке к звёздам. VI–
Молчанов Владимир. Смейётся плачущая ива. VI–
Мурзин Дмитрий. Как бы резвяся и играя. I–84
Небогатов Михаил. Стихи военных лет. Послесловие Н.
Инякиной. II–56
Николаева Татьяна. Колокол. IV–83
Озеров Сергей. Колокольчики дзинькали на лугу. V–93
Переводчиков Владимир. Колодец. V–42
Пиетилийнен Елена. Земная соль и звёздный блеск. I–74
Побокин Сергей. Любви моей опора. V–79
Раевский Александр. Древо вечности. IV–3
Рыжова Агата. И мир Твой пахнет яблоней и дымом... VI–
Скиф Владимир. В двадцатом веке было дело. II–91
Стафиевский Константин. Я так живу. V–91
Тюнина Ирина. Пока не веет зимней стужей. III–73
Цыганков Александр. Ветер носит потерянный голос. I–109
Шамсутдинов Николай. Неприхотливый завиток ракушки. V–59
Щипахина Людмила. Планета захлебнулась ложью. IV–70
Юшин Евгений. Домотканая провинция моя. V–15
Кузбасские хайдзины. **Казаков Евгений, Лаврина
Вера, Дьяконов Юрий, Нефёдов Алексей.**
Подготовила к публикации **В. Лаврина.** III–104

ПРОЗА

Анохин Михаил. Три рассказа. IV–99
Боченков Виктор. Простим вся воскресением. Рассказ. VI–
Брюховецкий Александр. Мы шахтёры, брат. Рассказ. V–3
Владимиров Александр. Я у вас уголёк копал, или Ещё
два раза про любовь. VI–
Воробьёва Елена. Метель. Рассказ. III–90
Вьюгина Светлана. Вьюнок. Рассказ. II–99
Герман Игорь. Два рассказа. V–62
Дубатов Юрий. Два рассказа. III–83
Дылевский Владимир. Мне кажется, что это тот же
самый дождь... III--76
Золотаина Галина. Былинки детства. I–87
Ильных Владимир. Горе не унижает. Рассказ. III–99
Казанцев Михаил. Уведи меня, память, в ту осень.
Рассказ. IV–72
Каюров Георгий. Краб. Рассказ. II–94
Килеса Вячеслав. Приезд незнакомки. Рассказ. V–81
Кихаева Инга. Платановая аллея. Рассказ. III–101
Копытин Юрий. Тайный вояж. Отрывок из романа. V–18
Крупин Владимир. Передаю. Рассказы. II–60
Крюков Владимир. Большая река. Рассказ. IV–78
Кулемзин Анатолий. Две Мари. Рассказ. III–98
Лавряшина Юлия. Серебряный ключ. Роман.
Журнальный вариант. I–7, III–6

Лукин Антон. Первое апреля. Рассказ. I–105
Неунывахин Владимир. Рассказы. V–44
Петров Сергей. Неудержимый. Рассказ. V–95
Попов Алексей. Два рассказа. IV–91
Рукусуев Вячеслав. Два рассказа. I–101
Савченко Александр. Океаны сливаются с вечностью.
Романтическая повесть. IV–39
Сычёва Лидия. В гостях у золотого миллиарда. Рассказ. I–91
Танкова Людмила. Матюха и генералы. Рассказ.
Слонёнок Мёд из созвездия Большой Медведицы. Сказка. VI–
Тотыш Юрий. Два рассказа. II–81
Трахимёнок Сергей. Была весна. Рассказ о любви. I–99
Тулушева Елена. Два рассказа. Предисловие **А.
Казинцева.** I–76
Хоботнев Дмитрий. Клуб неухоженных могил. Рассказ. I–94
Чернова Анастасия. За стеной. Рассказ. IV–28
Чидилян Людмила. Лида в поисках любви. Роман. VI–
Чиняев Сергей. От воды я не погибну. Рассказ. IV–86
Чурилов Виктор. 413-ю повернуть на юг... Повесть. II–10
Яковлева Людмила. Дети войны. Рассказы. IV–6

ПРАВОСЛАВНЫЕ ЧТЕНИЯ

Ерёменко Владимир. Благославленны все пути твои. I–115
Митрополит Аристарх. Слово на церемонии вручения
литературной премии в честь святителя Павла
Тобольского. I–111
Коняев Николай. Гражданин златокопящей Мангазеи.
(Чудотворец Василий Мангазейский). VI–
Кудряцева-Кузнецова Надежда. Мой Пушкин,
которого я не знала. V–158
Лаврина Вера. На берегах Северного Афона.
Валаамский дневник. IV–133
Цыганкова Полина. Другой Алтай. V–160

ПУБЛИЦИСТИКА

Естамонова Зоя. No pasaran! II–105
Каганов Владимир. В поисках земного разума. VI–
Кеворкян Константин. Взгляд со спины. V–146
Коняев Виктор. Из Сибири в Крым. По России!
(Заметки неравнодушного). III–106. Подстреленная
любовь. (Взгляд выше прицела). V–148
Николай Коняев. Путешествие в Олонхо. (Дни
русской литературы в Республике Саха (Якутия). IV–108
Немченко Гарий. Невольное продолжение «Вольного
горца». (Размышление о кавказских дорогах А. С.
Пушкина, М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого). VI–
Титков Евгений. Историю мы выбрасывать не можем.
(К вопросу о сталинском повороте к Церкви). I–120
Трухан Елена. Литература и еда. VI–
Филатов Сергей. По разные стороны Урала. Крымские
заметки на полях размышлений о жизни. V–131
Чепров Сергей. Матушка-земля. (Размышления по
прочтении очерков Анатолия Байбородина). I–132

БИБЛИОТЕЧЕСТВО

Елатов Вячеслав. Угольное племя. V–153
Крюков Владимир. Томская классика. I–137
Тарковский Михаил: «Будем углублять
фундаментальные традиции...» Интервью. Беседовал **А.
Мухарев.** IV–151

ДАЛЬНИЕ СТРАНЫ

Арнаутов Виктор. Десять дней январского лета. (Из
тайской записной книжки) I–139. Гоа – это тоже Индия!
(Путевые заметки кемеровского туриста). VI–

И БОЛЬШИМ, И ДЕТЯМ

Коврижных Виктор. Поднялось моё сердце в небесную синь. I–157

Поляков Юрий. С крыши нашего сарая... V–107

Тараненко Марина. Я становлюсь малюсенькой. I–159

ПОЭТИЧЕСКАЯ ПОЧТА

Башев Николай, Гурьянова Светлана, Евсюкова

Елена, Ларькович Дмитрий, Можайский Владимир,

Палаткина Наталья, Самганова Ольга, Таах Алексей,

Щербинина Тереза. Стихи. VI–

КРИТИКА. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Анохин Михаил. На Голгофе стыда. (О поэзии Б.

Бурмистрова). II–161. Слово о Геннадии Юрове. III–168

Елатов Вячеслав. Лирический герой нашего времени. II–162

Елистратова Елена. Из вечности с любовью. (О книгах

серии «Молодые поэты Кузбасса»). I–163. Взгляд из

Сибири. (О журнале «Балтика» № 3, 2014). V–169. Из

прошлого в настоящее. (О 48-м номере альманаха

«Гостиный двор», г. Оренбург). VI–

Инякина Нина. Предчувствие праздника. (О книге

Виктора Арнаутова «Песнь моя колыбельная... Рассказы

о рыбалке»). VI–

Ляшева Руслана. Труд всему голова. V–164

Михайлов Юрий. Семя зрелое высеют кедры... (К

80-летию Леонида Гержидовича). I–161

Налегач Наталья. И остаётся лишь музыка слов. (О

поэзии Владимира Каганова). IV–164

Орлова Нина. Чиста любовь. (О поэзии Владимира

Ерёменко). IV–166

Плющев Валерий. Властитель дум на переломе

времен. (Леонид Андреев в книге из серии ЖЗЛ). V–166

Сазыкин Анатолий. О сборнике стихотворений

Александра Раевского «Стеклянная лестница в небо». II–164

Томышева Анастасия, Чазова Елена. Отзвук о повести

В. И. Чурилова «413-ю повернуть на юг...». V–168

Фатыхов Салим. Инженерный диалог со строителями

пирамид. (О книге А. Ярошука «Великие тайны пирамиды

Хеопса: заблуждения и реальность»). IV–165

Яковлева Людмила. О новой книге стихов Анатолия

Иленко «Рассудит время». V–162

ЛИКИ ЗЕМЛЯКОВ

Плющев Валерий. «В стихах вся радость жизни...». (О

переписке В. Баянова и М. Небогатова). IV–162

Тюшина Екатерина. Михаил Борисов – личный враг

Гитлера. II–108

КНИГА ПАМЯТИ

Балибалова Диана. ...История проверяет, на что мы

способны. (Фронтовые письма и воспоминания отца).

II–111. Яркий праздник. (Как кемеровчане праздновали

День Победы в 1945 году). IV–130

Гвоздева-Проскурина Анна. Не откажусь от Родины

моей. IV–122

Елистратова Елена. Скучаю о маме и книгах... II–136

Козлов Василий. Два письма из Новокузнецка. III–147

Кузнецов Геннадий. Гнали мы фрицев. III–128

Мартыненко Евгения. Помни корни свои. III–149

Морозов Геннадий. Разрушение «Англетера». V–110

Немченко Гарий. Сталинский гламур, или «Красотки

кабаре» у мартенов 1942 года. II–127

Островая Людмила. Девочка по имени Магда. V–113

Парпара Анатолий. «Мы будем помнить поимённо...».

Три эссе о поэтах-фронтовиках. (К 75-летию Анатолия

Парпары). IV–116

Чикильдик Владимир. В бой их вёл Покрышкин. IV–126

Яценко Олег. Освобождение Донбасса. III–132

ОЧЕРК

Ляшева Руслана. Созидательный дух. (Проза

Владимира Неунывахина). IV–145

Маурин Владимир. В отряде особого назначения. II–142

СВЕТЛИЦА

Бакланова Ольга, Борисенко Елизавета,

Елизаров Елисей, Инденко Полина, Кириченко

Катя, Ермолаев Константин, Макаров Андрей,

Немов Илья, Попова Анастасия, Растегаева Ева,

Узольников Кирилл, Часовникова Анна. II–152

ЛИТЕРАТУРНАЯ СТУДИЯ

Баркова Анна, Исаев Александр, Лаптева Марина,

Надилова Ирина, Рулёва Алёна, Савина Мария,

Фогель Александр, Чазова Елена, Шагиахметов

Виктор. III–152

ИСКУССТВО

Плющев Валерий. Фотографией по времени III–163

Чертогова Марина. Большой стиль III–158

ЦИТАТА

Дневник читателя. Подготовил **С. Донбай.** III–164

ЗАПОВЕДНАЯ ШОРИЯ

Арбачакова Любовь. Случай в горах и другие истории. IV–114

ЭССЕ

Зорин Павел. В ожидании нового претендента. IV–133

Спивак Михаил. Шахматный лабиринт. IV–145

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Арнаутов Виктор. Сохраняя своё лицо. III–152

Кальсин Виктор. Плохое с хорошим. III–156

Карпова Галина. Хочется выделить. III–156

Лаврина Вера. С духовным сочувствием и интересом. III–154

Титов Арсен. Что читать тунгусу и калмыку... I–168

Фролова Ирина. «Уроки литературы – это уроки

нравственного прозрения». III–154

Ягодинцева Нина. Перевод: мосты и скрепы. I–166

Литературная хроника. Подготовил **Д. Мурзин.** I–170,

II–169, III–170, IV–169, V–170, VI–

Содержание за 2015. Подготовил **Д. Мурзин** VI–

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Журнал «Огни Кузбасса» проводит курс на расширение творческих связей с писателями, а также с журналами других регионов России:

«Наш современник» (Москва),
«Родная Ладога» (Санкт-Петербург),
«Сибирские огни» (Новосибирск),
«День и ночь» (Красноярск),
«Врата Сибири» (Тюмень),
«Алтай» (Барнаул),
«Бийский вестник» (Бийск),
«Дальний Восток» (Хабаровск),
«Сибирь» (Иркутск),
«Начало века» (Томск),
«Сихотэ-Алинь» (Владивосток),
«Литературный меридиан» (Приморский край, г. Арсеньев),
«Подъем» (Воронеж),
«Север» (Петрозаводск).

По отдельности тиражи наших журналов небольшие, но если их сложить, сумма света, который они несут, будет значительной.

Наше издание распространяется в библиотеках и учебных заведениях Кузбасса, высылается авторам журнала, в редакции вышеперечисленных журналов и литературных газет, а также подписчикам.

Редакция журнала принимает только первые экземпляры рукописей, отпечатанные на машинке через два интервала либо выполненные на компьютере через полтора интервала (12–14-й кегль), с обязательным приложением диска или флешки с набором текста в любом формате. Вместе с текстом просим присылать краткую биографическую справку, данные паспорта, ИНН и номер страхового свидетельства.

Редакция знакомится с рукописями авторов, не вступая в переписку. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с мнением редакции.

Наш электронный адрес: sp_kuzbass@mail.ru

Наш сайт: www.ognikuzbassa.ru

Журнал «Огни Кузбасса» и книги писателей Кузбасса можно приобрести в Доме литераторов, г. Кемерово, пр. Советский, 40. В Новокузнецке – в киосках фирмы «ВестиЧ» во всех районах города, подписаться на журнал можно в «Курьерской службе» фирмы «ВестиЧ» по адресу: пр-т Metallургов, 54. Справки по телефону 60-05-85.

Журнал «Огни Кузбасса» зарегистрирован Сибирским окружным межрегиональным территориальным управлением
Свидетельство о регистрации средств массовой информации № ПИ 12-2373 от 14 мая 2004 г.
Учредители: Кемеровское областное отделение «Союз писателей Кузбасса»
общероссийской организации «Союз писателей России»;
ГУК «Дом литераторов Кузбасса»

Технический редактор **В. И. Труханова**
Корректоры: **Т. А. Козяева, Е. В. Фефелова**
Компьютерная верстка **П. Б. Исакова**

Подписано к печати 30.09.2015. Дата выхода в свет 26.10.2015. Формат 60×84%. Бумага офсетная № 1. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,0 + 0,5 л. цв. вкл. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1800 экз. Заказ № 197. Цена свободная

Адрес редакции и издателя: 650000, г. Кемерово, Советский проспект, 40. Адрес общества с ограниченной ответственностью «Авторское издательство «Кузбассвуиздат» (ООО «АИ «Кузбассвуиздат»): 650043, г. Кемерово, пр. Советский, 60Б, типография: ул. Грузовая, 11. Тел. 8 (3842) 58-29-34, т/факс 36-83-77. E-mail: 58293469@mail.ru